

КУРСКИЙ КРАЙ *сквозь века*

Комитет по культуре Администрации Курской области
Курский государственный областной музей археологии

КУРСКИЙ КРАЙ *сквозь века*

А.В. Зорин
Г.Ю. Стародубцев
А.А. Чубур
А.Г. Шпилев

Курск 2014

ББК 63.3(2-4Кус)
К 93

Книга издается в информационных и научных целях в рамках плана основных и отдельных мероприятий по подготовке и проведению празднования 80–й годовщины образования Курской области (Постановление Губернатора Курской области А.Н. Михайлова от 25.12.2013 г. № 586–пг).

Курский край сквозь века. [Текст] : [книга–альбом] / А. В. Зорин, Г. Ю. Стародубцев, А. А. Чубур, А. Г. Шпилев ; Ком. по культуре Адм. Курской обл., Курский гос. обл. музей археологии. — Курск : Полстар, 2014. — 256 с. : ил., цв. ил., карты, факс., портр. — ISBN 978–5–906415–02–8

ISBN 978–5–906415–02–8





Книга–альбом посвящена различным эпохам исторического прошлого Курского края от каменного века до эпохи Позднего Средневековья. Богато иллюстрированное научно–популярное издание представляет читателю всестороннюю и полную картину истории края, основанную на новейших археологических и исторических исследованиях. Предназначена для историков, краеведов и всех интересующихся историей своего Отечества.

© Курский государственный областной музей археологии, 2014
© Коллектив авторов, 2014
© Государственный Эрмитаж, Санкт–Петербург, 2014. Предметы из фондов музея
© Дизайн издания Л.А. Фролова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 4

Палеолит *(А.А. Чубур)* 5

Мезолит. Неолит *(А.А. Чубур)* 20

На заре бронзового века *(А.Г. Шпилев)* 30

Эпоха поздней бронзы *(А.Г. Шпилев)* 39

Тайны древних курганов *(А.В. Зорин, А.Г. Шпилев)* 48

На краю «Великой Скифии» *(А.Г. Шпилев)* 53

Курские меланхлены *(А.Г. Шпилев)* 61

Сарматы — «опоясанные мечами» *(А.Г. Шпилев)* 68

Праславяне *(А.В. Зорин)* 74

Готский след *(А.В. Зорин)* 80

В эпоху Великого Переселения народов *(А.В. Зорин)* 88

Сокровища гуннской эпохи *(А.В. Зорин)* 92

«Туманные века» ранних славян *(А.В. Зорин)* 98

Антские клады *(А.В. Зорин)* 106

Северяне и Хазарский каганат *(А.Г. Шпилев)* 110

Северская земля в IX–X вв. *(А.Г. Шпилев)* 114

Северяне и Русь *(А.Г. Шпилев)* 122

Истоки Курска *(А.В. Зорин)* 130

От язычества к христианству *(А.В. Зорин)* 135

Курская юность Феодосия Печерского *(А.В. Зорин)* 140

Курское княжество *(А.Г. Шпилев)* 143

«А мои–то куряне…» *(А.Г. Шпилев)* 150

Легендарный Римов *(Г.Ю. Стародубцев, А.В. Зорин)* 157

Битва на Калке *(А.Г. Шпилев)* 164

Мёртвый город на Сейме *(А.Г. Шпилев)* 169

Батыево нашествие *(А.В. Зорин)* 175

Баскак Ахмат и русские князья *(А.В. Зорин)* 181

Курская тьма и её столица *(А.В. Зорин, А.Г. Шпилев)* 187

«Хоробра Литва» *(А.В. Зорин)* 192

Под стягом Гедиминовичей *(А.В. Зорин)* 197

Битва на Ворскле *(А.В. Зорин)* 202

Замок на холме *(Г.Ю. Стародубцев, А.В. Зорин)* 207

Таинственная Еголдаева тьма *(А.В. Зорин)* 211

Явление чудотворной иконы *(А.В. Зорин)* 214

Борьба за Северские земли *(А.В. Зорин)* 217

На рубежах Московского царства *(А.В. Зорин)* 223

Биографии исследователей *(Г.Ю. Стародубцев)*

М.В. Воеводский 6

М.Д. Гвоздовер 10

П.И. Борисковский 12

Г.П. Григорьев 17

А.И. Пузикова 57

Е.А. Горюнов 76

Э.А. Сымонович 78

Ю.А. Липкинг 103

А.В. Куза 120

Д.Я. Самоквасов 161

Б.А. Рыбаков 162

П.И. Засурцев 172

Курский государственный областной музей археологии *(А.Г. Шпилев)* 241

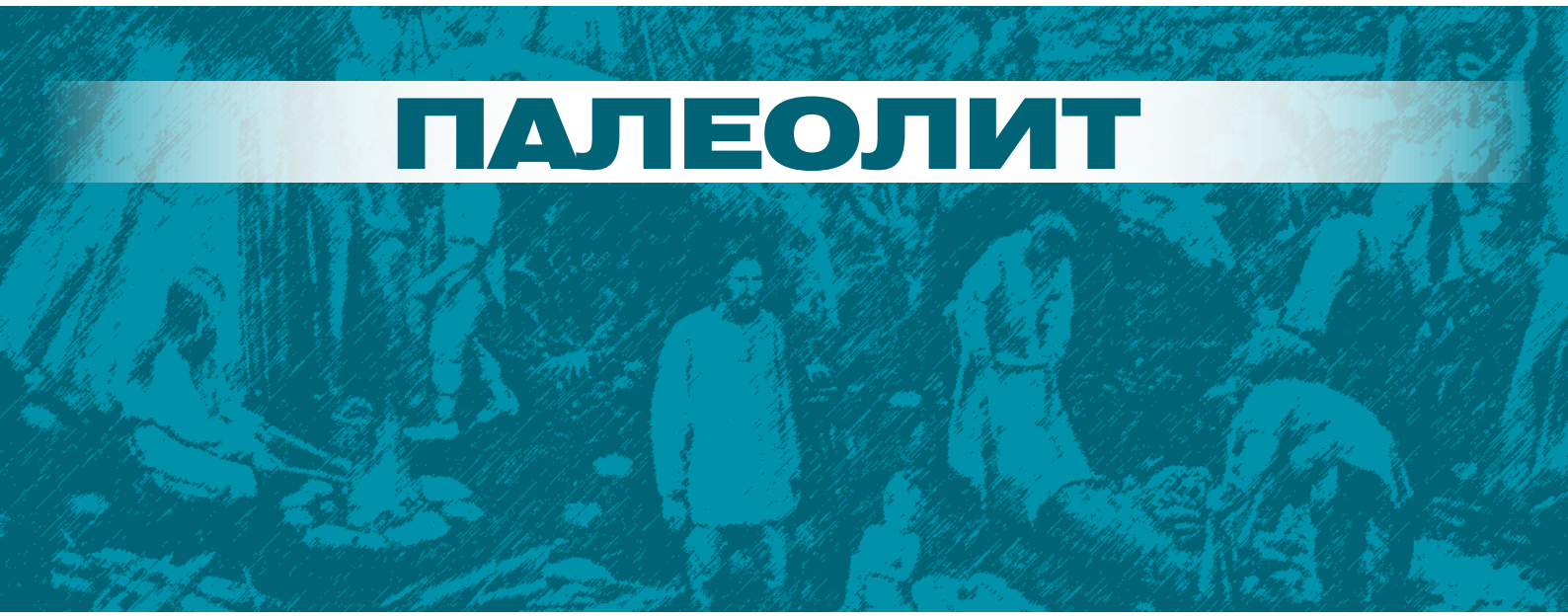
Источники и литература 245

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Курского края богата яркими событиями, равно как и сам край обильно усеян памятниками прошлого. На курских землях остались следы практически всех эпох истории человечества. Здесь и стоянки первобытных охотников эпохи палеолита, и курганы бронзового века, обнесённые валами и рвами городища на крутых мысах и неприметные селища в поймах рек, мёртвые города, названия которых не сохранились ни в одной летописи, и продолжающие жить деревни, известные по документам на протяжении почти полутысячелетия. На этих землях пересекались пути самых разных племён и народов. Одни приходили завоевателями, оставляя за собой лишь дымящиеся пожарища, другие прочно обживались, столетиями считая берега Сейма и Псла своей родиной. Но все они вносили свой вклад в историю Курского края и в целом всей нашей страны.

Предлагаемая вашему вниманию книга представляет собой серию очерков, посвящённых основным этапам и отдельным ярким эпизодам долгой истории земли, на которой располагается современная Курская область. При работе над книгой авторы старались максимально полно использовать сведения письменных источников, а также новейшие данные археологии. Ещё одной особенностью книги является то, что наряду с историческими очерками она содержит краткие биографии людей, труды которых дали нам возможность заглянуть в прошлое, — археологов, проводивших исследования на территории Курской области в конце XIX — второй половине XX вв. Именно их работы проложили путь современным учёным, продолжающим дело своих предшественников.

За разрешение использовать в книге изображения хранящихся в фондах их музеев предметов и ценные консультации авторы выражают свою благодарность коллегам: директору Государственного Эрмитажа доктору исторических наук М.Б. Пиотровскому, заместителю директора Государственного Эрмитажа кандидату искусствоведения В.Ю. Матвееву, заведующему Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа доктору исторических наук А.Ю. Алексееву, директору НИИ археологии Юго–Востока Руси Курского государственного университета доктору исторических наук В.В. Енукову, директору Курского областного краеведческого музея И.В. Лоташовой, директору «Городского краеведческого музея» г. Железногорска Т.Г. Моталыгиной, Р.С. Пилипенко (г. Рыльск), директору Курской областной научной библиотеки им. Н.Н. Асеева Г.В. Ветровой, старшему научному сотруднику сектора славяно–финской археологии Института истории материальной культуры Российской академии наук кандидату исторических наук О.А. Щегловой (г. Санкт–Петербург) и сотруднику Отдела охранных раскопок Института археологии Российской академии наук О.А. Радюшу (г. Москва).



ПАЛЕОЛИТ

Точное время появления на территории Курского края первых людей до сих пор вызывает дискуссии в научных кругах. Курский край лежит в умеренной климатической зоне, где и в оптимальные периоды сохранялись низкие зимние температуры и снежный покров в холодный сезон. Поэтому можно утверждать, что заселение этой зоны Евразии человеком стало возможным только после того, как уровень развития материальной культуры представителей рода Homo дал возможность использования огня, простейших хижин и элементарной одежды, укрывающих от непогоды и мороза.

Самые ранние предполагаемые следы палеоантропов связаны с районом слияния рек Псел и Пселец. Здесь, на южной окраине села Зорино Обоянского района, в большом карьере в отложениях третьей надпойменной цокольной террасы в темно–серой супеси с гумусом в 1960–х гг. геологами В.А. Ромашовым и Р.В. Кабановой были выявлены компактные линзы древесного угля, интерпретированные как кострища первобытного человека. Рядом имеются выходы кварцитов, которые всегда были хорошим сырьем для изготовления каменных орудий. Увы, обследование местонахождения, проведенное осенью 1987 года, показало, что карьер полностью уничтожил район находки.

Датировка отложений, в которых встречены линзы угля, связана с Одинцовским потеплением, разделявшим Днепровскую и Московскую стадии самого большого оледенения Восточной Европы — Рисского. Если местонахождение Зорино действительно связано с деятельностью неандертальцев, то абсолютное время появления первых людей в регионе — около 200 000 лет назад.

Примерно этим же временем может датироваться еще одна находка. В 1985 г. сотрудником Музея и НИИ антропологии Московского государственного университета С.Н. Алексеевым со дна пруда у с. Погребки в Суджанском районе поднята заготовка ашельского копьевидного ручного рубила, отнесенного с учетом архаичной формы к среднему или позднему ашелю. В Днепровское время Сейм был большим правым притоком Псла (в районе Глушково и Путивля древняя долина Сейма была перекрыта ледниковым выступом и воды направились по нынешним рекам Крепна и Суджа и проходной долине меж их верховьями в Псел). Место находки как раз связано с этой древней проходной долиной.

Что же касается Сейма, наиболее ранние находки изделий эпохи палеолита относятся тут пока к периоду не ранее 100 000 лет назад. Оба местонахождения расположены в Курчатовском районе. Между поселком Дичня и хутором Александровский в сопровождении костей и зубов мамонта, шерстистого носорога, гигантского оленя, мелкого подвида лошади и бизона было найдено большое скребло. Кости и орудие происходили из подошвы второй террасы Сейма.

А в районе бывшего села Стародубцево (там теперь стоит третья очередь Курской АЭС) обнаружен был листовидный остроконечник–бифас.

Неандертальские изделия, связанные с периодом нового — Калининского (оно же Первое Валдайское) — оледенения известны из с. Поповка Рыльского района (скребло и остроконечник), а в селе Гремячка на Псле археологом В.Е. Щелинским и вовсе раскопана целая камнеобрабатывающая мастерская. Среди массы осколков и отщепов кварцита тут найдены зубчато–выемчатые орудия, скребки, скребла, острия и еще один остроконечник.

Вторая важная (и до сих пор нерешенная) проблема Курского палеолита — время проникновения в Посеймье неоантропов и начало верхнего палеолита. Археолог Михаил Аникович считает, что древнейшие люди современного типа в Европе (пришедшие сюда из Африки, через Ближний Восток, Иранское нагорье и Кавказ) связаны с появлением так называемого ориньякоидного технокомплекса (массивные кремневые пластины в качестве заготовок орудий). Последние же неандертальцы и их гибриды с человеком современного типа были носителями селетодиного технокомплекса, в основе которого была более примитивная отщеповая заготовка. В Восточной Европе он представлен памятниками Стрелецкой культуры, распространенной от низовьев Дона и Днепра до Приуралья. Известно, что обе культуры связаны с периодом серии потеплений, начавшихся примерно 44 000 лет назад. Людям того периода, жившим то в таёжных лесных, то в лесостепных ландшафтах, пришлось пройти серьезный тест на выживание. Катастрофическое вулканическое извержение на Флегрейских полях в Италии, датируемое 39 600 лет назад, привело к выбросу тучи вулканического пепла в стратосферу и нескольким годам без лета, а также к пеплопаду на огромных территориях. Вулканический пепел от этого титанического взрыва встречается и в некоторых геологических разрезах на курской земле, в тысячах километрах от Апеннин. К сожалению, ни ориньякоидные, ни стрелецкие памятники на территории Курского края пока не известны — ранняя пора верхнего палеолита здесь пока что загадка для ученых. Хотя, безусловно, будущий Соловьиный край не был тогда необитаем, о чем говорит наличие стоянок этого периода в соседних регионах почти со всех сторон, а также археологически совсем невзрачное, но надежно датированное по радиоуглероду местонахождение костей животных и расщепленных кремней Малая Локня под Суджей (38 000 лет назад).

Около 25 000 лет назад климат вновь резко меняется. На смену теплому Брянскому интерстадиалу приходит Поздневалдайское похолодание, ставшее одним из самых жестоких за всю историю человечества. Начало его совпадает с новой волной миграции. Часть Центрально–Европейского населения устремилась на восток, на просторы Русской равнины, где межледниковые таежные леса уже успели смениться приледниковыми тундростепями. Создается впечатление, что обитателей бассейна Среднего Дуная манили территории с заведомо менее благоприятными условиями! Казалось бы — парадокс...

По размещению стоянок отчетливо видно, что «великое переселение» древнекаменного века



Воеводский Михаил Вацлавович
(1903–1948)

Советский археолог, палеолитовед, кандидат исторических наук, доцент МГУ, научный сотрудник Музея антропологии, старший научный сотрудник, а затем заведующий камеральной лабораторией ИИМК АН СССР, начальник Деснинской археологической экспедиции в 1936–1948 гг.

Основной областью его интересов было изучение каменного века на территории СССР, но его можно с полным основанием назвать ученым–энциклопедистом, занимавшимся и исследованием археологических памятников Средней Азии (от палеолита до мусульманского средневековья), и историей возникновения и технологии изготовления различных типов первобытной керамики, и методикой ее изучения, и раскопками усуньских могил на территории Киргизии.

В 1946–1948 гг. начал исследования Авдеевской палеолитической стоянки, получившей в результате этих и последующих раскопок всемирную известность среди палеолитоведов. Кроме того, специалисты–археологи Деснинской экспедиции проводили раскопки соседних памятников разных времён и типов: Липинский археологический комплекс (селище, курганный и грунтовый могильники); Шуклинское городище; селища скифского времени в районе д. Авдеево и с. Липино.



Овраг Козюлькин лог (Глушковский район). Здесь детально изучены отложения Днепровского оледенения и выявлена Курская ископаемая почва — след потепления между двумя его фазами. В отложениях днепровского времени на территории Курского края найдены кости крупных мамонтов и их предков — хазарских слонов, а также других представителей животного мира этого времени.

Плейстоцен. *Художник А. Маурицо (с сайта «The Waugh Family»).*

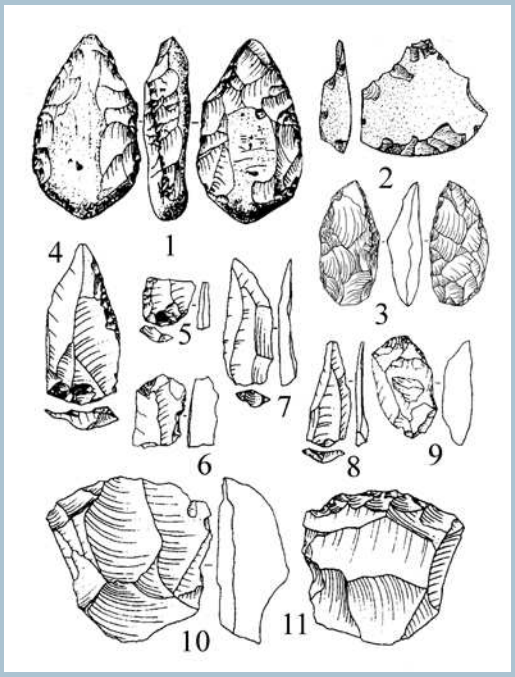


Ранний (нижний) палеолит Курского края.
1 — Зорино; 2 — Погребки; 3 — Дичня;
4 — Стародубцево; 5 — Поповка; 6 — Ветрено;
7 — Гремячка.

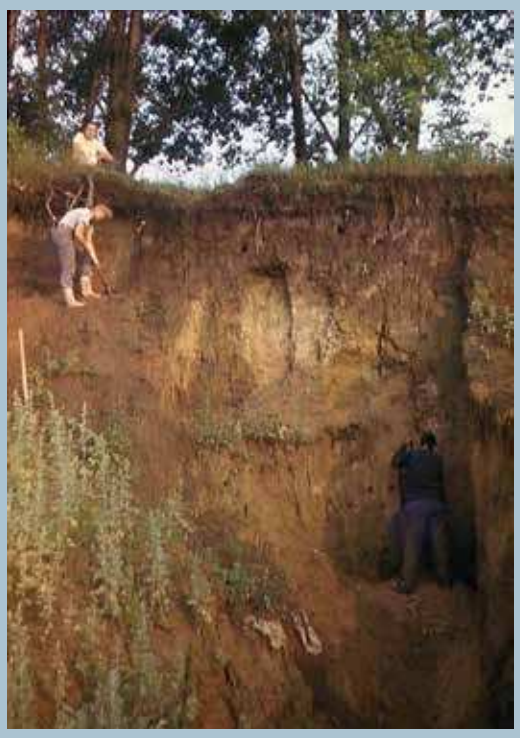
Неандерталец. *Грот Ле Шапель–о–Сен (Франция). Реконструкция М.М. Герасимова (с сайта «Единая коллекция»).*

происходит в рамках достаточно узкого коридора в 400 км шириной, зажатого в основном между 51 и 54 градусами северной широты. На юг, в зону явно более благоприятную климатически (хотя тоже весьма холодную), пришельцы идти явно не хотели. Нечто удерживало их в приледниковой зоне с небольшим количеством осадков, безморозным периодом в 4 месяца и вечной мерзлотой. Адаптация людей к подобным экстремальным условиям могла быть только вынужденной мерой, ибо нельзя отказать предкам в наличии элементарного здравого смысла.

Первопричиной парадокса могла быть ориентация всего образа жизни на мамонта как объект охоты и собирательства. Это подтверждает анализ широтного распределения находок костей мамонта и сопоставление его с распределением верхнепалеолитических памятников. Подавляющее большинство и стоянок охотников на мамонта, и случайных находок останков волосатых гигантов лежит в уже названном широтном коридоре. К югу



Каменные орудия эпохи раннего палеолита. 1 — Рубило из Погребков (Суджанский район); 2 — Скребло из Дични (Курчатовский район); 3 — Остроконечник из Стародубцево (Курчатовский район); 4–11 — Остроконечник, отщепы, нуклеус и скребло из Гремячки (Обоянский район).



Раскопки местонахождения Малая Локня под Суджей. Разведка А.А. Чубура.

плотность находок костей резко снижается, а поселения «охотников на мамонта» сменяются поселениями охотников на бизонов. К северу же недалеко оставалось до края ледника. Именно в этом «мамонтовом коридоре» целиком лежит современная Курская область. Авторами на ее территории отмечены многие сотни находок костей мамонта и его спутников — шерстистого носорога, северного оленя, бизона и других. И, конечно же, здесь, в долине Сейма, сосредоточены основные верхнепалеолитические памятники края.

Ранее, в теплый период, популяция мамонта была угнетена и переживала неблагоприятные условия в так называемых рефугиях. Одной из рефугий был район среднего течения Дуная — Моравия. Именно там и на прилегающих территориях человек научился брать у мамонта почти все, что необходимо для нормальной по меркам каменного века жизни. Мамонт давал людям жир и мясо, кости и бивни как сырье для поделок и как строительный материал для жилищ.

Мамонт давал даже топливо: его насыщенные жиром кости, просохшие на солнце в условиях сухого и холодного (по–научному — криоаридного) климата, горели жарче дерева. Жиром мамонта наполнялись и жировые светильники, сделанные из его же эпифизов. С наступлением нового глобального похолодания сохранившиеся популяции мамонтов вышли из стресса, начали наращивать численность и расширять ареал. Процесс шел столь стремительными темпами, что мамонтовые стада и идущие за ними по пятам общины охотников и собирателей буквально «выплеснулись» на Русскую равнину.

Охотники на мамонта… Только ленивый не употреблял эту фразу, рассказывая о каменном веке. Но так ли все просто с охотой, как рисуют нам школьные учебники и экспозиции иных провинциальных музеев?

Чаще всего упоминается загон целых стад мамонтов в болото или к обрыву. Такие истребления можно было бы допустить при коллективных усилиях сотен охотников. Но население стоянки не превышало 20–40 человек. Не ясно, и как удавалось мамонтов — животных, пасущихся на приречных лугах (а скушать им надо было не менее полутонны корма в день), загонять к обрыву с водораздельного плато. Наконец, возле стоянок эпохи палеолита в Курском крае подходящего обрыва поблизости, как правило, нет, а по мере удаления от поселения трудности с доставкой мяса и костей туда растут по экспоненте. Несмотря на это, допустим, что стадо мамонтов все же сброшено «под откос». Перед фантастически удачливыми, но незадачливыми охотниками встаёт иная проблема, озвученная в известном детском фильме: «Кто–нибудь пробовал съесть слона?». Как в короткий срок утилизировать хотя бы 5–10 туш мамонта, каждая весом до 4 тонн? Версия о загоне стада и даже отдельного зверя в болото или водоем столь же далека от реальности. При этом тонула или становилась недосягаемой значительная часть добычи. Более того, строение стопы мамонта позволяло ему передвигаться по топким грунтам куда успешней охотников. Наконец, многочисленные изображения мамонтов в вырытых ямах–западнях оставим на совести наивных художников,



Поздний (верхний) палеолит Курского края.
1, 2 — Авдеево Старое и Авдеево Новое; 3–9 — Быки; 1–7, 10–12 — Курск; 1, 2, 3, 13–14 — Октябрьское; 1 и 2, 15 — Рыльск; 16 — Малое Низовцево; 17–20 — местонахождения в Ветрено–Кремяном; 21 — Крепна; 22 — Русская Поречная; 23 — Суджа; 24 — Большой Дуб; 25 — Малая Локня; 26 — Злыдино; 27 — Плаксино; 28 — Сорокино.

Кроманьонец. *Стоянка Кро–Маньон (Франция). Реконструкция М.М. Герасимова (с сайта «Единая коллекция»).*

не имеющих опыта выкапывания котлованов в вечной мерзлоте с помощью костяной мотыги.

Вероятней всего, охота на мамонта была сходна с классической охотой на слона. Смертельный удар мамонту, видимо, наносил, выждав момент, сильный и опытный охотник–гарпунёр, вооруженный тяжелым копьем с длинным штыковым наконечником из рога или мамонтового бивня.

Вот как описывает охоту пигмеев Феликс Родригес де ла Фуэнте: «…вождь с удивительной осторожностью заползает под брюхо слона... Затем, схватив обеими руками копье с длинным наконечником, он изо всех сил вонзает его в грудь слона и молниеносно прыгает в сторону. В это время его товарищ вскакивает из зарослей и отвлекает раненое животное. Смертельно раненый зверь умирает в течение нескольких минут». Процедура опасная и вовсе не объясняющая того, откуда на территории некоторых стоянок оказались останки сотен волосатых слонов.

Но гиганты ледникового периода были не только объектами охоты, но ещё и объектами собирательства: многие поселения палеолитического человека основывались вблизи «мамонтовых кладбищ» — естественных скоплений остовов десятков, а то и сотен погибших мамонтов, образовывавшихся во время половодий в долинах рек, устьях оврагов и балок. Именно природные мамонтовые «кладбища» в сочетании с охотой на мамонта позволили части палеолитического населения вести относительно оседлый образ жизни, не совершая кочевки на многие сотни километров каждый сезон за стадами копытных. Вот так, не только «охотником на мамонтов», но и в не меньшей степени «собирателем мамонтов» выглядит наш палеолитический предок по представлениям современных ученых.

Ряд стоянок Центральной Европы и центра Русской равнины, включая Курский край, настолько сходны между собой по технологии обработки кости и камня, что это дает основания считать их следами одного и того же населения. Археологи называют их по наиболее удаленным друг от друга точкам находок — местечку Виллендорф в Австрии и стоянке Костенки 1 на Дону Виллендорфско–Костенковской культурой. Этот феномен получил у специалистов название восточного граветта, а период его распространения и бытования стали называть граветтийским эпизодом.

Одним из наиболее ярких проявлений восточного граветта признана Авдеевская палеолитическая стоянка в 25 км к западу от Курска, возрастом 22 500 лет. Многолетними раскопками М.В. Воеводского, А.Н. Рогачева, М.Д. Гвоздовер, Г.П. Григорьева и Е.В. Булочниковой на стоянке были открыты следы двух замкнутых жилых объектов, каждый из которых мог быть самостоятельным поселением. Жилые объекты представляли собой овальные образования 45 х 20 и 30 х 15 м с расположенными вдоль длинной оси очагами (вероятно, их покрывало узкое длинное жилище, опорами конструкции которого



Нуклеус (ядрище) из бивня мамонта со следами снятия отщепов и гравировкой. Стоянка Быки 1 (Курчатовский район). Раскопки А.А. Чубура. Курчатовский государственный краеведческий музей.

служили вбитые в землю мамонтовые кости) и находившимися по периметру ямами: большими землянками и малыми ямами–хранилищами.

Ряды очагов, заполненных килограммами костного угля, напоминают, что происхождение всем знакомого с детства слова «костёр» очень даже может уходить корнями в ледниковую эпоху. Корня же, в филологическом смысле этого слова, в нем, похоже, два: «кость» и «ёр — яр». Последний корень имеется в словах «яркий», «ярость». Все они, так или иначе, связаны с огнем, жаром. Но при чем тут кость? А при том, что обитатели восточноевропейского приледниковья в безлесную эпоху холодов и мамонтов жгли в очагах именно кости. Дровами в палеолитических стойбищах служили мамонтовые мослы, ребра, позвонки. В условиях холодного и необычайно сухого климата они высыхали, сохраняя жировую ткань. Хорошо, ярко горели. А костный уголь еще долго сохранял тепло, словно печь–каменка. На улице сорокаградусный мороз, а в покрытом шкурами приземистом доме — жара такая, что ходили голышом.

Не случайно в стиле «ню» изображали древние скульпторы «дам сердца» и духов семейного очага в статуэтках из мамонтового бивня и мягкого камня — мергеля — «палеолитических Венерах». Почти половина восточноевропейских «Венер» происходит именно с Авдеевской стоянки. А еще они найдены в Костенках и Гагарино на Дону, в Хотылево на Десне и в подмосковном старинном городке Зарайске. Одна из авдеевских статуэток — уникальное изображение женщины с проработанными чертами лица и деталями прически — древнейший портрет в Восточной Европе.

Особую известность Авдеевской стоянке принесла обработанная кость и бивень, в первую очередь — мелкая пластинка и орнаментированные изделия. Первый жилой объект дал археологам фигурки мамонта из губчатого вещества кости и из



Охота на мамонта со специальным копьем.
Реконструкция Л. Балака (с сайта «Antropark»).



Гвоздовер Марианна Давидовна
(1917–2004)

Советский, российский археолог, специалист по палеолиту, кандидат исторических наук, научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ.

В 1946–1947, 1949 гг. участвовала в раскопках Авдеевской стоянки. В 1953 г. принимала участие в работе Костёнковской экспедиции, в 1955–1956 гг. исследует грот Староселье. В течение 1957–1971 гг. вела раскопки на открытых ею верхнепалеолитических стоянках Каменная Балка 1, Каменная Балка II и Третий Мыс в Ростовской области.

С 1972 г. начальник совместной экспедиции Института антропологии МГУ и ЛОИА АН СССР, продолжающей исследования Авдеевской стоянки. Изучила и опубликовала многие произведения искусства («палеолитические Венеры» и другую мелкую пластику), кремневые и костяные орудия труда, возраст которых около 23 тысяч лет.





Планировка жилых объектов Авдеевской стоянки.

Охотничье стойбище. *Реконструкция Л. Балака (с сайта «Antropark»).*

мергеля, четыре женские статуэтки и скульптуру, изображающую роженицу. Второй объект принес новую серию произведений искусства: еще одно изображение мамонта из куска песчаника, фигурку носорога из слоновой кости и добрый десяток женских статуэток и их фрагменты и заготовки. В отличие от первого объекта многочисленны тут изделия из мергеля: шарики, подвески–калачики (стилизованный знак женского пола), да и часть женских статуэток. Есть и миниатюрные стилизованные фигурки из фаланг и метаподиев волка, в которых только наметанный глаз специалиста опознает изображения людей.

Многочисленны украшения — орнаментированные головные обручи, изображающие духов человеко–зверей булавки, подвески, лопаточки–снеговыбивалки с магическими кошачьими головками, ожерелья из прорезанных зубов хищников, подвески из драгоценного янтаря (женщины старались быть красивыми уже тогда). Имеется в коллекции и одна из древнейших костяных флейт — наши предки, похоже, были не чужды и музицированию.

Среди костяных орудий — лощила, тесла–мотыги, землекопалки, шилья, иглы. Имеются игольники из трубчатых костей птиц и песцов для хрипения мелких предметов. Для орнаментации многих костяных поделок со стоянок костенковско–авдеевской культуры характерны параллельные насечки, косой крестик, шеврон. Установлено, что таким образом наши предки часто изображали швы на одежде, подчеркивая антропоморфность (человекоподобие) некоторых предметов. Например — костяных лопаточек из ребра мамонта, вероятно служивших магическими снеговыбивалками (для отряхивания снега и инея с одежды и обуви перед входом в жилище и выбивания сохнущих на морозе шкур–постелей) и, по совместительству, не менее магическими шаманскими колотушками для ударов в бубен.

Среди тысяч каменных орудий Авдеевской стоянки наиболее яркими (как говорят археологи —



В палеолитическом жилище.
Реконструкция Л. Балака (с сайта «Antropark»).

культуроопределяющими) являются наконечники копий, стрел и дротиков с боковой выемкой (необходимой для крепления наконечника к древку) и так называемые ножи костенковского типа — особым образом приготовленные пластины с подтеской. Да, лук и стрелы уже хорошо были знакомы древним обитателям Авдеева, хотя до сих пор в школьных учебниках изобретение лука относят к времени, отстоящему на 10 тысячелетий ближе к нам. Кроме этих орудий встречена масса скребков, резцов, проколок, острий, каменных долот.

В последние десятилетия происходит смена восприятия того, что мы называем палеолитическими стоянками. Многие ученые теперь полагают, что такие долговременные поселения не бытовали непрерывно в течение ряда лет или десятилетий, после чего навсегда покидались «вечными путешественниками», но напротив — регулярно посещались людьми в течение сотен и даже тысяч лет. Получается, что возраст таких городов, как Киев, Москва и даже Рим, по сравнению со временем существования палеолитических населенных пун-



Борисковский Павел Иосифович
(1911–1991)

Советский археолог, палеолитовед, доктор исторических наук, профессор ЛГУ, заведующий сектором палеолита ЛОИА АН СССР.

Первоклассный исследователь–полевик, обнаруживший и исследовавший множество интереснейших палеолитических памятников на территории Белгородской и Воронежской областей, а также во Вьетнаме.

В 1948 г. участвовал в раскопках Авдеевской палеолитической стоянки. В 1958–1959 гг. проводил археологические разведки на территориях Курской и Белгородской областей. В 1962–1963 гг. исследовал палеолитические стоянки Курск I и Курск II на улицах Полевой и Котлякова. Благодаря этим раскопкам были изучены древнейшие поселения на территории Курска.



Женская прическа эпохи верхнего палеолита. Реконструкция Л. Балака (с сайта «Antropark»).

Женская статуэтка с лицом и прической. Авдеево Новое (Октябрьский район). Раскопки М.Д. Гвоздовер и Г.П. Григорьева. Музей и НИИ антропологии им. Дм. Анучина при МГУ (Москва). Сегодня является древнейшим скульптурным портретом в Восточной Европе (22 500 лет назад).



Женская статуэтка из бивня мамонта. Авдеево Новое (Октябрьский район). Раскопки М.Д. Гвоздовер и Г.П. Григорьева. Музей и НИИ антропологии им. Дм. Анучина при МГУ (Москва).

ктов оказывается смехотворным. Разброс достоверных датировок по радиоактивному углероду для некоторых стоянок составляет до 6 тысячелетий! Поселение в Авдеево с перерывами просуществовало, вероятно, почти до 16 000 лет назад и прекратило существование в результате подъема уровня воды, при котором на месте стоянки образовалось мелководное озеро с отложившимся на дне мергелистым суглинком. О причинах этого потопа, носившего вовсе не местный, а глобальный характер, мы поговорим немного позднее.

К времени граветтийского эпизода, судя по имеющимся углеродным датировкам, близким к 23 000 лет, относятся и нижние культурные слои стоянок Октябрьское 2 (Рыльский район) и Курск 2 (на ул. Котлякова в Курске — в урочище Цыганский бугор). Однако сказать об этих памятниках что–либо существенное мы пока не можем: они еще ждут в толще земли своих исследователей. К завершающим фазам граветтийского эпизода на территории Курского края относится верхний слой уже упомянутой несколькими строками выше стоянки Октябрьское 2, открытый и изученный в конце 1980–х — начале 1990–х гг. сотрудником МГУ С.Н. Алексеевым. Миниатюрные наконечники стрел с боковой выемкой с этой стоянки очень напоминают вооружение с Гмелинской стоянки на Дону, что в Костенках под Воронежем.

Около 21 000 лет назад наступает максимальная фаза похолодания. Территория Курской области попадает в зону активного лёссонакопления, что означает распространение сухих открытых пространств, по которым ветер нес пыльную позёмку. Именно из нее сложились огромные толщи палевых суглин-

ков на водораздельных плато. На смену традициям восточного граветта приходят новые, получившие название эпиграветт. К концу максимума похолодания (16 000 – 18 000 л.н.) в Курском крае относятся стоянки палеолитического района Быки в 7 км к западу от города Курчатова, исследованные Г.В. Григорьевой, А.А. Чубуром и Н.Б. Ахметгалеевой.

Геологически почти все стоянки в Быках практически синхронны. Это значит, что хоть они существовали и не одновременно, но между периодами накопления их культурных слоев прошел столь малый отрезок времени, что не успели образоваться мощные многометровые отложения. В прошлом вся территория нынешней первой надпойменной террасы Сейма, покрытой ныне лесом и полями, представляла собой огромную заболоченную пойму, по которой бродили стада мамонтов и копытных. На левом берегу у впадения Реута, примерно посередине между нынешним селом Быки и станцией Блохино, располагался песчаный «остров», возвышавшийся над поймой. Именно этот «остров» среди болот и заселили люди, облюбовав берега небольших озер, расположившихся в термокарстовых воронках, напоминавших современные степные блюдца. Озёра, пополняющиеся водой из тающей мерзлоты, служили не только источниками питьевой воды, но и местом добычи водоплавающих птиц. Птиц ловили не только силками, но и с помощью лука и стрел, уже хорошо известных обитателям стоянок в Быках. О наличии лука говорят серии из десятков миниатюрных треугольных наконечников, известных специалистам под названием «геометрических микролитов». Кстати, микролиты говорят еще и о том, что, по крайней мере, часть жителей Быков была пришельцами с юга — с нижнего Дона, а возможно и из Закавказья. Уже тогда зародились культурные связи центра Восточной Европы с южными регионами.

Раскопки стоянок в Быках принесли множество находок, в том числе богатую коллекцию обработанного камня и кости.

О возможных контактах с последними обитателями Авдеевской стоянки говорит находка мергелевой подвески–калачика, а также фигурка сидящего сурка из того же материала. Костяные изделия демонстрируют, насколько тонки и отточены должны были быть движения древнего мастера. Например, костяная игла по пропорциям и размеру ушка не отличается от современных металлических иголок. Жителям Быков, как и обитателям Авдеева, были известны самые разнообразные приемы обработки кости: строгание, резание, распиливание, шлифовка, сверление. Имеется в Быках и мелкая пластика, отличная стилистически от авдеевской. Это уже упомянутый сурок. Это две головки воронов (тут же невольно вспоминаются отделенные от Быков еще многими тысячелетиями доистории и истории Хугин и Мунин — вороны скандинавского бога Одина, связные между миром людей и миром богов). И, наконец, это две зооморфных поделки, вырезанные из бивня мамонта: амулет–подвеска в виде зверя (лошади или носорога) из Быков 1 и кольцо с лошадиной головой из Быков 7.

Фигурка–амулет из Быков 1 обладает таким удивительным свойством, характерным для первобытного искусства, как полиэйкония. Это фигурка–оборотень. В горизонтальном положении она изображает бегущего зверя, но стоит ее повернуть на 90 градусов (именно так, вертикально вонзенной в песчаный пол полуземлянки ее и нашел при раскопках один из авторов книги), и фигурка преображается в духа–первопредка — человека с задранной носорожьей головой. Кольцо с лошадиной головой из Быков 7 может, в свою очередь, символизировать круглый дом, увенчанный головой животного, либо небесную лошадь–Солнце (и вновь вспоминаются лежащие в далеком будущем по отношению к Быкам индоевропейские мифы и скифский бог Гойтосир).

Морозные, продолжительные зимы обитатели стоянки Быки 1 проводили в теплом жилище. Представляло оно собой землянку пятиметрового диаметра с двумя входами и очагом в центре, перекрытую шкурами, костями мамонта и дёрном. Зимний вход в виде тоннеля с перекрытием из шкур использовался в самое холодное время (температура снаружи опускалась порой ниже –50°С) и имел внутри несколько занавесок–портьер из шкур оленя, не дававших уходить понапрасну теплу очага. Когда снаружи теплело, а подтаивающая мерзлота делала выход через лаз неудобным, открывался запертый как люком тазовой костью мамонта другой вход с южной стороны жилища, в его перекрытии. Солнечные лучи, свежий воздух улучшали застоявшуюся атмосферу жилища, прогоняли сырость. Зимний вход был украшен носорожьим черепом–тотемом, а летний — бизоньим. Центр хижины венчал череп мамонта, служивший одновременно дымоходом. Похожие дома–землянки были, вероятно, и на стоянках Пены (Быки 4), а также Быки 7. Такие же костно–земляные жилища под названием «валькары» еще недавно строили на тихоокеанском побережье чукчи, коряки, алеуты и эскимосы, только вместо костей мамонта там шли в ход китовые кости.

Вскоре первобытный род покидал ставшее неуютным жилье до наступления новых холодов: ведь в течение очень короткого, но солнечного лета дневные температуры достигали +30. На лето род делился на отдельные семьи, жившие в легких сооружениях, напоминавших чукотские чумы.

Далеко не все животные, которых добывал палеолитический человек, шли в пищу. Так, отдельные виды хищников добывались исключительно



Фрагмент музыкального инструмента типа флейты. Авдеевская стоянка. Раскопки М.В. Воеводского (по М.Д. Гвоздовер, 1953).

Женщина, играющая на флейте. *Реконструкция Л. Балака (с сайта «Antropark»).*

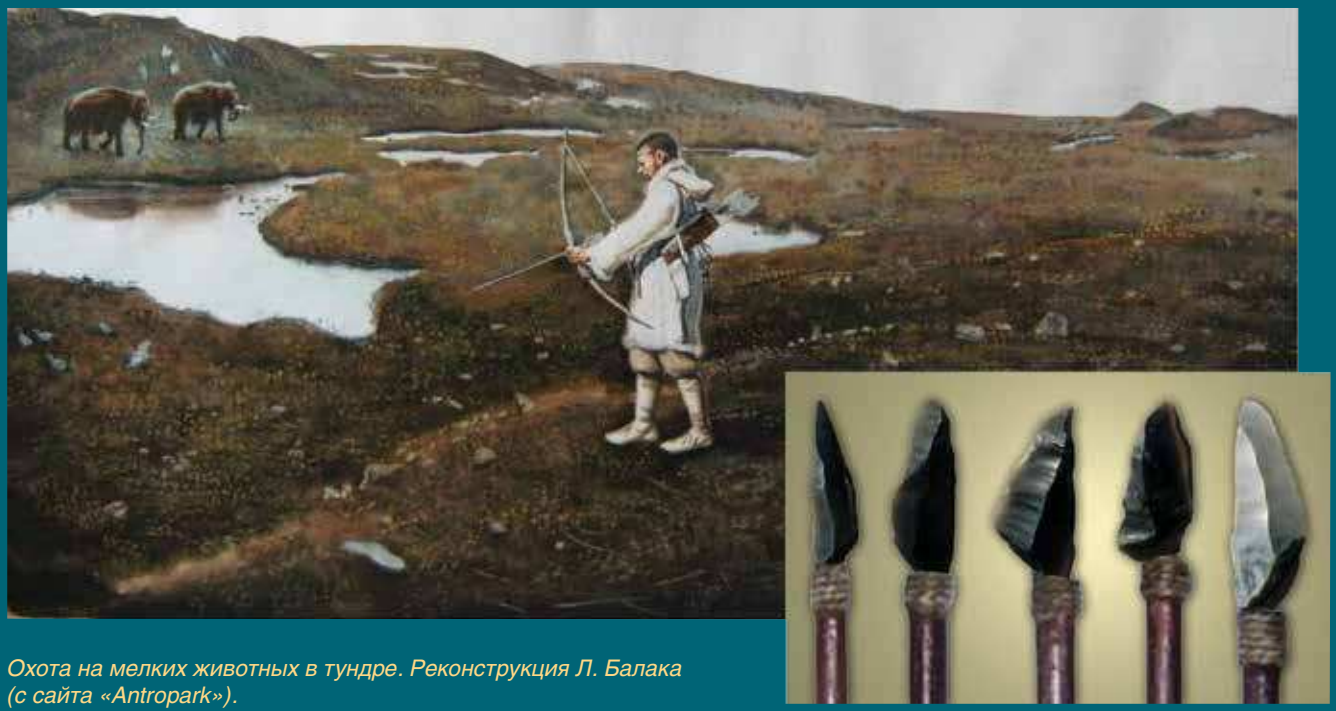
для шкурок, шедших на изготовление одежды (ходить было принято тогда в мехах, причем не в кокетливо переброшенной через плечо шкурке, а в штанах, куртках с капюшонами и плащах, а также в надетых на ноги меховых унтах или кожаных мокасинах). Это определяло и время охоты на волков, песцов, лисиц — осень и зима. Освежеванные тушки выбрасывали, что прослежено археологами при раскопках Авдеево и Быков 1. В Авдеево найдены даже скелеты волков с остатками пронзивших их стрел и дротиков в районе грудной клетки. Укороченные морды быковских песцов позволили даже высказать осторожное предположение, что полярных лисичек человек пытался тогда приручить. Люди палеолита, видимо, не сильно голодали, иначе тушки хищников не выбрасывались бы, а съедались. Большой объем биомассы в приледниковой зоне (очередной парадокс палеолитической эпохи!) обеспечивал менее напряженный ритм жизни, чем во все последующие времена. Может быть, отсюда и сказания об Эдеме, а подлинные «райские кущи» были основательно подморожены, как в знаменитой песне Владимира Высоцкого?



Стоянка Быки 1 (Курчатовский район). Расчистка черепа бизона — тотема над летним входом в полуземлянку. Раскопки А.А. Чубура.



Фрагмент костяной лопаточки из ребра мамонта. Стоянка Авдеево Старое (Октябрьский район). Раскопки М.В. Воеводского. Курский государственный областной музей археологии.



Охота на мелких животных в тундре. Реконструкция Л. Балака (с сайта «Antropark»).

Стрелы палеолитических охотников–лучников. Реконструкция по материалам стоянки Быки 1. Раскопки А.А. Чубура. Курчатовский государственный краеведческий музей.



Кремневые орудия человека верхнего палеолита. Стоянка Быки 1. Раскопки А.А. Чубура. 1 — проколки, 2 — резцы, 3 — скребки, 4 — ножи и ножевидные пластины. Курчатовский государственный краеведческий музей.



Палеолитические амулеты из бивня мамонта.

Слева — амулет из Быков 1, представлявший в вертикальном положении фигуру со стилизованным человеческим торсом и головой носорога. Раскопки А.А. Чубура. Курчатовский государственный краеведческий музей.

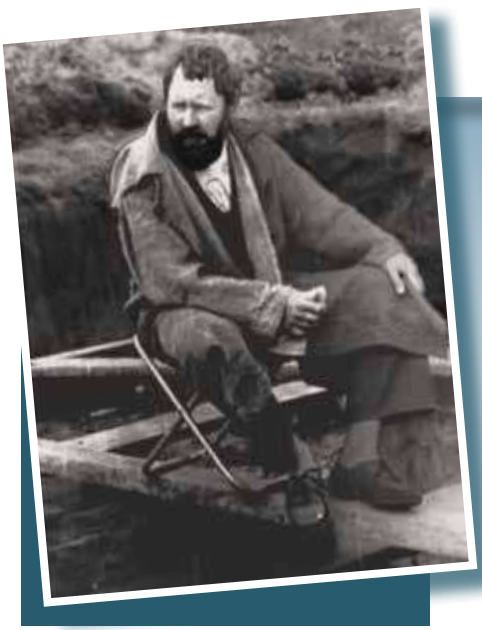
Справа — амулет из Быков 7, сочетающий голову лошади и круг — символ Солнца. Раскопки Н.Б. Ахметгалеевой (по Н.Б. Ахметгалеевой, 2005). Курчатовский государственный краеведческий музей.

Несомненно, объектами постоянной охоты были копытные, в Быках неожиданно большое внимание охотники уделили и шерстистому носорогу. Это говорит о смелости и отваге наших далеких предков: сражение с носорогом сравнимо, пожалуй, только с дуэлью с танком на поле боя. Ведь покрытый шерстью рогатый гигант размером с крупного быка был крайне агрессивным животным. Не легче, чем на носорога, было охотиться и на самого крупного зверя палеолитической эпохи — мамонта. Но далеко не все кости и бивни мамонта на стоянках — добыча охотников. Большую роль играло «мамонтовое собирательство», чему способствовало размещение поселений близ естественных скоплений мамонтовых останков — «мамонтовых кладбищ».

Особенно быстро «мамонтовые кладбища» стали расти около 16 000 лет назад, когда с потеплением на просторах Евразии началась природно–климатическая катастрофа — Эпоха Экстремальных Затоплений, послужившая реальным прообразом мифов о Всемирном Потопе. Как пишет доктор географических наук А.Л. Чепалыга, высвобождение миллионов кубических километров влаги, сконцентрированной в ледниках и в вечной мерзлоте, привело к резкому переувлажнению, многократному росту речного стока и переполнению внутренних бассейнов.

События эти проявлялись во всех типах ландшафтов: в долинах рек — сверхполоводья, в поймах — заболачивание, в междуречьях — покрытие до 80% площади термокарстовыми озёрами, на склонах — обводнение солифлюкционными потоками, в озерах и морях — резкое повышение их уровня. Так, Каспий поднимался на 190 м со скоростью не менее метра в год, а устье Волги всего за 150 лет сместилось вверх по течению почти до места современной Казани. В результате возникло упомянутое в «Авесте» Море Ворукаша — Арало–Каспийско–Понтийский каскад водных бассейнов, соединенных широкими проливами. Многократно увеличился речной сток, русла рек стали в десятки, а то и в сотни раз шире. Гигантские речные макромеандры, существовавшие 14 000 – 16 000 лет назад, детально исследованы в последние годы геоморфологами на Сейме у Льгова, на Свапе у устья реки.

Море Ворукаша оборвало наладившиеся контакты населения Восточной Европы с Закавказьем. Зато период Потопа впервые в истории дал в культурном плане «единую Европу» с так называемой мадленской культурой. Наблюдается удивительное единство набора и типов каменных и костяных орудий — в Поочье и на Дону, на Сейме и на Десне, на Дордони и Везере, Одере, Дунае и Висле. В Курском крае к позднеледниковью относится уже более десятка стоянок и местонахождений: на Сейме (Октябрьское 1, Быки 5, три стоянки на территории Курска), на Крепне (не менее четырех стоянок по берегам Желобовского лога между селами Ветрено и Кремяное, а также стоянка Крепна), на Судже (Русское Поречное и Суджанская стоянка). Одна из характерных черт поселений восточного мадлена — наличие однотипных наземных жилищ округлой формы, в строительстве которых использовалось огромное число мамонтовых костей. На сооружение одного дома шли останки 15–20 и более мамонтов. Кость стала основным строительным материалом, поскольку в период Потопа природные мамонтовые «кладбища» стали быстро и обильно пополняться свежим материалом и широко распространились в результате гибели целых стад, не успевавших покинуть долину при сверхполоводьях.

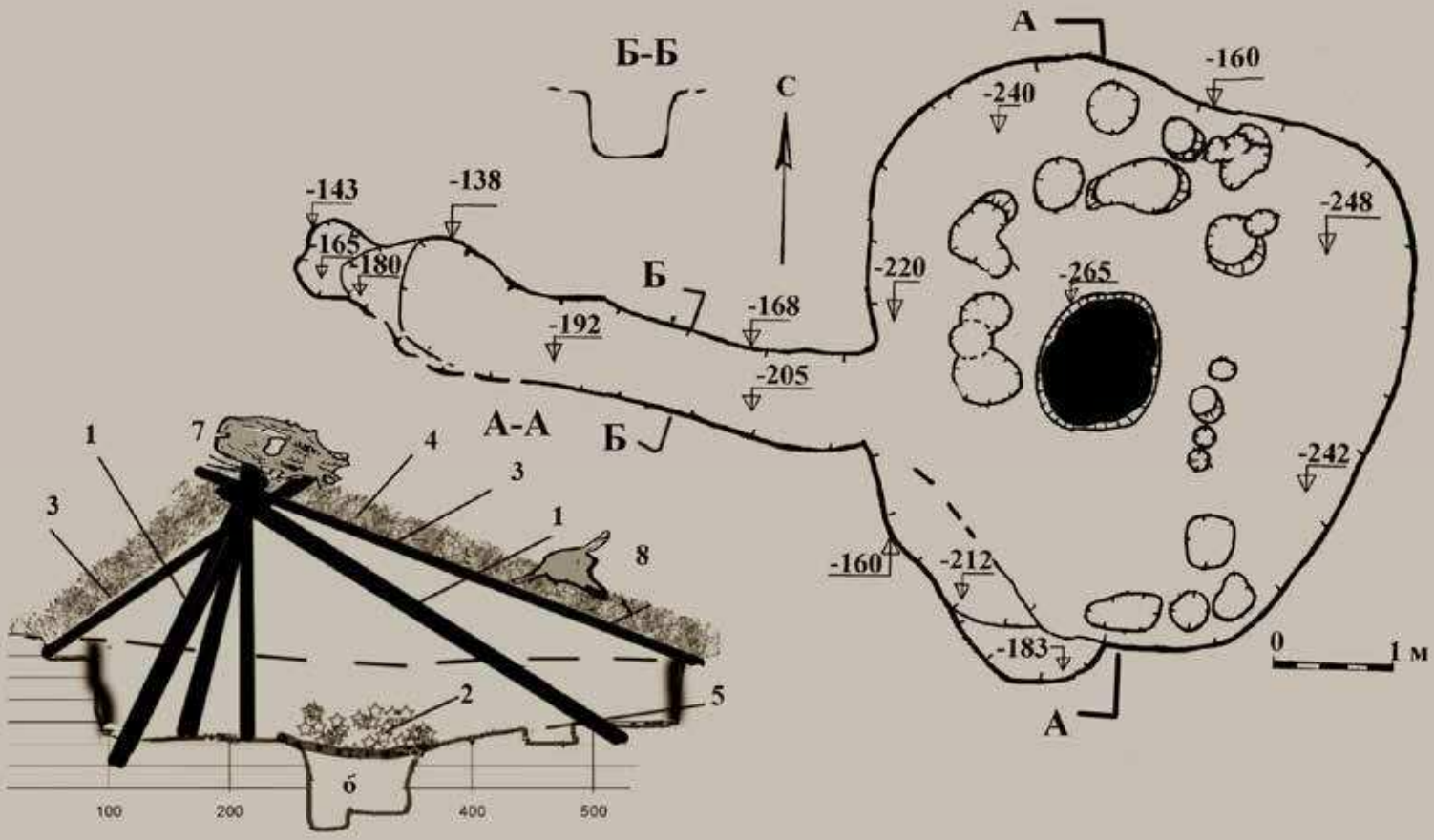


Григорьев Геннадий Павлович
(1937–2012)

Советский, российский археолог, специалист по палеолиту, доктор исторических наук, сотрудник ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН); преподаватель философского факультета Санкт–Петербургского университета.

С 1972 г. продолжил раскопки на Авдеевской палеолитической стоянке (в 1972–1994 гг. совместно с М.Д. Гвоздовер, в 1995–2011 гг. с Е.В. Булочниковой (НИИ и Музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова).

Продолжал изучение культурного слоя второго жилого комплекса — «Авдеево — В», а также культурного слоя между старым и новым жилыми объектами стоянки. Раскопки и публикации Г.П. Григорьева способствовали прояснению истории Курского региона в каменном веке.





Полуземляночное жилище из Быков 1. Раскопки А.А. Чубура.

План, реконструкция, фотография разреза жилища.
На реконструкции обозначены: 1 — опорные жерди; 2 — очаг; 3 — несущие жерди; 4 – перекрытие (шкуры и дерн); 5 — ямка–хранилище; 6 — подочажная яма; 7 – череп мамонта (дымоход); 8 — череп бизона (тотем над входом).

К сожалению, на позднеледниковых стоянках Курского края, исследованных на ограниченной площади, следы таких жилищ пока не обнаружены, хотя очень перспективны в этом плане Курские стоянки. Курск 1 — одна из самых изученных стоянок позднеледниковья на Курщине. Раскопана она в 1960–х гг. ленинградским профессором П.И. Борисковским на ул. Полевой. На вскрытом участке отмечены скопления расщепленного кремня, минеральной краски (красная охра) и костей и зубов мамонта и других животных (челюсть росомахи, кости зайца и лошади). Среди орудий преобладают резцы, немало острий со скошенным концом, есть скребки, а также пластинки–вкладыши, из которых в деревянной или костяной рукояти можно было собрать лезвие солидного по размерам клинка или наконечника копья. На однокультурной стоянке Быки 5 кость не сохранилась, зато удалось установить, что в рацион наших предков входило не только лошадиное и мамонтовое мясо, но и речные моллюски–беззубки, осколки раковин которых встретились вместе с каменными орудиями и минеральной краской.

Эпоха Экстремальных Затоплений привела популяцию мамонтов в состояние жесткого стресса, из которого она выкарабкаться так и не смогла. На рубеже 12 000 – 13 000 лет назад уцелевшие в катаклизме стада мамонтов навсегда покинули берега Сейма, отправившись в последнее путешествие на север, вслед за отступающим ледником и уходящими холодами. Последние мамонты доживали свой век у берегов далёкой Чукотки, на о. Врангеля уже тогда, когда в Египте были возведены пирамиды. Люди, тысячелетиями жившие бок о бок с покрытыми шерстью гигантами, дававшими все необходимое для жизни (мясо и жир, строительные материалы и топливо, сырье для изделий), самой природой были поставлены перед трагичным выбором: уйти вместе с мамонтами в историческое небытие или же кардинально изменить образ жизни и использовать отныне совершенно иные ресурсы.



Морские бассейны Эпохи Экстремальных Затоплений (16 000 – 12 000 лет назад). Красной заливкой показана территория Курской области.



МЕЗОЛИТ. НЕОЛИТ

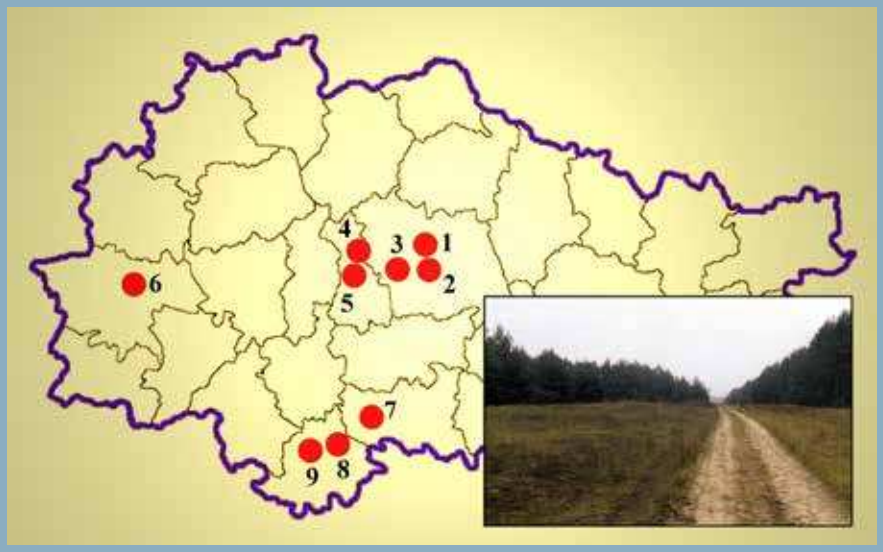
Распад ледников и вечной мерзлоты на огромных территориях Евразии и Северной Америки во время эпохи Потопа примерно 12 900 лет назад вызвал временное нарушение талыми водами океанических течений. Это резко затормозило нарастающее потепление. Климатический маятник качнулся, и более чем на тысячелетие Земля вновь погрузилась в ледниковый период, получивший у ученых–палеогеографов название Ранний Дриас. Время охотников на северного оленя. Но общую тенденцию этот «возврат в прошлое» нарушить не смог (так всегда бывает и в природе, и в человеческой истории).

Теплел климат. Заболачивались речные долины, оставленные водами схлынувшего Потопа. Островки леса начинали захватывать все новые и новые пространства. Около 10 300 лет назад, в пребореальную эпоху происходит окончательный распад Скандинавского ледникового щита. Океанические воды устремляются в огромную, полную озёр котловину, превращая ее в Балтийское море. Так планета и человечество вступили в новую геологическую эпоху — голоцен. Древнекаменный век — палеолит — сменяется среднекаменным веком — мезолитом, временем охотников на северного оленя и их потомков — полукочевых лесных охотников и собирателей.

Около 9 500 лет назад наступает бореальное время со стабильными природными условиями, когда на территории Среднерусской возвышенности сформировался лесостепной ландшафт, отдаленно напоминающий современный.

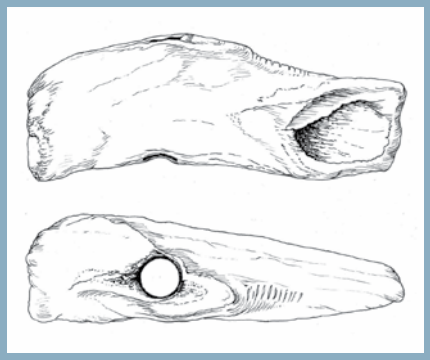
К сожалению, следы этой «переходной» эпохи в Курском крае представлены весьма слабо. Лишь отдельные находки орудий в нескольких пунктах свидетельствуют, что эта земля не была тогда безлюдной пустыней.

Пока можно только предполагать, что наш регион, как и сопредельные территории к северу и западу от него, входил в пребореальном и бореальном времени в зону распространения населения Аренсбургского круга. Одной из ярких особенностей материальной культуры аренсбуржцев (названных так по городку в Северной Германии, близ которого раскопаны стоянки этого населения) были выразительные черешковые наконечники стрел, не имеющие следов подработки с брюшка — с нижней части заготовки. Антропологи и лингвисты предполагают, что поздние кроманьонцы — носители аренсбургской культуры были светловолосы, высокорослы и дали впоследствии начало народам, которые мы теперь называем индоевропейскими. Предки же самих аренбуржцев, по данным недавних генетических исследований, были выходцами… с Поднепровья. Как, впрочем, и предки многих европейцев, расселившихся именно с этой территории на исходе Ледникового периода, когда в Европе было три главных центра расселения — низовья Днепра, Пиренейский полуостров и Балканы в районе Боснии.



Мезолитические местонахождения Курского края. 1 — Вырки; 2 – Каменево; 3 — Моква; 4 – Авдеево; 5 — Большое Долженково; 6 – Волынское; 7 – Картамышево; 8 – Курочкин; 9 — Бобрава.

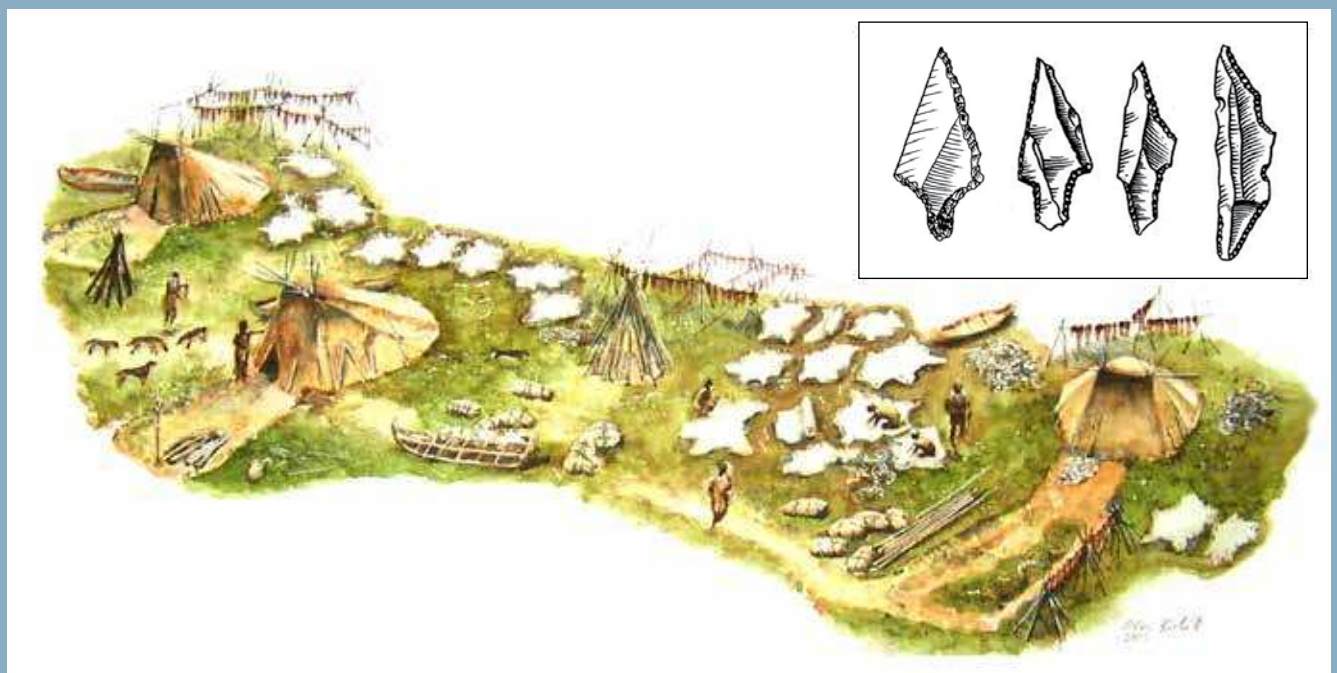
Мезолитическое местонахождение Большое Долженково (Октябрьский район). Разведка А.А. Чубура.





Костяной топор. г. Курск. Дар О.Д. Половнёвой. Курский государственный областной музей археологии.

Быть может, именно от аренсбургских племен дошли до нас в страшно искаженном виде предания о Гиперборее — исчезнувшей северной благодатной земле. Речь вовсе не о безумных фантазиях туристов–лжеученых и эстрадных сатириков, а о территории, известной ученым как Доггерленд, соединявшей территории современных Великобритании, Дании и Нидерландов. Эта территория включала болотистые и песчаные прибрежные земли с заливами и лиманами. Она



Стойбище охотников и собирателей. Стоянка Дринова (Чехия). 11 500 – 10 000 лет назад. Реконструкция Л. Балака (с сайта «Antropark»).

Орудия аренсбургской культуры.



Неолитическое поселение. Реконструкция Л. Балака (с сайта «Antropark»).

была идеально пригодна для охоты и рыболовства, чем и привлекала людей. Но гигантское цунами, вызванное охватившим 290 км скандинавского побережья катастрофическим оползнем Стурегга, примерно 8 100 лет назад в буквальном смысле смыло с лица Земли эту цветущую равнину, погрузив ее на дно Северного моря. Такова вкратце хорошо известная ученым история морской катастрофы каменного века. И лишь шарлатаны, жаждущие дешевой славы, продолжают твердить о поисках «Гипербореи» где–то на севере России.

Этот катаклизм фактически знаменует конец Бореала. Ближе к рубежу в 7 000 лет назад начинается новокаменный век — неолит, что по времени совпадает с пиком новой климатической фазы — Атлантикум — когда оптимальное соотношение увлажненности и тепла привело к небывалому расцвету животного и растительного мира в умеренном поясе Европы. Практически исчезла европейская тундра. Полосой в 1 000 км в южной половине лесной зоны, в том числе по территории Курского края, тянулись обширные теплолюбивые леса из дуба, вяза, липы и лещины.

Как правило, для поселений люди того времени выбирали песчаные дюны, стрелки на слиянии рек, береговые останцы боровых террас.

Главным отличием материальной культуры неолита от предыдущих эпох стало широкое применение первой в истории человечества «пластмассы» — керамики. Керамика была изобретена еще в позднем палеолите (известны терракотовые статуэтки женщин и животных со стоянки Дольни Вестонице в Моравии возрастом более 26 000 лет, встречены фрагменты обожженной глины и на стоянке Костёнки 1 под Воронежем — близнеце Авдеевской стоянки, о которой речь шла в предыдущей главе). Однако посуду из керамики человек научился делать только с началом неолита. Основной категорией находок при раскопках древних поселений, начиная с эпохи неолита, становится именно керамика, из–за чего иногда в шутку археологию называют «наукой о битых горшках».

Неолитические горшки обычно богато орнаментированы и имеют заостренное или круглое дно, так что на плоскую поверхность их было не поставить, зато в песчаном углублении они прекрасно могли стоять. Форма, что и говорить, непривычная.

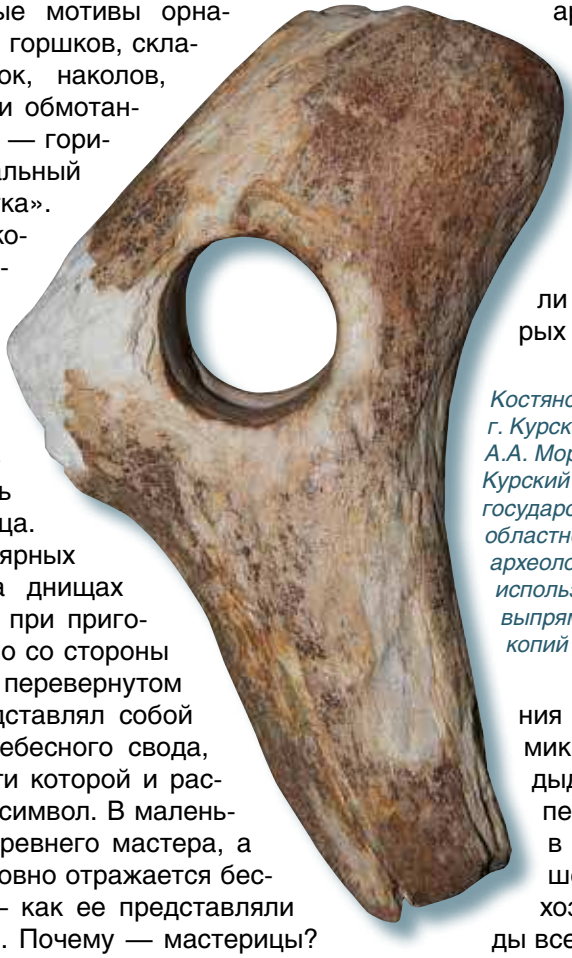




Обжиг сосудов в неолите. Реконструкция Л. Балака (с сайта «Antropark»).

Женщины эпохи неолита лепят сосуды. Рисунок П.И. Луганского.

Некоторые современные исследователи в форме древнейших неолитических горшков усмотрели даже грудь кормящей женщины, связав их, таким образом, с культом плодородия и символом изобилия. Но есть, конечно, и иные трактовки. Наиболее характерные мотивы орнамента на поверхности горшков, складывавшегося из ямок, наколов, оттисков гребенки или обмотанной шнурком палочки — горизонтальный и вертикальный зигзаг, «елочка», «сетка». Мотив орнамента скорее всего символизировал дождь (небесную влагу), небо и, соответственно, Небесную Богиню. В округлых же орнаментированных днищах можно усмотреть идеограммы Солнца. Расположение солярных символов именно на днищах сосудов не случайно: при приготовлении пищи именно со стороны дна горел огонь, а в перевернутом состоянии сосуд представлял собой полусферу, модель небесного свода, в самой верхней части которой и располагается солярный символ. В маленьком горшке руками древнего мастера, а точнее мастерицы, словно отражается бескрайняя Вселенная — как ее представляли наши далекие предки. Почему — мастерицы? Потому что глиняную посуду в неолитическую эпоху делали женщины. И с этим связана еще одна почти разгаданная ныне загадка стоянок этого периода.



Костяное орудие. г. Курск. Дар А.А. Морозова. Курский государственный областной музей археологии. Возможно, использовалось для выпрямления древков копий или дротиков.

Часто на одной стоянке встречаются фрагменты горшков с орнаментацией, характерной для разных археологических культур. Это принято было объяснять тем, что удобное место заселялось многократно представителями различных племён. Однако как быть с теми случаями, когда на одном горшке мы видим сочетания разных видов орнамента? Причины интеграции орнаментальных мотивов и проникновения «чужеродных» типов в массив керамики той или иной культуры неолита можно объяснять вовсе не многократными миграциями охотников, рыболовов и собирателей. Керамику изготавливали женщины. Многие из них, учитывая вероятное табу, запрет на близкородственные браки и инцест, как на ведущие к вырождению, попадали в общину извне, являясь представительницами иных родов и даже племен. Такая хозяйка, безусловно, старалась изготавливать и орнаментировать посуду по технологии, которой обучилась еще в детстве у своей матери. Общаясь же с другими хозяйками, наблюдая за их манерой орнаментации сосудов, она могла привносить некоторые чуждые элементы в традиционный мотив. Таким образом, обнаруживаемая археологами керамика служит свидетельством широких межплеменных контактов, тогда как наборы каменных орудий, сделанных мужской частью населения, позволяют говорить о культурной и, соответственно, племенной принадлежности данного конкретного памятника.

Отдельные специалисты предлагали теоретические построения, в которых фигурировала стадия так называемого бескерамического неолита, докерамического неолита, однако подобные идеи совершенно игнорируют основное новшество и главную черту неолитической материальной культуры. Что же послужило причиной выделения докерамического неолита? Экономика! Главное отличие неолита от предыдущих эпох с точки зрения истории первобытного общества заключается в ином типе хозяйства. Существовавшее сотни тысяч лет присваивающее хозяйство, когда человек брал у природы все необходимое для жизни с помощью охоты, собирательства и, реже, рыболовства, сменяется производящим — земледелием и скотоводством. С лёгкой руки британского археолога Гордона Чайльда этот растянувшийся на тысячи лет переход в новую фазу цивилизации называют «неолитической революцией».

При взгляде с этой стороны в лесостепной полосе Восточной Европы неолит наступил вообще намного позднее появления керамики. Местных жителей вполне обеспечивали необходимыми ресурсами полные рыбой и водяным орехом — чилимом реки и озёра и обильные дичью, ягодами, грибами и орехами леса. В земледелии и скотоводстве при низкой плотности населения попросту не было необходимости. Да, материальная культура стала уже неолитической. Например, многие каменные орудия неолитического времени из Курского областного музея археологии и из Каирского национального музея (а в Египте в это время уже правили ранние династии фараонов, появилась письменность) отличит только специалист–археолог. А вот экономика в Восточной Европе, включая современный Курский край, оставалась по сути

прежней, близкой к экономике палеолитических и мезолитических племён.

Неолитическая эпоха Курского края изучена еще весьма слабо. Однако уже сейчас ясно, что в течение всего неолита территория региона находилась «на особом положении», будучи контактной зоной целого ряда археологических культур и, соответственно, племен. При явном преобладании элементов лесных и лесостепных культур круга ямочно–гребенчатой керамики (с орнаментом в виде разного рода ямок и оттисков костяного гребенчатого штампа) регион испытывал и воздействие южных, степных культур.

В раннем неолите на территории Курского края обитали племена, создавшие днепро–донецкую археологическую культуру, занимавшую 7 000 – 5 000 лет назад степные и лесостепные пространства Восточной Европы. Её влияние достигало даже Балтийского региона. Хозяйственный уклад днепро–донецких племен был присваивающим, и лишь на поздних этапах появились примитивное животноводство (приручили свинью и корову) и земледелие (выращивание ячменя). Скорее всего, носители днепро–донецких и близких к ним традиций были праиндоевропейцами — потомками уже известных нам аренсбуржцев и пращурами германцев, французов, итальянцев, славян, балтов и многих других народов Евразии. Как показывают генетические и остеологические исследования, это были достаточно высокорослые люди со светлой кожей, массивным носом и грубыми чертами лица. С точки зрения антропологов, они представляли собой кроманьонцев, заметно отличаясь внешне от невысоких смуглых обитателей Средиземноморья.

Орудия труда и оружие племена днепро–донецкой культуры изготовляли из кремня: топоры, наконечники стрел и копий, вкладыши–микролиты, скребки, ножи, проколки. Для создания таких вещей, как топоры–тесла, диски, булавы, «челноки», применяли иные сорта камня, лучше поддающиеся шлифовке. Костяные орудия использовались довольно редко. Известны только наконечники копий и гарпуны, тесла, шилья и иголки, да ещё гребенчатые штампы для нанесения орнамента.

В степи, на востоке Курского края, обитали носители несколько иных культурных традиций — среднедонской неолитической культуры, впервые выделенной воронежским ученым, профессором А.Т. Синюком. Они были очень близки, вероятно, даже родственны днепро–донецким племенам, отличаясь особенностями орнаментации посуды.



Основные неолитические культурные общности Восточной Европы.

Днепро–донецкая керамика обычно была покрыта поясами наклонных отступающих оттисков мелкозубой гребенки, иногда сочетающейся с наколами, сделанными острой палочкой. По внутренней поверхности горшков наблюдались расчесы, сделанные гребенкой. Глиняное тесто такой ранней гребенчатой керамики обычно было с примесью дресвы (мелких камушков) и органики (перемолотой травы, навоза). Стенки остродонных шлемовидных горшков относительно толстые.

На сходных по форме среднедонских горшках орнамент был уже в основном накольчатый, нанесенный острой палочкой. Тесто этих горшков рыхлое, плохо обожженное и комковатое. В тесто более поздних горшков добавляли шамот (мелко раздробленную старую керамику), отчего стенки горшка становились плотней и прочней. Часто орнамент наносился лентами в технике отступающей лопаточки, отдаленно напоминая аналогичный гребенчатый орнамент. Порой оттиски отступающей лопаточки сливаются в



Накольчатая неолитическая керамика (Курчатовский район, зона строительства Курской АЭС). Разведка А.А. Чубура.



Неолитический долблёный челн. III тыс. до н.э. Найден в пойменных отложениях р. Дон у с. Щучье (Воронежская область, Россия). Длина — 7,5 м. Экспозиция Государственного исторического музея (Москва).

линии, образующие параллельные или пересекающиеся ленты орнамента.

Далеко не всю накольчатую керамику Курского края нужно относить к раннему неолиту. В материалах поселения хутор Курочкин 3 на верхнем Псле накольчатый орнамент сочетается не только с гребенчатым, но и с совсем иным — ромбоямочным, относящимся к развитому неолиту. О нем речь пойдет немного ниже.

Около 4 800 лет назад климат начал становиться более холодным, что привело к частичной деградации широколиственных лесов и смене их таежными бореальными лесными сообществами. Наложили эти изменения свой след и на фауну: вновь, после перерыва в несколько тысяч лет, на территории юга Европейской России и Украины появляются северные холодовыносливые виды. Всё это, в свою очередь, вызвало миграции неолитических племен на огромных территориях. Захватили эти этнокультурные сдвиги и Курский край. Наступает следующий этап древней истории — развитой неолит. Он связан с широким притоком с севера культур с ямочно–гребенчатой керамикой.

На основании анализа распространения топонимов и гидронимов можно полагать, что носители «ямочно–гребенчатых традиций» относятся к группе древних финно–угорских этносов уральской языковой семьи. Потомками этого населения стали в дальнейшем такие народы, как мадьяры, ханты, манси, карелы, вепсы, эстонцы и саамы, мордовцы и марийцы, мурома и мещера, удмурты и коми, финны и пермяки. Родиной первых финно–угров были, вероятно, лесные просторы между Волгой и Уралом.

Географические названия, сохранившиеся до наших дней — один из наиболее важных источников информации о расселении древних народов, порой не менее значимый, чем данные археологии. Лингвистический анализ названий–топонимов (особенно названий водных объектов) позволяет видеть и следы расселения прафиннов по огромной территории от Урала до Балтии. Древнейший пласт финских гидронимов связан со словом «ва», что в пермских языках означает «вода». Среди таких названий не только уральская Чусовая, всем известная Москва или же брянская Болва, но, возможно, и курская Свапа, в имени которой тоже журчит заветное «ва».

Жизнь древних финно–угров настолько была связана с озерами и реками, что именно они, по всей вероятности, первыми в Европе изобрели долблёный чёлн. По крайней мере, в этом убеждают фундаментальные исследования финского ученого Харри Луукканена. Правда, «неолитические челны» из Курского областного краеведческого музея, по данным недавно проведенного радиоуглеродного анализа, оказались куда моложе, как и лодки–долблёнки из большинства музеев России. Однако то, что неолитическое население Курщины пользовалось похожими лодками, можно считать практически бесспорным. В соседней Воронежской области удалось найти несколько настоящих неолитических лодок, одна из которых экспонируется во втором зале Государственного Исторического музея в Москве.

На территории Курского края встречены следы нескольких племён древних финно–угров, известных археологам как льяловская, деснинская, днепровская левобережная археологические культуры ямочно–гребенчатой керамики.

Для носителей льяловской культуры (по стоянке у с. Льялово в современной Московской области) была характерна посуда, поверхность которой украшали сплошным геометрическим орнаментом из оттисков гребенчатого штампа, веревочки и рядов круглых конических ямок в шахматном порядке. Ямки наносились при помощи раковины окаменевшего мезозойского головоногого моллюска–белемнита, известного среди народа под именем «чертов палец» или «громовая стрелка». В глиняном тесте сосудов — примесь дресвы (мелких камушков) и крупнозернистого песка. Своеобразие каменному инвентарю придают грубые рубящие орудия, характерные для лесных обитателей (тесла и топоры), резцы на пластинах и наконечники стрел из ножевидных пластин с частичной подработкой черешка и пера, сближающие его с предшествовавшей эпохой мезолита — с так называемой бутовской культурой. Среди наконечников копий и дротиков преобладают листовидные формы, превосходно обработанные тонкой тщательной двусторонней ретушью. Контактная зона на южной границе расселения племени льяловцев достигла Курского Посеймья. Керамика льяловского типа встречена на неолитических стоянках Золотухино, Хвостово, Голубой Лог, Рыльск и ряде других.

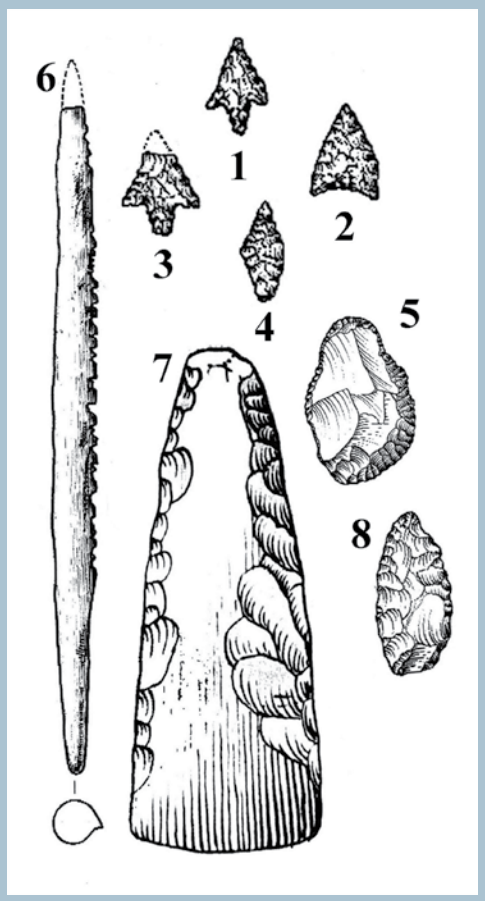
Несколько шире распространился на курской земле особый, своеобразный вариант ямочно–гребенчатой керамики, который был характерен для Деснинской неолитической культуры. Всю поверхность сосудов этого племени покрывают расположенные в шахматном порядке ямки — оттиски ромбического штампа. По результатам исследований, проведенных сотрудником Института археологии РАН А.С. Смирновым, получается, что на раннем этапе культуры наносились крупные (до 7 мм), четкие ромбы с пирамидальным дном. Позднее в орнамент венчика сосудов вплетались конические ямки и оттиски гребенчатого штампа. Потом ромб стал мельче, иногда с рубчатым дном ямки. Зоны ромбических оттисков стали перемежаться с лентами оттисков гребенчатого штампа. К концу позднего неолита возникают комбинации ромба с «лапчатыми» и «гусеничными» оттисками палочки с намотанной на нее веревочкой. Этот элемент орнамента был принесен с северо–запада, с Верхнего Поднепровья.

На территории Курской области керамика с ромбическим штампом известна на стоянках Золотухино, Глушково (близ Курчатова), Староверское кладбище (Льгов) и других, связанных с бассейном Сейма, а также в материалах многослойных поселений Гочево 3 и хутор Курочкин на Псле. Хутор Курочкин — единственное серьезно раскопанное неолитическое поселение на Курщине. Работы здесь вела экспедиция под руководством ленинградской исследовательницы Л.Я. Крижевской. Это самый южный край распространения следов Деснинской культуры, основная область проживания племён которой была расположена на средней Десне и Верхней Оке.

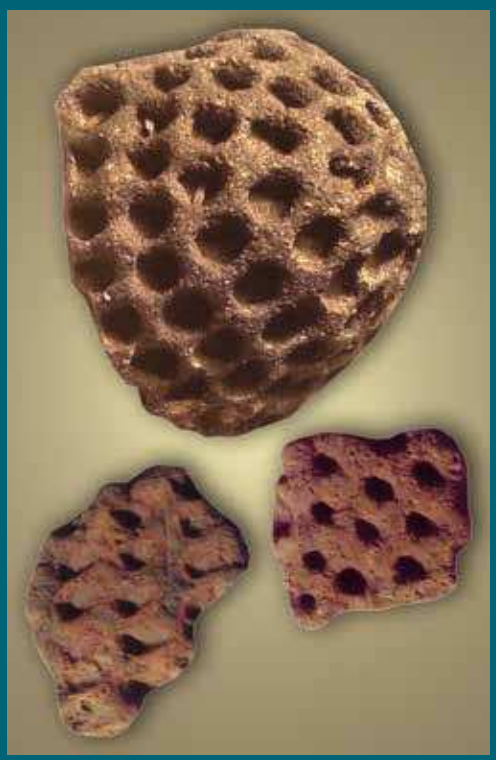
Почему в качестве основы орнамента был выбран ромб? В данном случае нельзя повторять вслед за выдающимся археологом А.К. Амброзом, что ромб — знак засеянного поля, ибо Амброз писал об орнаментах земледельческих культур,



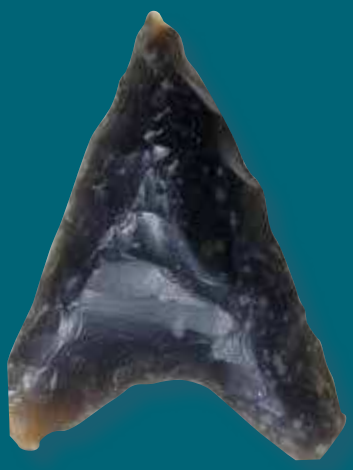
Сосуд позднего этапа Деснинской неолитической культуры. Реконструкция А.В. Зубкова. Курский государственный областной музей археологии.



Неолитические орудия. Разведка В.П. Левенка. 1958 г. 1 — Наконечник стрелы. Кремень. д. Воронино (Льговский район); 2 — Наконечник стрелы. Кремень. г. Льгов; 3 — Наконечник стрелы. Кремень. с. Лебяжье (Курский район); 4 — Наконечник стрелы. Кремень. г. Льгов; 5 — Нож–скребок. Кремень. ур. Городское озеро у г. Льгова; 6 — Гарпун. Кость. г. Льгов; 7 — Тесло. Кремень. д. Ванина (Октябрьский район) (по В.П. Левенку).



Ямочно–гребенчатая керамика Украины. Неолитическая стоянка Быки (Курчатовский район).



Наконечник стрелы. Кремень. р. Сейм, Октябрьский район.

а ромбоямочная посуда — это керамика древних охотников, собирателей и рыболовов. Нам кажется более интересной совсем иная аналогия, уходящая корнями в Ледниковый период. Дело в том, что именно тогда, в позднем палеолите на Десне ромб впервые стал популярен как орнаментальный мотив. И нарезкой в форме ромба покрывались украшения, куски кремня с меловой коркой, амулеты, пластины из бивня мамонта. Киевлянкой В.И. Бибиковой было подмечено, что поперечный и косой срез бивня мамонта образует на поверхности любого изделия природный узор, составленный из соприкасающихся и надвигающихся друг на друга естественных ромбов дентина. Исследовательница предположила, что ромбы, меандр, серии параллельно идущих зигзагов и близкий к ним шеврон являются сознательным воспроизведением первобытным художником естественного узора слоновой кости. Таким образом, палеолитический ромб предстает перед нами как выражение «представлений о мощи, силе, благоденствии», связанных с мамонтом — главным источником пищи, топлива и строительного материала. Не исключено, что, давно забыв о мамонтах, ромб сохранили на Десне и Сейме именно как символ изобилия и благоденствия.

Своеобразна кремневая индустрия деснинской культуры: основная заготовка — грубый отщеп, а не хорошо ограненная пластина. Наиболее распространены среди орудий скребки. Ножи двух типов: рабочие ножи на плоских, едва подработанных ретушью пластинках и на пластинах с исключительно тщательно ретушированным рабочим краем. Последние напоминают формой серпы, что ввело в заблуждение некоторых археологов. Однако трасологический анализ микроследов износа на лезвии показал, что такие орудия — не что иное, как ножи для разделки мяса, не имеющие никакого отношения к земледелию. Наконечники стрел, дротиков и копий похожи на льяловские — листовидные и подромбические, поздние формы имеют черешок.

Третьим, самым распространенным на территории современного Курского края вариантом поздненеолитических культур стала так называемая культура ямочно–гребенчатой керамики левобережной Украины. Главным отличительным признаком вновь служит орнаментация посуды. Круглодонные яйцевидные горшки украшались расположенными рядами или в шахматном порядке неглубокими ямками, имеющими круглую или овальную форму. Гребенчатый штамп нанесен лентами или рядами между зонами ямок. Стенки сосудов тонкие, в глиняное тесто добавлен мелкий песок. Изнутри поверхность сосудов заглаживалась гребенчатым штампом. Некоторые сосуды дополнительно украшались по венчику «жемчужинами» — круглыми выпуклостями, изготовленными при помощи тычка палочкой изнутри сосуда. Ни на одном сосуде нет сочетания круглого и ромбического штампа. Никогда не использовался этим населением и льяловский белемнитный штамп.

Каменный инвентарь ранних этапов имеет архаичный облик, сближающий ямочно–гребенчатую керамику Украины с поселениями кудлаевской мезолитической культуры среднего Подесенья. Для наконечников стрел характерны треугольные очертания с прямым или вогнутым основанием.

При раскопках поселений встречаются порой и вещи из кости — гарпуны и наконечники стрел. Обломок гарпуна из

оленьего рога был найден близ Курчатова, а вот один из костяных наконечников стрел известен из пойменных болот Глушковского района.

По мнению украинской исследовательницы В.И. Неприной, культура эта местного происхождения. Московский же археолог В.В. Сидоров считает, что она возникла после 3 000 г. до н.э. в результате переселения на юг части подмосковных льяловских племен и их взаимодействия с местными племенами. Кто всё–таки окончательно прав — покажут будущие исследования, хотя сходство кремневого инвентаря с орудиями более древнего населения Десны недвусмысленно намекает на правоту Валентины Ивановны. Но тогда возникает вопрос: в какой мере это население связано с прафинскими традициями?



Кинжал роговой.
д. Щетинка (Курский район).
Дар П.И. Седых. Курский государственный областной музей археологии.

Неолитические охотники и рыболовы благоденствовали в лесах, максимально продвинувшихся на юг. Однако влажный и относительно тёплый климат Атлантикума был обманчив. Он постепенно, исподволь готовил людям новое испытание. Активность полноводных рек инициировала овражно–балочные эрозионные процессы. Выросшие овраги стали иссушать огромные пространства, в результате леса, кормившие первобытных охотников, начали погибать. При обилии сухостоя начались лесные пожары, дым заволакивал пространства Восточной Европы. Неприступные, непроходимые лесные чащи на глазах сменялись открытыми степными пространствами. Такой континентальной экологической катастрофой был отмечен рубеж неолита и бронзового века. В дыму и огне лесных пожаров и в засухах население центра Русской равнины вступило в начальную стадию климатической эпохи под названием Суббореал, в XXII век до нашей эры.

Именно в это время происходит очередная смена населения на территории Курского края: с юго–запада и юга вторгаются воинственные, вооруженные боевыми топорами племена, получившие среди археологов название «племен шнуровой керамики». В определенном смысле они были потомками вытесненных прафиннами тысячелетием ранее праиндоевропейцев.

Судьба носителей ямочно–гребенчатой культуры с берегов Сейма пока не вполне ясна. Часть их была перебита в неравной войне, часть — мирно ассимилирована пришельцами. Еще часть создателей ромбоямочных горшков в ужасе бежала в Карелию и на Верхний Дон, где археологи обнаружили неожиданно появляющиеся области распространения явно не местной культуры с характерными ромбами на посуде. Культура ямочно–гребенчатой керамики Украины и вовсе исчезает с исторической карты.

Кризис в природе произошел словно только для того, чтобы сменить население региона. Около 4 000 лет назад климат смягчается и на месте едва сформировавшихся сухих степей возникают лесостепные растительные сообщества, очень похожие на современный ландшафт. Велика в это время уже и роль полей, засеянных злаками — ведь новые обитатели Курского края были земледельцами и скотоводами, к тому же владеющими секретом изготовления изделий из меди и бронзы. С их появлением каменный век — самый древний и самый длинный период в истории человечества — на территории Курского края завершился.

НА ЗАРЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА

(первая половина II тыс. до н.э.)

Около 5 000 лет назад, с появлением первых орудий и украшений из меди, закончился каменный век. Пришедший ему на смену *энеолит* (меднокаменный век) открыл новую эпоху в истории человечества — эпоху применения металлических сплавов. Однако сделанные из относительно мягкой меди предметы гнулись и требовали постоянной доработки. Именно по этой причине основным материалом для изготовления орудий в энеолите (III тыс. до н.э.) продолжал оставаться камень.

Впрочем, очаги новых энеолитических культур возникали лишь поблизости от медных месторождений. Они становились центрами, в которых активно развивалась не только металлообработка, но и земледелие со скотоводством. В то же время на территориях, где собственных месторождений не было, продолжали господствовать неолитические культуры охотников, собирателей и рыболовов, и единственной возможностью у их носителей познакомиться с медью была торговля.

Около четырёх тысяч лет назад среди обитавших в Восточной Европе племён начинают распространяться орудия труда, оружие и украшения из бронзы — первого созданного человеком искусственного материала, состоящего из сплава меди и олова. За короткое время технология изготовления бронзовых изделий (отливка в форму из камня или глины, ковка, отливка по восковой модели) была успешно усвоена местными мастерами, и обитавшие на юге Восточной Европы степные и лесостепные племена вступили в новый этап своего развития — бронзовый век (первая четверть II — начало I тыс. до н.э.).

Бронзовые вещи были легки в изготовлении, а по своей твердости и пластичности превосходили сделанные из камня, кремня или самородной меди. Их появление привело к повышению эффективности труда, накоплению избыточного продукта, появлению групп людей, специализирующихся на добыче и обработке металлов, развитию торговли, более быстрому обмену технологиями, социальной перестройке внутри общества и выделению знати.

Начало бронзового века в Восточной и Центральной Европе совпало с огромными изменениями в этнокультурном облике их населения, вызванными приходом в эти регионы групп носителей *культуры шнуровой керамики*, украшавших свою посуду оттисками перевитого шнура. По мнению ряда учёных, исходной точкой этого расселения были южнорусские степи, откуда обитавшие здесь во 2–й половине III тыс. до н.э. племена начали своё движение на север. Завоевание и освоение новых территорий длилось несколько столетий, в течение которых переселенцы заняли огромные пространства Европейского континента — от Волги на востоке до берегов Рейна



Миграции индоевропейцев (по М. Гимбутас).

Индоевропейские воины эпохи европейского расселения. 2000–1800 гг. до н.э. Реконструкция Г. Равы (по D'Amato R., Salimbeti A.).

на западе, от Скандинавского полуострова на севере до Среднего Подунавья, Поднестровья и Среднего Поднепровья на юге.

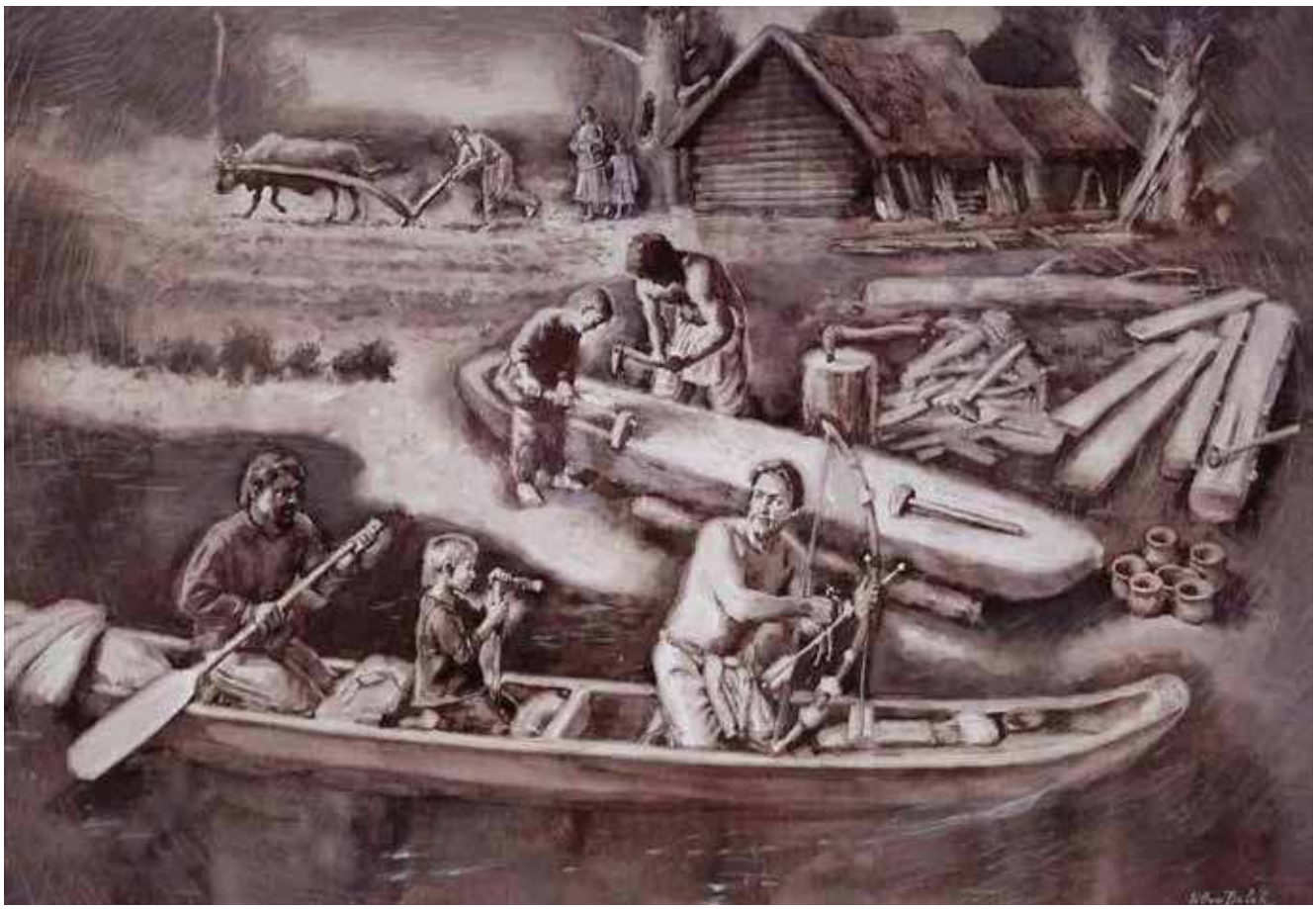
Большая протяжённость занятых территорий, различные природные условия и включение в состав пришельцев представителей покорённых племён привели к тому, что на территории распространения шнуровой керамики возникает более 20 родственных археологических культур и культурных групп. Эти племена оказали огромное влияние на всю дальнейшую историю Европы, так как именно представители культурно–исторической общности шнуровой керамики являются общими предками современных славян, балтов и германцев.

Одной из самых южных культур шнуровой керамики была *среднеднепровская археологическая культура* (XXVI–XV вв. до н.э.). Первоначально она занимала сравнительно небольшую территорию среднеднепровского правобережья, затем её носители проникли в районы Верхнего Поднепровья и на левый берег Днепра, а на позднем этапе существования культуры (XVIII–XV вв. до н.э.) их поселения появляются на берегах Сейма, в верховьях Оки, на левобережье Западной Двины и Верхнем Немане. Тогда же среднеднепровские племена проникают и в пределы современной Курской области, где следы их присутствия обнаружены археологами на поселениях Гочево 1 (Беловский район), Горналь 15 (Суджанский район), Быки 3 (Курчатовский район), Липино (Октябрьский район), Хвостово (Курский район), Большом Ивановском городище (Рыльский район), у с. Марицы (Льговский район), городище Кузина Гора (Курчатовский район) и др.

Среднеднепровцы обитали в небольших посёлках, состоящих из обогреваемых открытыми очагами наземных или немного углу-



Мужчина фатьяновской культуры. Болшневский могильник (Тверская область, Россия). Раскопки Д.А. Крайнова. Реконструкция Г.В. Лебединской (с сайта «Единая коллекция»).
Верхневолжская группа памятников фатьяновской культуры (1600–1400 лет до н.э.) входила в состав культурно–исторической общности культур шнуровой керамики.



Поселок эпохи энеолита. Реконструкция Л. Балака (с сайта «Antropark»).

блённых жилищ. Дома имели стены из сплетенных прутьев, обмазанных сверху толстым слоем глины, и двускатные крыши, поддерживаемые вкопанными в землю столбами. Внутри жилищ и за их пределами располагались хозяйственные ямы, в которых обитатели поселков хранили продовольствие и хозяйственные припасы.

Среднеднепровцы разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей и свиней, выращивали пшеницу, ячмень, овёс и чечевицу, охотились на оленей, лосей, кабанов и бобров, обрабатывали металлы, камень и дерево, выделывали кожи и шкуры, занимались плетением и ткачеством, делали глиняную посуду.

Своих умерших среднеднепровцы или хоронили в земле (ингумация), или сжигали на погребальных кострах (кремация). Возможно, сосуществование двух разных погребальных традиций свидетельствует о том, что общество среднеднепровцев состояло из нескольких групп с различной культурной и, вероятно, этнической принадлежностью. Перед захоронением отведенное для могилы место очищалось огнем. Прах (пережженные кости с золой) или тело (обычно в скорченном положении на боку, реже на спине) укладывали в усыпанную золой и охрой могилу, перекрывавшуюся деревянным настилом. Иногда над настилом возводился навес или оградка. Как правило, после завершения всех церемоний над погребением насыпался курган, хотя известны захоронения и без признаков могильной насыпи.

Анализ найденных в среднеднепровских погребениях металлических орудий (шилья, ножи), оружия (топоры, листовидные наконечники копий) и украшений (гривны, диадемы, браслеты, височные кольца) помог установить, что в подавляющем большинстве они были изготовлены из меди балкано–карпатского происхождения, и лишь единичные орудия были сделаны на Кавказе. Это позволяет говорить об оживлённой торговле, связывавшей среднеднепровцев с соседними племенами.

Однако количество металлических орудий было сравнительно невелико, и основная масса инструментов и оружия (скребки, скребла, ножи, наконечники стрел и копий, топоры) продолжала изготовляться из твердых пород камня или высококачественного кремня, подобно наконечнику

копья, найденному у д. Александровка (Курский район). Особый интерес представляет контурная фигурка медведя, преднамеренно оставленная мастером при скалывании с кремня меловой корки. Изображения медведей и медвежьих голов присутствуют на целом ряде предметов этой культуры, позволяя сделать предположение о том, что медведь был для среднеднепровцев священным животным.

На востоке и юго–востоке Курского края соседями среднеднепровцев были племена древнеямной и катакомбной археологических культур.

Ряд учёных считает, что местом сложения *ямной археологической общности* (2 950 – 2 200 лет до н.э.) были низовья Волги, откуда её носители в III тыс. до н.э. расселились по пространствам Евразийского континента, заняв обширные территории от Южного Приуралья на востоке до Днестра на западе, от Предкавказья на юге до Среднего Поволжья на севере. Внутри этой огромной историко–культурной общности Н.Я. Мерперт выделил девять территориальных вариантов, соотносимых с большими племенными группами. Степные районы Курского края входили в область обитания представителей донецкой группы, занимавшей земли в междуречье Днепра и Северского Донца.

Основным занятием ямных племен было пастушеско–кочевое скотоводство. В домашнем стаде резко преобладал мелкий рогатый скот (овцы и козы), затем шли крупный рогатый скот и лошади.

Подвижный образ жизни, связанный с постоянными перекочевками от одного пастбища к другому, приводил к отсутствию долговременных поселений. Время постоянного проживания на одном месте, вероятно, не превышало одного месяца, поэтому жилища ямников представляли собой легко собиравшиеся и не предполагавшие больших усилий при переносе на новое место сооружения типа палаток с каркасом из длинных жердей. При перекочевках также могли использовать четырехколесные повозки, остатки которых обнаружены археологами в погребениях ямников.

Взаимодействие кочевников — ямников с раннеземледельческими культурами северо–западного Причерноморья привело к переходу некоторых ямных племен к оседлому образу жизни и появлению в западной части распространения ямной культуры постоянных поселений. Находки на этих поселениях костяных мотыг, отпечатков зерен пшеницы–однозернянки, мягкой карликовой пшеницы, ячменя и проса говорят о том, что, помимо скотоводства, их обитатели начали развивать хоть и не широкомасштабное, но собственное мотыжное земледелие.

Своих умерших родственников ямники погребали в неглубоких квадратных или прямоугольных ямах, из–за которых культура и получила своё название. Покойника помещали в могиле головой на север или восток, скорченным на боку или на спине с поднятыми вверх коленями. Тело и дно могилы густо посыпали слоем красной охры, символизировавшей очищение и воскресение. Свидетельствами сложных религиозных представлений людей того времени также являются находки в могилах расчлененных человеческих тел, сделанные из черепов чаши и следы людоедства (присутствие человеческого мяса в составе погребальной пищи), вероятно, носившего ритуальный характер.



Сосуд среднеднепровской культуры (с. Латышевка, Путивльский район, Сумская область, Украина). Разведка Е.В. Плаксиной. Государственный историко–культурный заповедник в г. Путивле (Украина) (по Е.В. Плаксиной, А.А. Удовиченко).



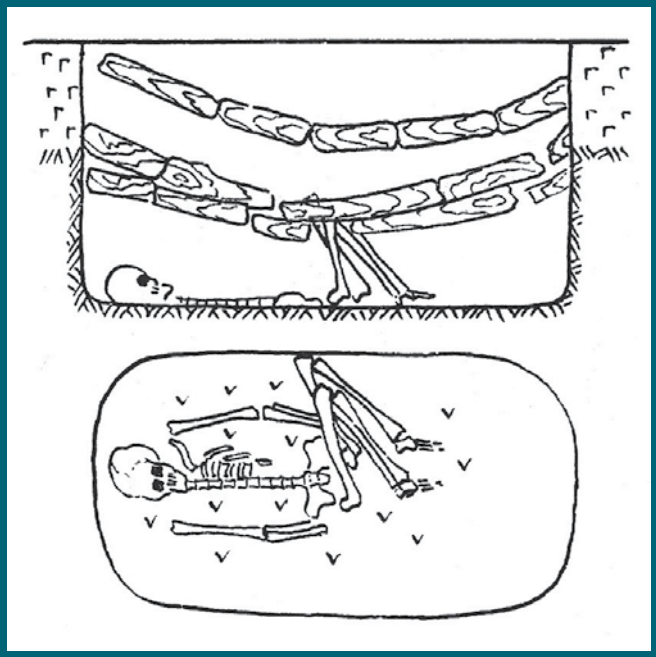
Бронзовый топор (д. Александровка, Курский район). Курский областной краеведческий музей.



Кремневый наконечник копья с изображением медведя (д. Александровка, Курский район) (по А.В. Зорину и др., 2008).



Сосуд ямной культуры. Курган у х. Холодная балка (Одесская область, Украина). Одесский археологический музей (с сайта «Одесский археологический музей»).



Погребение ямной культуры. Курганная группа у с. Александровка (Днепропетровская область, Украина) (по И.Ф. Ковалевой и др.).



Сосуд катакомбной культуры. Могильник у с. Каменка. Курган № 2 (Белгородская область). Раскопки А.И. Пузиковой. Курский государственный областной музей археологии.

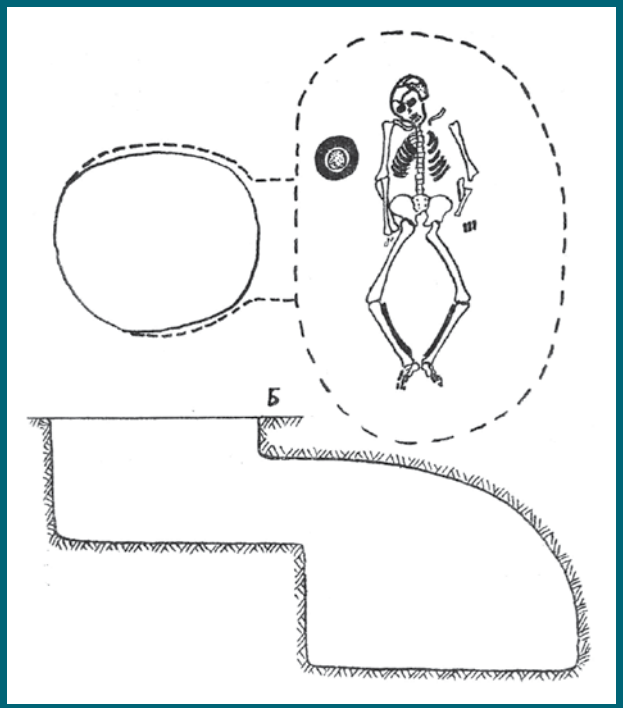


Бронзовый нож. Городище Куркино (Курский район). Разведка Н.А. Тихомирова. Курский государственный областной музей археологии.

Сопроводительный инвентарь ямных захоронений достаточно разнообразен: ожерелья из собачьих клыков, костяные булавки и пронизи, глиняные бусы, оружие (шлифованные топоры, наконечники стрел, остатки деревянных луков и колчанов), части конской упряжи (псалии), глиняная и деревянная посуда; орудия труда из кости (проколки, гарпуны, шилья), кремня (ножевидные пластины и скребки), камня (топоры–молоты, растиральники, точильные камни) и меди (шилья, ножи). Иногда археологи находят остатки деревянных повозок и носилок, на которых тела доставляли к месту погребения.

После размещения в могиле погребальных даров её перекрывали деревянным настилом, после чего проводился ряд религиозных обрядов, следами которых являются кострища и ямы с остатками умерщвленных жертвенных животных, обычно лошадей или овец. Иногда во время похорон убивали и собак, которым при этом воздавали большие почести и даже могли похоронить в отдельной могильной яме. Это свидетельствует о значительной роли собак, бывших незаменимыми помощниками пастухов–ямников.

После совершения всех необходимых ритуалов над могилой обычно насыпали земляную насыпь–курган, в которую затем продолжали хоронить родственников погребенного ранее человека. Иногда ямные курганы достигали внушительных размеров — до двух метров высоты,



Погребение катакомбной культуры. Курганная группа у с. Александровка (Днепропетровская область, Украина) (по И.Ф. Ковалевой и др.).



Выпрямитель для стрел. Камень. Катакомбная культура. Могильник у с. Каменка. Курган № 2 (Белгородская область). Раскопки А.И. Пузиковой. Курский государственный областной музей археологии.



Наконечник стрелы. Кремень. Катакомбная культура. Харьковская область (Украина).

40–50 м в окружности и содержали до десятка ямных погребений.

В начале II тыс. до н.э. на территорию ямников начинают проникать племена *катакомбной археологической культуры* (2 600 – 1 950 гг. до н.э.). Первоначально её памятники были распространены на территории степных районов Поволжья и Северского Донца. Однако уже в начале II тыс. до н.э. её представители начинают двигаться на запад и заселяют огромную территорию от нижней Волги на востоке до Северо–западного Причерноморья и Днестра на западе, от Прикаспия и Предкавказья на юге до Курска, Ельца и Орла на севере. На территории Курской области катакомбная керамика встречена при раскопках поселения Попово–Лежачи (Глушковский район), на дюнном поселении Правороть (Мантуровский район) и в Касторенском районе.

Основным занятием обитавших в степях кочевых или полукочевых племен катакомбников было скотоводство, однако селившиеся в плодородных долинах Днепра, Дона и Северского Донца носители этой культуры постепенно переходили к оседлому образу жизни. Об этом говорят обнаруженные при раскопках их поселений многочисленные зернотерки, жернова, кремневые вкладыши для серпов, зерна проса и ячменя.

Поселения носителей катакомбной культуры представляли собой открытые поселки, состоявшие из домов–полуземлянок. При возведении дома его строители выкапывали прямоугольный котлован 8–10 м в длину, 4 м в ширину и до 1 м в глубину. По краям котлована устанавливали столбы, еще одну линию столбов вкапывали в середине жилища. На столбы укладывали жерди, накрывали их переплетенными ветвями и дерном. Края крыши опирались на землю и присыпались выкопанной при рытье котлована землей. Лицевую и заднюю стены дома делали в виде плетня, возвышавшегося над котлованом. Вход в жилище обычно устраивался с южной стороны, а отапливали помещение при помощи открытых очагов. Поскольку число одновременно существовавших домов иногда достигало 10–12 штук, примерная численность населения таких поселений могла колебаться в пределах 60–80 человек.

Наиболее массовой находкой при исследовании катакомбных поселений являются обломки глиняной посуды. Как правило, это плоскодонные горшки с зауженной шейкой и раздутыми боками, украшенными затейливым орнаментом. Особенно разнообразен он был у племен, входивших в харьковско–воронежский и донецкий варианты катакомбной культуры, представители которых обита-



Колесница эпохи бронзы. Реконструкция Р. Олтяну.

ли и в пределах современной Курской области. По мнению А.М. Лескова, посуда этих людей является подлинными произведениями искусства. «Казалось бы, соединение на одном сосуде врезного орнамента, отпечатков плетеного шнура и полой трубочки должно выглядеть аляповато, но нет, безвестному автору не изменяет чувство меры. Разнообразны и орнаментальные мотивы (заштрихованные треугольники и полукруглые фестоны, концентрические круги и зигзагообразные линии). Исполненные в разной технике, в неожиданных сочетаниях и ритмах, орнаменты катакомбной керамики говорят о высоком художественном вкусе их творцов».

Находки каменных пестов для дробления руды, глиняных тиглей с каплями меди на стенках и литейных форм для отливки орудий труда или оружия свидетельствует о знакомстве катакомбников с производством бронзы. Однако некоторые ученые считают, что большинство обнаруженных на катакомбных памятниках бронзовых тесел, долот и топоров были сделаны в мастерских на Северном Кавказе.

Через торговцев–посредников или странствующих мастеров северокавказские орудия труда и оружие из бронзы, переднеазиатские стеклянные бусы, украшения из сердолика, бирюзы, ляпис–лазури не только попадали в самые отдаленные уголки катакомбного мира, но и проникали на территории сопредельных с ним среднеднепровской, фатьяновской и полтавкинской культур.

Большую часть сведений о представителях катакомбного общества ученые получают при изучении их могильников. Как правило, это группы невысоких (до 60 см) насыпей, среди которых порой возвышается один–два более крупных (до нескольких метров) кургана. Количество захороненных в одном кургане колеблется от одного (очень редко) до 20 человек. В центре насыпи обычно располагается мужское захоронение, возможно, главы большой семьи или рода. Вокруг размещаются погребения его родных и близких.

Погребальные сооружения катакомбной культуры значительно сложнее и разнообразней, чем погребения предшествующего периода. Большинство могил представляют собой колодцы–входы, в одной из стенок которых выкапывали пещерку–катакомбу. Как правило, колодцы соединялись с катакомбами посредством короткого прохода–лаза. В камере устраивали подстилку из ткани, бересты или шкур, на которую укладывали тело умершего в скорченном положении на боку, в вытянутом на спине и даже, как в предшествующее ямное время, — на спине с поднятыми вверх коленями. Рядом с умершим обычно ставили сосуды с пищей, клали украшения, орудия труда и оружие. Среди погребального инвентаря иногда находят флейты из нескольких состыкованных между собой трубок, сделанных из полых костей животных.

После похорон вход в погребальную камеру закрывался (обычно вкопанными бревнами или кольями), шахта засыпалась землей и глиной, после чего над могилой возводился курган. Нередко рядом с курганами находят ямы с захоронениями жертвенных животных (коней, коров, овец, коз, черепах) и, иногда, людей.

Находки в захоронениях катакомбного времени символов власти в виде каменных булав и боевых топориков, богатый погребальный инвентарь, парные погребения мужчин и женщин, в которых женщине отводилась явно подчиненная роль, выражавшаяся в помещении её тела в ногах у мужчины, свидетельствуют о выделении в катакомбном обществе племенной знати и возникновении патриархального рабства.

Вероятно, одним из отличительных признаков знати катакомбных племен был искусственно вытянутый череп, деформация которого при помощи туго привязанных дощечек начиналась с момента рождения. Захоронения таких людей, как правило, сопровождаются богатым инвентарем и жертвоприношениями.

Многочисленные находки обработанных тончайшей ретушью кремневых наконечников стрел, дротиков и копий, приспособлений для выпрямления стрел, каменных боевых топоров и булав свидетельствуют о том, что кроме мирных занятий в жизни катакомбных племен значительную роль играла война.



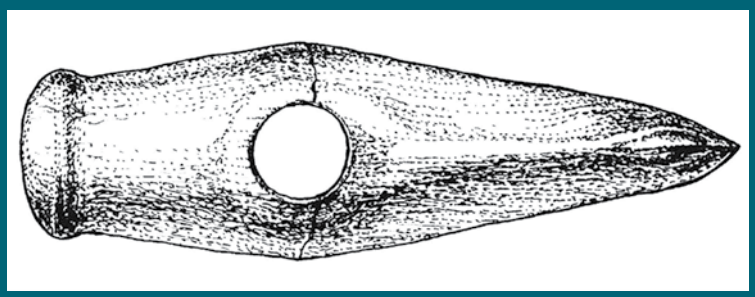
Клиновидный каменный топор с перехватом (п. Долгий, Большесолдатский район). Курский государственный областной музей археологии.

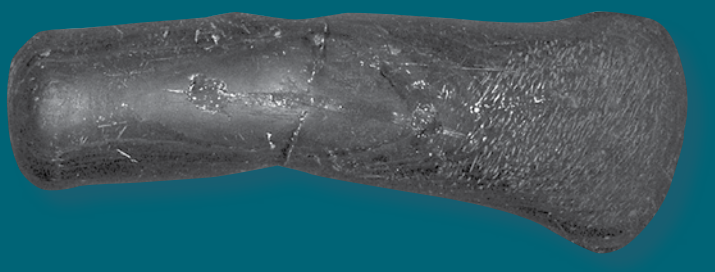
Крепление топора на гибкой рукоятке. Реконструкция А.В. Зубкова.

Именно катакомбники были изобретателями самого страшного оружия своего времени, долгое время делавшего их непобедимыми — двухколёсной боевой колесницы с парой или четверкой специально обученных и выдрессированных коней.

Сражавшиеся на колесницах воины первыми вступали в схватку и, воодушевляя соплеменников своим примером, прокладывали дорогу следовавшим за ними отрядам пеших воинов. Знатные бойцы были прекрасно экипированы. В одном из древневосточных текстов приводится перечень вооружения такого воина–колесничего — два колчана стрел, копья и кинжал. В евразийских степях предпочтение, видимо, отдавали не кинжалу, а боевому топору или булаве.

Стоимость вооружения знатного воина была достаточно высока, поэтому во время погребения дорогое боевое оружие могли заменять имитацией из доступных и легких в обработке материалов. На территории Курской области известно несколько находок таких топоров–муляжей. Два топора из





Топор сланцевый (с. Гочево, Беловский район). Курский государственный областной музей археологии.



Люди катакомбной культуры. Реконструкция З. Васиной (по З. Васіной).

белой глины обнаружил в 1960–х гг. у с. Ястребовки (Мантуровский р–н) учащийся Нижне–Дороженской школы Г. Рыженко, а ещё один вырезанный из сланца топор–имитация в 1990–х гг. был найден на пахоте жителем с. Гочево (Беловский р–н), который передал его сотрудникам Курского государственного областного музея археологии.

На последнем этапе существования катакомбной культуры её погребальный обряд заметно упрощается. Катакомбники перестают насыпать курганы, часто совершают захоронения в уже существующие насыпи. Катакомба как вид погребального сооружения почти исчезает, вместо нее людей хоронят в простых ямах или неглубоких (около 1 м) ямах с небольшой нишей–подбоем в одной из стенок. Ещё одно новшество касалось ориентировки погребенного по сторонам света. Если раньше умерших обычно помещали головой на юг, то теперь начинает преобладать размещение головой на север. В области распространения катакомбной культуры исчезают погребения знати. Крайне редко находятся кости жертвенных животных, кострища, в погребальном инвентаре преобладает глиняная посуда, в могилы перестают класть бронзовые предметы и орудия труда. Все это, по мнению исследователей, является свидетельствами духовного и социального кризиса, поразившего катакомбные племена на последнем этапе их развития.

Зарождение, развитие и распространение ряда евразийских степных культур бронзового века было тесно связано с расселением праиндоевропейских племен из своей «прародины» на юг и восток, во время которого носители индоевропейских языков заселили огромные территории Юго–Восточной Европы и Центральной Азии, покорили Балканы, Закавказье, Иран и Индию, проникли в Египет, Переднюю Азию и Китай.

ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

(середина II тыс. до н.э. — начало I тыс. до н.э.)

В середине II тыс. до н.э. на территорию современного Курского края начинают проникать племена *абашевской археологической культуры* (XX–XVII вв. до н.э.), названной так по имени курганного могильника в Чувашии (Россия). Абашевская культура возникла где–то в бассейне Дона, но ее носители за достаточно короткий отрезок времени расселились от Тобола на востоке до Десны и Сейма на западе.

Свои поселения абашевцы основывали преимущественно на склонах пологих террас, выходящих в поймы рек. Именно пойменные (луговые) участки в большей степени подходили для выпаса стад крупного рогатого скота, разведение которого было основой хозяйства абашевцев. В состав домашнего стада входили также свиньи, козы, овцы и лошади. Земледелие (пшеница, просо, лен и ячмень), охота (лось, благородный олень, кабан, заяц, бобер), рыболовство и собирательство имели дополнительный, второстепенный характер.

Жилищами абашевцам служили полуземлянки. Основой дома являлся прямоугольный котлован площадью до 30–40 кв. м и глубиной 1–1,5 м. В средней части котлована размещалось несколько столбов, на которые опирались боковые наклонные балки. Стены и крыша имели каркасно–столбовую конструкцию, крыша могла дополнительно утепляться слоем дерна или земли. Внутри котлована, как правило, в середине постройки располагался открытый очаг. Рядом с домами выкапывались хозяйственные ямы, часто использовавшиеся в качестве свалок для пищевых и хозяйственных отходов. Поселения состояли из десятка жилых построек, хозяйственных сооружений, гончарных и косторезных мастерских. По мнению воронежского археолога А.Д. Пряхина, население абашевского поселка соответствовало одному роду и не превышало 300–400 человек. Роды объединялись в племена, составлявшие племенной союз.



Мужчина абашевской культуры. Пепкинский могильник (Республика Марий Эл, Россия). Раскопки А.Х. Халикова. Реконструкция Г.В. Лебединской.

Поселок абашевской культуры. Реконструкция Н.А. Арзютова (по А.Н. Бессуднову и др.).





В доме мастера–литейщика. Реконструкция Л. Балака (с сайта «Antropark»).

На территории Курской области абашевское поселение середины II тыс. до н.э. было исследовано А.Е. Алиховой в 1961 г. у с. Успенки (территория современного г. Курчатова). Оно располагалось на песчаной дюне в пойме реки Сейм и состояло из двух слоев. Верхний оставили люди, жившие здесь в скифское время, а нижний содержал остатки характерных абашевских глиняных банок и колоколовидных горшков с орнаментом в виде прочерченных горизонтальных линий и примесью толченых ракушек в тесте. Отдельные фрагменты абашевской керамики были также встречены у с. Правороть (Горшеченский район), с. Реутец (Медвенский район) и на поселении Кулига (Беловский район).



Сосуд абашевской культуры. Могильник у с. Каменка. Курган № 3 (Белгородская область). Раскопки А.И. Пузиковой. Курский государственный областной музей археологии.

Первыми среди племен Восточной Европы абашевцы начали промышленную разработку уральских месторождений. Благодаря этому они всегда имели достаточные запасы медной руды и не зависели от ее импорта с Кавказа, Карпат или Балканского полуострова. Из бронзы абашевские металлурги изготовляли разнообразные орудия труда (топоры–тесла, серпы, ножи, шилья, рыболовные крючки), предметы вооружения (вислообушные топоры, наконечники копий, кинжалы) и украшения.

Наряду с изготовлением металлических изделий были широко распространены обработка дерева, камня, кости и ткачество. Немаловажное значение в жизни абашевских племен играло и гончарное производство, т.к. глиняные изделия широко применялись абашевцами в металлообработке (литьевые формы), в ткацком деле (грузики для ткацких станов), рыболовстве (грузила) и при совершении религиозных обрядов. Из глины делали и разнообразную посуду (горшки, банки, миски и чаши), толстые стенки которой украшались орнаментом в виде параллельных линий, елочек и зигзагов, иногда сочетавшихся с отпечатками крупнозубчатого штампа.

Погребальный обряд абашевцев предусматривал захоронение тела на спине в вытянутом положении под уплощенным курганом, часто в огромной могильной яме с деревянными конструкциями и перекрытием. Рядом с умершим обычно помещали орудия труда, оружие и сосуды с заупокойной пищей.

Сегодня на территории Курской области известно лишь два погребения с сосудами абашевского типа. Оба они были обнаружены при раскопках курганной группы у с. Средние Апочки (Горшеченский район).

Среди погребений рядовых членов абашевской общности выделяются захоронения людей, которых в загробный мир сопровождали оружие из бронзы, боевые колесницы и снаряженные лошади. Погребенные в таких могилах люди, вероятно, являлись вождями отдельных родов и племен. В битвах они предводительствовали племенными ополчениями, а опорой их власти были немногочисленные отряды знатных воинов–дружинников, вооруженных луками и стрелами для поражения противников на расстоянии, а также ножами, топорами и копьями для ближнего боя. Символом победы служили волосы убитого врага. Об этом свидетельствует ряд мужских захоронений с ножевыми надрезами на черепах, появившимися во время скальпирования.

В середине II тыс. до н.э. на земли абашевцев начинают проникать представители *срубной археологической культуры* — наиболее поздней среди восточноевропейских степных культур бронзового века. Появившись на Средней Волге во 2–й четверти II тыс. до н.э., срубные племена с 1600 до 1200 гг. до н.э. постепенно занимают территорию от Оки на севере до Каспийского моря на юге, от р. Урал на востоке до притоков Днепра на западе.

Вероятно, отношения с встретившимися им племенами сложились у пришельцев по–разному. Представители катакомбных сообществ были частично истреблены или изгнаны, тогда как абашевцы влились в ряды пришельцев и, судя по результатам исследований воронежских археологов, стали ведущим компонентом в сложении донского варианта срубной культуры.

Основой расселения срубников были группы из 3–6 поселений, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга (от 300 м до 1 км). Поселения делились на долговременные и сезонные. Долговременные поселки состояли из нескольких наземных домов или длинных (до 20 м) прямоугольных полуземлянок с двухскатной кровлей, обогревавшихся открытыми очагами, обложенными камнями. Вокруг домов располагались хозяйственные сооружения, загоны, пристройки и навесы.

Сезонные поселения имеют небольшую площадь, и нередко на них отсутствуют археологически уловимые следы построек. Вероятно, обита-



Поселение Усово озеро (Донецкая область, Украина). Срубная культура.
Реконструкция С.С. Березанской (с сайта «Срубная культурно–историческая общность»).

тели таких поселков возводили лишь временные наземные жилища, в которых обитали сезонно, в связи с выпасом табунов лошадей или овечьих стад.

В 1995 г. поселение срубной культуры было исследовано курским археологом А.Н. Апальковым у с. Верхнее Гуторово (Курский р–н). В его культурном слое учёные обнаружили обломки орнаментированных глиняных сосудов, костяное острие, глиняную подвеску, обломок грузила, отбойник, ножевидные пластины и скребки из кремня. Были также зафиксированы следы разделенной на два помещения углубленной постройки. Жилище было частично разрушено карьером. Длина его сохранившейся части составляла 13,6 м, глубина 20–58 см. При исследовании жилища археологи обнаружили обломок кремневого наконечника стрелы или дротика, а также фрагменты разбитых сосудов.

Срубная керамика также была найдена на поселениях Пены 1 и 2 в Беловском районе, Попово–Лежачи 3, Бырдовка, Званное 1 и 2 в Глушковском районе, Комаровка 1 в Кореневском районе и у х. Птина в Медвенском районе.

Основой хозяйства представителей срубной археологической культуры было скотоводство. В состав домашнего стада входил крупный рогатый скот (преобладал), лошади, козы, овцы и свиньи. Земледелие, охота и рыболовство играли вспомогательную роль.

Среди домашних занятий ведущее место занимало изготовление глиняной посуды, лепившейся женщинами без применения гончарного круга. При подготовке глины к лепке в нее добавлялись шамот (мелко раздробленная керамика) и навоз. Посуда делится на три категории — кухонная, тарная и столовая. На первой встречаются следы нагара, вторая состоит из крупных сосудов для хранения зерна и хозяйственных запасов, третья — самая нарядная и аккуратно изготовленная. Преобладающей формой посуды является баночная, но также известны горшки, чаши и сковородки. В верхней части посуду украшали орнаментом из насечек (перевернутые вершинами вниз треугольники, кресты, зигзаги, волны, горизонтальные линии).



Сосуд срубной культуры. Курганная группа Таловый I (Ростовская область, Россия). Раскопки Р.А. Мимохода (по Р.А. Мимоходу).

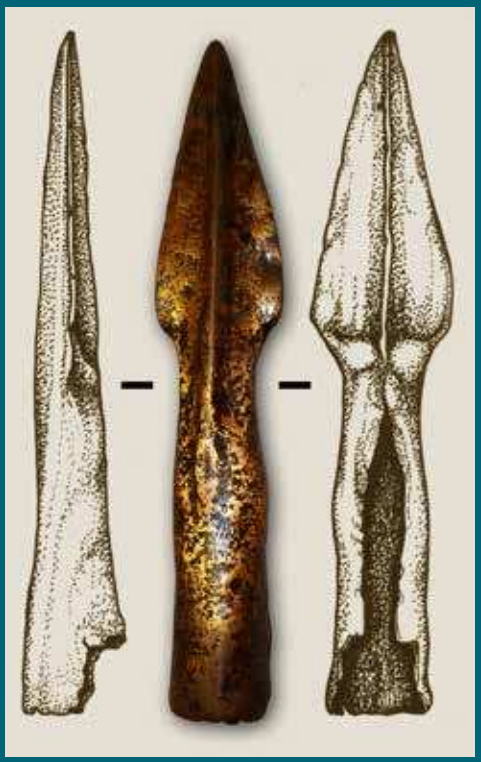
Важную роль в жизни срубников также играли обработка кости (шилья, струги для обработки шкур, пряслица, спицы, псалии), камня (молоты, зернотерки), дерева, металлургия и металлообработка (вислообушные топоры, серпы, косари, наконечники копий, кинжалы, долота, украшения).

Возможно, одному из срубных мастеров–литейщиков принадлежал клад бронзовых орудий, в 1891 г. обнаруженный жителями д. Скакун (современный Касторенский р–н). Клад был найден при добыче торфа на глубине около двух метров и состоял из четырех массивных бронзовых топоров «обычной формы с низкой втулкой на конце», двух бронзовых долот и тонкой бронзовой пластинки с расширенным концом. Выкупленные у крестьян предметы были переданы в Императорский Российский Исторический Музей (современный Государственный исторический музей, Москва), в фондах которого хранятся до сих пор.

Своих умерших срубники хоронили в деревянных срубах, по которым культура и получила свое название. Обычно в неглубокой яме устраивался прямоугольный ящик из бревен или досок. Срубы имеют один–два венца, концы которых соединяются так, что в остроугольные пазы на концах одних бревен вставлены треугольные шипы на концах других. Сверху срубы покрывались досками или расколотыми пополам бревнами.

Интересно отметить, что давшие название культуре погребальные срубы больше всего распространены в Поволжье.

Для донского варианта срубной культуры, в зону распространения которого входил и восток современной Курской области, наиболее характерным было помещение умершего на левом боку с руками у лица и головой на север или северо–восток. В могилу обязательно помещался сопроводитель-

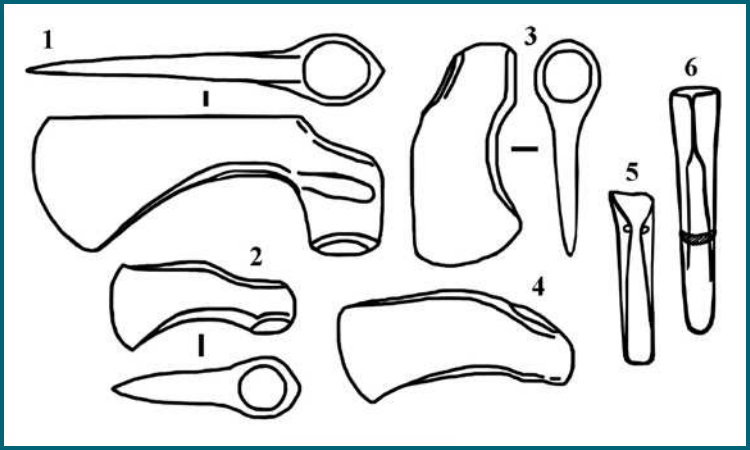


Бронзовый наконечник копья (д. Моква, Курский район). Курский государственный областной музей археологии.

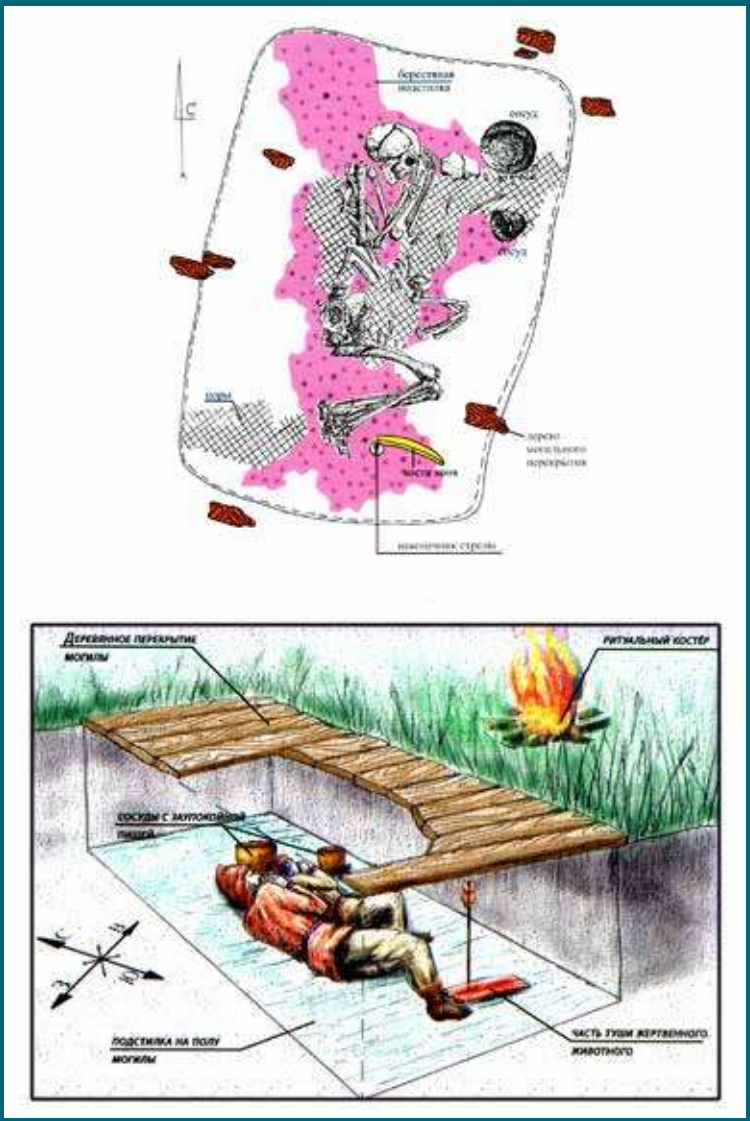


Бронзовый топор–кельт. Курская область. Курский государственный областной музей археологии.

Крепление кельта на рукоять. Реконструкция А.В. Зубкова.



Клад бронзовых орудий. Найден в 1891 г. у д. Скакун (современный Касторенский район). Государственный исторический музей (Москва) (по О.А. Кривцовой–Граковой).



Погребение срубной культуры в кургане у с. Чамлык–Никольское (Липецкая область, Россия). Реконструкция Е.Н. Мельникова (по А.Н. Бессуднову и др.).

ный инвентарь и сосуды, а погребение сопровождалось принесением в жертву животного.

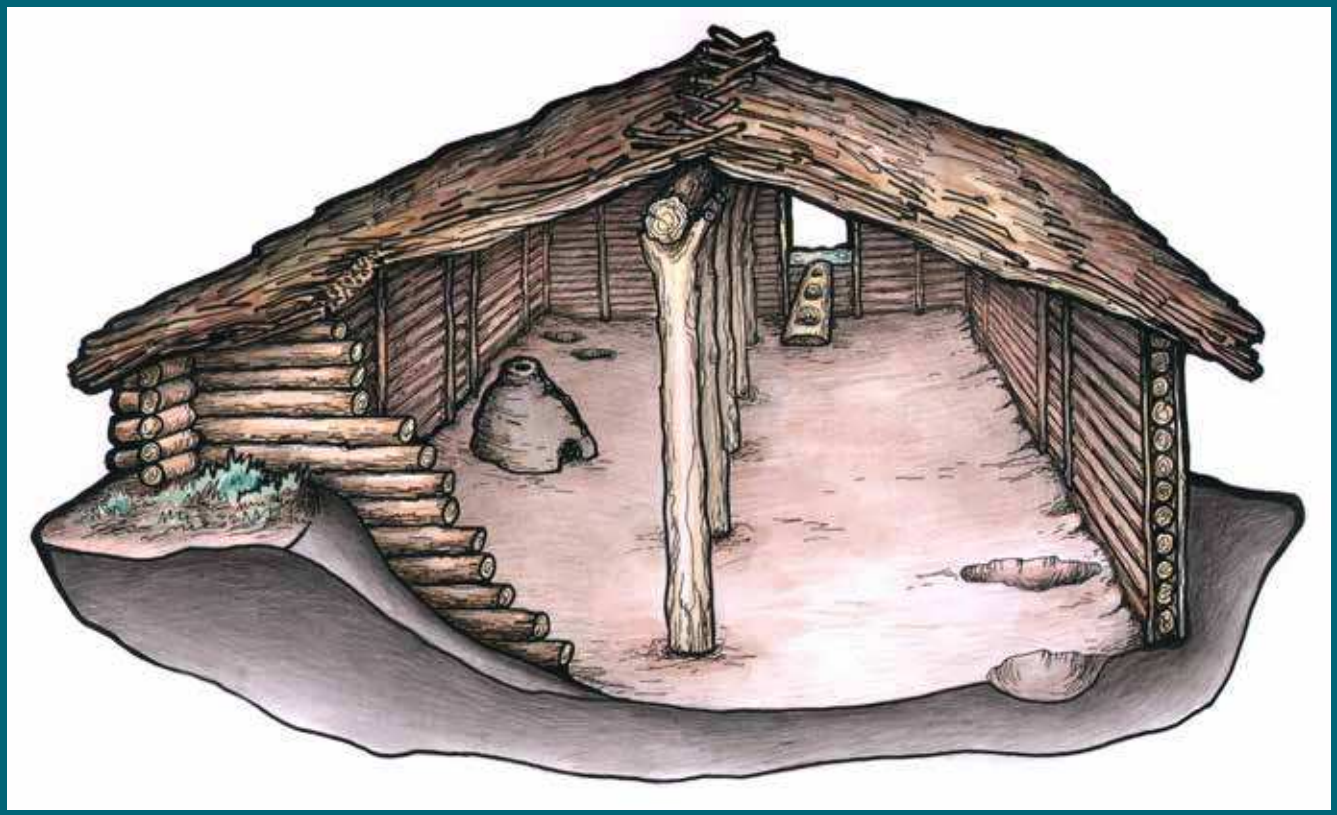
Жившие далее на запад срубники ограничивались тем, что просто устраивали над могильной ямой деревянное перекрытие. На это перекрытие иногда ставили сосуд, укладывали части туши жертвенного животного и вещи. Кроме того, перекрытие посыпали углями и мелом. Еще дальше к югу умерших срубников хоронили в каменных ящиках.

После завершения погребальных обрядов над могилой насыпали курган, средний размер которого достигал 2–3 м в высоту и 15–20 м в окружности.

Как правило, под одной могильной насыпью находится не одно, а несколько (порой несколько десятков) захоронений. Возможно, это свидетельствует об использовании срубниками курганов в качестве родовых усыпальниц. Сопроводительный инвентарь срубных погребений достаточно беден. Это глиняная посуда, бронзовые листовидные ножи, шилья и височные кольца. Лишь в исключительно редких случаях с мужчинами клали оружие (каменные топоры, кремневые или костяные наконечники стрел) и погребали коней.

Северо–западные районы современной Курской области занимали племена *сосницкой археологической культуры* (вторая половина II — начало I тыс. до н.э.), являвшиеся прямыми потомками носителей среднеднепровской культуры раннего бронзового века. Занимавшие плодородные поймы Сейма, Десны, Среднего и Верхнего Днепра сосницы выбирали для своих селений песчаные возвышенности или окруженные оврагами прибрежные мысы. Поселки состояли из наземных или углубленных в землю (0,5–1,4 м) больших столбовых домов (от 24–40 до 72–120 м^2) с одним или чаще двумя помещениями (жилое и кухня), с печами или открытыми очагами, хозяйственными ямами. Деревянные стены жилищ изнутри обмазывались глиной, а двускатная крыша покрывалась камышом. В каждом таком доме могло проживать от 10 до 15 людей, а общее число обитателей поселка могло колебаться от 250 до 300 человек.

В Курской области следы сосницкой культуры обнаружены на нескольких



Жилище сосницкой культуры. Реконструкция С.С. Березанской. Художник С.А. Смеричинская.

десятках древних поселений. Среди них Гора Ивана Рыльского (г. Рыльск), Попово–Лежачи 3 и Отруба 1 — 4 (Глушковский район), Новый Бузец (Железногорский район), Верхнее Гуторово (Курский район), Комаровка 2 (Кореневский район) и Выдрино 1 (Большесолдатский район).

В области обитания носителей сосницкой культуры распространены курганные или грунтовые могильники, при исследовании которых ученые находят погребения людей, совершенные по двум разным об-



Кремнёвые наконечники стрелы и дротика. Сосницкая культура. Городище Кузина Гора (Курчатовский район). Раскопки А.Е. Алиховой. Курский государственный областной музей археологии.



Сосуд сосницкой культуры. Погребение на поселении Гочево 4 (Беловский район). Раскопки В.М. Горюновой. Курский государственный областной музей археологии.



Кремнёвый наконечник дротика. Бондарихинская культура. Поселение Жерновец 3 (Золотухинский район). Раскопки А.И. Пузиковой. Курский государственный областной музей археологии.

рядам. Во время совершения первого тело просто закапывали в землю, при втором умершего сначала сжигали, и лишь затем остатки (пережженные кости) помещали в могилу. Захоронение первого типа в 1987 г. было обнаружено археологом В.М. Горюновой при раскопках поселения Гочево 4 (Беловский р–н). К сожалению, могила была разрушена еще в древности и от погребения сохранилась лишь верхняя часть лежавшего на левом боку скелета, ориентированного головой на юг. Перед лицом покойного стоял лепной тонкостенный горшок баночной формы с тщательно заглаженной и орнаментированной поверхностью, в котором, вероятно, находилась заупокойная пища для умершего.

Соседями населявших Курский край в позднем бронзовом веке соснинцев и срубников были обитавшие по берегам Псла и Тускари племена *бондарихинской археологической культуры*, в XII — начале VII вв. до н.э. занимавшей Днепро–Донское лесостепное междуречье и получившей своё имя по урочищу Бондариха близ г. Изюм (Украина).

Большинство бондарихинских поселений устраивалось в поймах рек на песчаных дюнах, надпойменных террасах, реже на высоких речных мысах. Столбовые жилища были наземные или углубленные в землю на 0,4–0,7 м. Стены домов делались из бревен или из жердей, а затем покрывались глиняной обмазкой. Пищу готовили на открытых очагах или в глиняных печах. В жилищах имелись хозяйственные ямы, в которых хранились запасы еды.

В 1987 г. при исследовании многослойного поселения у с. Гочево В.М. Горюновой было обнаружено относящееся к бондарихинскому времени углубленное в грунт на 0,6–1 м прямоугольное (17 х 8,5 м) жилище столбовой конструкции, в заполнении которого археологи нашли фрагменты глиняных сосудов, костяные проколки, поделку из раковины и несколько каменных орудий (нож, скребок, заготовка наконечника стрелы).

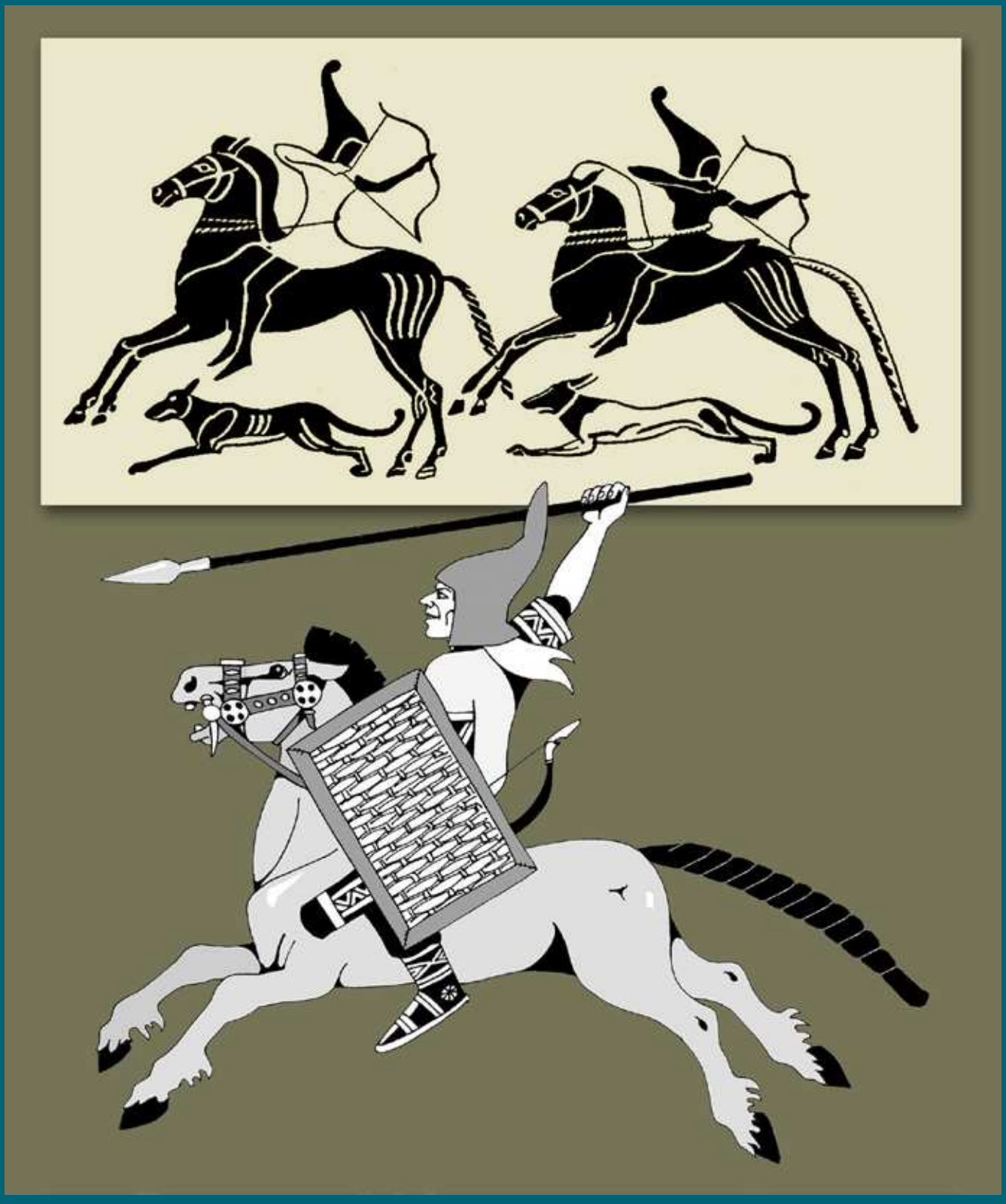
Ещё одна бондарихинская постройка была раскопана М.Б. Щукиным на дюне Кулига у с. Картамышево (Обоянский р–н). Поскольку жилище было углублено в землю лишь на 10–20 см, его очертания удалось проследить только по темному пятну и рядам столбовых ямок глубиной 20 см и диаметром 20–30 см. В двух ямках сохранились остатки оснований обугленных деревянных столбов, расположение которых указывает на то, что постройка имела двускатную крышу. Два золистых пятна в пределах жилища, возможно, являлись следами открытых очагов.

Относящиеся к бондарихинской культуре предметы и керамика были обнаружены и А.И. Пузиковой во время раскопок поселения Жерновец 3 (Золотухинский р–н) в 1982–1983 годах.

Немногочисленные бондарихинские погребения представляют собой грунтовые могильники с остатками кремации в урнах или круглых ямках, а также отдельные трупоположения под курганными насыпями в скорченном положении на боку.

Согласно украинскому исследователю Ю.В. Буйнову, исчезновение бондарихинской культуры было связано с появлением на территории Днепро–Донской лесостепи в конце VIII в. до н.э. групп ранних кочевников, носителей культур черногоровского и новочеркасского типов, часть из которых была известна своим современникам под именем «гиммра» или «киммерийцев».

Следов внезапного вражеского вторжения на позднебондарихинских поселениях пока не отмечено. Вероятно, это говорит о том, что перед угрозой вражеского нашествия их обитатели организованно покинули свои поселения. По предположению исследователя, потоки беженцев шли в двух направлениях. Из Среднего Подонья бондарихинцы могли уйти на Верхний Дон и в Среднее Поочье, где впоследствии растворились среди племен городецкой культуры. Те же, кто обитал в бассейне Северского Донца, верхних течениях Сулы, Псла и Ворсклы, осели на Правобережье Сейма, в бассейне Десны и верховьях Оки, смешались с представителями близкородственной лебедовской культуры и стали родоначальниками юхновской культуры раннего железного века.



Киммерийцы. Роспись на этрусской вазе VI в. до н.э. Копия с более старой греческой вазовой росписи. Воин позднего бронзового века («киммериец»). Реконструкция А.Г. Шпилева.



ТАЙНЫ ДРЕВНИХ КУРГАНОВ

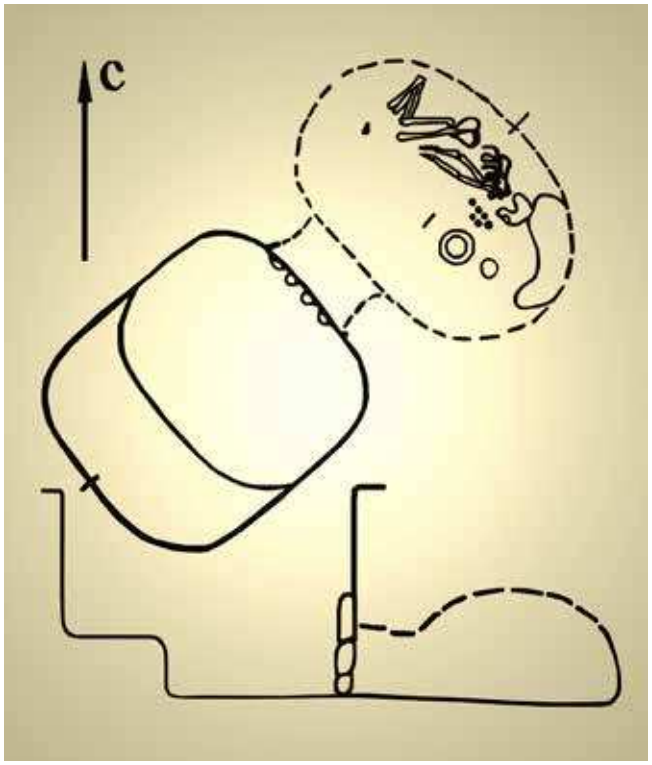
Наиболее яркими и наиболее хорошо исследованными памятниками бронзового века на землях Курского края являются могильные курганы. Огромные земляные насыпи, оплывшие и нередко распаханные, встречаются в нашей области повсеместно. Ничем на первый взгляд не различающиеся между собой, они оставлены носителями различных археологических культур, сменявших друг друга на протяжении двух тысячелетий.

Захоронения катакомбного времени в пределах Курского края пока чрезвычайно редки. Одно из них было случайно обнаружено в 1936 г. в центре Курска при строительстве цирка на месте современного Главпочтамта. На глубине двух метров строители вскрыли парное погребение мужчины и женщины, скорченные скелеты которых были густо посыпаны красной охрой, а в состав погребального инвентаря входили небольшой глиняный сосуд и некогда скреплявшие одежду погребенных молоточковидные булавки. Вероятно, первоначально над могилой возвышался курган, впоследствии снесенный и перекрытый более поздними культурными напластованиями.

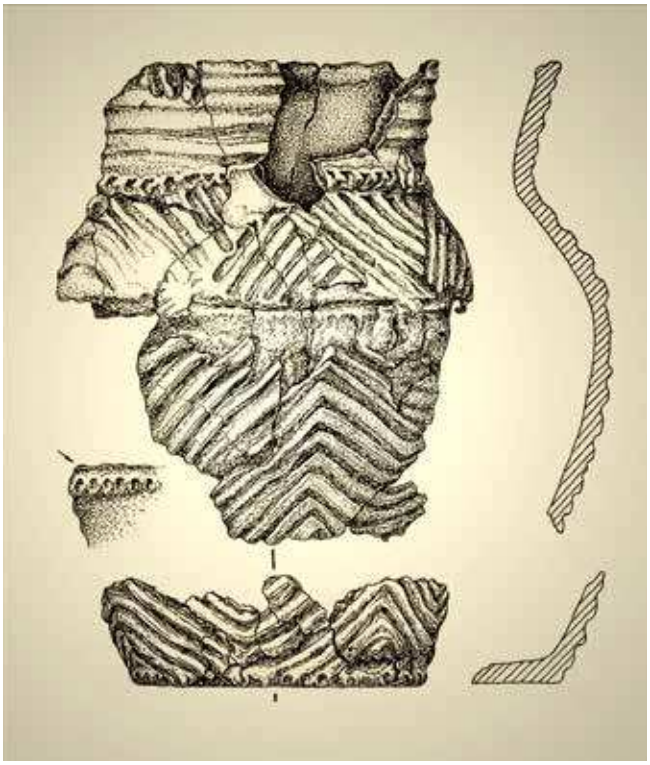
Второе погребение катакомбной культуры было раскопано в августе 1990 г. воронежскими археологами Ю.П. Матвеевым и Г.А. Левых у д. Азарово в Касторенском районе. В неглубокой катакомбе на левом боку лежал скорченный скелет девочки–подростка.

По свидетельству краеведа Е.Н. Кузнецовой, на дне погребальной камеры имелись следы растительного покрытия, а около ног скелета охрой были нарисованы отпечатки двух ступней. На костях рук археологи нашли два бронзовых браслета, в области шеи расчистили ожерелье из бронзовых бус, а рядом с телом — бронзовый нож. Около головы погребенной стоял богато орнаментированный глиняный сосуд. Предметы позволили учёным отнести захоронение к среднедонскому варианту катакомбной культуры и приблизительно датировать его XVII в. до н.э.

Курганы с абашевскими погребениями входили в состав могильника, уничтоженного крестьянами–кладоискателями в конце XIX — начале XX вв. у с. Нижний Реутец (современный Медвенский район). В поисках сокровищ кладоискатели вскрыли шахтами 12 курганов и нашли «погребения с 2–5 костяками в каждой могиле, в одной было 7 костяков; в каждой могиле стояли большие и малые глиняные сосуды… погребения были на материке и в грунтовых ямах без гробов и в гробах из толстых бревен; по–видимому, некоторые погребения были в сидячем положении [скорченные костяки?]. Все сосуды были разбиты крестьянами». Один уцелевший сосуд был подарен местным помещиком известному курскому краеведу К.П. Сосновскому, передавшему его Курскому историко–археологическому и кустарно-



Женское погребение катакомбного времени у с. Азарова (Касторенский район). Раскопки Ю.П. Матвеева и Г.А. Левых (по Ю.П. Матвееву).



Сосуд из женского погребения в кургане у с. Азарова. Раскопки Ю.П. Матвеева и Г.А. Левых. Касторенский районный краеведческий музей.

му музею. Сейчас это прекрасное произведение абашевских гончаров выставлено в одном из залов Курского государственного областного музея археологии.

Гораздо больше изучено в Курской области погребений со срубными захоронениями. Первые из них исследованы Д.Я. Самоквасовым ещё в 1891 г. при раскопках курганного могильника у с. Воробьёвки Курского уезда (современный Золотухинский р–н). Могильник располагался на возвышенности, господствующей над окружающею местностью настолько, что с вершины большого кургана в ясный день можно было обозревать пространство на двадцать километров в окружности. Центральное место в могильнике занимал большой курган высотой 8,5 м и окружностью насыпи в 108 м, под насыпью которого на уровне дневной поверхности Д.Я. Самоквасов обнаружил следы разложившегося дерева, покрывавшего пространство около 2 м в квадрате, и остатки лежащего на левом боку человеческого скелета, положенного головой на юго–восток. Руки погребённого были прижаты к груди, кистями к нижней челюсти, ноги согнуты к туловищу. Несколько выше скелета, над его головой, был найден бронзовый «наконечник копья», а возле костяка — обломки двух глиняных сосудов и просверленный зуб животного. Обнаруженное в погребении бронзовое орудие было ошибочно определено исследователем как наконечник копья, однако на помещенной в «Отчёте» фотографии изображён нож характерной для племён срубной культуры формы.

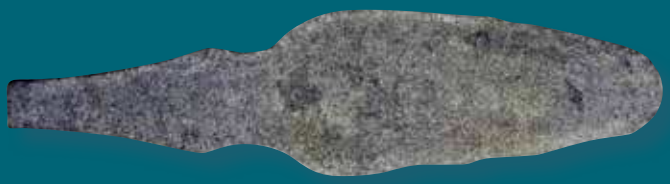


Нож и браслеты. Бронза. Женское погребение в кургане у с. Азарова. Раскопки Ю.П. Матвеева и Г.А. Левых. Касторенский районный краеведческий музей.

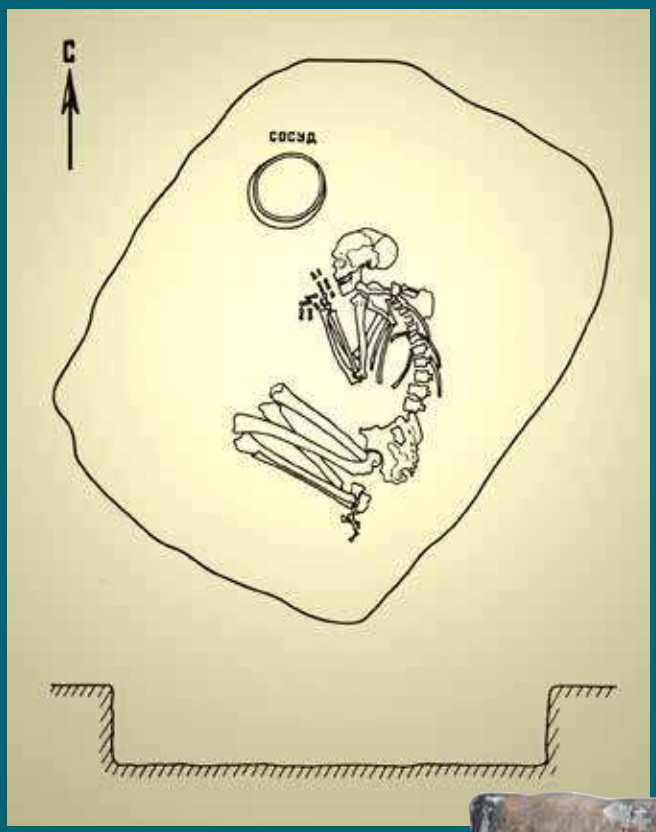
Вокруг большого кургана были видны следы распаханной группы более мелких курганов. Из них более или менее заметными сохранились только пять насыпей (две с северной стороны большого кургана и три с южной), из которых Д.Я. Самоквасов исследовал четыре. В трех курганах были найдены только осколки грубых глиняных сосудов, вероятно, происходившие из распаханных могил, а на дне четвертого, имевшего в централь-



Сосуд. Абашевская культура. Могильник у с. Нижний Реутец (Медвенский район). Курский государственный областной музей археологии.



Нож. Бронза. Срубная культура. Курган у с. Воробьевка Курского у. (современный Золотухинский район). Раскопки Д.Я. Самоквасова (по ОИАК 1891 г.).



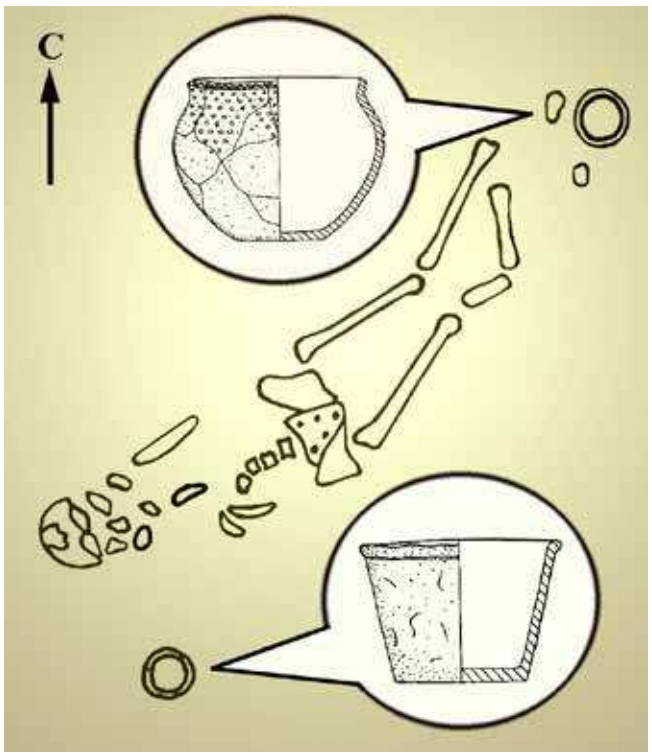
Погребение срубной культуры. Могильник у с. Средние Апочки (Горшеченский район). Раскопки А.И. Пузиковой (по А.И. Пузиковой, 1967).

ной части около 1,4 м высоты, были обнаружены две могилы, подобные захоронению в большом кургане, с остатками очень плохо сохранившихся скорченных человеческих скелетов, при одном из которых нашли «глиняную мисочку и бронзовый наконечник копья, совершенно сходный с наконечником копья большого кургана, а при другом — грубый глиняный сосуд».

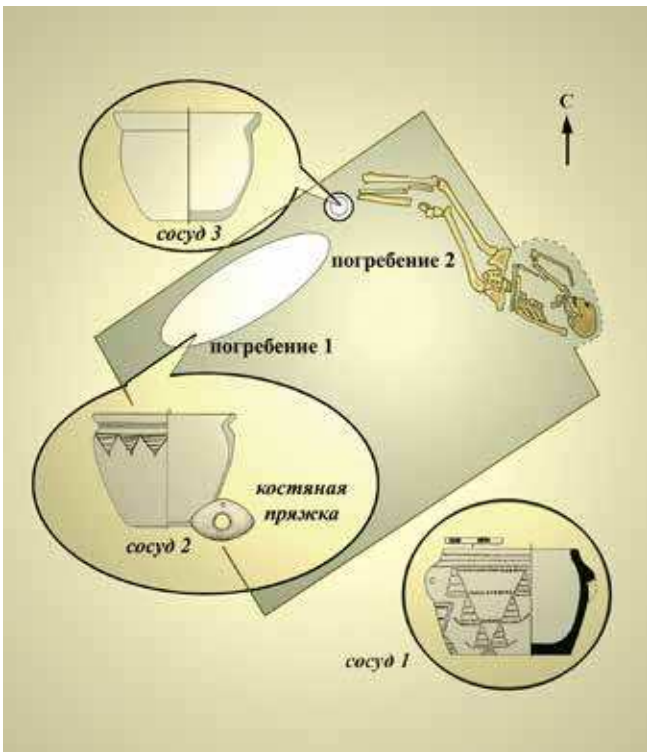
Ещё один срубный курган в 1962 г. был исследован А.Е. Алиховой у с. Средние Апочки в Горшеченском районе. Под насыпью археолог обнаружила семь мелких могил, в которых лежали



Сосуды из захоронений могильника у с. Средние Апочки. Раскопки А.И. Пузиковой. Курский государственный областной музей археологии.



Погребение бондарихинской культуры. Могильник у с. Коробкино (Конышевский район). Раскопки А.Н. Апалькова (по А.Н. Апалькову, 1994).



Захоронения срубной культуры на ул. 1–я Соловьевка (г. Курск). Раскопки А.В. Зорина (по А.В. Зорину, 2012).

скелеты в скорченном положении на левом боку, головой на восток, север и северо–восток. Среди обнаруженных погребений три принадлежало детям, одно — мужчине, два — женщинам; пол одного погребенного определен не был. Умершие были положены головой к центру и, возможно, ориентированы на основное мужское захоронение в северной половине кургана. Каждое погребение сопровождалось типичными для срубной культуры невысокими горшками баночной формы, преимущественно без орнамента или украшенных одним рядом ямочных вдавлений. Два сосуда было обнаружено и при вскрытии курганной насыпи. Вероятно, они являлись следами сопроводительного жертвоприношения, так как в одном из них находились обожженные кости.

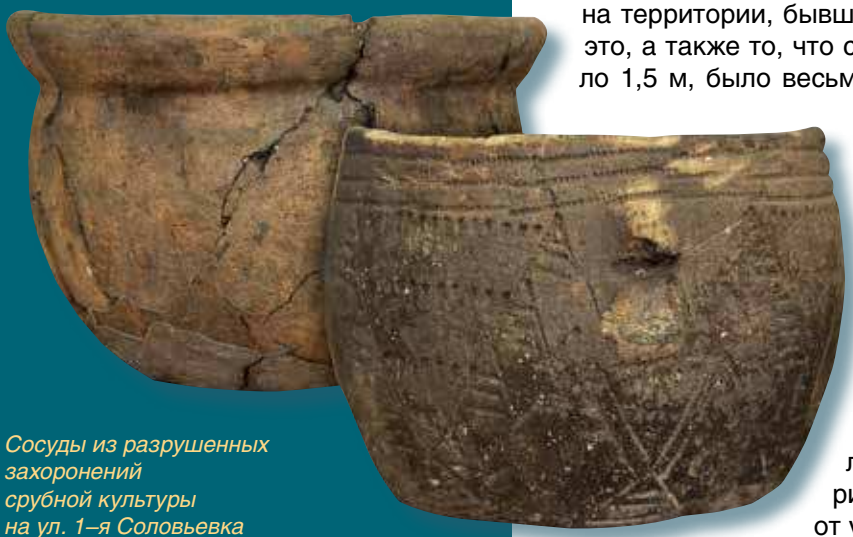
В 1967 г. А.И. Пузиковой были раскопаны еще два кургана Апочкинского могильника. Под насыпью первого археологи обнаружили три захоронения, в которых находились скорченные скелеты со следами красной охры на костях и характерными для срубной культуры погребальными сосудами. Второй курган содержал семь погребений, совершённых в несколько этапов. Сначала было вырыто три неглубоких могильных ямы, в которые поместили скорченные тела погребённых.

В двух захоронениях умерших сопровождали глиняные сосуды, внутри одного из которых археологи обнаружили подгоревшие остатки какой–то пищи. По крайней мере, над одной из могил существовало деревянное перекрытие, остатки которого прослеживались на костях скелета в виде небольших плашек, направленных вдоль и поперек ямы. После завершения погребальных церемоний над умершими была возведена небольшая курганная насыпь (около 1 м высоты). Затем в кургане было похоронено ещё три человека, причём каждый раз захоронение сопровождалось подсыпкой кургана в длину и высоту, отчего он приобрел удлинённую форму. Все вышеописанные погребения относятся к срубной культуре, и лишь одно носит следы тесного взаимодействия с абашевскими племенами.

Не совсем обычное погребение бондарихинской культуры было обнаружено в 1994 г. сотрудником Курского государственного областного музея археологии А.Н. Апальковым при исследовании могильника у д. Коробкино (Конышевский р–н). В двух раскопанных курганах ученые нашли оставшиеся после сожжения тел умерших кучки пережженных костей и золы. Под третьей насыпью был обнаружен мужской скелет, который лежал в вытянутом положении на спине, головой на юго–запад. Справа от черепа стоял небольшой неорнаментированный сосудик. В ногах археологи расчистили ещё один горшок, венчик которого



Поясная пряжка. Кость. Срубная культура. Погребение на ул. 1–я Соловьевка (г. Курск). Раскопки А.В. Зорина. Курский государственный областной музей археологии.



Сосуды из разрушенных захоронений срубной культуры на ул. 1–я Соловьевка (г. Курск). Сосуд справа — дар С.В. Фроловой и А. Фролова, сосуд слева — раскопки А.В. Зорина. Курский государственный областной музей археологии.

украшали шедшие по его краю и внутренней части насечки, а по шейке рядами шли наколы, образующие композицию из треугольников, опущенных вниз вершинами.

Захоронения, подобные коробкинскому, не были характерны для бондарихинцев, поэтому его наличие можно объяснить лишь тем, что могильник располагался в области соприкосновения нескольких племен эпохи поздней бронзы, что и отразилось в редком сочетании различных погребальных обрядов.

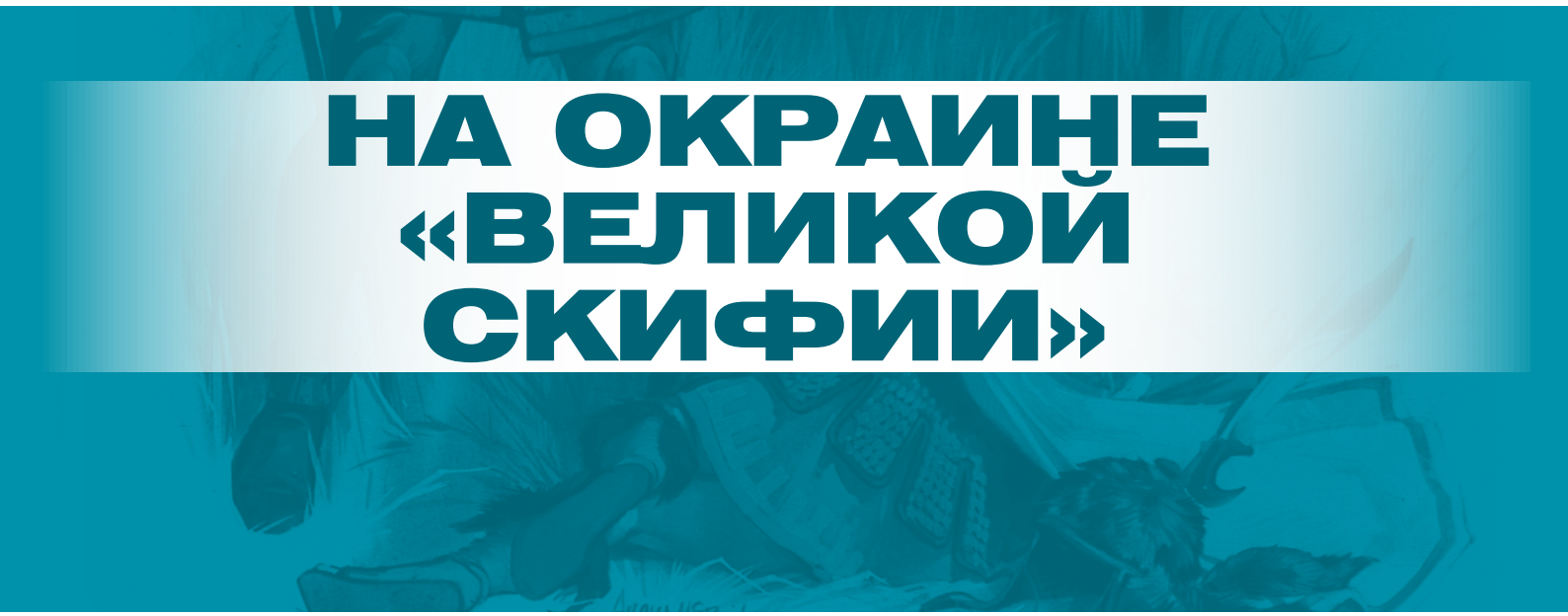
Последнее по времени обнаружения погребение эпохи бронзы, также относящееся к срубному времени, было открыто в мае 2008 г. в Курске на ул. 1–я Соловьёвка. Всё началось с того, что в мае 2008 г. при рытье погреба здесь во дворе дома был обнаружен лепной богато орнаментированный сосуд. Хозяйка дома С.В. Фролова и её сын Алексей передали находку в Курский музей археологии. Они рассказали, что домовладения на ул. 1–я Соловьёвка располагались на территории, бывшей ранее пахотным полем. Учитывая это, а также то, что сосуд был обнаружен на глубине около 1,5 м, было весьма вероятно, что находка происходит из погребения распаханного кургана эпохи бронзы. Предположение подтвердилось год спустя, когда при новых земляных работах во дворе того же дома, примерно в 2 м к югу от места предыдущей находки, А.В. Зориным действительно были обнаружены захоронения бронзового века.

В пределах раскопанного участка их оказалось два. Оба располагались на едином уровне жёлтой материковой глины на глубине около 1,5 м от уровня современной дневной поверхности. Следы могильных ям в пределах котлована не прослеживались.

Первое погребение представляло собой захоронение ребёнка с характерной костяной пряжкой и глиняным сосудом в ногах. К сожалению, оно оказалось практически полностью уничтожено в ходе рытья котлована. Погребённый лежал головой на северо–восток.

В непосредственной близости от черепа детского захоронения располагалось второе погребение, сохранившееся гораздо лучше. Костяк молодого мужчины в возрасте примерно до 30 лет, ориентированный головой на юго–восток, лежал на спине с подогнутыми ногами и согнутыми в локтях руками. Череп имел продолговатую приплюснутую форму, образовавшуюся, вероятно, в результате прижизненной искусственной деформации. В ногах стоял глиняный сосуд.

Учитывая размеры, каких обычно достигали курганы срубников, можно с уверенностью сказать, что под участком семьи Фроловых и их соседей находится ещё не одно захоронение далёкой эпохи бронзы.



НА ОКРАИНЕ «ВЕЛИКОЙ СКИФИИ»

В начале I тыс. до н.э. у обитавших на территории Восточной Европы племён начинают появляться орудия труда и оружие из железа — материала более лёгкого, прочного и долговечного, чем камень или бронза. К тому же болотная руда встречалась повсеместно, и очень скоро местные мастера начали самостоятельно выплавлять из неё железо. На территории Европейской России следы древнейшего производства железа, предположительно, относятся к середине II тыс. до н.э. Они были обнаружены на поселениях срубной культуры в соседней с нами Воронежской области (Россия), где рядом с остатками бронзолитейного ремесла археологи нашли железные орудия труда и шлаки. В IX–VIII вв. до н.э. производство орудий, предметов обихода и оружия из железа приобретает повсеместный характер, знаменуя начало новой исторической эпохи — раннего железного века.

Распространение железа совпало с изменением климата на юге Восточной Европы. Начавшееся ещё в эпоху бронзы усыхание степей привело к тому, что обитавшие в протянувшемся от Дуная до пустыни Гоби степном поясе скотоводческо–пастушеские племена повсеместно переходят к кочевому и полукочевому образу жизни. Исчезают многочисленные поселки с наземными и углубленными в землю постройками, а жизнь теперь протекает в повозках, в постоянном движении людей вместе со стадами от одного пастбища к другому. Большая подвижность кочевых племен, поиски лучших пастбищ приводили к частым военным столкновениям. Постоянная угроза вражеского нападения заставляла племена объединяться в союзы, способные защитить принадлежащие им кочевья, стада и пастбища. Свою мощь эти союзы используют не только для обороны, но и для подчинения кочевых и земледельческих соседей, создавая более или менее устойчивые политические образования. Одним из таких объединений, занявших к VII в. до н.э. господствующее положение в южнорусских степях, стал союз племен, известный древним под именем ишкуза, или скифов.

Согласно антропологическим данным, скифы были европеоидными брахикефалами, а античные историки и географы описывают их как людей с белой кожей и рыжими волосами. Упоминающиеся в древней литературе имена и названия свидетельствуют о том, что язык скифов относился к североиранской языковой группе. В связи с этим, вопреки бытовавшему некогда мнению, говорившие на нём люди не могут считаться непосредственными предками славян.



Скифский царь Скилур. II в. до н.э. Неаполь Скифский (Крым, Россия). Реконструкция М.М. Герасимова (с сайта «Единая коллекция»).



Племена Скифии в V в. до н.э. по Геродоту Галикарнасскому.

Существует несколько гипотез о том, где находилась родина скифов. По одной из них (М.И. Ростовцев и А.И. Тереножкин), они пришли в Европу из Центральной Азии. Сторонники другой (А.М. Тальгрен, М.И. Артамонов и Б.Н. Граков) считают, что скифы являлись потомками продвинувшихся в северное Причерноморье из поволжско–приуральских степей племен срубной культуры. В пользу последней гипотезы свидетельствуют и работы известных учёных–антропологов (Г.Ф. Дебец, Т.С. Кондукторова), доказавших, что по своим параметрам черепа причерноморских скифов ближе всего стоят к черепам носителей срубной культуры и не имеют никакого сходства с черепами среднеазиатских саков.

В конце VII в. до н.э. скифские племена начинают заселять территорию современного Курского края. Новые пришельцы частью вытеснили, частью ассимилировали обитавших здесь в позднем бронзовом веке носителей бондарихинской археологической культуры. Уже в VI в. до н.э. территория современной Курской области прочно вошла в состав так называемой Скифской державы, занимавшей огромную территорию от Днестра до Дона.

По свидетельству Геродота, собственно скифы делились на три большие племенные группы, главной из которых были «скифы царские», занимавшие степной Крым и южнорусские степи от Днепра до Азовского моря и Дона. Более западная часть степей принадлежала «скифам–кочевникам», а к востоку от Днепра, на территории Лесостепного Левобережья, обитали «скифы–земледельцы», этнически и культурно связанные со степными кочевыми скифами.

На территории современной Курской области граница между кочевыми и оседлыми скифами проходила по верхнему течению реки Сейма и вдоль р. Тускари.

Скифы–кочевники занимали восточные районы Курского края, лежащие в междуречье Сейма и Сосны. Описывая жизнь кочевых скифов, греческий врач и естествоиспытатель Гиппократ писал: *«...называются они кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие — шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя отделениями; они непроницаемы ни для воды, ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов: рога у них не растут от холода. В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях; за ними следуют их стада овец и коров и табуны лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее не хватит, переходят в другую местность. Сами они едят вареное мясо, пьют кобылье молоко и едят «иппаку»* [сыр из кобыльего молока. — А.Ш.]».

Из кожи, шерсти, войлока и получаемого от оседлых племен полотна кочевники изготовляли снаряжение и одежду. Женщины носили свободного покроя длинные платья, мужчины — остро-



Скифский лучник. Середина VI в. до н.э. Реконструкция Д. Вэрри. Художник Д. Бурн (по Д. Вэрри).

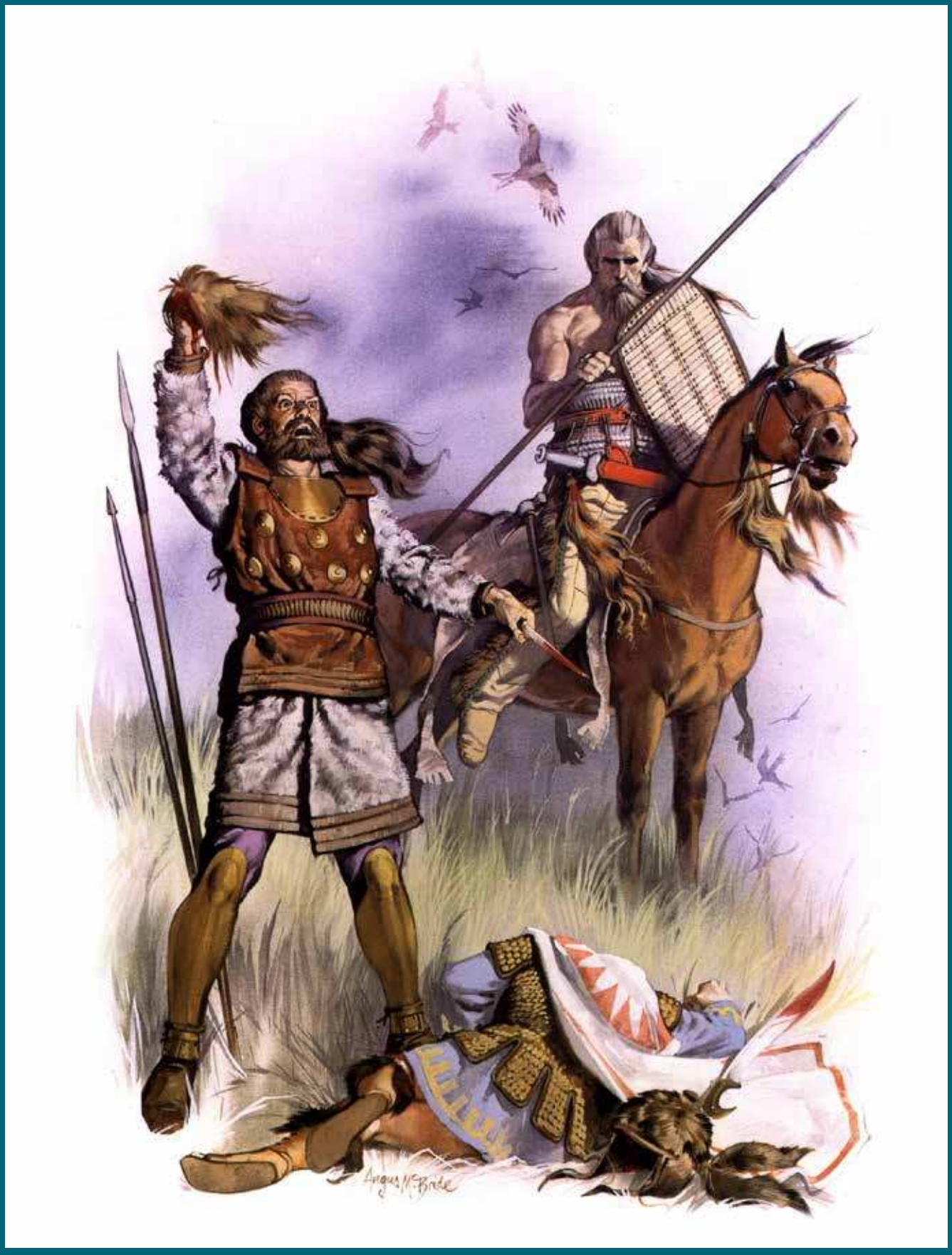
Сражающиеся скифские воины. Навершие гребня. Золото. Конец V — начало IV вв. до н.э. Курган Солоха (современная Днепропетровская область, Украина). Раскопки Н.И. Веселовского. Государственный Эрмитаж (по: «Древние цивилизации». М, 1989).

конечные башлыки, рубахи, короткий кожаный (мехом внутрь) кафтан с длинными рукавами, широкий пояс, узкие кожаные штаны или широкие шерстяные шаровары, заправленные в низкие кожаные полусапожки, перехваченные у щиколоток ремнями. Одежда украшалась вышивкой или аппликациями из ткани, кожи и меха, на парадные костюмы скифской знати нашивались золотые бляшки.

Все мужчины у кочевых скифов были воинами, жизнь которых проходила в постоянной готовности к битве, а оружие составляло важнейшую часть прижизненного обихода и посмертного погребального инвентаря. Основу войска кочевых скифов составляло племенное ополчение, но у вождей уже начали появляться собственные отряды тяжеловооруженных воинов–дружинников. Во время сражения окруженный дружиной предводитель располагался в центре войска, на флангах же размещались конные стрелки из лука.

Во время схватки голову скифа защищал кожаный или металлический шлем, тело — кожаная безрукавка, чешуйчатый панцирь и пояс, сплошь окованный узкими поперечными пластинками из бронзы или железа. Защиту дополняли небольшие щиты из кожи и дерева. Наступательное вооружение включало в себя лук со стрелами, копье, дротик, кинжал, боевой топор и относительно короткий (45–70 см) меч–*акинак*. К кожаному ремню крепились колчан–*горит* с луком и стрелами, акинак в обтянутых кожей деревянных ножнах, кинжал, топор–*секира*, каменный оселок, сумка, чаша и мешочек с запасными наконечниками стрел.

Военные обычаи скифов были достаточно жестоки и дики на взгляд современного человека. Геродот сообщал, что «*скиф пьет кровь первого убитого им врага, а головы всех убитых им в сражении относит к царю, потому что принесший голову получает долю захваченной добычи, а не принесший не получает. С головы он сдирает кожу… и, выдубив ее, держит у себя в виде утиральника, привязывает к узде коня, на котором сам ездит, и гордится этим, так как тот, который имеет наибольшее количество таких кожаных утиральников, считается самым доблестным мужем. Многие скифы из содранных кож делают себе для одеяния плащи, сшивая их как козьи шкурки. Многие так же, содрав кожу вместе с ногтями с правых рук убитых неприятелей, делают покрышки для колчанов. Наконец, многие сдирают кожу со всего трупа, напяливают на палки и возят с собой на лошадях*». Из голов знатнейших врагов скифы делали чаши, отпиливая верхнюю часть черепа и обтягивая ее сырою воловьей кожей.



Скифские воины. Конец VI–IV вв. до н.э. Реконструкция А. Макбрайда (по E.V. Cernenko).

Вероятно, в основе всех этих действий лежали религиозные воззрения скифов о переходе к победителю через кровь и части тела силы побежденного противника, подчинении и обезвреживании духа убитого врага.



Накладка с изображением пантеры. Глушковский район (по А.Г. Шпилеву, 2012а).

С культом военной доблести был связан и так называемый скифский звериный стиль — изображение ряда строго определенных вымышленных (грифоны) или реальных (копытные, кошачьи хищники) животных и птиц (орлы) в традиционных для скифского искусства позах и способах их изображения. Наиболее популярными у кочевников были звери, обладавшие силой и выносливостью, стремительностью и быстротой реакции, зоркостью и тонким обонянием, мощью первого удара. В зверином стиле украшали преимущественно оружие и предметы конского снаряжения, а также ритуальную посуду и костюм. По мнению А.И. Мелюковой, мотивы хищных животных и птиц или их частей — глаза, когти, лапы, раскрытая пасть — не только имели орнаментальное назначение, но носили ещё и религиозно–магический характер. Они как бы усиливали боевые качества оружия и коня, придавали особую силу, смелость, меткость удара, быстроту воинам–всадникам.

Скифский звериный стиль как неотъемлемая часть культуры ранних кочевников, наряду с конским убором и вооружением определённых типов, формирует т.н. скифскую триаду. Именно наличие этой триады определяет круг культур скифского типа, распространённых на территории современных России, Украины, Казахстана, Киргизии, Монголии и Северного Китая в VIII–III вв. до н.э.

Так как поселения кочевников были кратковременными, а жилища переносными, следы таких стойбищ обнаружить практически невозможно. Поэтому основной материал для изучения скифской кочевой культуры учёные получают при исследовании курганов, в которых степняки хоронили своих умерших.

Геродот сообщал, что в случае смерти скифа *«ближайшие родственники обвозят покойника на повозке по всем его друзьям; каждый из них устраивает угощение провожатым, причем и покойнику предлагают из всех тех яств, что и другим. Частных лиц возят таким образом сорок дней* [вероятно, предварительно забальзамировав. — А.Ш.], *а затем хоронят».*



Пузикова Анна Ивановна
(р. в 1932 г.)

Советский, российский археолог, кандидат исторических наук, специалист по культурам восточноевропейской лесостепи скифского времени, старший научный сотрудник ИА АН СССР (РАН).

В 1967, 1969, 1972–1988 гг. возглавляла работы Курской экспедиции ИА АН СССР. В 1978–1988 гг. (в 1978–1983 гг. совместно с Э.А. Сымоновичем) руководила спасательными работами по обследованию площади затопления проектируемого Курского водохранилища р. Тускарь. За это время провела стационарные раскопки на нескольких городищах скифского времени на территории области (Нартово, Марица, Глебово, Переверзево I, Жерновец и др.).

Автор монографий по раннему железному веку на территории Посеймья.

Наиболее распространенной формой погребальных сооружений у кочевых скифов в VII–V вв. до н.э. были простые прямоугольные ямы. Позднее, в IV–III вв. до н.э., господствующее место заняли катакомбы, при устройстве которых вход в погребальное помещение выкапывался в одной из длинных стенок входной ямы. Как правило, сама погребальная камера была не велика и рассчитана на захоронение одного человека с небольшим сопровождающим инвентарем. Однако могилы знатных скифов иногда имеют по несколько могильных камер, предназначавшихся для дополнительных захоронений слуг и жен умершего. Во время похорон тело клали в могилу в вытянутом положении на спине, обычно головой на запад, реже — на восток. Иногда ноги мёртвых связывали и ставили коленями вверх. В редких случаях известны захоронения в скорченной позе на левом или правом боку. Тело помещали на подстилку из тростника, травы, коры деревьев, реже — из шерстяной ткани, шкур и войлока. Для этих же целей достаточно часто применялись деревянные настилы и решетчатые носилки. Иногда под голову покойным помещали деревянные подставки или подушки из травы. В состав погребального мужского инвентаря обязательно входило оружие — колчан со стрелами, 1–2 копья, изредка — меч или кинжал, щит, доспехи, предметы конского снаряжения (железные удила, псалии, бронзовые бляхи от сбруи) и украшения.

У женщин чаще всего находят свинцовые или глиняные пряслица (грузики для веретен), украшения и, иногда, оружие (обычно наконечники стрел). К числу предметов, характерных для погребений скифянок из высшей знати, относятся зеркала, ожерелья из золотых и стеклянных бус, золотые височные кольца и подвески, греческие веретена.



Золотая нашивная бляха с изображением терзающего оленя грифона с наездником на спине. V–IV вв. до н.э. Курган № 1 у с. Дуровка (Белгородская область, Россия). Раскопки А.И. Пузиковой (по А.И. Пузиковой, 1995). В исследовании курганного могильника у с. Дуровки активное участие принимали студенты историко–педагогического факультета Курского государственного педагогического института.

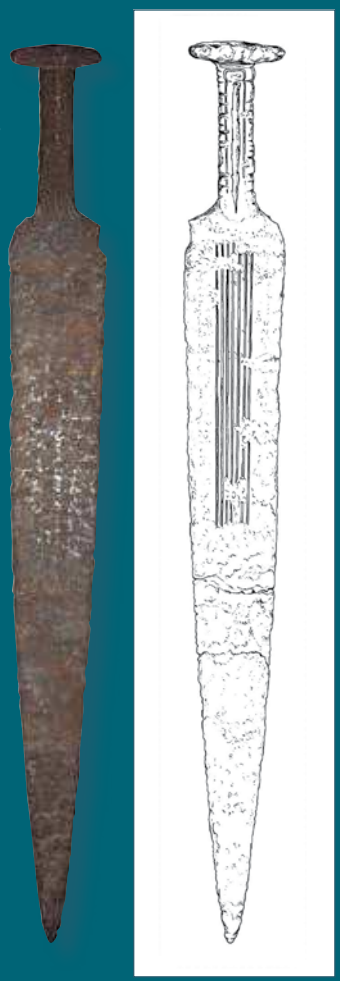
Почти обязательно как в мужские, так и в женские погребения клали мясную пищу — часть туши (бок с лопаткой) овцы, реже — лошади или коровы. Мясо с воткнутым в него ножом помещалось на деревянном блюде или подносе в головах покойного.

Затем могила перекрывалась бревнами или плахами, и участвующие в похоронах люди устраивали поминальный пир–*тризну*, следами которой являются находимые на уровне древней дневной поверхности отдельные кости животных, обломки амфор, лепных глиняных горшков, иногда наконечники стрел.

После завершения тризны над погребением возводился курган от 1,5 до 20 метров высотой, а так как землю для насыпи брали прямо на месте, то у подножия образовывался ров, ширина и глубина которого зависели от размеров возведенного кургана.

К сожалению, расположенные на востоке и юге современной Курской области курганы скифского времени до сих пор не исследованы и в этих районах известны лишь случайные находки предметов вооружения того времени — мечей–*акинаков*, кинжалов, наконечников стрел. Можно предположить, что они происходят из распаханных погребений скифов–кочевников, в конце VII–III вв. до н.э. обитавших в верховьях курских рек Сейм, Щигор, Тим, Кшень, Оскол и Олым.

Центр и запад Курского края занимали представители земледельческой *лесостепной скифоидной культуры* (VI–V вв. до н.э.). В отличие от кочевников–скотоводов это были оседлые земледельцы, жившие в небольших постоянных поселениях. Для защиты от набегов своих воинственных соседей обитавшие по берегам Сейма, Тускари и Псла



Меч–акинак. Железо (с. Рогозцы, Тимский район). Курский областной краеведческий музей.



Жилище. Марицкое городище (Льговский район). Раскопки А.И. Пузиковой. Реконструкция С.А. Смеричинской.

люди воздвигали на высоких береговых мысах хорошо укрепленные городища: Моисеевское, Кузина Гора, Кудеярова Гора, Липинское, Лысая Гора, Шуклинское, Плаксинское, Переверзевское, Нартовское, Шатохинское, Ратманское и др.

Одним из наиболее изученных курских укреплённых поселений скифоидной культуры является городище у с. Марица (Льговский р–н), исследованное А.И. Пузиковой в 1973–1976 гг.

Городище располагалось на высоком береговом мысу, с запада и востока защищённом глубокими оврагами. На юге овраги сливались и широкой ложбиной спускались к правому притоку Сейма — реке Прутище. На северной и южной сторонах городища были выкопаны оборонительные рвы и возведены земляные валы. Их гребни служили основанием деревянных частоколов.

За укреплениями находился небольшой посёлок. Жилища располагались в высокой восточной части городищенского плато, двумя цепочками следуя друг за другом с севера на юг. Всего археологи обнаружили остатки 26 наземных построек площадью от 9 до 24 кв. м, расстояние между которыми колебалось от 0,5 до 10 м. По мнению А.И. Пузиковой, отсутствие в жилищах разделительных перегородок, изолированность и небольшие размеры говорят о том, что в них обитали отдельные семьи численностью до пяти человек. Исходя из этих расчетов, количество обитателей Марицкого городища не превышало 80–100 человек.

Формы углубленных в землю на 20–40 см жилищ были достаточно разнообразны, но чаще всего они представляли собой не очень правильные прямоугольники или квадраты. Стены домов имели сплетённый из веток каркас, сверху обмазанный глиной. Для отопления и приготовления пищи использовались расположенные в центре или у одной из стен постройки очаги, устроенные прямо на полу или в специально выкопанных неглубоких ямках. Около домов находились хозяйственные ямы и отдельные очаги, вероятно, предназначенные для приготовления пищи за пределами жилого помещения.

Обнаруженные во время раскопок предметы свидетельствуют о занятиях обитателей Марицкого городища земледелием (ячмень, пшеница, просо, горох, бобы), скотоводством (крупный рогатый скот, лошади, мелкий рогатый скот, свиньи), охотой



Каменная зернотерка. Марицкое городище (Льговский район). Раскопки А.И. Пузиковой. Курский государственный областной музей археологии.



Сосуды. Скифоидная культура. Курская область. Курский государственный областной музей археологии.

(лось, благородный олень, косуля, кабан, медведь, лиса, заяц, бобр, сурок–байбак) и рыболовством, ткачеством, металлообработкой, изготовлением посуды и культовых предметов из глины, орудий труда из камня, дерева и кости.

Могильники, оставленные на территории Курского края оседлым населением скифских городищ, пока не обнаружены, поэтому погребальный обряд их обитателей нам не известен.

Ткацкий станок скифского времени. Реконструкция И.Л. Чёрной (по А.И. Пузиковой, 1981).

Глиняные грузики от ткацкого станка. Марицкое городище (Льговский район). Раскопки А.И. Пузиковой. Курский государственный областной музей археологии.



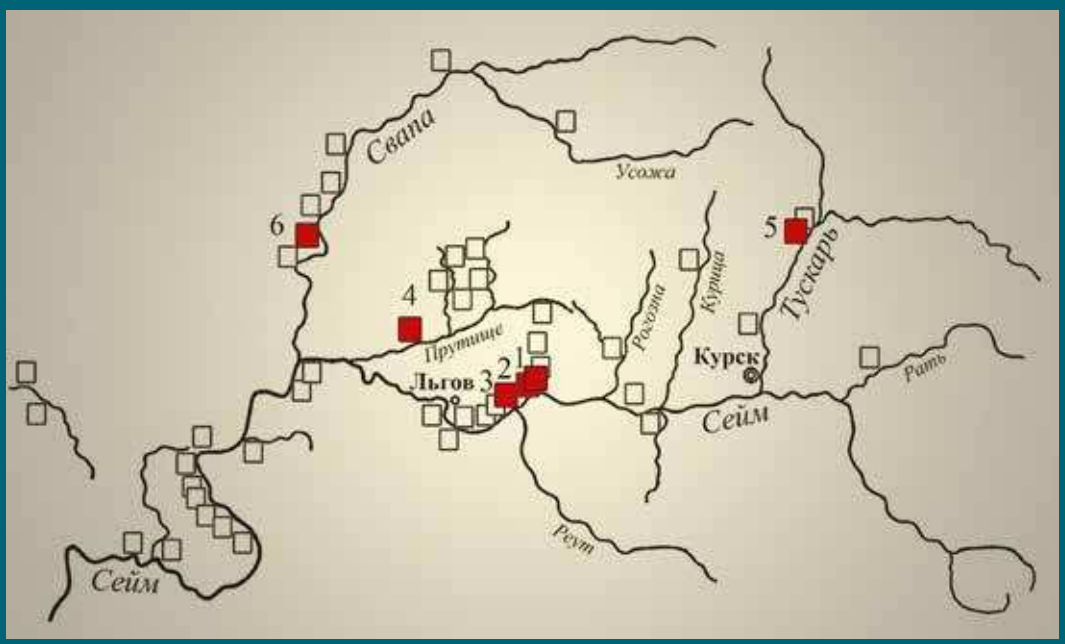
КУРСКИЕ МЕЛАНХЛЕНЫ

В середине V в. до н.э. на территорию современного Курского края вторгаются носители *юхновской археологической культуры.* По мнению А.И. Пузиковой, большая часть местного скифоидного населения была вынуждена оставить обжитые места. Одни покинули свои жилища, не дожидаясь прихода врагов, как это сделали обитатели Марицкого городища, на котором археологами не было отмечено ни следов осады, ни пожарищ. Другие оказали сопротивление и были изгнаны силой, а их укрепленные поселения сожжены, подобно городищу Переверзево I (Золотухинский р–н). Впрочем, некоторые скифские городища продолжали существовать и после завоевания юхновцами курских земель. Можно предположить, что их обитатели признали свою зависимость от новых пришельцев в обмен на позволение остаться в местах привычного обитания и постепенно растворились среди завоевателей.

Ряд ученых считает, что юхновцы были потомками носителей бондарихинской археологической культуры, в конце бронзового века вытесненных кочевыми предшественниками скифов с Днепровского Левобережья. Укрывшиеся в лесах Подесенья бондарихинцы, совместно с родственными им племенами лебедовской культуры, положили начало юхновской археологической культуре (VII в. до н.э. — II в. н.э.), названной так по городищу у с. Юхново (Черниговская обл., Украина). Большинство археологов связывает юхновцев с обитавшими к северу от владений царских скифов меланхленами, про которых Геродот сообщал, что они *«все носят чёрные одежды, от которых и произошло их название, а образ жизни у них скифский»*. Распространение в ареале этой культуры балтских гидронимов позволяет лингвистам и историкам достаточно уверенно предполагать, что юхновцы принадлежали к восточнобалтской общности, впоследствии полностью ассимилированной славянами при их расселении в пределах современной Северной Украины, Белоруссии и западной части Центральной России.



Кинжал. Городище Кузина Гора (Курчатовский район). Раскопки А.Е. Алиховой. Курский государственный областной музей археологии.



Курские городища скифского времени. 1 — городище Кузина Гора, 2 – Александровское городище, 3 – городище Кудеярова Гора, 4 – Марицкое городище, 5 — городище Переверзево I, 6 — Моисеевское городище (по Ю.А. Липкингу, 1962).



Девушка из племени меланхленов. Юхновская археологическая культура. По материалам Курской области. Реконструкция А.Г. Шпилева, И.Г. Василенко. Художник И.Г. Василенко.

Придя на курские земли, юхновцы или заняли покинутые скифские поселения (Кузина Гора, Кудеярова Гора, Лысая Гора, Моисеевское, Липинское, Шуклинское, Переверзевские I и II, Ратманское и др.), или основали новые (Красный Курган, Александровское, Жадинское, Тимохинское, Сугровское, Малое Иванинское, Быкановское, Березуцкое и др.). Однако продвинуться дальше Среднего Посеймья юхновцы не смогли или не захотели, и вплоть до конца скифского времени здесь проходила граница юхновской и лесостепной скифоидной культур, отмеченная цепочками юхновских (Среднее Посеймье) и скифоидных (Нижнее Посеймье) укрепленных поселений–городищ.

Как и у земледельческих скифоидных племен, основным типом юхновских поселений были селища и небольшие городища, защищенные валами, рвами и оборонительными сооружениями. Основным типом юхновских жилищ были наземные постройки, отапливавшиеся открытыми очагами. Широкое распространение имели т.н. длинные дома, стены которых делались из обмазанных глиной тонких бревен, жердей и прутьев.

Остатки одного из таких «длинных домов» (8,5 х 4 м), слегка углублённого в грунт на 10–30 см, были обнаружены О.Н. Мельниковской при исследовании Жадинского городища (Кореневский р–н).



Хозяйственная постройка. Дюна «Староверское кладбище» у г. Льгова. Раскопки А.Н. Апалькова. Реконструкция А.Н. Апалькова. Художник С.А. Смеричинская.

В 1995 г. А.Н. Апальковым на песчаной дюне «Староверское кладбище» у г. Льгова были обнаружены следы большой постройки неправильной округлой формы (5,3 х 4,1 м), углублённой в землю на 10–30 см. Внутри жилища было найдено три скопления яйцевидных глиняных блоков, обломки юхновских сосудов, точильные камни, обломки литейной формы, грузик, бусина, кремневые пластины и шлак. Рядом с жилищем учёные расчистили остатки хозяйственного сооружения с углубленной на полметра в землю округлой частью, вытянутым коридором и несколькими ступенями.

Летом 2006 г., примерно в 100 м к северо–западу от места раскопок, в стенке песчаного карьера сотрудником Курского государственного областного музея археологии А.Г. Шпилевым было обнаружено небольшое скопление кальцинированных костей. Тщательно очищенные от золы и пепла кости находились в неглубокой (30–40 см) ямке, нижняя часть которой носила следы сильного прокала. Ранее, в этом же карьере, местные жители также находили небольшие скопления кальцинированных костей, часть из которых сопровождалась насыщенными золистыми пятнами, а в одном из них вместе с золой присутствовали фрагменты небольшого сосуда. Возможно, песчаный карьер разрушил могильник, состоявший из погребений, совершенных по обряду кремации на стороне с последующим захоронением части отобранных останков в неглубоких ямках, который был оставлен обитателями поселка, существовавшего на Льговской дюне в юхновское время.

Одним из интереснейших юхновских памятников Днепровского Левобережья стало исследованное А.Е. Алиховой в 1955–1961 гг. городище Кузина Гора (Курчатовский р–н). Оно располагается на высоком береговом мысу Сейма, один склон которого круто спускается к надпойменной террасе, а другой (противоположный) — к широкому оврагу. С напольной стороны городище в древности защищали два вала и ров между ними. Укрепление так же было обнесено двумя рядами частоколов, от которых сохранились канавки шириной 35–40 см и глубиной до 1 м. Одна из стен тянулась по краю площадки, а вторая шла от нее в 8–9 м по склону мыса. У въезда стены изгибались в сторону площадки, образуя ворота, от которых по средней линии городища шёл узкий проезд. По его сторонам располагались наземные столбовые постройки, в которых жили обитатели городища.



Городище Кузина Гора (Курчатовский район). Реконструкция А.Е. Алиховой. Макет С.С. Назарова. Экспозиция Курского государственного областного музея археологии.



Хлебец ритуальный. Липинское городище (Октябрьский район). Раскопки О.Н. Енуковой. Курский государственный областной музей археологии.



Бронзовая подвеска в виде конька. Жадинское городище (Кореневский район) (по А.Г. Шпилеву, 2012а).

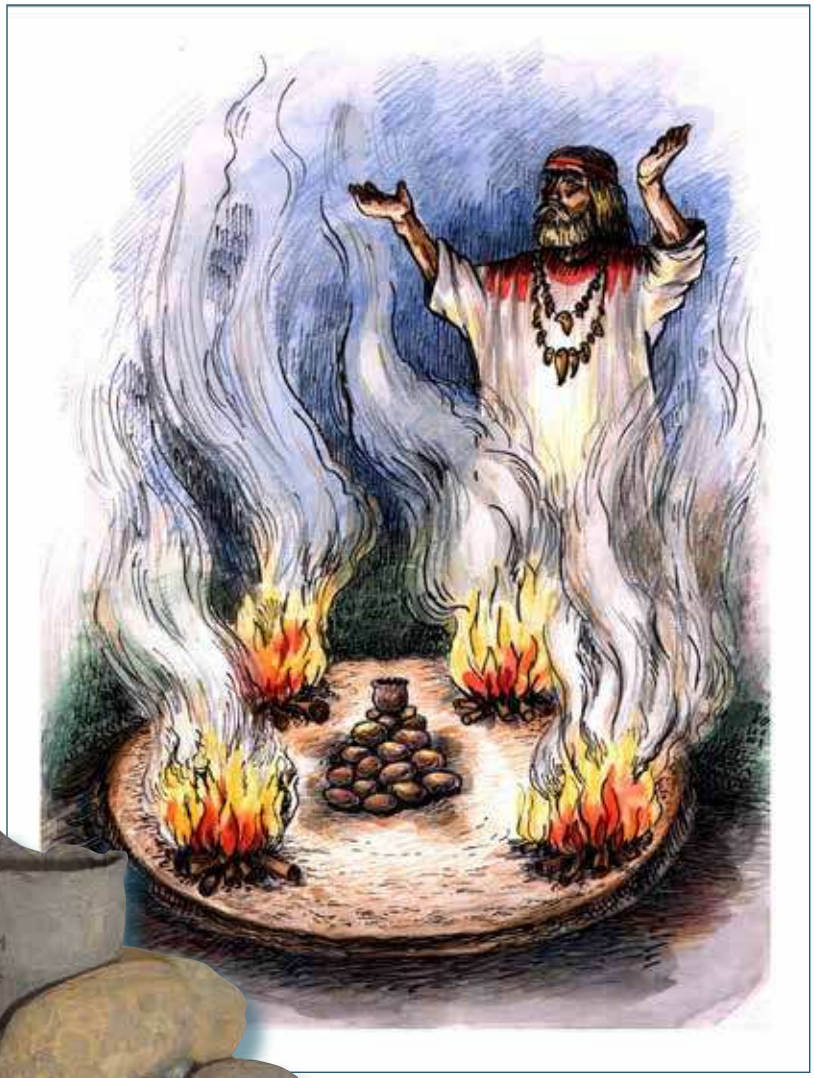
Первоначально городище Кузина Гора имело два въезда — с мыса и с напольной части. Мысовой въезд представлял собой прегражденный двумя воротами узкий (1–1,2 м) четырехметровый коридор, сужающийся в конце до 60–сантиметрового проезда.

Доступ на городище перекрывался тремя воротами или заслонами. Чтобы затруднить нападающим проникновение во внутреннюю часть городища, внутренние ворота были несколько смещены в сторону по отношению к внешним. Въезд со стороны поля был более протяженным и достигал 44 м. Сначала он проходил сквозь наружную оборонительную стену, затем пересекал валы и, проходя мимо торцевых стен «длинных домов», поднимался на площадку городища. Ширина этого коридора в разных местах колебалась от 3 метров до 80 см. В нескольких местах въезд также перекрывался воротами.

Параллельно внутренней оборонительной стене были сооружены два узких (4–5 м ширины) «длинных дома», кольцом опоясывавших все городище. Внешние стены этих домов состояли из глубоко вкопанных бревен. Канавки для внутренних стен были менее глубоки, но для придания стенам большей устойчивости примерно через каждые два метра были поставлены столбы, опущенные в глубокие, вырытые на дне канав ямы. Внутри домов археологи не нашли следов перегородок, столбов и очагов. Это может свидетельствовать о нежилом характере данных помещений, вероятно, использовавшихся как хранилища припасов или убежища на случай осады. В постройки можно было попасть через несколько

узких (до 40 см) входов, защищенных ещё одной стеной из вкопанных столбов. Получившийся коридор полутораметровой ширины соединялся у въезда на городище с торцами домов. Вероятно, вся эта конструкция была предназначена для того, чтобы сбить с толку ворвавшегося внутрь городища врага, дать защитникам возможность перегруппироваться и снова вступить в бой.

По мнению А.Е. Алиховой, в развитии системы укреплений Кузиногорского городища можно проследить несколько периодов. Первоначально оборонительные сооружения состояли лишь из трех рядов частокола с напольной стороны и, возможно, одного с противоположной мысовой части. Затем с напольной стороны между стенами «длинного дома», а также в промежуток между двумя оборонительными стенами были насыпаны земля и обожженная глина. Возводимые заново постройки были передвинуты внутрь городища на четыре метра, ведущий с мыса к реке проезд уничтожен, а по краю мыса сооружены две сплошные стены.





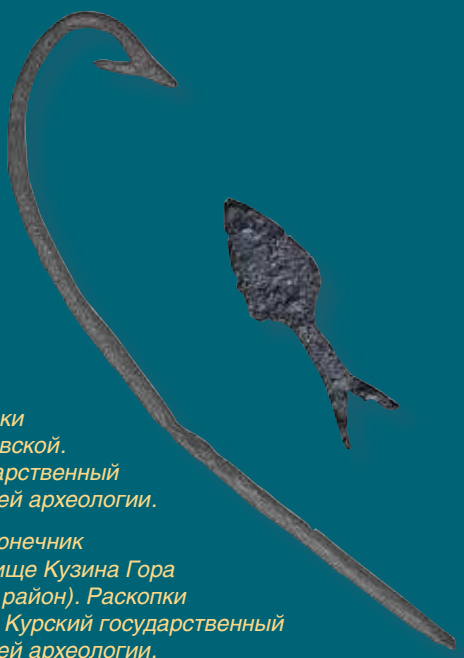
Успенское святилище. Реконструкция С.А. Смеричинской.

Жертвенник скифского времени. Успенское поселение (г. Курчатов). Раскопки А.Е. Алиховой. Курский государственный областной музей археологии.

Во время раскопок на городище Кузина Гора были обнаружены следы обитания представителей сосницкой (бронзовый век), скифоидной (VI–V вв. до н.э.) и юхновской (IV–III вв. до н.э.) археологических культур. Интересно отметить, что здесь почти нет (за исключением трех случаев) следов очагов, отсутствуют хозяйственные ямы и крайне мало находок костей диких и домашних животных. Это позволило А.Е. Алиховой предположить, что городище выполняло не только роль убежища, но и служило святилищем для обитавшей в его окрестностях родоплеменной группы.

В скифское время основным занятием населявших западную часть современной Курской области племен было земледелие и скотоводство. В число возделываемых культурных растений входили пшеница, ячмень, просо, конопля, горох. Землю обрабатывали при помощи плугов и сделанных из железа или кости мотыг. Урожай убирали серпами и хранили в специальных ямах–зернохранилищах, стенки которых перед засыпкой зерна обжигали или промазывали глиной. Жерновов население Курского края в скифское время не знало. Зерно размалывали при помощи изготовленных из кварцита, гранита или песчаника зернотерок и тёрочников.

О том, какую большую роль играло земледелие в жизни племён скифоидной и юхновской культур, свидетельствуют сделанные из глины лепешки, хлебцы и модели зерен, вероятно, имевших религиозное назначение и использовавшихся во время проведения культовых церемоний.



Рыболовный крючок. Жадинское городище (Кореневский район). Раскопки О.Н. Мельниковской. Курский государственный областной музей археологии.

Железный наконечник стрелы. Городище Кузина Гора (Курчатовский район). Раскопки А.Е. Алиховой. Курский государственный областной музей археологии.



Сосуды юхновской культуры. Курская область. Курский государственный областной музей археологии.

К амулетам также можно отнести и изображения животных, например, отлитые из бронзы фигурки коньков с петлями для подвешивания, входившие в состав найденного на Жадинском городище (Кореневский р–н) клада ювелира.

Единственное известное на территории Курского края святилище скифского времени было обнаружено А.Е. Алиховой в 1961 г., при исследовании юхновского поселения у с. Успенское (территория современного г. Курчатова). Оно представляло собой обмазанную глиной округлую площадку со следами горевших вокруг неё костров. В центре глиняного круга находилась пирамидка из тридцати трех глиняных блоков, на вершине которой был установлен глиняный миниатюрный сосудик для жертвоприношений.

Интересно отметить, что на археологических памятниках этого времени изредка находятся небольшие металлические подвески в виде пирамидок, составленных из нескольких рядов выпуклых кружочков. Возможно, эти подвески являются символическими изображениями жертвенников, на которых люди скифского времени совершали подношения своим божествам.

Представители юхновских племен не только обрабатывали землю, но и были искусными скотоводами, имевшими большие стада коров, свиней и коз, табуны лошадей, отары овец. Преобладало разведение крупного рогатого скота и коневодство. Анализ костей показывает, что коровы (средний рост в холке 109,1 см) и лошади (127,4 см) отличались мелкорослостью, свиньи же были достаточно крупными. Кости диких животных (медведь, лось, благородный олень, косуля, кабан, лиса, заяц, сурок–байбак, бобр), чешуя и кости рыб (щука, лещ, линь, язь, плотва, окунь), костяные наконечники стрел, железные крючки и глиняные грузила от сетей говорят о занятии оседлого населения охотой и рыболовством.

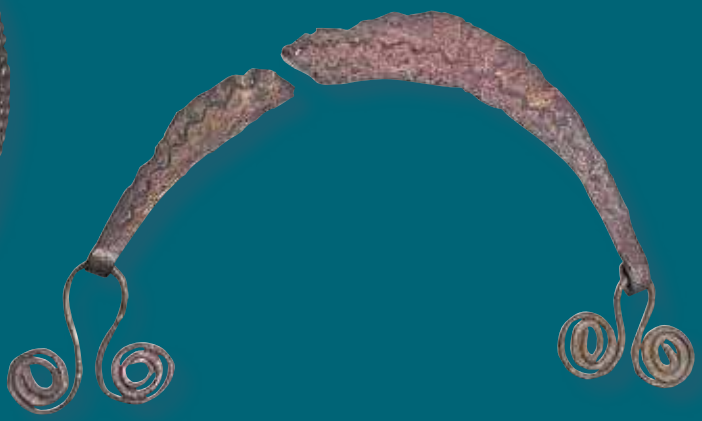
Обитатели Курского края также владели разнообразными ремеслами. Они ковали из железа орудия труда и оружие, отливали изделия из бронзы, обрабатывали камень, резали кость и дерево, лепили посуду из глины, ткали, обрабатывали кожи и выделывали шкуры.

Оригинальной категорией юхновских ювелирных изделий были железные булавки с ажурными бронзовыми навершиями. Все найденные на территории Курской области навершия имеют различное оформление, лишь у булавки из Долгого Колодезя имеется полностью идентичная аналогия, обнаруженная А.В. Кузой при исследовании Большого Горнальского городища (Суджанский район). У всех курских наверший в левой нижней части присутствуют небольшие колечки. Они могли служить для привязывания тесёмок, которыми булавки скреплялись с одеждой.

Ещё одно интересное украшение было найдено А.Е. Алиховой во время раскопок городища Кузина Гора (Курчатовский р–н). Оно представляет собой бронзовую коромыслообразную привеску, украшенную по краю пунктирным орнаментом и



Бронзовое ажурное навершие булавки. Александровское городище (Курчатовский район). Раскопки А.Е. Алиховой. Курский государственный областной музей археологии.



Бронзовая орнаментированная подвеска с биспиральными кольцами. Городище Кузина Гора (Курчатовский район). Раскопки А.Е. Алиховой. Курский государственный областной музей археологии.

зигзаговой нарезкой посередине. На концах украшения прикреплены биспиральные бронзовые подвески.

Вероятно, украшение прикреплялось к женскому головному убору и, по мнению А.Е. Алиховой, могло быть потеряно при достаточно необычных обстоятельствах, так как её части нашли на городищенском мысу в двух местах. Первая половина была потеряна владелицей после того, как она прошла или вбежала на городище через узкий вход во внешней оборонительной стене, а вторая — как только женщина попала внутрь дома. Возможно, такая спешка была вызвана какими–то чрезвычайными обстоятельствами, например, нападением врагов.

Анализ обнаруженных на территории Курской области бронзовых изделий скифского времени свидетельствует о том, что они были сделаны из сырья (медь, олово, бронза), поступавшего с балканских месторождений через контролируемые скифами Подолье, Побужье и Днепровское Правобережье. Об оживленных торговых связях населения Курского края в скифское время свидетельствуют и обнаруженные при раскопках городища Кузина Гора (Курчатовский р–н) обломки греческих сосудов.



Фрагменты греческих чернофигурных сосудов. Городище Кузина Гора (Курчатовский район). Раскопки А.Е. Алиховой. Курский государственный областной музей археологии.

Носители юхновской культуры обитали на территории современной Курской области вплоть до конца I в. н.э. Затем область распространения юхновской культуры сокращается, её носители покидают Посеймье и снова возвращаются на Десну. Возможно, этот уход был вызван бурными событиями конца I тыс. до н.э., связанными с появлением на Днепровском Левобережье воинственных сарматских племен.

САРМАТЫ — «ОПОЯСАННЫЕ МЕЧАМИ»

С давних пор восточными соседями скифов были племена сарматов, занимавших земли от Дона на западе до степного Поволжья и Приуралья на востоке. Ранние античные авторы называли их савроматами (от иранского «саоромант» — опоясанный мечом). Наименование сарматы появляется у греческих и римских историков с III в. до н.э. как собирательное название для кочевых объединений, которые *«составляли одно племя, но разделенное на несколько народов с разными названиями»*.



Сарматская женщина. V–III вв. до н.э. Могильник Кичигино II. Курган № 3. Погребение 5 (Челябинская область, Россия). Раскопки А.Д. Таирова. Реконструкция А.И. Нечвалоды (по С.Г. Боталову и др.).

В ранний период своей истории (VIII–IV вв. до н.э.) сарматы находились в союзнических отношениях со скифами, однако уже на рубеже V–IV вв. до н.э. положение резко меняется. Начинаются массовые набеги и переселения на скифские земли. В IV в. до н.э. сарматы заселяют низовья Дона и часть северного берега Меотиды (Азовское море), появляются в междуречье Дона и Северского Донца, а ко II в. до н.э. окончательно вытесняют скифов из южнорусских степей.

Скифо–сарматская война была кровопролитной. Живший в I в. до н.э. историк Диодор Сицилийский писал, что сарматы *«опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побеждённых, превратили большую часть страны в пустыню»*. Скифы сумели удержать за собой лишь Крымский полуостров, где вплоть до середины III в. н.э. существовало Скифское царство, Нижнее Поднестровье, а также земли между устьем Дуная и низовьями Днестра, на Днестровском и Буго–Днепровском лиманах. Однако это были всего лишь осколки некогда великой «Скифской державы», оторванные друг от друга обширными пространствами, заселёнными представителями иных племен и народов.

С середины I в. до н.э. античные историки и географы все чаще начинают именовать лежащие между Днепром и Волгой простран-

ства Сарматией, разделяя её по Танаису (р. Дон) на европейскую и азиатскую части. В «Географии» Страбона (65 г. до н.э. — 25 г. н.э.) впервые приводятся наименования отдельных сарматских племенных объединений — обитающих к востоку от Дона аорсов и сираков, граничащих с подунайскими бастарнами языгов и населяющих междуречье Дона и Днепра роксоланов.

Если крымские и нижнеднепровские скифы сумели сохранить свою независимость, то оттеснённое в лесостепные районы Днепровского Левобережья (Верхнее Посеймье, лесостепные участки рек Псёл, Ворскла, Орель) и Волго–Донского междуречья (Верхнее Подонье, Самарская Лука Волги) скифское население, по мнению А.М. Обломского, было вынуждено признать свою зависимость от завоевателей и постепенно было полностью ими ассимилировано.

Следы присутствия позднескифского населения на территории Курского края были обнаружены курским археологом В.В. Енуковым, нашедшим во время раскопок Ратского городища (Курский район) фрагменты позднескифских сосудов, раннеримскую бронзовую фибулу типа «Авцисса» и фаянсовые египетские бусы с изображениями скарабея и льва.

Возможно, к местным племенам, населявшим современный Курский край в позднескифское время, относится и захоронение девочки, открытое Д.Я. Самоквасовым в 1891 г. при раскопках кургана бронзового века у с. Воробьёвки (современный Золотухинский р–н). При разборке земляной насыпи учёный обнаружил впущенное в северо–западную полу кургана детское захоронение. Плохо сохранившийся скелет с вытянутыми конечностями был ориентирован головой на восток, у его ног стоял грубый глиняный горшок, а у черепа лежали «привеска в виде скарабея и ожерелье из стеклянных и глиняных бус, большинство которых рассыпалось».



Бусина в виде лежащего льва. Египет. I–III вв. Ратский археологический комплекс (Курский район). Раскопки В.В. Енукова. Курский государственный областной музей археологии.



Бронзовая фибула. Тип «Авцисса». 1–я половина I в. Ратский археологический комплекс (Курский район). Раскопки В.В. Енукова. Курский государственный областной музей археологии.



Бусина в виде жука–скарабея. Египет. I–III вв. Ратский археологический комплекс (Курский район). Раскопки В.В. Енукова. Курский государственный областной музей археологии.

В начале I тыс. н.э. в донские степи переселяются представители мощного племенного объединения, возглавляемого аланами. Судя по сведениям письменных источников и удивительному единообразию позднесарматской археологической культуры в конце I — начале II вв. н.э., аланы постепенно покорили или поглотили все остальные сарматские племена. Согласно Аммиану Марцеллину, к IV в. н.э. сарматы практически повсеместно приняли на себя имя алан *«за свои обычаи, дикий образ жизни и одинаковое вооружение»*.

Постоянные набеги, участие во всех войнах и распрях окружающих их государственных образований, непрекращающиеся походы на восточные провинции Римской империи и в Закавказье внушали ужас обитателям граничащих с аланами стран. Для того чтобы избежать опустошительных сарматских нашествий, их оседлые соседи предпочитали выплачивать кочевникам дань, получая взамен «покровительство» и защиту. Римский географ Страбон так описывал отношение сарматов и живущих по соседству с ними земледельческих племен: *«Номады занимаются больше войною, чем разбоем, и войны ведут из–за дани: предоставив землю во владение желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением условленной умеренной дани, не для наживы, а для удовлетворения ежедневных жизненных потребностей; в случае же неуплаты денег данниками начинают с ними войну»*.

Потрясающие успехи сарматского оружия объясняются созданием ими высокоэффективной военной организации, оптимально сочетающей подвижную маневренную степную войну и



Сарматский катафрактарий. Реконструкция Д. Шумата (с сайта «Johnny Shumate's Portfolio»).

сокрушительные удары отрядов кавалеристов–катафрактариев, защищённых пластинчатыми панцирями, кольчугами и шлемами.

Обычным построением сарматских катафрактариев был клин. Врубившись в неприятельский строй, они разрезали его надвое и опрокидывали противника, используя во время рукопашной схватки длинные (от 0,8 до 1 м и более) обоюдоострые узкие мечи (ширина лезвия 3,5–4 см) и железные кинжалы, ножны которых обычно крепились ремнями к бедру своего владельца.

Сражающийся катафрактарий оказывал сильное впечатление на тех, кто имел несчастье столкнуться с ними в бою. Греческий писатель Гелиодор сообщал, что *«когда наступает время битвы, то, ослабив поводья и горяча коня боевым криком, он мчится на противника, подобный какому–то железному человеку или движущейся кованой статуе. Острие копья сильно выдается вперед… и в своем стремительном натиске колет кого не попало, одним ударом часто пронзая двоих»*. Кроме катафрактариев, сарматское войско включало в себя и отряды легковооруженных конных лучников, применявшихся для завязывания сражения, изматывания врага, расстройства его боевых порядков и преследования отступающего противника. Основным оружием этих подразделений были метательные дротики и мощные дальнобойные луки, а для защиты использовались шлемы, легкие доспехи и, возможно, щиты.

Наравне с мужчинами активное участие в военных действиях принимали и сарматские женщины. Согласно Гиппократу они *«ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях и сражаются с врагами, пока они в девушках; а замуж они не выходят, пока не убьют трех неприятелей, и поселяются с мужьями не прежде, чем совершат обычные жертвоприношения. Та, которая выйдет замуж, перестает ездить верхом, пока не появится необходимость поголовно выступать в поход»*.

Основой хозяйства сарматов было разведение крупного рогатого скота, овец и лошадей. Летом они кочевали со своими стадами по степи в поисках свежего корма, а зимой спускались к берегам рек на зимние пастбища. Дополнительным источником мяса служила охота на диких зверей, согласно римскому географу Страбону *«в болотах на оленей и кабанов, а в степях — на диких ослов и коз»*. Помимо промыслового значения, охота позволяла сарматам совершенствовать навыки, необходимые во время ведения военных действий.

Описывая аланов, Аммиан Марцеллин (IV в. н.э.) сообщал, что *«нет у них шалашей, никто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше. Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами… Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками как выродки и трусы… Нет у них ни храмов, ни святилищ… но они втыкают в землю… обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему… Все они благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах»*.

Археологические находки и изображения того времени говорят о том, что мужская одежда сарматов по своему покрою походила на скифскую.



Битва. Роспись склепа III в. н.э. г. Керчь (Крым, Россия) (по К. Прохорову).

Женщины носили длинную одежду, часто стянутую поясом и скрепленную на груди и плечах фибулами. Ворот, рукава, подол одежды и обувь с острыми концами обшивались мелкими бусами. Весь убор дополнялся диадемами, ожерельями, серьгами, подвесками, браслетами, кольцами и перстнями. Признаком знатности были золотые гривны и венцы.



Римский меч. III–V вв. Юг России. Дар О.А. Радюша. Курский государственный областной музей археологии.

Важную роль играли и металлические зеркала. В Курской области сарматское зеркало из биллона было случайно обнаружено у с. Якунино (Курский район). Воронежский археолог А.П. Медведев определил курскую находку как характерное для среднесарматской культуры зеркало–подвеску с боковой петлей, валиком по краю диска и умбоном в центре, датировав его первой половиной I в. н.э.

Так как сарматы не строили поселений, единственным археологическим источником, позволяющим воссоздать картину их жизни, являются погребальные памятники.

Своих мёртвых сарматы хоронили или в широких прямоугольных ямах, или в могилах с «подбоем» — устроенной в стенке ямы нишей, вход в которую преграждала деревянная перегородка. Покойника клали в гроб или на камышовую подстилку, рядом ставили горшки с пищей, клали куски бараньей туши и маленькие глиняные ритуальные сосуды–курильницы с круглым отверстием в стенке. Мужчин погребали с оружием — мечами, луками, стрелами и копьями. Женщин в загробный мир сопровождали украшения (височные проволочные кольца, стеклянные бусы, браслеты), предметы туалета (костяные гребни, бронзовые и серебряные зеркала, белила, небольшие каменные ступки для растирания румян), оружие и принадлежности для повседневных женских занятий (костяные игольники, железные ножницы, глиняные пряслица от веретен). В погребальный инвентарь также входили железные ножи, шилья с деревянными рукоятками, костяные проколки, мотыжки и серповидные жатвенные ножи.



Сарматская юрта. Роспись склепа I в. н.э. Керчь (Крым, Россия).

По завершению похорон над погребением возводился земляной курган. Впрочем, сарматы часто использовали для погребения умерших и курганы более ранних эпох, превращая их в свои семейные или родовые кладбища.

Захоронение сарматского времени при раскопках раннеславянского поселения Гочево 1 (Белов-



Сарматский воин и сарматская жрица. Реконструкция А. Симоненко (по Е.В. Яровому).

ский район) обнаружили в 1986 г. Н.А. Тихомиров и Р.В. Терпиловский. Прямо на уровне дневной поверхности, без всяких признаков могильной ямы археологи расчистили скелет 60–летнего мужчины, лежащего на спине головой на запад. Никаких предметов при покойном обнаружено не было, но его искусственно деформированный череп имел ряд особенностей, позволяющих отнести этого человека к одной из южноевропейских сарматских групп. В 14 м от погребения была найдена неглубокая яма продолговатой формы, в которой находился лежащий на правом боку скелет лошади с неестественно подогнутыми, возможно, перерезанными ногами. В районе тазовых костей было расчищено скопление костей кабана и ещё одной лошади, а при разборке ямы найдена бронзовая фибула конца III — начала IV вв. н.э.

Оба захоронения появились на территории поселения уже после того, как оно перестало существовать и, вероятно, были совершены в одно и то же время. Авторы раскопок выдвинули два предположения, объясняющих их появление. По одному из них (Н.А. Тихомиров), тело похороненного с лошадью человека было извлечено грабителями, которые оттащили его в сторону от разрытой могилы, а по второй (Р.В. Терпиловский) — после захороне-



Зеркало. I в. н.э. (д. Якунино, Курский район) (по А.В. Зорину и др., 2008).



Бронзовая фибула. III в. н.э. Поселение Гочево I (Беловский район). Раскопки Н.А. Тихомирова и Р.В. Терпиловского. Курский государственный областной музей археологии.

ния мужчины его родственники принесли в жертву лошадь, туша которой была закопана неподалеку.

Анализ найденных археологами сарматских погребений показал, что похороненные в них люди принадлежали к большой европеоидной расе. Аммиан Марцеллин сообщал, что *«почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все–таки грозен; они очень подвижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни».*

С середины III в. н.э. на территориях между Днепром и Волгой наблюдается резкое сокращение числа сарматских погребений. Уменьшение сарматского населения большинство учёных связывает с произошедшим в конце 240–х гг. н.э. широкомасштабным вторжением готов, под давлением которых основная масса сарматов покинула степи Северного Причерноморья и Подонья, уйдя на восток за Волгу и на запад в Подунавье.

Готское нашествие затронуло не только сарматов. В это же время прекращают существование все позднескифские анклавы, замирает жизнь на многих античных поселениях Северного Причерноморья.

Впрочем, сообщения античных авторов и результаты археологических исследований позволяют утверждать, что какая–то часть сарматов сумела удержаться в степях Северного Причерноморья, войдя в состав готского племенного союза и став одним из компонентов черняховской археологической культуры.

Окончательно сарматское могущество было сломлено племенами гуннов, пришедшими из–за Волги в конце IV в. н.э. Современник описываемых событий Аммиан Марцеллин в своей «Римской истории» сообщал, что *«этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный дикой жаждой грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов… Гунны... произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе».*

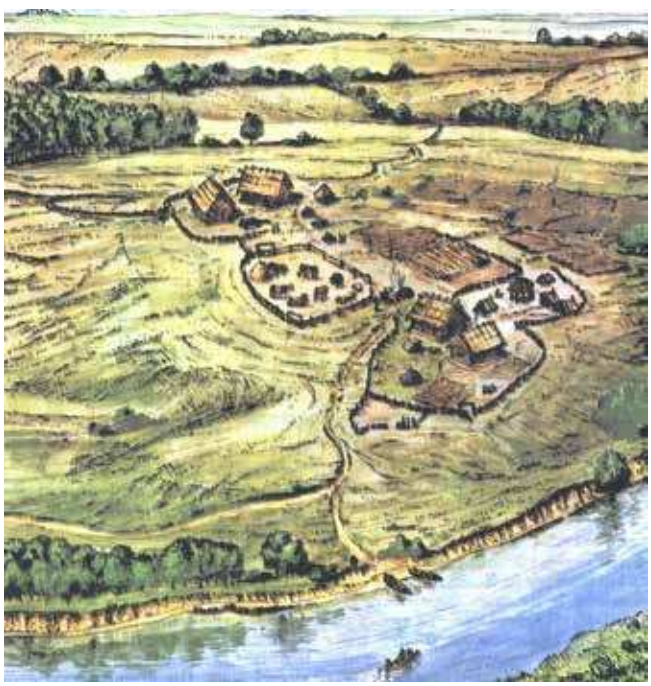
Войдя в состав гуннской державы, аланы приняли активное участие в нападениях подвластных гуннам племен на распадающуюся Римскую империю. Их отряды дошли до Рима в Италии, Орлеана во Франции, Карфагена в Северной Африке и сражались в большинстве важнейших битв того времени.

Сарматские племена, оставшиеся в южнорусских степях, влились в новые политические образования. Часть их, откочевав в предгорные и горные районы Кавказа, создала государство Алания. Оно просуществовало вплоть до XII в., а его население стало основой при сложении современных северокавказских алан–осетинов.

Гуннский разгром завершил период безраздельного господства ираноязычных кочевников–европеоидов в протянувшихся от Монголии до Дуная степях. Существовавший на протяжении многих веков заслон между Европой и Азией рухнул, положив начало продолжавшемуся вплоть до XVIII в. движению на запад обитавших в глубинных районах Центральной Азии племен.

ПРАСЛАВЯНЕ

Появление нового населения в глубине Днепровского лесостепного Левобережья современные исследователи связывают со сложными процессами развития культур на более широкой территории. Культура этого населения существенно отличается от культуры обитателей скифских городищ, да и разрыв между ними во времени очень велик — не менее двух столетий. Возможно, немногочисленные потомки носителей юхновской культуры эпохи железа и дожили в местах первоначального обитания до первых веков нашей эры, но характер новой культуры определяли совсем не они. Начиная со II в. до н.э. на Среднем и Верхнем Днепре, в Припятском Полесье в Подесенье обитали носители археологической культуры, которую ученые называют зарубинецкой. Поселения и погребальные памятники этой культуры многочисленны, а период ее существования охватывает более двухсот лет.



Поселение Гочево I (Беловский район). III в. Реконструкция Р.В. Терпиловского и П.Л. Корниенко (по: «Давняя історія Украіны». Київ, 1995).

Долгое время поселения первых веков нашей эры оставались неизвестными археологам, потому что они располагаются, в отличие от древних городищ других культур, не на возвышенных открытых местах, а у воды, на песчаных дюнах и небольших возвышенностях и состоят обычно из небольшого числа жилых и хозяйственных построек.

Наиболее полно сегодня исследовано поселение у с. Картамышево в Обоянском районе, на берегу реки Псёл, относящееся к I–II векам нашей эры. Там раскопано 10 жилых построек, 43 хозяйственные ямы и железоплавильный горн. Картамышево — одно из самых ранних и самое крупное из известных курских поселений начала нашей эры. Неподалеку от него, немного позже, уже в III в. н.э. возникают небольшие хуторки из нескольких построек. Одно такое маленькое поселение, находящееся близ южной окраины села Гочево Беловского района, было исследовано полностью. На поселении было два жилых комплекса, разделенных хозяйственной зоной, где находились ямы для хранения запаса продуктов и открытые очаги.

Каждый комплекс состоял из двух небольших немного углубленных в землю квадратных домиков площадью не более 16 кв. м. Деревянные стены домов укрепляли врытые в землю столбы, а в центре иногда располагался столб, поддерживающий крышу. Отапливались дома не печами, а открытыми очагами, места которых иногда удается проследить по остаткам золы и прокаленному полу.

Естественно, что в таком домике не могло разместиться много людей, а вот поселение в целом, вполне вероятно, принадлежало коллективу родственников, состоящему из двух отдельных семей.

Основное число находок на этом и похожих на него поселениях составляют обломки глиняных горшков и мисок. Гончарный круг был еще неизвестен, поэтому и грубую посуду для хранения припасов, и более тонкую и красивую столовую лепили из глины с примесью шамота (растолченной обожженной глины) руками, а обжигали не в специальных печах с высокой температурой, а в обычных очагах или на костре. Стенки таких сосудов толстые, в изломе черепка видны кусочки примеси — шамота. Горшки и миски почти никогда не украшали, только изредка по верхнему краю — венчику сосуда наносили отпечатки щепкой или попросту ногтем. Столовая посуда покрывалась лощением — ее поверхность тщательно заглаживали и дополнительно обрабатывали до блеска. Иногда поверх лощения прорезался орнамент в виде значков, похожих на свастику с различными ответвлениями на концах. Однако фрагменты лощеной хорошо обработанной посуды попадаются примерно в сто раз реже, чем грубые обломки.

Предметы из железа на поселениях начала первого тысячелетия нашей эры почти не встречаются — металлические вещи представляли большую ценность, их старались не терять и, конечно, не выбрасывали. На поселении у с. Картамышево найден узколезвийный топор, сделанный с использованием достаточно сложной техники кузнечного дела, а на Гочевском поселении — железная шпора и обломки двух стрел. Несмотря на немногочисленные находки железных вещей, некоторые факты свидетельствуют в пользу того, что на поселениях имело место железоделательное производство. Об этом говорят скопления и отдельные находки шлаков и богатых железом тяжелых криц — кусков болотной руды, прошедшей температурную обработку.

О ювелирном деле и внешнем облике людей, живших в первые столетия нашей эры, мы можем судить по украшениям. Среди них нет изделий из золота и редко встречается серебро, не найдешь среди находок и драгоценных камней.



Шпоры. Бронза. II–III вв. Курский государственный областной музей археологии. 1 — с. Комаровка (Кореневский район). Разведка О.А. Радюша; 2 — Поселение Попово–Лежачи 4 (Глушковский район). Раскопки А.М. Обломского; 3 — с. Солдатское (Фатежский район). Дар А.В. Сухочева.



Сошник железный. I–III вв. (д. Титово, Щигровский район). Дар. Н.Я. Вовка. Курский государственный областной музей археологии.

Однако нарядный убор подчинялся общим законам моды, которым следовали в то время красавицы от Прибалтики до Причерноморья.

В третьем веке н.э. здесь распространилась мода на украшения из медных сплавов с эмалью. Целая серия подвесок — *лунниц*, похожих на серп молодого месяца с каплями красной эмали на концах, находится в коллекциях Курского государственного областного музея археологии. Сейчас они покрыты слоем зеленоватых окислов — патиной, а в древности сияли, как золотые украшения с рубиновыми вставками. Лунницы крепились на цепочках, образуя сложные ожерелья с подвесками.



Подвеска–лунница. Бронза, эмаль. III в. (д. Шмырёво, Беловский район). Курский государственный областной музей археологии.

Кроме лунниц, к ожерельям могли крепиться и тонкие пластинчатые подвески в форме трапеции. Одежду скрепляли и украшали застежки — фибулы. Фибулы бывают разнообразными, иногда это искусно сделанная большая брошка, иногда — простая булавочка. Мода на них менялась довольно часто, и по найденной на поселении застежке ученые могут довольно точно определить, когда она была потеряна или припрятана владельцем. В первые века нашей эры в моде были фибулы, напоминающие по принципу изготовления современные английские булавки. Их гнули из проволочных заготовок, а игла регулировалась простой пружиной в несколько оборотов, так что с виду застежка напоминает средневековое оружие — арбалет.

Ткани для одежды изготовляли здесь же из растительных и животных волокон, о чем свидетельствуют находки пряслиц — глиняных колечек–грузиков, надеваемых на вращающееся веретено при прядении нитей.

Обычно об украшениях, одежде и внешнем облике древних людей археологи судят по материалам погребений. Однако это возможно лишь тогда, когда тело умершего хоронили в могильной яме или под курганом в соответствии с представлениями древних людей о путях перехода в иной мир и загробной жизни. Но так было не всегда. В первые века нашей эры по всей Европе были распространены «поля погребальных урн». Тело умершего предавали огню, а пепел собирали в погребальный сосуд–урну или иное вместилище и только тогда предавали земле. Именно так поступали и люди, населявшие в то время наш край. Естественно, таких погребений найдено не много. Иногда урну захоранивали прямо на территории поселка. Такое погребение, накрытое сверху еще одним большим горшком, было найдено при раскопках Гочевского поселения.

Постепенно зарубинцы широко расселяются на север и восток, покидая старые укрепленные поселения, на которых жизнь продолжалась десятки лет. Причинами этого могут быть и вторжения кочевников–сарматов, и смена климатических условий (в начале I тыс. н.э. климат стал



Горюнов Евгений Алексеевич
(1940–1981)

Советский археолог, специалист по ранней истории восточных славян, кандидат исторических наук, научный сотрудник ЛОИА АН СССР.

С конца 1960–х до конца 1970–х гг. возглавлял Днепровскую левобережную экспедицию, проводившую обширные разведочные работы и раскопки раннесредневековых славянских памятников 1 половины — 3 четверти I тыс. н.э. на территории Днепровского Левобережья, включая Курскую область. Обобщил результаты этих своих исследований в монографии, освещающей начало славянской колонизации будущего Курского края.



Княжеская семья. Киевская культура. Реконструкция З. Васиной (по З. Васіной).

более засушливым), которая повлекла за собой смену системы хозяйства, и целый комплекс других обстоятельств. Расселение потомков носителей зарубинецкой культуры проходило не быстро, с течением времени многое в их культуре изменилось, но все–таки сохранилось много общих черт в керамике, домостроительстве и погребальном обряде. Сегодня ученые считают, что и в Курскую область где–то во II веке нашей эры пришли именно потомки зарубинцев, носители позднезарубинецкой культуры, причем не из более близкого территориально района Подесенья, а со Среднего Днепра. Обосновавшись в верховьях Псла и Сейма, они осваивали плодородные легкие лесные почвы и оподзоленные черноземы для выращивания проса, ржи, пшеницы и ячменя, пасли скот в зеленых лугах речных пойм, вручную лепили из глины нехитрые горшки, плавили железо из болотных руд.

В III веке жизнь и материальная культура населения Верхнего Псла и Сейма имели много общего с культурой род-



Глиняное гранёное пряслице. III в. (п. Свобода, Золотухинский район). Разведка О.А. Радюша. Курский государственный областной музей археологии.



Браслета бронзового фрагмент. II–III вв. (с. Кирилловка, Хомутовский район). Разведка О.А. Радюша. Курский государственный областной музей археологии.



Гарпун. III в. Поселение Гочево 1 (Беловский район). Раскопки Н.А. Тихомирова. Курский государственный областной музей археологии.



Сосуды киевской культуры. Поселение Гочево 1 (Беловский район). Раскопки Н.А. Тихомирова. Курский государственный областной музей археологии.



Жилище киевской культуры. III в. Реконструкция Р.В. Терпиловского. Художник С.А. Смеричинская.

ственного по происхождению населения Поднепровья и Подесенья. Поэтому ученые относят их к различным вариантам общей *киевской археологической культуры*, истоки которой берут свое начало в зарубинецкой археологической общности, о которой мы уже говорили раньше. Если в отношении зарубинецкой культуры у исследователей пока нет единого мнения, то киевскую культуру почти единодушно считают принадлежащей предкам современных славян. На древних картах и в географических сочинениях того времени обозначены славяне–венеды — одно из могущественных племен Европейской Сарматии, то есть территории между Балтикой и Черным морем. Поэтому можно говорить о том, что далекие предки славян, появившись на территории современной Курской области, оставили после себя поселения и могильники позднезарубинецкой культуры I–II вв. и киевской культуры III–V вв. н.э.

Благодаря раскопкам поселений киевской культуры удалось установить, что жилищем их обитателям служили прямоугольные полуземлянки, немного заглублённые в землю. Стены их, возвышавшиеся над поверхностью земли, могли иметь как столбовую, так и срубную конструкцию. Обмазка при возведении стен не применялась. Очагами служили неглубокие ямки, обложенные по бортам камнями или кострища на глинобитных площадках.

Для могильников киевской культуры был характерен обряд трупосожжения на стороне. Среди кальцинированных костей в захоронениях встречаются и кости жертвенных животных, также попавших на погребальный костёр. Остатки сожжения, перемешанные с углями и золой, ссыпали в ямки. Туда же бросали обломки намеренно разбитых глиняных горшков, иногда (весьма редко) отдельные вещи — пряслице, бронзовую булавку,



Сымонович Эраст Алексеевич
(1919–1983)

Советский археолог, специалист по черняховской культуре, доктор исторических наук, старший научный сотрудник ИА АН СССР.

В 1970–х гг. открыл и исследовал группу наиболее северных памятников данной культуры по берегам рек Сейм, Тускарь, Снова и Моркость. Среди них — поселения Воробьевка 1, Воробьевка 2, Колосовка, Комаровка, Снагость, Тазово. Был последовательным сторонником гипотезы о славянской этнической принадлежности черняховцев.

Вместе с А.И. Пузиковой возглавлял спасательные работы в зоне затопления Курского водохранилища. За это время на территории Курской области им были изучены поселения первой половины I тыс. н.э. — Букреевка 2, Каменево 1, 2, Жерновец 1, Тазово 2; открыты первые памятники колочинской культуры.



Фибула бронзовая с выемчатой красной эмалью. III в. (с. Гочево, Беловский район). Разведка О.А. Радюша. Курский государственный областной музей археологии.

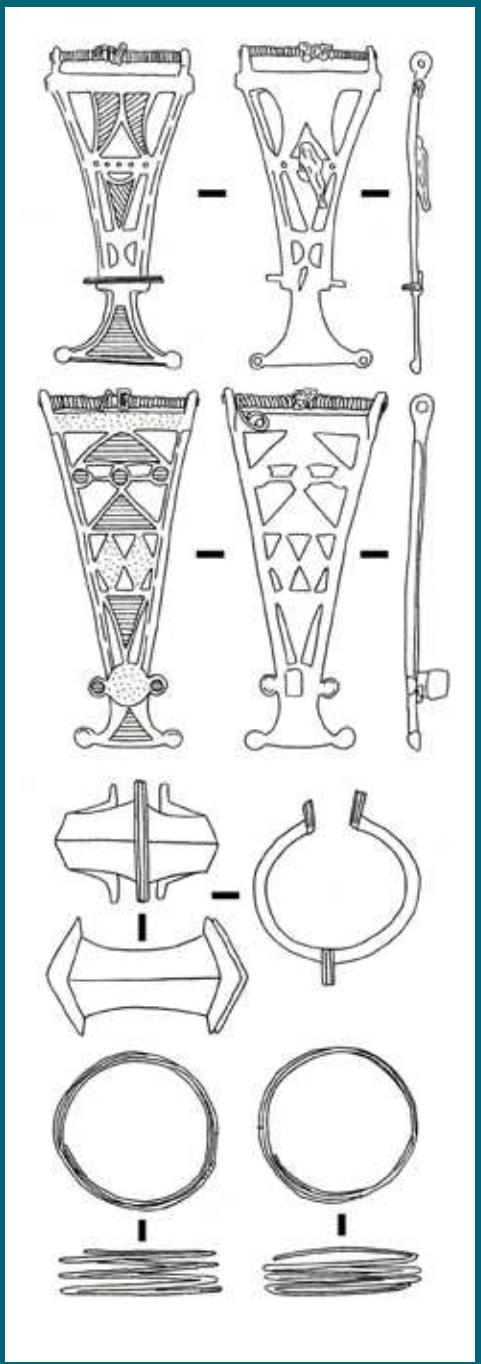
железное зубило, отдельные стеклянные бусины. В керамике киевцев отчётливо прослеживается связь с позднезарубинецкими гончарными изделиями. Дорогие металлические изделия и украшения нечасто встречаются на поселениях и могильниках киевцев.

Одной из таких редких находок стал клад, обнаруженный при раскопках раннекиевской жилой усадьбы на поселении Шишино 5 (Белгородская область, Россия). В его состав входили две фибулы из медного сплава со вставками из оранжевой, красной и голубой эмали (одна из фибул была посеребрена), три бронзовых браслета (два спиральных и один массивный литой, украшенный треугольными гребнями) и плоское мергелевое пряслице. Все эти вещи в древности были завёрнуты в грубую холстину, отпечатки которой сохранились на покрытой ржавчиной поверхности верхних частей иголок фибул. Все эти вещи имеют свои аналоги среди современных им украшений с выемчатой эмалью.

Сведения о населении Днепровского Левобережья той поры сохранились и в произведениях римских авторов. Историк Тацит и географ Плиний Старший, жившие в I веке нашей эры, повествуют о многочисленном племени венедов, обитавшем рядом со скифами, сарматами, германцами и финскими племенами лесной зоны, т.е. как раз там, где распространены памятники зарубинецкой культуры. Если вспомнить, что до сих пор германцы и народы Прибалтики называют славян венедами, а византийский историк VI в. н.э. Иордан прямо писал, что «многочисленное племя венедов» в его время стало называться «преимущественно склавенами и антами», то предположение многих исследователей о том, что зарубинцев следует сопоставлять с венедами — предками славян, выглядит наиболее достоверным.



Браслет бронзовый с выемчатой красной эмалью. III–V вв. (п. Красный Курган, Хомутовский район). Разведка О.А. Радюша. Курский государственный областной музей археологии.



Клад женских украшений. III в. Поселение Шишино 5 (Белгородская область, Россия). Раскопки А.М. Обломского (по: «Памятники киевской культуры». М., 2007).

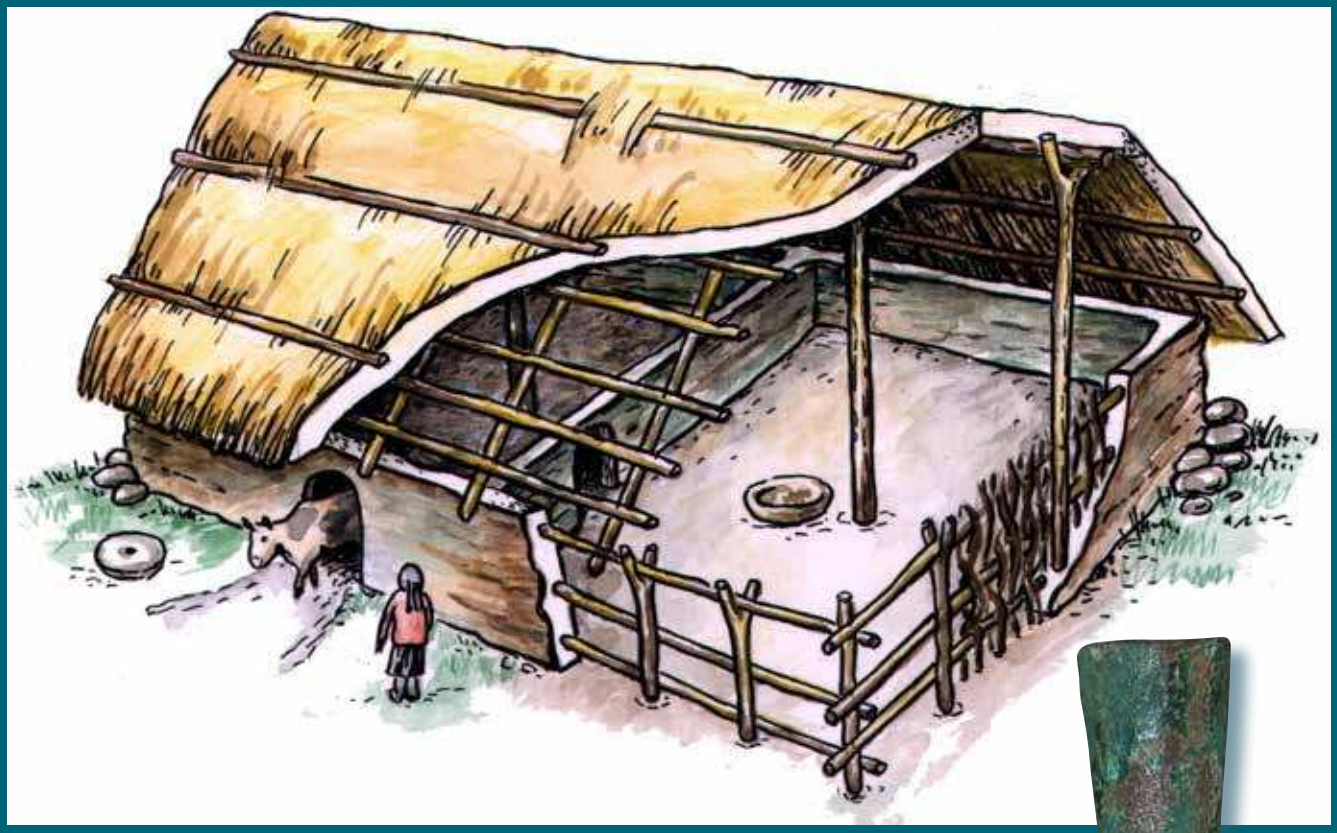
ГОТСКИЙ СЛЕД

В результате многолетних исследований археологов наметилась, казалось бы, чёткая преемственность в историческом развитии праславянских племён, населявших территорию Курского края и сопредельных земель, — от носителей зарубинецкой культуры через позднезарубинецкие памятники к племенам культуры киевской. Однако история развивается не всегда по прямой, и археология часто преподносит сюрпризы и загадки. Одна из таких археологических загадок долго не могла найти однозначного объяснения в науке. Дело в том, что в III—V вв. н.э. на огромной территории лесостепей и степей от нижнего Дуная на западе до современных Курской, Белгородской и Харьковской областей на востоке была распространена еще одна археологическая культура, совсем не похожая на киевскую. По первому раскопанному могильнику у с. Черняхов в Киевской губернии её называют *черняховской археологической культурой*.



Восточная Европа в III–IV вв. Черняховская и киевская культуры.

Население, оставившее поселения и могильники черняховской культуры, стояло на более высокой ступени экономического, технологического и общественного развития, чем носители киевской культуры. Черняховцы не прятали свои поселения в низких поймах рек, а заселяли высокие открытые мысы речных террас. Их поселки были большими, занимали иногда до 20 гектаров площади и не нуждались в укреплениях — судя по находкам оружия, население всегда было готово защитить себя от врагов. Дома на поселениях были представлены не только ма-



«Длинный дом» черняховской культуры. Реконструкция А.Я. Розена и Э.А. Рикмана. Художник С.А. Смеричинская.

ленькими землянками, как у киевцев, но и длинными наземными сооружениями, площадью до 40 кв. м. Стены таких сооружений были сплетены из прутьев, крепились на частых тонких столбах и были обильно обмазаны глиной. Крыша делалась из соломы и тонких ветвей. Дома отапливались очагами, поды



Оковка питьевого рога. Бронза, эмаль. III в. Белгородская область. Разведка О.А. Радюша. Курский государственный областной музей археологии.

Окончание питьевого рога. Бронза. II–III вв. Курская область. Разведка О.А. Радюша. Курский государственный областной музей археологии.



Посуда черняховской культуры. III–IV вв. Курская область. Курский государственный областной музей археологии.



Питьевые рога германцев.



Пряслице. Глина. IV в. Поселение Букреевка 2 (Курский район). Раскопки Э.А. Сымоновича. Курский государственный областной музей археологии.

Прядение нитей при помощи веретена с пряслицем (по М. и Ч. Квеннелл).

которых выкладывались черепками или камнями и покрывались слоем глины. Длинные дома с плетневыми стенами имели отапливаемое жилое и неотапливаемое хозяйственное помещение с погребом, иногда стойло для скота. Такой длинный дом был найден на одном из черняховских поселений около с. Гочево Беловского района Курской области.

Домашняя утварь и хозяйственный инвентарь черняховцев также отличались высоким уровнем исполнения. В отличие от киевцев они в совершенстве освоили гончарный круг, что позволило создать богатый ассортимент кухонной и столовой посуды. В обиходе были не только грубые горшки и миски, но и горшки, корчаги, плошки разных форм, вазы, кружки, кубки для питья и изящные лощеные кувшины, подражающие по форме дорогим металлическим изделиям.

Сосуды часто покрывал богатый и разнообразный орнамент, сочетавший разные приемы обработки поверхности сосуда. Узор мог наноситься с помощью прочерчивания, налепа, лощения, штампа. Некоторые черняховские орнаменты явно имели символическое значение. Так, среди черняховских кувшинов и ваз есть древние календари, позволяющие определять время начала полевых работ и другие важные даты. Конечно, кроме красивой и удобной гончарной керамики, черняховцы пользовались и лепной, но все–таки именно изящные и своеобразные изделия мастеров гончарного дела сразу позволяют отличить набор посуды черняховской культуры от любого другого. Известны были и привозные изделия из далеких причерноморских городов: стеклянные кубки, стройные розовые или желтоватые амфоры, в которых южные торговцы развозили по свету вино и растительное масло. Причем это не было редкостью или диковинкой — осколки стекла и амфорной тары можно собрать с поверхности земли во время обследования почти каждого черняховского поселения.

Основой хозяйства черняховских племен являлось земледелие. Однако в отличие от киевцев им не нужно было искать места с легкими почвами или выжигать кустарник для получения высокого урожая. Черняховцы использовали плуги, в которые запрягали коней или волов. Их изображения встречаются на сосудах. На распаханных плодородных полях выращивали уже не только просо и рожь, а в первую очередь пшеницу и ячмень. Зерно размалывалось мощными каменными жерновами.

Прядение и ткачество представлено пряслицами для веретена и целыми наборами аккуратно вылепленных из глины в форме высоких пирамидок со сквозным отверстием в верхней части грузиков для вертикального ткацкого станка. Иногда в жилищах эти грузики лежат рядами: так, как они оттягивали нити основы ткани при изготовлении полотна.

Для могильников черняховской культуры характерно сочетание на одном кладбище разных обрядов погребения. Часть умерших хоронили в могилах, укладывая на спину, головой на север или на запад. Рядом с погребенным обычно ставили целый набор посуды: кухонные горшки, миски, кувшины и кружки, вазы и тонкие кубки, глиняные и стеклянные. Набор сосудов мог значительно различаться. Так, погребенных головой на запад сопровождали лишь сосуды для питья, да и то не всегда. Одновременно в могильниках производились и захоронения по обряду трупосожжения, причем пепел мог помещаться в специальный сосуд–урну, а мог просто ссыпаться в ямку или рассеиваться. На территории Курской области, где в южных районах зафиксировано много черняховских поселений, пока не исследовано ни одного могильника этой

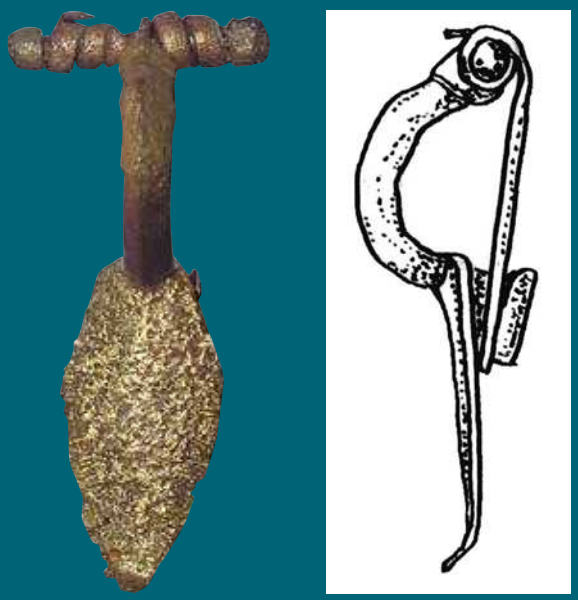


Знатный германский воин. I в. до н.э. — I в. н.э. По материалам погребения у с. Мутино (Сумская область, Украина). Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко.

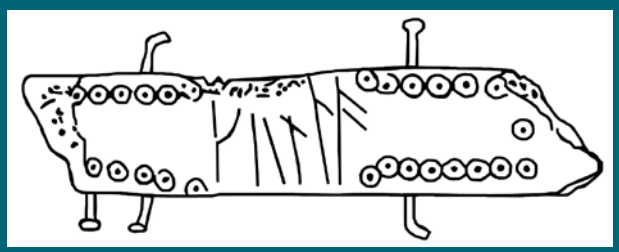
культуры. Несомненно, разные погребальные обычаи, сосуществовавшие в одно и то же время, говорят о том, что в составе черняховского общества существовали разные по социальному статусу и по происхождению группы людей.

Погребения по обряду трупоположения позволяют судить о деталях одежды, украшениях и амулетах, которые использовались черняховцами. Оказалось, что их набор достаточно беден. Одежду скрепляли на плечах две фибулы. В III–IV вв. фибулы напоминали большие булавки, а позднее стали похожи на пластинчатые броши. Обычай носить платье из прямых полотнищ, скрепленных фибулами на плечах, был характерен для многих племен варварской Европы, в основном для древних германцев.

Пояс скреплялся металлическими пряжками. На шее женщины носили ожерелья из разноцветных бус, иногда между ними нанизывали амулеты из янтаря, раковин далеких морей, подвески в виде ведерочек. Часто у пояса носили, вероятно, в специальных футлярах, костяные гребни с вы-



Фибула. Бронза. IV в. (д. Филиппова, Октябрьский район). Дар Ю.В. Костина. Курский государственный областной музей археологии.



Накладка на гребень с рунической надписью. Кость. Белгородская область (Россия) (по М.Б. Щукину, 2005).



Погребальный инвентарь захоронения воина–германца. I в. до н.э. — I в. н.э. Могильник у с. Мутино (Сумская область, Украина) (по Р.В. Терпиловскому, Л.И. Билинской).



Остготский всадник. Реконструкция Д. Шумата (с сайта «Johnny Shumate's Portfolio»).

сокой, красиво изогнутой спинкой. На найденной в Белгородской области (Россия) костяной накладке гребня была сделана руническая надпись. Она могла играть роль доброго пожелания или заклинания, защищавшего владельца от злых сил. Эта находка — одно из многих свидетельств существования у черняховцев собственной письменности, основанной на северогерманском руническом алфавите.

На территории южных районов Курской области: Суджанского, Обоянского и Беловского — поселения черняховской культуры, легко распознаваемые по обилию характерной гончарной керамики среди подъемного материала, известны давно, но раскопки на них не проводились. На поселении между с. Гочево и с. Бобрава в Беловском районе удалось проследить остатки наземного длинного дома с плетеными стенами, покрытыми слоем глины. Этот характерный для черняховской культуры дом был построен на месте засыпанного котлована землянки киевской культуры. Те же поселения, что были подвергнуты раскопкам, например, Букреевка, Авдеево и Тазово в Посеймье, оказались принадлежащими к киевской культуре, но на них было встречено до 40% гончарной керамики черняховского облика.

Тут–то и начинаются вопросы, на которые довольно сложно дать ответ. Кто такие черняховцы? Откуда они пришли в верховья Псла, Сулы и Сейма? Как складывались их отношения с местным населением? Возможно ли вообще мирное одновременное существование двух разных культур на одной территории? Почему киевцы хоть немного, но заимствовали от черняховцев их посуду, предметы быта, украшения, а обратного влияния не прослеживается? Вопросов гораздо больше, чем ответов. Видный современный археолог М.Б. Щукин имел полное право заметить, что «пожалуй, ни одна археологическая культура не вызывала столько споров в советской археологии и столь острых, сколько возбудила черняховская».

Чтобы ответить на первые два вопроса, надо заглянуть в дошедшие до нас рассказы древних авторов. А они, мешая достоверные сведения с легендами, повествуют вот о чем. Давным–давно, еще до рубежа нашей эры из далекой Скандзы (современной Скандинавии) через море привел на трех кораблях свой народ — готов — король Бериг. Готы поселились на южном берегу Балтийского моря, однако не успело смениться и пяти поколений, как новый король готов, Филимер, повел свой народ на юг, в земли далекой Скифии, в счастливую и плодородную страну, которая на их языке называлась Ойум. Пройдя много земель и покорив много народов, часть готов достигла берегов Черного моря. Так излагает легенды историк VI века н.э. Иордан, сам гот по рождению, записавший предания своего народа.

И легенды эти находят подтверждение в археологических материалах. Действительно, в I–II вв. н.э. на берегах Балтийского моря в районе между низовьями Вислы и Одера возникает совершенно новая археологическая культура, получившая название вельбаркской. Постепенно памятники её начинают распространяться по территории современной Польши, проникая всё дальше и дальше на юг, пока к середине III в. не оказываются в тех районах, где римские историки как раз и помещают племена готов. Таким образом, цепочка вельбаркских памятников представляет собой чёткий след переселения готов с Балтийских берегов к берегам Чёрного моря.

Из более близких ему событий Иордан отмечает правление великого короля Германариха, который правил восточной ветвью готов. Их, в отличие от готов, живших на западе — везиготов (или тервингов), называли остроготами (иначе гревтунгами).



Германские воины. IV в. Художник И. Дзысь (с сайта «Римская слава»).

По уверениям Иордана, этот король, *«благороднейший из [рода] Амалов… покорил много весьма воинственных северных племен и заставил их повиноваться своим законам. Немало древних писателей сравнивали его по достоинству с Александром Великим»*. Среди покорённых им народов встречаются и уже знакомые нам венеды. После многочисленных войн Германарих «властвовал над всеми племенами Скифии и Германии, как над собственными владениями».

Но следует ли безоговорочно принимать на веру все записанные Иорданом готские предания? Подтверждаются ли они археологическими данными и какое отношение имеют воинственные германцы–готы к созданию культуры, раскинувшейся на огромной территории от Дуная до Дона и от Чёрного моря до берегов Сейма? Что же такое, наконец, черняховская культура?

Чтобы выяснить обстоятельства сложения черняховской культуры, следует обратиться к историческим событиям III–IV вв. Из рассказов римских историков известно, что в середине III в. готы предприняли серию опустошительных набегов на Балканские и Малоазиатские провинции империи. Они вторгались туда и посуху, и по морю, на своём пути «выпивая реки и изводя леса».

В 275 г. римские войска сумели, наконец, разгромить варваров и отбросить их за Дунай, где готам и пришлось обосноваться. С этого времени они начинают поступать наёмниками в римскую армию, устанавливать мирные связи с жителями придунайских владений Рима. Особенно упрочились эти связи при императоре Константине. В 332 г. он заключил с готами прочный союз. Обитатели «страны варваров» (Барбарикума) теперь смогли гораздо ближе познакомиться с обычаями, культурой и техническими достижениями самой передовой державы известного им мира. Это знакомство не могло пройти бесследно даже для обыкновенных наёмников, какими было большинство готов, побывавших в пределах Римской империи.

На территории черняховской культуры находки отдельных римских монет и целых кладов — яв-



Умбон щита. III–IV вв. (д. Филиппова, Октябрьский район). Разведка О.А. Радюша. Курский государственный областной музей археологии.

Римский щит. III–IV вв. Реконструкция.



Меч–спата. Рим. III–IV вв. Юг России. Дар О.А. Радюша. Курский государственный областной музей археологии.

Меч–спата. III в. Реконструкция.





ление нередкое. Возможно, монеты эти действительно ходили здесь именно в качестве денег. Их привозили с собой торговцы, они попадали сюда вместе с получившими свою плату наёмными воинами. В основном эти деньги — серебряные, отчеканенные императорами II века, как правило, Марком Аврелием и Антонином Пием.

На территории самой Римской империи ко времени расцвета черняховской культуры они практически уже вышли из обращения (тем более что там перешли на медно–золотую систему). По обоснованному предположению М.Б. Щукина, эти монеты являются частью выплат готским воинам–федератам из запасов императорской казны, где оседали вышедшие из обращения номиналы. Наёмники предпочитали именно их, как более удобные при расчетах, «им было важно содержание серебра, а не портрет императора, поэтому они отказывались и от денег, выпущенных во время кризиса III века, когда содержание серебра в монетах резко упало».

В результате соседства с Римом начинается и проникновение к готам христианства. Сюда, в страну варваров, изгоняются члены различных еретических сект, одну из которых возглавлял старец Авдий. Его последователи–авдиане, *«идя вперед, в самую внутренность Готии, огласили христианским учением многих готов»*. Немалая часть готов приняла во вто-



Накладки на римские портупейные ремни. Бронза. III в. Белгородская область (Россия). Разведка О.А. Радюша. Курский государственный областной музей археологии.

Меч и портупея римского легионера. III в. Реконструкция.

рой половине IV в. христианство в форме арианской ереси. Известный археолог Э.А. Сымонович, исследовавший черняховские памятники на территории Курской области, считал христианскими довольно многочисленные безынвентарные черняховские погребения с западной ориентировкой, но достоверно доказать это не представляется возможным.

Что касается взаимоотношений с населением киевской культуры, то они могли складываться по–разному в каждом отдельном случае. Не случайно историк Иордан несколько раз возвраща-



Римские монеты. Серебро. II–III вв. Поселение Пены 1 (Курчатовский район). Раскопки О.А. Радюша. Курский государственный областной музей археологии.



Светильник. Глина. Римская империя. III–V вв. (с. Тазово, Золотухинский район). Разведка О.А. Радюша. Курский государственный областной музей археологии.



Гребень. Железо. Поселение Снагость II (Кореневский район). Раскопки Э.А. Сымоновича. Курский государственный областной музей археологии.

ется к теме покорения венедов. Он пишет, что венеды — плохие воины (а мы знаем, что в киевской культуре почти не встречено предметов вооружения), однако именно они попробовали сопротивляться могущественному Германариху, не знавшему поражений. Не устояв перед многочисленным вооруженным войском на поле брани, носители киевской культуры сохранили свою самобытность в обыденной жизни, в очень небольшой степени позаимствовав даже технические достижения завоевателей, стоявших на более высокой ступени развития. Конечно, какая–то часть местного населения включилась в жизнь державы Германариха, женщины принесли на поселения свои грубые лепные горшки, мужчины приняли участие в походах готского войска, в которое входили представители многих покоренных народов — противники отмечали, что «готы, идя в сражение, издают боевой клич на разных языках». Однако славянские культуры раннего средневековья унаследовали основные черты именно киевской культуры римского времени.

Говоря о взаимоотношениях племён киевской и черняховской культур, А.М. Обломский отмечает, что уже во второй половине III в. «часть лесостепных киевских племён включаются в состав черняховской общности, образуя так называемые черняховские памятники киевской традиции, переходят на новый тип хозяйства и широко расселяются по Днепровскому Левобережью, проникая даже в Подонье. Те же группы киевского населения, которые сохраняют свою относительную обособленность (оставившие памятники круга Букреевка — Тазово), активно перенимают черняховские технологии обработки земли и ремесла, что выражается в изменении инструментария, некоторые приёмы домостроительства, моду на черняховские украшения; они используют импортную гончарную керамику, количество которой по комплексам составляет от 4 до 41%». Жители киевских селений сейминско–донецкого варианта начинают использовать каменные жернова, вертикальный ткацкий станок с пирамидальными и коническими грузилами, массивные железные насадки на пахотные орудия, пряслица, подражающие по своей форме черняховским. Они носят фибулы черняховского стиля, а среди набора их посуды появляются заимствованные от черняховцев миски–плошки.

Более северные группы киевцев Подесенья оказываются, однако, менее восприимчивы к новшествам. Они упорно придерживаются собственных старинных традиций, и зона их расселения, судя по всему, показывает те пределы, каких смогли достичь дружины готских королей в борьбе с «весьма воинственными северными племенами», о которых упоминает Иордан. В пользу этого говорит и вывод, к которому пришёл А.М. Обломский, считающий, что «черняховская культура распространяется не в результате влияния, а путём переселения на новые земли различных по происхождению группировок… Процесс распространения черняховской культуры на территорию Днепровского Левобережья не был мирным. Свидетельством тому являются многочисленные сгоревшие постройки, исследованные как на черняховских, так и на киевских поселениях».

В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Начало Великому переселению народов положило вторжение волны азиатских кочевников, сокрушивших на своём пути готскую «державу Германариха». Этими кочевниками были гунны, имя которых на столетия вперёд стало в Европе синонимом ужаса.



Рукоять меча. Золото, гранаты, железо. IV–V вв. Днепропетровская область (Украина). Музей исторических драгоценностей Украины (г. Киев) (по О Ганіной и др.).

«Их [гуннов] образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз. Их свирепая наружность выдает жестокость их духа: они зверствуют даже над потомством своим с первого дня рождения. Детям мужского пола они рассекают щеки железом, чтобы, раньше чем воспринять питание молоком, попробовали они испытание раной. Поэтому они стареют безбородыми, а в юношестве лишены красоты, так как лицо, изборожденное железом, из–за рубцов теряет своевременное украшение волосами. Ростом они невелики, но быстры проворством своих движений и чрезвычайно склонны к верховой езде; они широки в плечах, ловки в стрельбе из лука и всегда горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи. При человеческом обличье живут они в звериной дикости», — так описывал гуннов в своём историческом труде Иордан.

Подобные, во многом преувеличенные, описания невиданных Западом степных кочевников в полной мере отражают тот страх перед нашествием варваров, что испытывали граждане Империи в эпоху её заката. И страх этот был далеко не последним оружием в арсенале гуннов.

Столкновение с гуннами произошло в неудачное для восточных готов время. Иордан повествует, опираясь на легенды, как накануне грозного нашествия король Германарих столкнулся с подчинённым ему «вероломным племенем росомонов».



Гунн. III в. Могильник Солёный Дол (Челябинская область, Россия). Раскопки И.Э. Любчанского. Реконструкция А.И. Нечволоды (с сайта «Ufa1.ru»).



Визиготский воин. V в. Реконструкция А. Макбрайда (по S. MacDowall).

Иногда в этом нигде более не упоминаемом племени видят древнейших славян, иногда сарматов–роксолан, но, скорее всего, судя в том числе и по именам росомонских героев, это была одна из восточногерманских родовых групп в составе готского союза племён.

По сведениям Иордана, *«одну женщину из вышеназванного племени [росомонов], по имени Сунильду, за изменнический уход [от короля], ее мужа, король [Германарих], движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и пустив их вскачь. Братья же ее, Сар и Аммий, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Мучимый этой раной, король влачил жизнь больного. Узнав о несчастном его недуге, Баламбер, король гуннов, двинулся войной на ту часть [готов, которую составляли] остроготы; от них везеготы, следуя какому–то своему намерению, уже отделились. Между тем Германарих, престарелый и одряхлевший, страдал от раны и, не перенеся гуннских набегов, скончался на сто десятом году жизни. Смерть его дала гуннам возможность осилить тех готов, которые, как мы говорили, сидели на восточной стороне и назывались остроготами»*.

Сведения готских легенд подтверждает и краткое сообщение римского историка. *«Они [гунны] смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха, весьма воинственного царя, которого страшились соседние народы из–за его многочисленных и разнообразных подвигов. Поражённый силой этой внезапной бури, Эрменрих в течение долгого времени старался дать им решительный отпор и отбиться от них; но так как молва всё более усиливала ужас надвинувшихся бедствий, то он положил конец страху перед великими опасностями добровольной смертью»*, — так описывает крушение готской «державы» и начало гибели черняховской культуры Аммиан Марцеллин.

Гибель старого короля около 375 г. помогла гуннам нанести поражение восточным готам, жившим в восточной области расселения этого народа, и частично захватить их земли. Так начиналась новая эпоха — эпоха Великого переселения народов.

Свидетелями этой грозной эпохи являются, помимо всего прочего, железные наконечники стрел, обнаруженные археологами при обследовании поселений гуннского времени в верховьях реки Прутище. В окрестностях с. Николаевка (Курчатовский район) были найдены как трёхлопастные гуннские наконечники, так и «широко распространённые в германском мире» шиловидные. Среди сделанных здесь же находок оказались железные и серебряные пряжки, подвязные фибулы и крупная янтарная бусина — подобные бусы использовались в качестве наверший темляков мечей. Находки черняховской керамики, украшений и фибул были сделаны также и неподалёку отсюда — у д. Филиппова в верховьях реки Рогозна, на берегах которой Э.А. Сымоновичем было исследовано поселение Колосовка. Судя по всему, в данном районе располагались одни из самых поздних селений черняховской и киевской культур, подвергшиеся, видимо, военному разгрому.

После поражения, нанесенного остроготам Германариха гуннами, они, в отличие от своих западных сородичей, остались на своей земле, хотя и «подчинённые власти гуннов». Обломками погибшей державы управляло несколько королей из рода Амалов — родственников Германариха. Одним из них был Гезимунд, внук великого конунга, а другим — внучатый племянник его, Винитарий. Так именует его Иордан, хотя Аммиан Марцеллин сообщает, что короля готов, правившего после гибели Германариха, звали Витимир. Учитывая, что имя «Винитарий» означает просто «победитель венедов», можно предположить,



Фибула «цикада». Начало V в. (п. Свобода, Золотухинский район). Дар П. Бирюкова. Курский государственный областной музей археологии.



Гунн. V в. Реконструкция Г. Самнера (по R. D'Amato).



Пряжка поясная. IV–V вв. (д. Якунино, Курский район). Дар Н.Я. Вовка. Курский государственный областной музей археологии.



Боевой топор. Железо. V в. Поселение Раздолье 2 (Фатежский район). Разведка О.А. Радюша. Курский государственный областной музей археологии.



Походы гуннов.

что оно было почётным прозвищем, которое принял после удачной войны король Витимир.

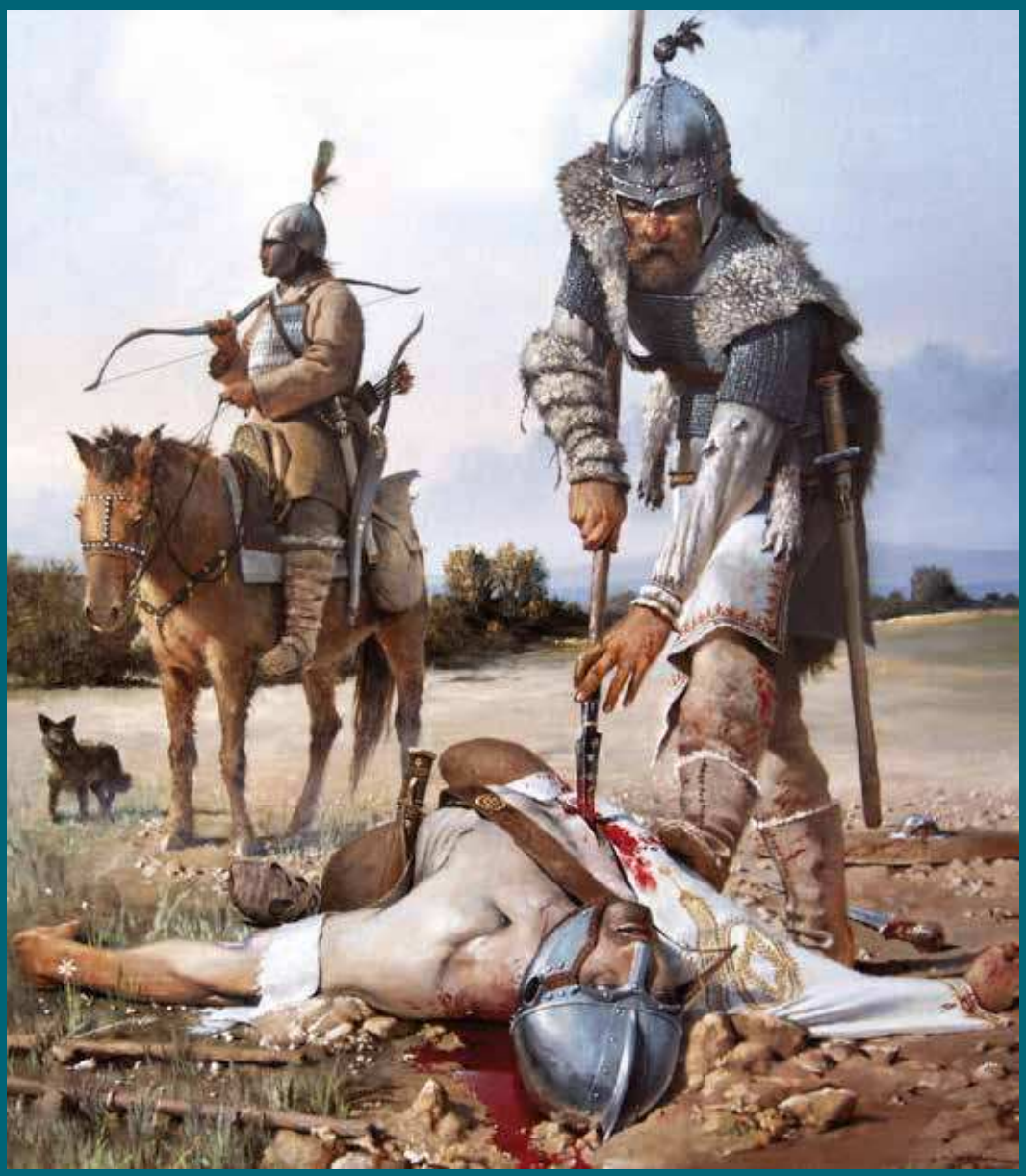
Так или иначе, однако, Винитарию, несмотря на подчинение его народа власти гуннов, все–таки удалось *«удержать все знаки своего господствования»*. Он *«с горечью переносил подчинение гуннам»* и начал упрочение своего ослабленного королевства с войны против антов. Анты, по свидетельству Иордана, — это название одного из многочисленных венедских (славянских) племен. Войны с венедами издавна занимали важное место в истории готов. Не случайно само имя нового короля означает «победитель венедов». Готы, как то видно из повествования Иордана, считали венедов *«достойными презрения из–за [слабости их] оружия»*, однако признавали, что это противник *«могущественный благодаря своей многочисленности»*.

Борьба шла с переменным успехом. В первом же сражении молодой король оказался разбит и, униженный этим поражением, *«в дальнейшем стал действовать решительнее»*. В итоге ему удалось захватить и предать мучительной казни распятием вождя



Наконечник копья. V в. Обоянский район. Разведка О.А. Радюша. Курский государственный областной музей археологии.

Крепление наконечника на древке копья. Реконструкция Р.Б. Схатума. Художник И.Г. Василенко (по Р.Б. Схатуму).



Воины Великого переселения народов. Реконструкция К. Пеньи (с сайта «Военно–исторический Форум»).

антов Боза, его сыновей и 70 старейшин — *«чтобы трупы распятых удвоили страх покоренных»*. После этого готам стало казаться, что военная удача непобедимого Германариха вновь вернулась к его преемникам. Однако гунны не потерпели укрепления остроготов. Правитель гуннов Баламбер двинул против Винитария дружины его же родственников, давших гуннам клятву верности: *«он призвал к себе Гезимунда, сына великого Гуннимунда… со значительной частью готов, и, возобновив с ним союз, повел войско на Винитария»*. Последовала ожесточённая война. *«Едва ли кто в силах припомнить побоище, подобное тому, которое устроил Винитарий в войске гуннов!»* — восклицает, описывая её, Иордан.

Но после нескольких кровопролитных битв гунны и союзные им гото–венедские отряды всё–таки одержали окончательную победу. Винитарий был убит гуннской стрелой, а его племянница вышла замуж за предводителя гуннов. С тех пор Баламбер *«властвовал в мире над всем покоренным племенем готов, но однако так, что готским племенем всегда управлял его собственный царек, хотя и [соответственно] решению гуннов»*.

Таким образом, остроготы, хоть и потерпели поражение, но сохранили собственных правителей — наследников Винитария, которые продолжали править и вести войны с соседями. Но вскоре потомкам Германариха пришлось окончательно уступить место новым народам.

СОКРОВИЩА ГУННСКОЙ ЭПОХИ

Грозная эпоха Великого переселения народов оставила яркие следы на землях современной Курской области. Именно здесь обнаружены самые поздние находки памятников черняховской культуры, относящиеся уже к рубежу IV — началу V вв. н.э. Среди этих памятников выделяется серия археологических комплексов, поражающих своим богатством и великолепием. Так, два прекрасных серебряных сосуда происходят из Жигайловки под Сумами, клад монет и золотые фибулы с драгоценными камнями были найдены в Нежине. Но самые знаменитые находки этого круга обнаружены в Курской области.



Клады эпохи Великого переселения народов на Днепровском Левобережье.

Еще в середине XIX века в Обоянском уезде близ с. Паники были обнаружены массивная золотая шейная гривна, более полусотни золотых нашивных бляшек и стеклянная чаша. Согласно архивным документам выяснилось, что вещи, известные под названием «Обоянского клада», были найдены «малолетними детьми государственных крестьян Савенковых» в 1849 г. Любопытно, что известие о находке было опубликовано в «Курских губернских ведомостях» под рубрикой «О найденных вещах». Газета предлагала лицам, утерявшим эти ценные предметы, явиться за ними в губернское правление, предъявив доказательства своих прав на них. Разуме-



Предметы из Старосуджанских кладов (Большесолдатский район). Художник С.А. Смеричинская.



Украшения из Старосуджанского клада 1927 г. (д. Большой Каменец, Большесолдатский район). Оружейная палата (Кремль, Москва).

ется, таковых лиц в губернии не оказалось. Ныне эти находки хранятся в Государственном Историческом Музее в Москве.

А в начале XX в. у с. Большой Каменец (Льговский уезд, совр. Большесолдатский район) на реке Судже были найдены ещё два богатых «клада». В одном из них были обнаружены серебряный кувшин с изображением греческих муз, серебряная бляха–фалар от конской упряжи, ведро из позолоченной бронзы, золотые гривна, кольцо и два браслета, а также стеклянные кубок и блюдо. Второй также содержал не менее ценные вещи.

Обстоятельства находки этих «Старосуджанских кладов» сами по себе уже представляют немалый интерес. Началось всё 29 октября 1927 г., когда возвращавшиеся из школы Ефим Ефремов и Никита Комов заметили странный



Сотрудники Льговского ОГПУ с изъятыми вещами из «Первого и второго Старосуджанских кладов» (по: «Волниковский клад». М., 2014).



Серебряный сосуд с изображением девяти муз из Старосуджанского клада 1919 г. (Большесолдатский район). Оружейная палата (Кремль, Москва).



Золотая подвеска. IV–V вв. (д. Филиппова, Октябрьский район) (по: «Волниковский клад». М., 2014).

блеск в осыпавшемся склоне оврага, в котором берёт свои истоки река Суджа. Подобравшись ближе, они увидели, что из земли торчит желтоватый обруч. Потянув за него, ребята извлекли золотую шейную гривну с медальоном, инкрустированным гранатами и зелёным стеклом. Вслед за гривной на свет показалась и золотая цепь длиной в 2,5 м, которую мальчишки сообща потащили волоком по деревенской улице. Это, разумеется, привлекло внимание взрослых, которые вскоре собрались на месте находки с лопатами в руках. В результате из земли были извлечены два массивных золотых браслета с замками в виде змеиных голов.

Весть о найденных сокровищах породила в селе настоящую «золотую лихорадку» — раскопки были настолько активны, что ещё в 1960–е годы на месте находки находилась глубокая глиняная промоина. Поросшие бурьяном отвалы и рытвины видны там и по сей день.

Браслеты тайно продали перекупщикам, а гривна с цепью были конфискованы милицией и попали во Льговский уисполком, где сокровища по весу металла примерно оценили в 3000 рублей. Вскоре о каменецкой находке сообщили в Оружейную палату. В феврале 1928 г. из Москвы за найденными предметами было командировано несколько научных сотрудников, но во Льгове они столкнулись с упорным сопротивлением местных властей, желавших или, продав находки, построить в Большом Каменце новую школу, или оставить их в местном краеведческом музее. Его директор, А.И. Плютто, предлагал сами вещи продать «в один из столичных музеев», а вырученные средства пустить на музейные нужды (выделив рублей сто в качестве награды детям, нашедшим сокровище). В экспозицию же Льговского музея вместо оригиналов планировалось поместить «медную модель обруча и цепи». В любом случае никто не собирался безвозмездно расставаться с этой неожиданной и такой многообещающей находкой. Лишь вмешательство Наркомпроса РСФСР и лично коменданта Кремля сломили упрямство уездных руководителей, передавших, наконец, найденные в Большом Каменце сокровища московским ученым.

Между тем, в ходе общения сотрудников Оружейной палаты с жителями Большого Каменца вскрылись новые интересные подробности. Во–первых, стало известно о проданных перекупщикам браслетах, а во–вторых, оказалось, что



Гуннский вождь. 1–я половина V в. По материалам Волниковского и Старосуджанских «кладов» (Курская область, Россия) и погребения у с. Тугозвоново (Алтай, Россия). Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко.

подобные вещи уже попадали в руки крестьян около десяти лет назад. К делу срочно подключился Курский уголовный розыск. Браслеты скоро нашли и передали ученым. А тем временем крестьяне, «охотно делившиеся своими воспоминаниями» с оперативниками, поведали следующую историю.

Весной 1919 г. один из местных жителей добывал камень для своих строительных нужд. Рядом стояла запряженная телега, в которую он складывал выломанные куски. Вдруг лошадь по шею провалилась во внезапно образовавшуюся яму, извлечь из которой стоило её хозяину огромных усилий. Заглянув в провал, крестьянин ничего там не обнаружил, кроме земли, глины и кусков камня. Но через несколько дней игравшие около протекавшего поблизости родника дети увидели, как из наполненной водой ямы течение выносит множество тонких золотых блёсток. Ребята стали копаться в грязи и вскоре нашли серебряную бляху–фалар, прикрывавшую горлышко стоявшего в бронзовом ведре серебряного кувшина. Вскоре к месту находки подоспели и взрослые. «Крестьяне копали долго и неоднократно принимались за раскопки и позже. Ими было срыто значительное число кубов земли, так что даже профиль места совершенно изменился», — писал после своей поездки в Большой Каменец профессор Л.А. Мацулевич. Кладоискателями было найдено множество уникальных предметов. Находку держали в секрете, и о том, что в древнем захоронении обнаружено много предметов из золота и серебра, знал весьма ограниченный круг лиц. Судьба вещей из «клада» оказалась различной. Камни склепа использовали как строительный материал. Найденные в яме кости и бронзовое ведро, не имевшие в глазах крестьян никакой ценности, были ими разломаны и выброшены. Мощный череп и челюсть с зубами стали на какое–то время игрушками каменецких детей, так же, как и многочисленные нашивные бляшки, сделанные из тончайшей золотой фольги. Серебряный фалар применялся для тушения самоварных углей, стеклянные «стакан» и «блюдце», пока не разбились, использовали при чаепитиях, золотой перстень переделали по руке одного из находчиков, а серебряный кувшин, гривну и браслеты из золота продали перекупщикам.

Лишь благодаря усердной и кропотливой работе учёных, сотрудников милиции и органов власти удалось спасти часть вещей из первого «Старосуджанского клада» — фалар, кувшин, блёстки и обломок ведра, хранящиеся теперь в Оружейной палате Московского Кремля. Но общая картина полностью уничтоженного в результате кладоискательских раскопок уникального захоронения восстановлению уже не подлежит. Ясно лишь



Колокольчик сбруйный. Медь, позолота, сердолик.



Наконечник–зажим уздечных ремней. Медь, позолота, сердолик.



Накладка–разделитель уздечных ремней. Медь, позолота, сердолик.



Пряжка поясная. Золото, гранаты, стекло.



Пряжка поясная. Золото, гранаты, стекло.



Пряжка и поясные накладки. Медь, золото, гранаты, стекло.

Волниковский «клад». Курский государственный областной музей археологии.



Детали рукояти и ножен меча. 1–я половина V в. Волниковский «клад» (Фатежский район). Курский государственный областной музей археологии.

одно — ближайшие аналогии этому археологическому памятнику сегодня известны лишь в Румынии и на Крымском полуострове.

Следует отметить любопытное совпадение: во втором из каменецких погребений, как и в находке, сделанной еще в XIX в. у обоянского с. Паники, также были золотые нашивные бляшки и гривна. Золотая подвеска в форме виноградного листа, именно такая, какими принято было украшать подобные цепи (например, знаменитую цепь из клада в местечке Силадьшомьо в современной Румынии, которая хранится в Венском национальном музее) имеется и среди случайных находок, сделанных на территории области.

Ещё одна яркая находка была сделана в 2010 г. у с. Волниковка Фатежского района. Это было погребение знатного всадника. Судя по всему, вместе с воином был погребён и его боевой конь в богатой сбруе. Сам вождь имел при себе два меча в ножнах, обитых золотом, которые крепились к ремням с серебряными и позолоченными накладками. Пряжки были украшены вставками из гранатов и цветного стекла. К сожалению, находку эту сделали кладоискатели, а потому не все предметы дошли до исследователей, а многие из тех, что уцелели, оказались повреждены.

Кому же могли принадлежать эти сокровища?

Как мы уже говорили, для археологических культур первой половины I тыс. н.э. золотые вещи не характерны. Киевская культура золота не знала, и даже у сравнительно богатых черняховцев золотые вещи и монеты встречались крайне редко и были, по–видимому, показателем выдающегося положения их владельца. Находки из Жигайловки, Обояни, Большого Каменца относятся к рубежу IV—V вв. н.э. и изготовлены в византийских и причерноморских мастерских. В Поднепровье, Побужье и Поднестровье больше таких богатых комплексов этого времени не встречено, зато в Центральной Европе и в Подунавье, на территории современных Румынии, Польши, Венгрии, Австрии подобные великолепные «княжеские» погребения и клады найдены там, где на границах империи гуннов возникли на заре раннего средневековья германские королевства. А теперь вспомним, что историк Иордан специально отмечал, что король Винитарий сохранил «все знаки своего господствования», и даже после его гибели гунны позволили остроготам иметь своих «царьков». Не подобные ли знаки отличия королевской власти попали в руки крестьянам Большого Каменца из разрушенных погребений?

Остроготам Винитария не было места в завоеванных гуннами степях Причерноморья, хотя их сородичи, вступившие в союзнические отношения с завоевателями, могли там оставаться. Участие в войнах с антами и память о покорении венедов, запечатленная в имени Винитария, заставляет искать его королевство где–то к северу от зоны степей, на границе венедского мира (киевской культуры). Похоже, что именно район верхнего течения Сулы и Псла больше всего подходит для определения места, где обосновались остроготы, подчинявшиеся наследникам Винитария после окончательного поражения в борьбе с кочевниками — гуннами. Экспедиция Е.А. Горюнова, а до неё Ю.А. Липкинг, проводя в здешних местах археологическую разведку, установили, что тут «речь идет о микрорегионе плотного черняховского заселения, следы черняховских поселений обнаружены в непосредственной близости от суджанских могил».

Видный специалист по данному периоду, сам принимавший участие в работе экспедиции Е.А. Горюнова, М.М. Казанский считает: «Представляется, что всю эту группу «княжеских» находок можно связать с финальной фазой черняховской культуры, конкретно с населением королевства Винитария и его наследников. Скорее всего, центр королевства находился на Днепровском Левобережье, где–то между верхним течением Ворсклы и Псла, откуда и происходит большая часть «княжеских» комплексов. Эта зона находится в непосредственной близости от территории киевской культуры, т.е. антов–венедов Боза… Перемещение центров королевской власти на север, практически на границу черняховской культуры, связано, скорее всего, с давлением гуннов с юга».

По мнению же А.М. Обломского, все эти сокровища принадлежали вождям местных племён, которые в союзе с гуннами совершали походы на гибнущую Римскую империю и в начале V в. вернулись на берега Сейма и Псла.

Память о событиях рубежа IV–V вв. н.э. долго жила в устной традиции разных народов, отзываясь и в славянских, и в германских эпических сказаниях. Однако первое место в реконструкции истории племён, живших на территории Днепровского лесостепного Левобережья, в том числе и в Курском крае, в римское время и в бурную эпоху Великого переселения народов, принадлежит памятникам археологии, исследование многих из которых еще ждет своего часа.

«ТУМАННЫЕ ВЕКА» РАННИХ СЛАВЯН

Древние славяне, предки современных славянских народов, населяющих сегодня огромные территории государств Восточной и Южной Европы и России от Адриатического моря до Тихого океана, вышли на историческую сцену сравнительно недавно. Впервые упоминания о славянах и рассказы об их обычаях появились в исторических и географических сочинениях древних авторов в середине VI века нашей эры, когда бурная эпоха Великого переселения народов принесла к белокаменным стенам укреплений северных границ Византийской империи волну варварских племен, в числе которых были склавины и анты.



Переселение славян на новые земли. Художник Б. Альмгрен.

Иордан и византийский историк Прокопий Кесарийский рассказывают, что склавины и анты — родственные племена, произошедшие от общих предков — многочисленного племени венедов. Они говорили на общем языке, поклонялись общим богам, вели сходный образ жизни, который удивлял жителей империи. Прокопий отмечал, что склавины и анты *«не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии»*, обитают в жалких хижинах на большом расстоянии друг от друга *«в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер»* и часто меняют места поселения, занимая *«неимоверно обширную землю»* к востоку от Дуная. Кроме того, он отмечает, что различные склавинские и антские племена постоянно



Поясная пряжка. Конец V — начало VI вв. (д. Жеребцово, Курский район). Разведка О.А. Радюша. Курский государственный областной музей археологии.



Фигурки сказочных существ, отражающие сложные религиозные представления славян в VI–VII вв. Велестинский клад (Греция). Клад был найден в начале XX в. у с. Велестино (Фессалия, Греция). В состав клада входит 21 бронзовая фигурка людей, птиц, животных и сказочных существ. Фигурки являются набором моделей, использовавшихся для изготовления литьевых или тисненных копий. Большинство исследователей считают, что фигурки Велестинского клада использовались при проведении языческих ритуалов и изображают персонажей славянской мифологии. Клад хранится в музее г. Принстона (США) (по N. Chausidis).

враждуют между собой, а *«в общем, они коварны и не держат своего слова относительно договоров; их легче подчинить страхом, чем подарками. Так как между ними нет единомыслия, то они не собираются вместе, а если и собираются, то решенное ими тотчас же нарушают другие, так как все они враждебны друг другу и при этом никто не хочет уступить другому»*.

Некоторое любопытство просвещенного византийца вызвали и языческие верования антов и склавинов, поклонявшихся олицетворенным силам природы, которым они приносили жертвы: *«Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды… когда им вот–вот грозит смерть… то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу: избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки, нимф и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят гадания»*. Здесь вполне можно узнать известных по более поздним источникам и этнографическим данным воинственного бога–громовика Перуна, русалок и водяных.

Среди жертв, приносимых этим божествам, могли находиться не только упомянутые Прокопием быки — как и другие народы на подобном же этапе развития, славяне практиковали и человеческие жертвоприношения. Возможно, что именно ритуальный характер носили особенно поразившие Прокопия своей свирепостью расправы славян над некоторыми пленными византийцами. Так, например, военачальника Асбада, взяв живым в плен, славяне потом убили, *«бросив в горящий костёр, предварительно вырезав из кожи на спине этого человека ремни»*, а в Иллирии и Фракии *«эти варвары, вбив глубоко в землю четыре толстых кола, привязывали к ним руки и ноги пленных и затем непрерывно били их палками по голове, убивая их таким образом, как собак или как змей или как других каких–либо диких животных»*.

Эти описания вполне сравнимы с более поздним рассказом Льва Диакона о жертвоприношениях, что совершали уже в X в. воины князя Святослава после неудачной битвы: *«И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромоздили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных,*



Славянский воин. VI в. По материалам Курской области и Велестинского клада (Греция). Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко.



Бронзовый браслет с расширяющимися концами. V–VI вв. (д. 2–я Воробьёвка, Золотухинский район). Раскопки Э.А. Сымоновича. Фонды Курского государственного областного музея археологии.



Наконечники дротиков. VI – VII вв. Инвентарь из погребений могильников у х. Княжий (Суджанский район) и с. Лебяжье (Курский район). Раскопки Ю.А. Липкинга. Курский государственный областной музей археологии.

мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили [несколько] грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра». Особенно интересным представляется тут упоминание о том, что пленников умерщвляли «по обычаю предков».

Однако прежде всего новые соседи Империи вызывали интерес отнюдь не у историков и географов, а у военачальников. И это не случайно — ведь как раз со второй половины VI в. н.э. именно славянские племена начали совершать успешные набеги на северные области Византии. Поэтому самое интересное свидетельство о древних славянах оставил на рубеже VI и VII вв. полководец Маврикий в составленном им руководстве по военному делу «Стратегикон»: *«Свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в собственной земле. Они многочисленны, выносливы, легко переносят и зной, и стужу, и дождь, и наготу тела, и нехватку пищи. К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны… Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределенное время… но, определив для них точный срок, предоставляют на их усмотрение: либо они пожелают вернуться за некий выкуп, либо останутся там, как свободные люди и друзья. У них множество разнообразного скота и злаков, сложенных в скирды, в особенности проса и полбы. Жены же их целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве. Живут они среди лесов, рек, болот и трудноопределимых озер… все ценное из своих вещей они зарывают в тайнике, не держа открыто ничего лишнего».*

Как уже отмечалось, византийских авторов, писавших о славянах, интересовало в первую очередь их военное дело — ведь как раз в это время славянские племена то и дело прорывались за Дунай, опустошая и заселяя владения Империи на Балканах. Как и в предшествующий период, о котором повествовал в своём труде Иордан, анты были сильны в первую очередь своей численностью. Воины их, со-



Фигурки славянских воинов. VI–VII вв. Велестинский клад (Греция) (по В.В. Седову, 2002).



Ламеллярный железный шлем. 2–я половина V–VI вв. (с. Петровское, Хомутовский район) (по О.А. Радюшу).

гласно описаниям византийцев, были легко вооружёны.

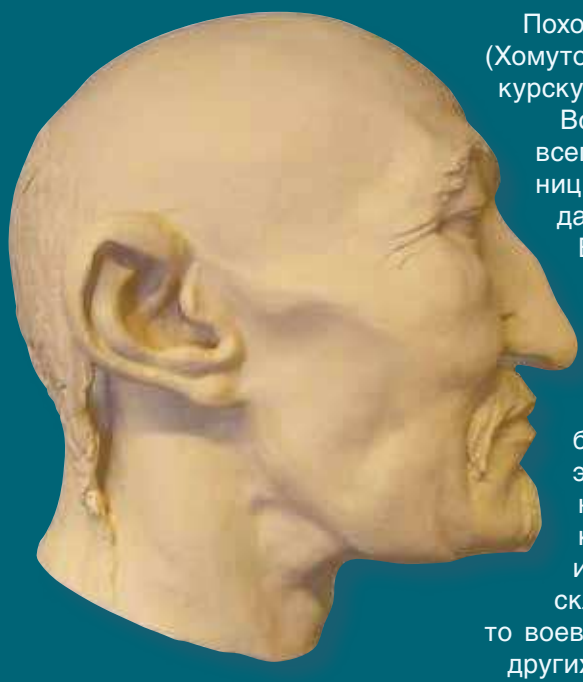
«Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но трудно переносимые [с места на место], — пишет Прокопий Кесарийский. — *Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом, сильно действующим, если раненый не примет раньше противоядия или [не воспользуется] другими вспомогательными средствами, известными опытным врачам, или тотчас же не обрежет кругом место ранения, чтобы яд не распространился по остальной части тела. Если и случится, что они отважились идти на бой, то они во время его с криком слегка продвигаются вперед все вместе, и если противники не выдержат их крика и дрогнут, то они сильно наступают; в противном случае обращаются в бегство, не спеша померяться с силами неприятелей в рукопашной схватке. Имея большую помощь в лесах, они направляются к ним, так как среди теснин они умеют отлично сражаться. Часто несомую добычу они бросают [как бы] под влиянием замешательства и бегут в леса, а затем, когда наступающие бросаются на добычу, они без труда поднимаются и наносят неприятелю вред. Все это они мастера делать разнообразными придумываемыми ими способами с целью заманить противника. Вступая в битву, большинство из них идёт на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек, ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бёдрах, и в таком виде идут на сражение с врагами».*

Любопытно упоминание Прокопия о «двух небольших копьях», которые имеет каждый славянский воин. В связи с этим сразу же вспоминается погребение Княжьинского могильника, в котором прах умершего воина был захоронен в сопровождении именно двух наконечников дротиков. Такие дротики должны были иметь длину около одного метра, и, вероятно, использовались не только для метания, но и для рукопашного боя.

Облик славянских воинов времён Балканских набегов передают металлические фигурки, найденные в Велестино (Греция). Они изображают обнажённых бородатых длинноволосых воинов, вооружённых круглыми щитами, мечами и секирами, причём один из них сидит верхом на низкорослом коне. На груди пешего воина просматриваются следы то ли раскраски, то ли татуировки. Всадник имеет на голове шлем.



Нападение авар на славянский посёлок. Художник Б. Альмгрен.



Аварский мужчина. Венгрия. Реконструкция.

Похожий шлем недавно был случайно найден у с. Петровского (Хомутовский р–н). Московский археолог О.А. Радюш датировал курскую находку 2–й половиной V—VI вв.

Все сообщения современников о славянах относятся, прежде всего, к тем склавинам и антам, которые поселились близ границ Византии и оттуда проникали на территорию империи. Иордан свидетельствовал, что склавины расселялись от Дуная до Вислы на север и до Днестра на восток, а анты жили *«от Данастра до Данапра»*. Вполне возможно, что кроме названных племен существовали и другие, также родственные по происхождению, говорившие на близких славянских наречиях, имевшие сходную культуру, но жившие далеко от Подунавья, где разворачивались основные события, описанные византийскими авторами. Однако имена этих племен так и остались неизвестными, и поэтому раннюю историю славян историки связывали с территориями, которые так или иначе упоминались в древних трактатах и хрониках. По–разному сложились исторические судьбы склавинов и антов: вместе выйдя на историческую сцену, они то воевали с византийцами, то вступали с ними в союзы против других племен. Один из таких союзов стал роковым для антов. За помощь византийцам в войне с кочевниками–аварами аварский полководец Апсих в начале VII в. нанес антам такое поражение,



Восточная и Центральная Европа в VI–VII вв.



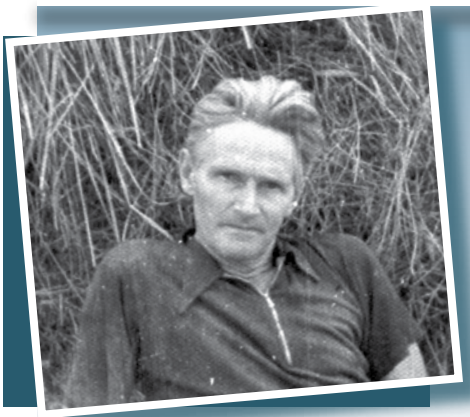
Сосуды из погребений могильника у с. Лебяжье (Курский район). Раскопки Ю.А. Липкинга. Курский государственный областной музей археологии.

что даже их имя исчезло со страниц письменных источников.

А склавины продолжали жить на Балканском полуострове, покуда в 70–е годы VII в. новая волна кочевников — болгар — не хлынула с востока и не принудила часть уже освоившихся за два века на плодородных землях северных провинций Империи славян вновь искать места для поселения.

Археологи исследовали древние поселения и могильники там, где византийские авторы помещали склавинов и антов, и выделили две в целом очень похожие археологические культуры, различающиеся в основном по форме керамических сосудов. Гончарного круга ранние славяне не знали, пользовались лепными горшками простой формы, но носители *пражской* (или *корчакской*) археологической культуры, связываемой со склавинами, предпочитали стройные лепные горшки, по форме напоминающие нераскрывшийся цветок тюльпана, а носители *пеньковской* культуры, которую соотносят с антами, лепили округлобокие и биконические сосуды.

Жилища у тех и других были небольшими, углубленными бревенчатыми полуземлянками для одной семьи, но в пражской культуре большее распространение получили характерные



Липкинг Юрий Александрович
(1904–1983)

Курский археолог, ведущий специалист 1950–1970–х гг. по археологии и древней истории Курского края, старший преподаватель КГПИ.

Участвовал в экспедициях М.В. Воеводского, А.Е. Алиховой и других археологов в Курской области, проводил обширные разведки археологических памятников на территории Посеймья в 1950–1970–х гг. Исследовал бескурганные могильники раннеславянского времени около х. Княжий и с. Лебяжье.

Автор ряда научно–популярных книг «О чём рассказывают курганы», «Далёкое прошлое соловьиного края», а также художественной трилогии о жизни славян–роменцев в эпоху становления Киевской Руси (повесть «Кудеяров стан», романы «Сварожье племя» и «В горниле»).



Фибула антропозооморфная. Фрагмент. VI–VII вв. (д. 1–е Мальцево, Большесолдатский район). Курский государственный областной музей археологии.

печи–каменки, а в пеньковской — очаги. Из–за близости к степям, где соседями славян–антов были кочевые племена, в пеньковской культуре в большей степени представлены заимствования: чужеродная посуда, предметы быта, иногда на поселениях даже встречаются следы округлых юрт — характерных жилищ кочевников. Тела умерших славяне подвергали сожжению, а прах и пепел помещали в погребальный сосуд или вместилище из какого–то недолговечного материала, остатки которого обычно не сохраняются. Традиция насыпать курганы над захоронениями появилась позже и распространялась медленно, поэтому славянских могильников V—VII вв. известно немного — ведь сегодня их почти невозможно обнаружить по поверхности.

Древности V—VII вв., то есть как раз того времени, когда ранние славяне активно проявили себя, расселяясь на Балканах, долгое время оставались скрытыми от глаз археологов, пока, наконец, в 1960–х гг. курский археолог Ю.А. Липкинг не обнаружил у с. Лебяжье (Курский р–н) и у х. Княжий (Суджанский р–н) могильники, принадлежащие носителям *колочинской культуры*, родственной антам–пеньковцам. Началось всё в 1963 г., когда суджанские школьники принесли в местный музей бронзовую пальчатую фибулу, подобранную ими на пашне близ с. Казачья Локня. Неутомимый искатель и исследователь курских древностей, каким был Юрий Александрович Липкинг, не мог не заинтересоваться такой находкой. Проведя разведку на месте её обнаружения, он собрал там образцы лепной керамики, затем раскопал погребения черняховского времени, а в километре оттуда, близ хутора Княжий, наткнулся на обширный древний могильник. «В средней части дюны оказалась яма, образовавшаяся при копке песка местными крестьянами, — рассказывает археолог о своих раскопках. — На краях ямы мы заметили несколько черепков лепной посуды, кусочки пережжённых костей. Начали копать… Уже через полчаса открылось первое погребение. Трупосожжение! Но не черняховское. В неглубокой ямке на расстоянии 15–20 сантиметров одна от другой находились две кучки хорошо пережжённых костей. Рядом два лепных сосуда, частично разрушенных, видимо, плугом при давней распашке. Под одной из кучек оказалось два великолепно сработанных, повреждённых огнём погребального костра железных наконечника от метательных копий–дротиков. Под другим — тоже повреждённая огнём бусина. Видимо, воин был сожжён с убитой женщиной».

Всего на Княжинском могильнике было вскрыто 22 погребения. Кроме того, тут был обнаружен, по словам Ю.А. Липкинга, «своеобразный крематорий» — место, где, вероятно, происходил сам обряд огненного погребения, где сжигались тела умерших. Это была яма, размерами примерно 2 на 2,5 метра и глубиной до одного метра. На её дне была расчищена овальная площадка, вымощенная



Болгарский конный латник. V — начало VII вв. Реконструкция М.В. Горелика.

камнями и яйцевидными глиняными блоками, покрытая сверху слоем сильно обожжённой глины.

Ещё большее число погребений было исследовано Ю.А. Липкингом на могильнике у с. Лебяжье. Тут им было вскрыто 110 захоронений. Эти погребения отличались более богатым инвентарём. В могильных ямках, среди пережжённых костей и погребальных сосудов, были найдены бронзовые и железные поясные пряжки, прорезные поясные накладки, обломки браслетов, повреждённые огнём бусы, глиняные пряслица. Интересная находка была обнаружена в одном из мужских погребений — из плохо сожжённого позвонка торчал железный наконечник стрелы. По предположению Ю.А. Липкинга, погребенный здесь воин погиб в бою.



Височное кольцо. Фрагмент. Конец VII — начало VIII вв. (с. Гочево, Беловский район). Разведка О.А. Радюша. Курский государственный областной музей археологии.

Но даже после этих исследований Юрий Александрович всё ещё именовал раннеславянское время «туманными веками». К настоящему времени археологам удалось основательно развеять туман над этими столетиями.

Во второй половине VII в. жизнь на Днепровском лесостепном левобережье стала неспокойной из–за участившихся набегов кочевников с востока. Об этом свидетельствует большое количество дошедших до нас кладов этого времени, которые их хозяева в древности сначала вынуждены были припрятать, а потом не смогли за ними вернуться. А в самом конце VII — начале VIII в. на Левобережье Днепра пришла новая волна населения, но уже не с востока, а с запада.



Височное кольцо. 2–я половина VII — начало VIII вв. Пастырское городище (Черкасская обл., Украина). Национальный музей истории Украины (Киев).

В конце VII в. под давлением кочевников–болгар, которые заняли северную часть Балканского полуострова, жившие там славяне вынуждены были частично покинуть места, освоенные ими за два столетия расселения в пределах Византийской империи.

Отток населения шел на восток, «домой», в те места, откуда на исходе эпохи Великого переселения народов ранние славяне пришли к границам Византии. Однако возвращались они уже не теми варварами, примитивный образ жизни которых вызывал удивление византийцев. С берегов Дуная славяне уносили навыки ведения пашенного земледелия, умение использовать тяжелый плуг, возводить в жилищах печи из камня или глины. Переселенцы принесли с собой и новую моду на украшения, в частности, на серьги с подвеской в виде шарика или звездочки, а горшки, которые они лепили как встарь, от руки, были украшены пальцевыми вдавлениями по краю венчика.

Судя по тому, что погребения в таких сосудах стали совершать на одних и тех же кладбищах, что и погребения носителей колочинской культуры (они встречены и в Картамышевском, и в Лебяжьинском могильниках), а поселения располагались рядом с колочинскими, больших противоречий между славянами, постоянно жившими на Днепровском Левобережье, и теми, кто вернулся с Дуная, не возникло: они понимали язык друг друга, были близки по культуре. По–видимому, именно этот «период возвращения» и имел в виду в своем летописном рассказе Нестор, когда писал, что одно из восточнославянских племен — северяне — пришли с Дуная и осели на берегах Десны, Сейма и Сулы. Имя северов упоминается в числе «родов славян», которых болгары выселили с привычных мест обитания на Балканском полуострове, о чем писал в VIII в. византийский монах Феофан Исповедник.

Развитие новой славянской культуры, объединившей традиции старого и пришедшего с Юго–Востока родственного славянского населения на Днепровском Левобережье практически не успело начаться. Новый период нестабильности выпал на начало VIII в. н.э. Снова люди вынуждены прятать свои нехитрые богатства, снова не каждый может вернуться за своим имуществом. В их состав уже входили не только изделия местных мастеров, но и украшения, принесенные переселенцами с далекого Дуная. А на славянских поселениях появляются черты, свидетельствующие о значительном воздействии со стороны кочевников, которые в это время создали в южнорусских и поволжских степях новое мощное государство — Хазарский каганат.

АНТСКИЕ КЛАДЫ

Ещё с XIX века были известны клады ювелирных изделий, в состав которых входили наборы металлических украшений женского праздничного костюма и парадного мужского пояса. Такие клады, очень похожие по набору найденных в них предметов, обнаружены в Среднем Поднепровье южнее Киева, в Черниговской, Сумской, Полтавской, Харьковской областях Украины, в Курской, Белгородской и Брянской областях России. Ученые условно называют эти клады «древностями антов», тех самых антов, о которых рассказывали византийские авторы IV–VII вв. Дело в том, что украшения, подобные найденным в кладах, довольно часто встречаются на поселениях и в могильниках пеньковской археологической культуры V–VII вв., занимающей широкие территории лесостепной зоны от Днестра до Днепра и дальше на восток, а именно она и связывается учеными с антами.



Места находок кладов круга «антских древностей». 2–я половина VII — 1–я половина VIII вв. Прямоугольником выделена территория современной Курской области.

Несмотря на то, что Курская область расположена значительно северо–восточнее, чем зона распространения пеньковской культуры, здесь также были найдены «антские» клады в Грайворонском и Старооскольском районах (современная Белгородская обл., Россия), на окраине г. Суджи. Совсем недавно, в 1994 г., богатый клад, состоящий более чем из 400 предметов, был найден около с. Гапоново Кореневского района.

Клад, обнаруженный в 1925 или 1926 г. у местечка Углы близ г. Старый Оскол, включал в себя пару пальчатых фибул, две булавки и поясной набор. Однако обстоятельства находки остались неизвестны.

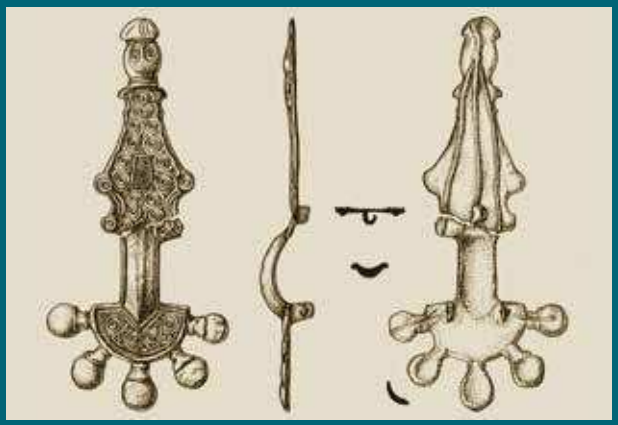
«Антский клад», обнаруженный в 1930–х гг. у с. Смородино Грайворонского района, входившего тогда в состав Курской области, возможно, представлял собой вещи из разрушенного могильника. По крайней мере, на некоторых предметах сохранились следы огня. Обстоятельства находки этого клада неизвестны, и, к сожалению, не все его вещи сохранились до нашего времени. Ныне предметы Смородинского клада экспонируются в Курском областном краеведческом музее и в Курском областном музее археологии.

Ново–Суджанский клад антского времени был обнаружен 12 мая 1947 г., близ Суджи, на песчаной дюне «Дьяков бугор» трактористом В.А. Сластёновым. Через известного суджанского краеведа Ф.П. Золенко о находке узнал начальник Деснинской экспедиции М.В. Воеводский. Осмотрев предметы, он взял часть из них с собой в Москву, где показал академику Б.А. Рыбакову, который и ввёл клад в научный оборот.

В составе клада находилось более сотни предметов: пальчатые фибулы, украшенные циркульными окружностями и решеткой на нижнем щитке, детали геральдического поясного набора — наконечники поясов, Т–образные бляшки, поясные накладки, а также шейные гривны, браслетообразные и спиральные височные кольца, двуспиральные, трапециевидные и умбоновидные подвески, пронизки, цепочки, бронзовые колокольчики, стеклянные и янтарные бусы. В настоящее время предметы Ново–Суджанского клада хранятся в трёх музеях — Суджанском краеведческом, Курском областном краеведческом и в Курском областном музее археологии.

Что касается Гапоновского клада, то он, по счастливой случайности, был обнаружен по соседству с лагерем археологической экспедиции А.М. Обломского. Нашли его рабочие при прокладке водопровода. Члены экспедиции были в это время уже на раскопе, но в лагере оставалась заведующая камеральной лабораторией Е.Ю. Архипова. Она вовремя подоспела на место находки и сумела собрать у рабочих большинство предметов. Однако часть вещей успела разойтись по рукам, причем некоторым находкам новые владельцы нашли самое своеобразное применение, вплоть до украшения собачьих будок. Однако, при деятельном участии местного отделения ФСБ, директора завода «Рубильник» С.Л. Рохлина и сотрудников Курского государственного областного музея археологии В.В. Енукова и А.Н. Апалькова, удалось спасти и эту часть древнего сокровища. Таким образом, Гапоновский клад оказался в руках исследователей практически в полном составе — случай, уникальный для подобных находок.

Осмотрев место находки и сами предметы, удалось выяснить, что при сокрытии клада вещи были помещены в мешок или завернуты в грубую ткань,



Пальчатая фибула. Смородинский клад (Грайворонский район, современная Белгородская область, Россия). Курский государственный областной музей археологии.



Женские украшения антского времени. По материалам Гапоновского, Ново–Суджанского и Смородинского кладов. Художник С.А. Смеричинская.

отпечатки которой сохранились на поверхности свинцового лепешковидного слитка и на окислах железа, покрывавших часть спинки широкопластинчатой фибулы. В свёртке, поспешно зарытом в землю, находилось более 400 предметов. Среди них были два серебряных пластинчатых головных венчика с закрученными трубочкой концами, бронзовые гривны, разнообразные подвески (эсовидные, двуспиральные, умбоновидные, трапециевидные и пр.), пять пальчатых фибул, кольца, стеклянные, янтарные и коралловые бусы, детали поясной гарнитуры (пряжки и псевдопряжки, наконечники ремней, поясные накладки), а также железные конские удила и свинцовые ворворки. Все эти предметы теперь хранятся и экспонируются в Курском областном музее археологии.

В последние годы на территории Курской области было обнаружено ещё два таких клада. Оба они происходят из окрестностей г. Суджи.

Материалы кладов дают возможность говорить о праздничном уборе людей, живших на территории Курского края в антское время.



Девушка из племени антов в праздничном наряде. 2–я половина VII в. По материалам Гапоновского клада (Кореневский район). Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко.

Женщины носили на голове покрывало, которое удерживал венчик из полосы тонкого серебра. Два таких венца найдены в Гапоновском кладе, и на концах одного из них можно увидеть гравированный орнамент в виде крестов и свастик.

К волосам или к тонкой полоске кожи или ткани крепились височные кольца диаметром 10–12 см, концы которых были украшены гравировкой или с одной стороны закручены спиралью внутрь. Височные кольца располагались с двух сторон на уровне щек их владелиц. А вот серег тогда не носили, это украшение было позаимствовано у соседних народов в более позднее время.

Шею украшали ожерельями из многоцветных стеклянных и янтарных бусин или массивным литым обручем — гривной. Возможно, гривны носили и мужчины, как это было в более позднее время в Древней Руси.

На груди помещалось богатое ожерелье из металлических пронизок и пластинчатых подвесок различной формы, к нему присоединяли колокольчики и двуспиральные подвески из проволоки, похожие на очки–пенсне.

Все эти украшения были выполнены из латуни или низкопробного серебра, но блестели, как драгоценные, и выглядели очень нарядно.

Необходимой составляющей женского костюма были две застежки–фибулы, которые скрепляли одежду на плечах. Такие фибулы отдаленно напоминают ладонь с широко растопыренными пальцами, поэтому их называют «пальчатыми» или «лучевыми». Каждая пара фибул делалась на заказ, со своим неповторимым узором, а застежки на обратной стороне специально были отлиты так, чтобы фибулы было удобно закалывать с правой и с левой стороны. Третья фибула, уже другой формы, удерживала у горла плащ или покрывало.

На косу одевали специальные подвески–накосники из трубочек и пластинчатых трапеций. На пальцах носили перстни, а на запястьях — литые браслеты.

Главную роль в мужском костюме играл нарядный пояс. Он был украшен множеством подвесных ремней с металлическими накладками. По поясу можно было судить о богатстве и достоинстве человека, к поясу подвешивалось оружие и необходимые предметы. Главное место занимала богатая пряжка, остальные металлические накладки хозяин старался подобрать или заказать в одном стиле с ней. В VII в. н.э. была широко распространена мода на пояса, к которым кроме одной, настоящей пряжки, державшей ремень, подвешивали еще дюжину псевдопряжек, в которые нельзя продеть даже узкий ремешок, но выглядят они как настоящие. Такие ложные пряжки можно видеть в материалах Гапоновского клада.

Некоторые ученые считают, что количество псевдопряжек показывало, сколько воинов находилось в подчинении у их хозяина или же скольких врагов он победил. Если это так, то владелец Гапоновского клада был заслуженным воином — у него на поясе было 10 серебряных псевдопряжек. Поэтому не случайно, наверное, среди украшений в кладе оказались удила и декор конской сбруи — хозяин среди семейных драгоценностей хранил и упряжь своего коня.

Украшения рассказывают не только о людях, которые их носили, но и о мастерах, которые их создавали. Некоторые изделия из курских кладов относятся к числу произведений декоративно–при-



Головной венчик. Гапоновский клад. Курский государственный областной музей археологии.



Височное кольцо. Ново–Суджанский клад. Курский государственный областной музей археологии.



Мужские воинские пояса и подвязная фибула. Гапоновский клад. Художник С.А. Смеричинская.



Подвеска–накосник. Гапоновский клад. Курский государственный областной музей археологии.

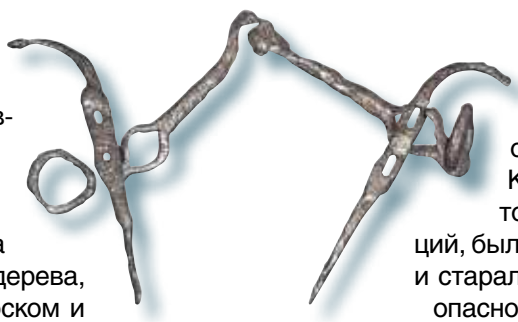


Биспиральная подвеска. Ново–Суджанский клад. Курский государственный областной музей археологии.



Псевдопряжка. Гапоновский клад. Курский государственный областной музей археологии.

кладного искусства. Так, ремесленник–ювелир, который делал парные фибулы Гапоновского клада, не просто воспользовался готовым образцом, а проделал трудный творческий путь создания вещи. Сначала шаблон фибулы вырезался из дерева, затем его покрывали мягким воском и наносили на нем узор. Оттиск шаблона, сделанный во влажной глине, после ее просушки заливался воском. Так можно было получить несколько восковых моделей изделия. Все они были одинаковыми с лицевой стороны, а с оборотной мастер мог вылепить приспособление для застегивания фибулы с левой или с правой стороны — так, чтобы пару симметричных застежек было удобно прикалывать. Чтобы воск не ломался, в него вставляли проволочки, стержни или палочки. В одной из фибул такие стержни остались до сих пор, их можно видеть на оборотной стороне изделия. По восковой модели изготовлялась двустворчатая глиняная форма, в нее заливался расплавленный



Конские удила. Железо. Гапоновский клад. Курский государственный областной музей археологии.

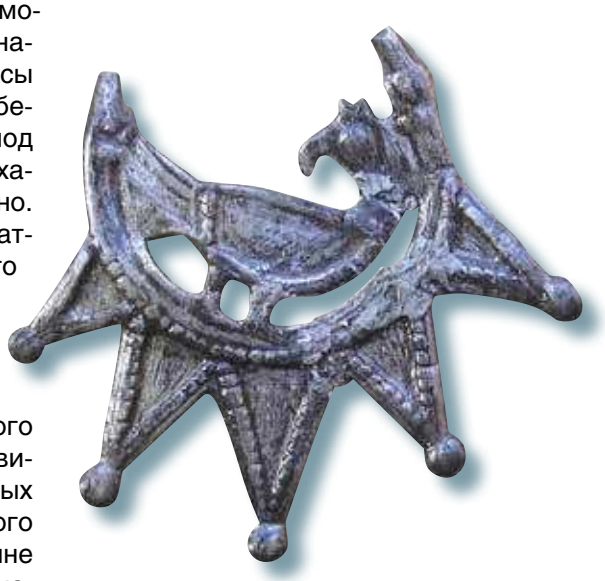
в тигле металл, а воск вытекал. Обо всех этих операциях ученые узнают по следам, оставшимся на готовом изделии. Конечно, вещи, изготовление которых требовало стольких операций, были дорогими, их бережно хранили и старались надежно спрятать во время опасности. Ювелиры знали секрет латуни — сплава меди с цинком, который по цвету не отличался от золота, переплавляли старые вещи из серебра, бронзу почти не использовали. А для недорогих поделок «на каждый день» существовала другая техника. Без всякой модели прямо в формочку из мягкого камня отливали изделия из оловянно–свинцового состава, который легко поддается плавлению. Такие вещи можно было изготовлять тысячами: так делались бляшки для нашивания на ткань, мелкие подвесочки, колечки. К сожалению, оловянно–свинцовый сплав нестоек, под действием времени такие вещи бесследно разрушаются, но в некоторых кладах они сохранились и насчитываются сотнями.

СЕВЕРЯНЕ И ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ

Описывая расселение славянских племён, древнейшая русская летопись «Повесть временных лет» сообщала, что одно из них *«седоша по Десне, и по Семи, по Суле и нарекошася север»*. По данным археологии, северы, вместе с родственными им радимичами и вятичами, являлись носителями роменской археологической культуры и обитали в низменных частях восточного Полесья (Брянская область России, Черниговская область Украины) и на лесостепном Левобережье Днепра (западные районы Курской области (Россия), Харьковская, Сумская и Полтавская области Украины).

Сложение роменской культуры относится к середине — 2–й половине VIII в., когда вошедшие в состав Хазарского каганата славянские племена постепенно начали всё больше обособляться от остального восточнославянского мира. Это обособление, первоначально имевшее только политические причины, по мере накопления культурных и бытовых отличий к началу IX в. привело к формированию на Днепровском Левобережье северянского племенного союза. Его название созвучно с именем крупного славянского объединения северов, обитавших в Нижнем Подунавье в конце VII — 1–й половине VIII вв. По предположению А.В. Григорьева, часть дунайских славян–северов во 2–й половине VIII в. могла переселиться на Днепровское Левобережье, покинув свою родину из–за раздирающей Первое Болгарское царство междоусобицы (760–803 гг.) и опустошительных нападений византийских войск.

Согласно М.И. Артамонову, освоение славянами лесостепной полосы Днепровского Левобережья происходило под покровительством хазар беспрепятственно. Сохранившиеся остатки предшествующего населения влились в северское общество и были полностью ассимилированы, не оказав заметного влияния на его развитие. В более северных областях Днепровского Левобережья северяне столкнулись с племенами восточных балтов, издавна обитавших в



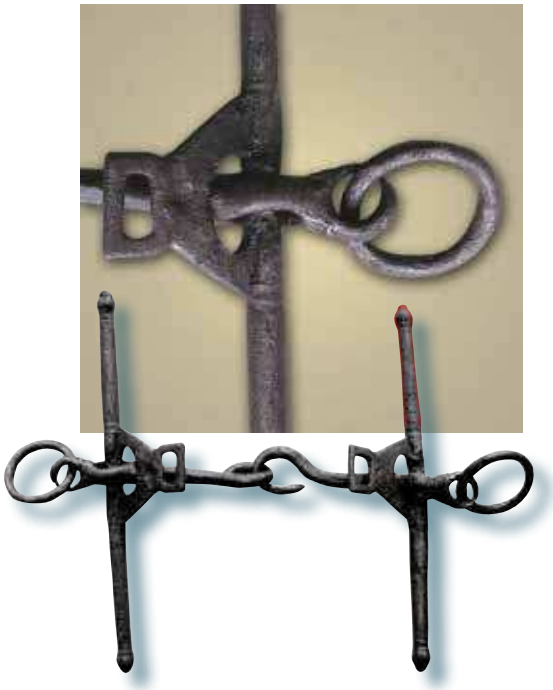
Височное кольцо с изображением птицы. IX в. Беловский район. Дар К.В. Короткова. Курский государственный областной музей археологии.

верховьях Днепра, Сожа, Десны и Оки. Обосноваться здесь колонисты смогли, только оттеснив или уничтожив аборигенов. Впрочем, наличие среди комплекса ранних северянских украшений вещей, имеющих отчетливое балтское происхождение, указывает на то, что какие–то группы восточных балтов, возможно, были включены в состав северского общества. Отношения с финно–угорскими племенами, жившими в междуречье Оки и Волги (мурома, мещера, мордва), вероятно, были более мирными, а находки достаточно большого количества финно–угорских женских украшений на памятниках роменской культуры свидетельствуют о взаимном смешении славянских и финно–угорских племён в этом регионе.

Ряд учёных считает, что центром хазарской власти на Днепровском Левобережье во 2–й половине VIII в. было расположенное на Среднем Псле Битицкое городище (Сумская область, Украина). Значительные размеры поселения, большая укрепленная площадь, сложная оборонительная система, остатки принадлежащих кочевникам юртообразных жилищ, находки предме-



Тяжеловооруженный хазарский всадник. IX в. Реконструкция О.В. Фёдорова.



Удила с псалиями. Железо. Городище Гора Ивана Рыльского (г. Рыльск). Раскопки М.В. Фролова. Рыльский краеведческий музей.



Топор. Железо. Городище Гора Ивана Рыльского (г. Рыльск). Раскопки М.В. Фролова. Рыльский краеведческий музей.



Наконечники копий. Железо. Городище Гора Ивана Рыльского (г. Рыльск). Раскопки М.В. Фролова. Рыльский краеведческий музей.



Кистень. Кость. Городище Гора Ивана Рыльского (г. Рыльск). Раскопки М.В. Фролова. Рыльский краеведческий музей.



Коробочка для благовоний. Банищанский лес (Рыльский район). Дар С.В. Емельяненкова. Курский государственный областной музей археологии.



Поясная накладка (с. Дьяконово, Октябрьский район). Дар А.В. Сотникова. Курский государственный областной музей археологии.



Накладка поясная с изображением лица. Линево озеро (Курский район). Дар А.А. Морозова. Курский государственный областной музей археологии.



Навершие копоушки с головой козла. Беловский район. Курский государственный областной музей археологии.



Солярный амулет в виде кольца с выступающими изображениями птичьих голов. Беловский район. Курский государственный областной музей археологии.





















Набор накладок и ременный наконечник от воинского пояса. IX в. Городище Кудеярова Гора (Курчатовский район). НИИ археологии Юго–Востока Руси Курского государственного университета.







тов вооружения и конской сбруи говорят о том, что здесь могли находиться ставка хазарского наместника–*тудуна* и подчиненный ему отряд воинов, в обязанности которого входил сбор дани, отражение вражеских набегов и поддержание спокойствия среди зависимых от хазар племен. Битица также являлась крупным ремесленным центром, а высокий процент найденных здесь волынцевских гончарных сосудов позволил ученым предположить, что центр по их производству находился или на самом городище, или в непосредственной близости от него.

Следы присутствия хазар фиксируются и на территории Курской области.

Так, во время раскопок М.В. Фроловым городища Гора Ивана Рыльского (г. Рыльск) в 1991 г. было обнаружено несколько захоронений по обряду трупосожжения в неглубоких ямах, характерных для населения северо–западных районов Хазарского каганата. Ряд найденных здесь же предметов вооружения и снаряжения коня могли происходить из разрушенных сопроводительных тайников, часто устраиваемых рядом с такими погребениями.

Типичные для населения Хазарии оружие, конское снаряжение, украшения и амулеты были также найдены у с. Кострова (Рыльский р–н), в Банищанском лесу (Рыльский р–н), х. Жилище (Льговский р–н), на городищах Лысая Гора (Льговский р–н) и Кудеярова Гора (Курчатовский р–н), у с. Дьяконово (Октябрьский р–н) и с. Лебяжье (Курский р–н), в Беловском районе.

Все эти находки могут свидетельствовать о непосредственном проживании носителей салтово–маяцкой культуры в южных районах современной Курской области во 2–й половине VIII — начале IX веков.

В начале IX в. в Хазарском каганате вспыхивает ожесточённая гражданская война, вызванная объявлением иудаизма государственной религией. Междоусобица раздирала каганат несколько десятилетий. Наконец, мятеж был усмирен, но победа досталась правителям Хазарии дорогой ценой. Десятки укрепленных замков лежали в руинах, множество воинов погибло или покинуло пределы своей родины, каганат потерял ряд пограничных областей, в других же выросло стремление к самостоятельности.



Всадник Хазарского каганата из болгаро–аланской семьи. Конец IX — начало X вв. Катакомба № 52. Дмитриевский археологический комплекс (Белгородская область, Россия). Реконструкция О.В. Фёдорова (по О.В. Фёдорову).

В Северской земле археологическим отражением этих бурных событий могло стать возведение многочисленных укреплённых крепостей–*городищ*, призванных защитить их обитателей в условиях охватившей каганат анархии, и быстрое исчезновение древностей волынцевского типа, возможно, обусловленное уничтожением Битицы и уменьшением количества носителей салтовской культуры на Днепровском Левобережье.

Впрочем, северяне сохранили верность владыкам каганата и ещё достаточно долго (до 884 г.) продолжали признавать свою зависимость от хазар, вместе с радимичами и вятичами выплачивая дань *«по серебряной монете и по белке от дыма»*. Это позволяло им получать высококачественную продукцию ремесленных центров каганата, облегчало участие в торговых операциях с хазарскими, среднеазиатскими и ближневосточными купцами, а также обеспечивало защиту от набегов кочевавших в южнорусских степях племен.



СЕВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ В IX–X ВВ.

В 1869 г. профессором филологии Санкт–Петербургского университета Д.А. Хвольсоном были опубликованы «Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах», обнаруженные им в написанном между 903 и 913 гг. иранским географом Абу–Али Ахмедом бен–Омаром Ибн–Дастой (в современной транскрипции Ибн Русте или Ибн Ростэ) труде «Китаб эль–А'лак эн–Нафиса» («Книга драгоценных драгоценностей»).

Описывая нравы и образ жизни различных восточноевропейских народов, в большинстве своем проживающих в пределах Хазарского каганата или у его границ, Ибн Русте сообщает о славянах следующее: *«Земля славян есть равнина лесистая; в лесах они и живут. Славяне не имеют ни виноградников, ни пашен. Из дерева выделывают они род кувшинов, в которых находятся у них и ульи для пчел, и мед пчелиный сберегается. Зовутся эти кувшины улилщ и заключают в себе каждый около 10 кружек меду. Разведением свиней занимаются они, ровно как (другие) овцеводством. Когда умирает кто–либо из них, они сжигают труп его. Женщины их, когда случится у них покойник, царапают себе ножом руки и лица. На следующий день по сожжении покойника отправляются на место, где оно происходило, собирают пепел и кладут его в урну, которую ставят затем на холм.*

Через год по смерти покойника берут кувшинов двадцать меду, иногда несколько больше, иногда несколько меньше, и несут их на тот холм, где родственники покойного собираются, едят, пьют и затем расходятся. Если у покойника было три жены, то та из них, которая утверждает, что она особенно любила его, приносит к трупу его два столба и вбивает их стоймя в землю, потом кладет третий столб поперек, привязывает посреди этой перекладины веревку, становится на скамью, и конец этой веревки завязывает вокруг своей шеи: тогда скамью вытаскивают из–под неё, и женщина остается повисшею, пока не задохнется и не умрет. После этого труп её бросают в огонь, где он и сгорает. Все славяне — огнепоклонники. Хлеб, наиболее ими возделываемый, — просо. В пору жатвы кладут они просяные зерна в ковш, поднимают его к небу и говорят: «Господи, ты, который даешь нам пищу, снабди теперь нас ею в полной мере!» Есть у них разного рода лютни, гусли и свирели. Последние длиною в два локтя, лютня же их восьмиструнная. Хмельной напиток приготовляют из меду. Вооружение их состоит из дротиков, щитов и копий; другого оружия не имеют. Глава их коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают. Местопребывание его находится в середине страны славян. И упомянутый глава, которого они называют «главой глав», зовется у них свиетмалик, и он выше супанеджа, а супанедж является его заместителем. Он имеет верховых лошадей и питается

исключительно кобыльим молоком. Есть у него также прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги.

Город, в котором он живет, зовется Джерваб. Здесь у славян происходит ежемесячно, в продолжение трех дней, торг: продают и покупают. В земле славян холод бывает до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, который покрывает деревянною остроконечною крышею, какие видим у христианских церквей, и на крышу эту накладывает земли. В такие погреба переселяются со всем семейством, и взяв несколько дров и камней, раскаляют последние на огне докрасна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, поливают их водой, от чего распространяется пар, нагревающий жилье до того, что снимают уже одежду. В таком жилье остаются до самой весны. Царь ежегодно объезжает их. И если у кого из них есть дочь, то царь берет себе по одному из ее платьев в год, а если сын, то также берет по одному из платьев в год. У кого же нет ни сына, ни дочери, тот дает по одному из платьев жены или рабыни в год. И если поймает царь в стране своей вора, то либо приказывает его удушить, либо отдает под надзор одного из правителей на окраинах своих владений».

При определении даты составления опубликованных Д.А. Хвольсоном «Известий» Ибн Русте мы исходим из того, что упоминаемые в нем венгры–мадьяры не могли появиться на территории Хазарии ранее 820–х гг., а отсутствие традиционного для более поздних арабских географов описания трех центров Руси (ас–Славийа, ас–Арсанийя и Куйаба) дает возможность определить их верхнюю хронологическую планку, так как «Куйаба», являвшаяся среднеднепровским владением руси, могла возникнуть только после того, как «бояре» Рюрика Аскольд и Дир захватили Киев перед своим походом на Константинополь в июне 860 г. Исходя из вышесказанного, это описание можно датировать 2–й третью IX в.

Археологическим аналогом описанного Ибн Русте погребального обряда обитателей «Страны славян» является кремация на стороне с последующим помещением урны с прахом в верхней части курганной насыпи. Погребения, совершенные по такому обряду, был характерны только для носителей роменской культуры, проживавших в Посеймье, на Десне, в верховьях Сулы, Псла и Ворсклы в землях летописной «северы». Это совпадение позволяет нам с достаточно большой



Северянская женщина. IX в. По материалам Курской области и Новотроицкого городища (Сумская область, Украина). Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко.



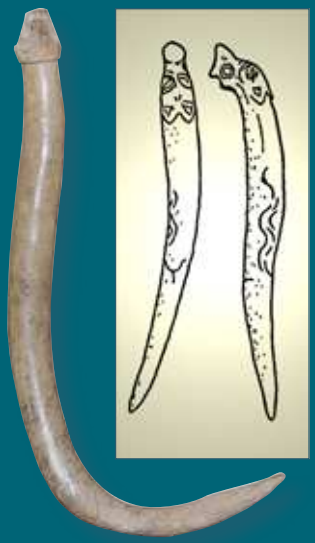
Поясная накладка. Бронза. Тазовское поселение (Золотухинский район). Раскопки А.В. Григорьева. Курский государственный областной музей археологии.



Трапециевидная подвеска. Бронза. Липинское городище (Октябрьский район). Раскопки О.Н. Енуковой. Курский государственный областной музей археологии.



Сосуды. Ратское городище (Курский район). Раскопки В.В. Енукова. Курский государственный областной музей археологии.



Острие костяное. Ратское городище (Курский район). Раскопки В.В. Енукова. Курский государственный областной музей археологии (слева).

Острие костяное, украшенное изображением головы хищного зверя. Городище Переверзево II (Золотухинский район). Раскопки А.А. Узянова. Государственный исторический музей (Москва) (по А.В. Кашкину, 1998).



Подвеска орнаментированная. Городище Кудеярова Гора (Курчатовский район). Раскопки А.Е. Алиховой. Курский государственный областной музей археологии.

Памятники роменской культуры на территории Курского края. (по В.В. Енукову, 2005).



Днепровское Левобережье в IX в.





Городище Капыстичи (Рыльский район).



Развитие оборонительных укреплений Капыстичанского городища (Рыльский район). Реконструкция А.В. Зорина.

степенью уверенности соотнести «Страну славян» Ибн Русте с Северской землей.

Однако при соотнесении «Страны славян» с Северской землей остаётся непонятным, как на восточной границе ареала северян, простиравшегося в 820–850–х гг. от Днепра на западе до верховьев Сейма на востоке, мог находиться город Вантит, локализуемый большинством археологов на Дону, и имя которого рядом исследователей достаточно аргументировано соотносится с содержащимся в письме хазарского царя Иосифа названием вятичей (в.н.н.тит). На наш взгляд, локализация Вантита на Среднем Дону, материальная культура славянского населения которого имела много общего с культурой верхнеокских вятичей, вполне логична. Кажущееся же противоречие между определением «Страны славян» как Северской земли и включением в неё территорий, населённых вятичами, снимается, если принять во внимание мнение А.В. Григорьева. Исследователь считает, что активная колонизация в IX в. областей Верхней Оки и Среднего Дона населением, родственным северянам по облику материальной культуры, вероятней всего, шла со стороны Северской земли.

Со временем отделившиеся от основного северянского массива переселенцы постепенно превратились в отдельное этнополитическое образование, принявшее в честь своего легендарного предводителя имя вятичей. Однако во время составления описания «Славянской земли» вятичи (а возможно, и радимичи) всё ещё могли признавать верховное главенство правителя северянского племенного союза, получая взамен помощь и поддержку при освоении новых земель.

Большой интерес представляет свидетельство Ибн Русте о том, что живущий в городе «Дж. рваб» с.вит.м.л.к управляет страной при помощи суб.н.дж'а, разводит верховых лошадей и употребляет в пищу кобылье молоко. Т.е. система управления «Славянской землей» была похожа на систему управления Хазарским каганатом (каган и царь–«шад»), а образ жизни ее властителя включал в себя такой чуждый традиционному укладу земледельческих обществ элемент, как употребление в пищу кобыльего молока, являвшегося традиционным напитком кочевников. Судя по этой детали, описываемыми Ибн Русте славянами правил человек, придерживавшийся степных обычаев. Это вполне мог быть некий представитель хазарской знати, которого славяне рассматривали как своего законного правителя, одинаково равноудаленного от всех входящих в союз родоплеменных образований и поддерживающего тем самым необходимое равновесие внутри северянского объединения.

Таким образом, труд Ибн Русте содержит уникальное и самое раннее подробное описание конкретного восточнославянского племенного союза («север», «северян») в период, предшествующий образованию Древнерусского государства.

Северская земля IX–X веков не была монолитным политическим образованием, а состояла из нескольких объединений, входивших в состав северянского племенного союза. По мнению В.В. Енукова, в X в. крупнейшим объединением северян было летописное Посемье. На его территории выявлено 289 памятников этого периода (48 городищ, 204 селища и 37 курганных групп). На западе граница Посемья шла от городища Лещиновка (Глушковский район) до Рыльска, затем поднималась по Свапе и от устья Усожи поворачивала на юго–восток, где через устье Сновы (правый



Северянская полуземлянка. X в. Городище Переверзево II (Золотухинский район). Сооружение X. Раскопки А.А. Узянова. Реконструкция А.В. Зубкова. Художник И.Г. Василенко.

приток Тускари) опускалась до среднего течения Рати (правый приток Сейма), после чего круто поворачивала на юго–запад и, выходя на Псёл (Картамышевское городище), заканчивалась в районе современного г. Сумы (Украина).

Северские земли защищали мощные крепости–*городища*. Обычно они возводились на крутых береговых мысах, дополнительно укреплялись рвами, валами и частоколами. Как правило, городища располагались в 6–8 км друг от друга.

Исследования, проведенные В.В. Енуковым на Ратском городище (Курский район), позволили восстановить внешний вид оборонительных сооружений северян–семичей. Выяснилось, что при возведении частокола городища строители использовали расколотые пополам дубовые бревна, которые устанавливались у подножия внешней стороны вала, при этом плоская сторона бревен обращалась внутрь, а выпуклая — наружу. Частокол устраивался с небольшим наклоном в сторону площадки городища, из–за чего исчезал неизбежный зазор между отдельными бревнами (комель бревна шире вершины) и убиралась т.н. мертвая зона у основания стены, в которой защитники не могли обстреливать нападавших. К тому же оборонявшиеся были защищены и от стрел, пущенных навесом, так как сверху их закрывал нависающий «козырек» наклонного частокола. Вероятно, в верхней части частокола устраивались бойницы. Въезд на городище обычно располагался с правой стороны. Это делалось для того, чтобы штурмующие ворота вражеские воины вынуждены были поворачиваться правым, незащищенным щитом боком под стелы и копья стоявших на стенах защитников крепости. Следы укреплений, аналогичных прослеженным на Ратском городище, были обнаружены и А.В. Зориным при исследовании вала городища в с. Капыстичи (Рыльский район).

Одним из типичных курских памятников северянского времени является археологический комплекс у с. Горналь (Суджанский район). Он состоит из двух городищ (Большое и Малое), селища, двенадцати небольших хуторов и четырех курганных могильников.

Раскопки, проведённые на Большом Горнальском городище в 1971–1973 гг., позволили А.В. Кузе проследить историю возникновения, существования и гибели этого крупного северянского племенного центра.

Исследования показали, что первые укрепления на высоком (35–40 м) мысу правого берега Псла появились в конце VIII в. Строители–«роменцы» подрезали склоны мыса, отсекли площадку городища от напольной части рвом (ширина 2,5 м, глубина 1,7 м) и окружили её невысоким валом (1,1 м высоты и 5,5 м ширины). Для того чтобы насыпь не расплывалась, вдоль и поперек ее продольной оси были уложены бревна. Центральная часть городища оставалась свободной от построек, а дома его обитателей примыкали вплотную к валу.

Основным типом северянских жилищ были небольшие (от 12 до 20 кв. м) прямоугольные или

квадратные полуземлянки, углубленные в землю на 0,5–1,5 м. Стены котлованов часто облицовывались досками, которые закладывались между стеной и столбами, вкопанными по углам и в средней части стен. Пол котлована тщательно утрамбовывали, промазывали глиной или застилали досками, изредка засыпали тонким слоем речного песка. Над котлованом полуземлянки устанавливалась двухскатная крыша, на которую укладывали жерди, хворост, солому, а сверху насыпали глину и землю. В крыше или фронтоне могли устраиваться отверстия для выхода дыма. В одной из торцевых сторон делали дверь, от которой в котлован полуземлянки вели сделанные из дерева или вырезанные в грунте ступеньки. Важным элементом северянского дома была печь, сооружавшаяся при строительстве котлована из специально оставленного в одном из его углов глиняного массива.

В конце IX — начале X в. Большое Горнальское городище гибнет в огне пожара. Пережившие погром обитатели возводят более мощные укрепления. Ров засыпается, высота вала увеличивается, перед насыпью устанавливается наклонный частокол, бревна которого (диаметром до 30 см) вкапываются в 20 см друг от друга, а пространство между ними забивается мелом и глиной. Некоторое время спустя оборонительные фортификации снова перестраивают. Вал подсыпают до высоты 4 м, его склоны сплошь облицовываются дубовыми плахами шириной до 60 см, а перед валом возводится частокол из бревен. Построенные в этот период жилища уже не примыкают к укреплениям, а строятся на некотором удалении от них. Их основой по–прежнему является выкопанный в земле котлован, однако печи уже не вырезают в материке, а лепят из глины, оставляя свободное пространство между печью и стеной постройки.

На третьем этапе существования Большого Горнальского городища (X в.) облик построек и их планировка резко меняется. Застраивается свободная ранее середина городища, а на смену полуземлянкам приходят наземные жилища с несколько заглубленным полом и возводимыми на материковой подушке печами с прямым верхом. Внутри жилищ начинают устраивать подпольные ямы–хранилища, а среди находок появляются ключи от комбинированных замков–запоров.

У северной границы Горнальского поселения располагался огромный курганный могильник, насчитывавший в начале XX в. около 2 000 насыпей. Археологические исследования показали, что ряд курганов этого могильника содержит погребения, совершенные ещё по языческим обрядам, предусматривавшим сожжение покойного на погребальном костре. В последней четверти X в. северяне прекращают сжигать своих умерших. Вероятно, это было связано с крещением подвластных Владимиру I племен. Впрочем, ещё более ста лет погребальный обряд исследованных на территории Курского края захоронений отражает борьбу новых христианских воззрений (трупоположения, остатки гробов) со старыми языческими традициями (присутствие в могилах золы и угля, богатый сопроводительный инвентарь, частичная кремация и сожжение в гробу).

Благодаря прекращению кремаций учёные получили возможность провести антропологические исследования населения северянских земель. Они показали, что среди северян преобладали средне– и узколицые длинноголовые европеоиды с сильно выступающим носом — типичные представители



Фибула. Железо. Липинское городище (Октябрьский район). Раскопки П.С. Засурцева. Курский государственный областной музей археологии.



Фибула. Бронза. Ратское городище (Курский район). Раскопки В.В. Енукова. Курский государственный областной музей археологии.



Девушка из племени вятичей. Реконструкция М.М. Герасимова. Антропологические исследования обнаруживают большое сходство между черепами из курганных погребений вятичей и северян, что объясняется происхождением этих племен от общего предка.

т.н. средиземноморской расы с рельефным лицом и тонкими костями. Средний рост мужчин–северян составлял 167,4 см, женщин — 157,3 см, хотя встречаются погребения и очень высоких (более 180 см) людей. Продолжительность жизни у мужчин составляла 39,1 года, у женщин — 33,6 года.

В 1872 г. Д.Я. Самоквасовым между селами Рождественским и Горналью (совр. Суджанский район) было раскопано несколько десятков курганов конца X–XI вв. Известный дореволюционный антрополог А. Богданов обследовал 23 черепа из этих захоронений и определил, что все они также принадлежали людям с продолговатыми черепами, узкими лицами и тонкими носами. При этом исследователь специально отметил, что горнальские черепа составляли «чрезвычайно редко встречающуюся однородную серию и могут быть с большою вероятностью отнесены к одному племени, значительно сохранившему чистокровность».

Соотношение средней продолжительности жизни горнальских мужчин и женщин также было типичной для этого времени. По мнению А. Богданова, «мужчины, по–видимому, жили дольше, так как молодых (до 30 лет) умерших всего один из 8, а женщин 5 из 10, да кроме того две умерли тоже, по–видимому, не достигши 40 лет». Столь высокая смертность женщин в молодом возрасте являлась характерной для эпохи средневековья и была связана с низким уровнем развития медицины и частыми родами.

Основой общества курских северян–«роменцев» являлась большая патриархальная семья, объединявшая вокруг старейшего мужчины несколько поколений родственников. Вероятно, северянские семьи были достаточно многочисленными, т.к. мужчина мог иметь несколько жен одновременно. Христианин–летописец Нестор сообщал: *«А ради-*



Височные кольца курских северян. IX–X вв. Курская область.

Северянская девушка. Конец X в. По материалам Воробьевского клада (Золотухинский район). Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко.



Куза Андрей Васильевич
(1939–1989)

Советский археолог, специалист по древнерусской археологии, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИА АН СССР.

Участвовал в раскопках в Новгороде Великом и Любече, в Ярославской и Киевской областях, в Белоруссии, в Ираке. Вместе с киевскими и черниговскими археологами создал и возглавил Новгород–Северскую экспедицию, исследовавшую древнерусское городище в Новгороде–Северском.

В 1971–1973 гг. возглавлял экспедицию ИА АН СССР, проводившую раскопки Большого Горнальского городища на р. Псёл. В результате этих работ была исследована площадка городища, на которой стратиграфически зафиксировано несколько периодов застройки, а также уточнено время его существования. Результаты этих раскопок были частично опубликованы в монографии о малых городах Древней Руси.



Торг в стране восточных славян. Художник С.В. Иванов.

мичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, ели всё нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни, и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены». О трех женах у славян сообщает и Ибн Русте.

Крупные семьи объединялись в роды, которые образовывали племя. Племена управлялись советом старейшин и князьями–«главами», подчинявшимися возглавлявшему племенной союз «великому князю» (известен также титул «глава глав»).

Выгодное географическое положение курского региона, в котором сходились верховья Оки, Десны и Дона, привело к тому, что в IX–X вв. Курское Посеймье выполняло роль перевалочной базы, через которую из Хазарии и Волжской Болгарии на Русь шёл поток серебряных дирхемов и восточных товаров.

Курские северяне не только осуществляли продвижение серебряной массы на древнерусский рынок, но и сами активно участвовали в торговых операциях. Восточные купцы могли скупать у них продукты сельского хозяйства и лесных промыслов (зерно, пушнину, мед, воск, кожи), взамен расплачиваясь дирхемами, шелковыми тканями, орудиями труда, оружием, ювелирными украшениями, ожерельями стеклянных и каменных бус, слитками цветных металлов.

Навстречу арабскому импорту из Среднего Поднепровья в земли северян поступала круговая керамика, шиферные пряслица, костяные гребни, трехслойные «самозатачивающиеся» ножи и ювелирные украшения.

Экономическая независимость Северской земли обеспечила во 2–й половине X в. спокойное, поступательное развитие северянского общества. Полученные во время раскопок Большого Горнальского городища материалы свидетельствуют о его постепенном превращении в поселение раннегородского типа, быстром развитии ремесла и торговли, выделении малой семьи, появлении имущественного и социального неравенства, наличии письменности и т.д.



Иранская драхма шаха Хосрова II Сасанида. 627 г. Ратское поселение (Курский район). Курский государственный областной музей археологии.



Дирхем эмира Исмаила бен Ахмада Самани. 907 г. Ратское поселение (Курский район). Курский государственный областной музей археологии.



Гребень. Кость. Шуклинское городище (Курский район). Раскопки Т.Н. Никольской. Курский государственный областной музей археологии.



Бусы с северянских памятников Курской области. IX–X вв. Курский государственный областной музей археологии.

СЕВЕРЯНЕ И РУСЬ

В 1–й половине IX в. господство Хазарии на Днепре и Волге начинает испытывать военно–торговое давление со стороны руси, политическое доминирование среди которой осуществляли выходцы из различных скандинавских регионов. Русы двигались по Днепру и Волге с севера, из Поволховья и Приладожья — регионов, в которых во 2–й трети IX в. складывается центр государственного образования, правители которого носили титул «Рус–каган».

Отсюда русы отправлялись в далекие торговые походы и грабительские набеги на поселения славян, которые, согласно свидетельству Гардизи, для избежания плена и разорения *«приходили к русам служить, чтобы этой службой приобрести для себя безопасность»*.

«Повесть временных лет» сообщает, что «варяги из заморья» взимали дань с кривичей, словен, чуди и мери, через земли которых проходила значительная часть Днепровского и Волжского путей. На юге пограничные пункты Русского каганата, вероятно, располагались в Смоленском Поднепровье (Гнездово) и Ярославском Поволжье (Тимерёво, Михайловское, Петровское), где зафиксированы следы раннего присутствия скандинавов.

Впрочем, основу процветания Русского каганата составляли не войны, а торговля с Волжской Болгарией, Хазарским каганатом и странами мусульманского Востока. Согласно Ибн Русте, основными товарами русов были пушнина и рабы — *«они производят набеги на славян... полонят народ, который отправляют потом в Хазеран и к болгарам и продают там... Единственный промысел их — торговля собольими, беличьими и другими мехами»*.

Во 2–й половине 850–х гг. входившие в состав Русского каганата племена свергают прежних правителей и призывают на княжение датского конунга Рюрика, основавшего династию, правившую Россией до конца XVI в.



Знатный воин дружины русов. Конец X — начало XI вв. По материалам могильника Шестовицы (Черниговская область, Украина). Реконструкция О.В. Фёдорова (по: «Древнерусское единство», 2002).



Викинг продает девушку–рабыню персидскому купцу. Художник Т. Ловелл (с сайта «National Geographic Creative»).

После упрочения власти Рюрика часть его воинов во главе с «боярами» Аскольдом и Диром отправилась в поход на столицу Византийской империи город Константинополь. Согласно «Венецианской хронике», в июне 860 г. *«народ норманнов на трехстах шестидесяти кораблях осмелился приблизиться к Константинополю. Но так как они никоим образом не могли нанести ущерб неприступному городу, они дерзко опустошили окрестности, перебив там большое множество народу, и так с триумфом возвратились восвояси».*

После похода на Византию Аскольд и Дир обосновались в захваченном ими Киеве — племенном центре небольшого племени полян, обитавших в правобережной части Среднего Поднепровья и плативших дань хазарам. Согласно летописи, *«Аскольд же и Дир остались в граде сем и много варягов собрав начали владеть Полянскою землею».*

Почти 20 лет правитель Русского каганата мирился с существованием на Среднем Днепре русского владения, не подчинявшегося его власти. Однако сразу же после смерти Рюрика опекун его малолетнего сына Игоря Олег в 882 г. *«взяв с собою много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своего мужа. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил своих мужей... И убили Аскольда и Дира… И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет это мать городам русским».* В 883 г. Олег покоряет древлян, а в следующем 884 г. совершает поход в Северскую землю. *«Иде Олег на Северы и победи Северы и возложи на них дань легку и не дал им хозарам дани давать, говоря: я им враг, а вам не к чему».* Годом позже власть руси признали и радимичи. Результатом предпринятой Олегом широкомасштабной военной кампании 882–885 гг. стало появление единого Русского государства и установление Рюриковичами полного контроля над путем *«из варяг в греки»*.



Меч. Конец X–XI вв. (д. Гнань, Железногорский район). «Городской краеведческий музей» г. Железногорска (по Г.Ю. Стародубцеву, 2011).

Ответом хазар на отторжение от каганата значительных территорий с проживавшим на них многочисленным населением могло стать введение полной торговой блокады Русского каганата. Предпринять более решительные действия по защите своих интересов и

подданных на Днепровском Левобережье хазары уже не могли. Испытанные союзники мадьяры под натиском печенегов покинули родные кочевья, и в 895 г. ушли в Паннонию (современная Венгрия), после чего победители обрушились на северные и западные провинции каганата. Мощное государство с прочной экономикой, яркой культурой и сильной центральной властью развалилось. В руках хазар осталось несколько таманских и восточно–крымских портов, а также устье Волги и низовья Дона, по которым проходил оживленный торговый путь.

По свидетельству Нестора, северяне, вместе с другими покоренными Олегом племенами, были включены в состав Русского государства: *«и властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами имел рать»*. Возможно, прямая власть Рюриковичей была установлена только над северянскими землями, примыкающими непосредственно к Днепру (Черниговское Подесенье). По мнению А.В. Григорьева, граница между Северской землей и Русью, шедшая ранее по левому берегу Днепра, после победы Олега Вещего была значительно передвинута вверх по Десне, и весь X в. проходила между устьями рек Снови и Мены, где археологи зафиксировали полосу свободной, незаселенной земли от древнерусского Седнева до роменского городища Слободка.

Захват русью Черниговского Подесенья привел к оттоку северян на Верхнюю Десну и в Посеймье, где во 2–й половине X в. наблюдается появление новых и укрупнение старых поселений. Этот процесс затронул и Курский край. Согласно В.В. Енукову, именно в конце IX — начале X вв. северянами осваиваются земли по реке Тускарь, которые в X в. «превращаются в один из самых густонаселенных микрорегионов Посемья, входящий в ближайшую округу Курска».

Лежащие у границ Руси северянские владения могли признавать свою зависимость от русских князей, однако при этом, подобно древлянам, вероятно, сумели сохранить и свою племенную аристократию, и свои княжеские династии. Зависимость же от Руси выражалась в выплате дани и поставке воинов для организуемых Рюриковичами военных предприятий, подобных походу Олега на столицу Византийской империи в 907 г. или дунайским походам Святослава. Об этом свидетельствуют как сообщения русских летописей, так и археологические находки. Так, входящие в состав найденного в д.1–е Красниково (Курский район) клада два десятка византийских монет императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия могли быть получены хозяином клада при разделе добычи, захваченной во время походов Святослава на Дунай в 968–971 гг.

Часть северянских территорий на юге и востоке и после победы Олега могла по–прежнему оставаться в сфере влияния хазар и признавать верховную власть правителей каганата, как это до 960–х гг. делали граничащие с северянами вятичи.

Археологические находки свидетельствуют о том, что несмотря на поражение в русско–северянской войне 884 г. и потерю части входящих в состав Северской земли территорий, её правители сумели сохранить свой контроль над водными путями, по которым из Волжской Болгарии на Русь шёл поток восточных товаров и серебряных монет. Это позволило обеспечить достаточно стабильное и поступательное развитие Северской земли на протяжении всего X в.

Окончательный удар по независимости Северской земли и полное её включение в состав Русского государства были осуществлены Владимиром Святославовичем. После победы в ожесточённой междоусобной войне над своим братом Ярополком правитель Руси вновь покоряет вятичей (981–982 гг.) и радимичей (984 г.), а в 985 г. войска Владимира Святославовича и его дяди Добрыни появляются на Средней Волге. Соединившись с подошедшими из–за Волги отрядами союзных торков, объединённая рать нанесла болгарам сокрушительное поражение. Война завершилась установлением прямых дипломатических и торговых русско–болгарских контактов, сделавших для Владимира актуальным вопрос об устранении традиционных посредников между Булгаром и Киевом и усилении русского присутствия на связывающих оба государства торговых путях.

Летопись ничего не говорит о пути возвращения Владимира на Русь после заключения мира с Муэмином II (*«и вернулся Владимир в Киев»*), однако о вероятном продолжении военных действий в рамках кампании 985 г. может свидетельствовать сохраненное летописью предложение Добрыни, сделанное племяннику после осмотра пленных болгар: *«Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не давать — пойдем, поищем себе лапотников»*.

Можно осторожно предположить, что великий князь со своим войском использовал водную магистраль Волга–Ока–Сейм–Десна, по которой в Киевское Поднепровье поступал основной поток восточных серебряных монет, интенсивность которого, по В.В. Енукову, как раз и контролировали посемские северяне.

В связи с предполагаемым маршрутом движения Владимира из Булгара в Киев обращает на себя внимание группа кладов на Оке (Белый Омут 977 г.; Бурки 977 г.; Борки I 977 г.; Борки II 983 г.), укрытых в то же время, что и средневолжские клады. Единственным, что мешает увязать факт их выпадения с предполагаемым маршрутом Владимира, являются сообщения летописи о войнах Владимира с вятичами в 981 и 982 гг. Принимая во внимание эти летописные известия, с походом



Русские воины. Конец X в. По материалам кургана «Черная могила» (Чернигов, Украина). Реконструкция Н. Зубкова (Цейхгауз. № 1 (5) 1996).



Движение войск Владимира I по курским землям во время похода 985 г. (по А.Г. Шпилеву).
1 — Ратмановское городище.
2 — Жидеевское поселение.
3 — поселение Коренная пустынь.
4 — поселение 2–я Воробьевка.
5 — городище Переверзево II.
6 — Шуклинское поселение.
7 — д. 1–е Красниково.
8 — Ратское городище.
9 — Липинское городище.
10 — Люшинское городище.
11 — Капыстичанское городище.
12 — городище Гора Ивана Рыльского (г. Рыльск).

985 г. однозначно соотносится лишь клад из Борок II (983 г.), остальные же окские клады могут быть привязаны к событиям русско–болгарской войны 985 г. только гипотетически.

Дальнейшее движение русских войск с Оки на Сейм, вероятно, отмечает выпадение группы курских кладов (Ратмановское городище, с. Жидеевка; д. 2–я Воробьевка; с. Коренная пустынь (м. Свобода); д. Волобуево; д. Шуклинка, д. 1–ое Красниково (Котовец), младшие монеты которых были отчеканены во 2–ой пол. 960–х — сер. 970–х гг. Возможно, во время этих же событий были укрыты клады сельскохозяйственных орудий и бытовых предметов у д. Жерновец (Золотухинский район) и д. 1–е Красниково (Курский район).

Ко времени покорения Владимиром Святославовичем Курского Посеймья также, вероятно, относится гибель городища Переверзево II (Золотухинский район), датированная А.А. Узяновым рубежом X–XI вв.; исследованные В.В. Енуковым сгоревшие в огне мощного пожара позднероменские оборонительные сооружения Ратского городища (Курский район); уничтожение в конце X в. Липинского городища (Октябрьский район); уничтоженные огнём северянские постройки, характерный для древностей Восточной Прибалтики конца X — начала XI вв. наконечник копья и наконечники стрел «гнёздовского» типа, обнаруженные Г.Ю. Стародубцевым при раскопках Люшинского городища (Льговский район); слой пожарища конца X — начала XI вв., исследованный А.В. Зориным при раскопках городища Капыстичи (Рыльский район); зафиксированная М.В. Фроловым при раскопках городища Гора Ивана Рыльского (г. Рыльск) «стерильная прослойка органического тлена и пепла, образование которой может быть связано с запустением городища, вызванным экспансией киевских князей на рубеже X–XI вв., когда естественное развитие поселения было прервано насильственным путем».

Интересное наблюдение было сделано А.В. Зориным во время раскопок Капыстичанского городища (Рыльский район). При разборке сгоревшего роменского жилища исследователь обнаружил шесть наконечников стрел (из семи найденных на раскопе). По мнению учёного, «подобная концентрация находок в пределах остатков сгоревшей постройки представляется явно не случайной, особенно учитывая наличие... *[двух. — А.Ш.]* наконечников, употреблявшихся, в том числе, и для зажигательных стрел. Судя по всему, в данном случае налицо следы взятия городища штурмом, который сопровождался массированным обстрелом его площадки лучниками противника, что в числе прочего привело к возникновению пожара. Типология и датировка наконечников, вкупе со всем комплексом индивидуальных и массовых находок данного объекта, указывает на конец X — начало XI вв. как на время гибели роменского





Игла от фибулы с изображением совы. Бронза. Конец X в. Городище Переверзево II (Золотухинский район). Раскопки А.А. Узянова. Курский государственный областной музей археологии. Вероятно, игла является частью украшения, потерянного воином–скандинавом во время разгрома городища войском Владимира I.



Поясные накладки. Древняя Русь. Конец X–XI вв. (х. Духовец, Курский район) (по А.В. Зорину и др., 2008).





Фибула с завершениями в виде голов драконов. Бронза. Фрагмент. Конец X — 1–я половина XI вв. (х. Духовец, Курский район). Разведка Г.Ю. Стародубцева. Курский государственный областной музей археологии. Головы драконов выполнены в характерной для скандинавских ювелиров манере.

Лучевое височное кольцо. Конец X — 1–я половина XI вв. Курган № 24. Гочевский курганный могильник (Беловский район). Раскопки В.Н. Глазова. 1913 г. Государственный Эрмитаж (Санкт–Петербург). Кольца такого вида (типа «Горналь») носили северянские женщины, жившие на территории Курского края во 2–й половине X в. Они исчезают после вхождения курских земель в состав Русского государства. Это височное кольцо было найдено при исследовании древнерусского женского погребения и пока остается единственной курской находкой этого времени. Вероятно, оно представляет собой пример «донашивания» вышедших из моды украшений.



Украшения, попавшие на курские земли вместе с переселенцами из других районов Русского государства. Конец X — 1–я половина XI вв. Сверху вниз:
• Височное кольцо с S–загнутым концом, характерное для населения западных районов Руси. Серебро, позолота. Липинский курганный могильник (Октябрьский район). Раскопки П.И. Засурцева. Курский государственный областной музей археологии;
• Височное кольцо радимичей. Бронза. Гочевский курганный могильник (Беловский район). Раскопки В.Н. Глазова. Государственный Эрмитаж (Санкт–Петербург);
• Фрагмент скандинавской фибулы. Бронза. Линево озеро (Курский район). Дар А.А. Морозова. Курский государственный областной музей археологии;
• Височное кольцо верхнедеснинских северян. Серебро. Гочевский курганный могильник (Беловский район). Раскопки Д.Я. Самоквасова. Курский государственный областной музей археологии.



Спиральное височное кольцо. Серебро. XI в. Гочевский курганный могильник (Беловский район). Раскопки Д.Я. Самоквасова. Курский государственный областной музей археологии. Такие височные кольца стали этноопределяющими украшениями южных северян в конце X–XI вв., после включения их земель в состав Русского государства.



Монеты и геральдические знаки Рюриковичей, правивших Северской землей в конце X — 1–й половине XI вв. Верхний ряд (слева направо) — сребреники Владимира, Святополка и Ярослава. Нижний ряд (слева направо) — златник Владимира Святославича с изображением князя; гербовые знаки Владимира и его сыновей — Святополка, Мстислава и Ярослава; печать Ярослава Мудрого с изображением князя. Новгород (Россия).

городища в Капыстичах под ударами дружинников киевских князей. Это объясняет присутствие здесь наконечников, характерных для западных и северных областей Руси».

Клады и погибшие северянские городища дают возможность выстроить вероятный маршрут продвижения княжеской рати по курским землям — от Самодуровского озера по Тускари (Воробьёвский клад, клад из Коренной пустыни, городище Переверзево II, Волобуевский клад, Шуклинский клад), затем вниз по Сейму (Липинское городище, Люшинское городище, городище Капыстичи) до Рыльска и оттуда в Путивльское Посеймье и на Десну.

В начале похода воины Владимира могли разгромить и северянские поселения на Верхней Свапе (Ратмановский и Жидеевский клады), также бравшей своё начало в Самодуровском озере, однако дальше в этом направлении русские отряды, вероятно, не пошли, т.к. в этом регионе пока не найдены клады, укрытые в 970–х — 980–х гг.

Клад из д. 1–ое Красниково и сгоревшие укрепления Ратского городища говорят о том, что в районе Курска часть русского войска ещё раз отклонилась от основного направления своего движения и предала разгрому северянские поселения на Рати. Фрагменты киево–русской круговой керамики, обнаруженные В.В. Енуковым при раскопках вала Ратского городища, позволили исследователю датировать пожар, уничтоживший относящиеся к последнему роменскому периоду фортификации Ратского городища, временем после начала ввоза в Посемье киево–русской круговой керамики в 925–975 гг.

В конце X в. на территории Курского Посеймья появляются предметы, связанные с кругом древнерусских «дружинных древностей» и с переселёнными по приказанию великого князя представителями подчиненных ему племен. В результате предпринятых великим князем мер на рубеже X–XI вв. вдоль курского течения р. Сейм появляется населенная русскими переселенцами полоса, которая разорвала единый до этого северянский массив. Центром присоединённых к Руси посемьских земель становится Курск, вероятно, основанный Владимиром или во время похода 985 г., или же вскоре после его завершения.

В конце 980–990–х гг. правитель Руси берет под свой контроль и северянские группы, обитавшие на Псле, Ворскле и Суле. Среди них было и население южных районов современного Курского края, где временем правления Владимира Святославича датируется разгром Большого Горнальского городища (Суджанский район) и возникновение Гочевского археологического комплекса (Беловский район) — мощной пограничной крепости, в гарнизон которой входили выходцы из разных районов Руси.

Впрочем, нанеся сокрушительный удар по экономической независимости северян, Владимир не сумел окончательно ликвидировать их старую племенную организацию. Об этом может свидетельствовать последнее летописное упоминание северян, датированное 1024 г. и связанное с их активным участием в войне, разразившейся между сыновьями Владимира спустя девять лет после его смерти. Как известно, северяне выступили в разгоревшемся между Ярославом и Мстиславом

конфликте на стороне последнего, а присутствие их ополчения на поле боя у Листвена (совр. с. Малый Листвен Черниговской обл., Украина) в 1024 г. сыграло решающую роль, дав возможность Мстиславу разгромить по частям войско своего брата и одержать блестящую победу.

Конфликт между сыновьями Владимира I закончился подписанием Городцовского мира (1026 г.). Победитель не стал претендовать на великокняжеский престол: *«И послал Мстислав за Ярославом, говоря: «Садись в своем Киеве: ты старший брат, а мне пусть будет эта сторона Днепра». И не смел Ярослав идти в Киев, пока не помирились... Когда же заключили мир, разделили по Днепру Русскую землю: Ярослав взял эту сторону, а Мстислав ту. И начали жить мирно и в братолюбии, и затихла усобица и мятеж, и была тишина велика в стране».*



Ярослав Мудрый. Реконструкция М.М. Герасимова (с сайта «Единая коллекция»).

На протяжении последующих двенадцати лет летопись не отмечает ни одного столкновения между братьями, а в 1031 г. Ярослав и Мстислав даже совершают совместный поход на Польшу: *«собрав воинов многих, пошли на поляков, и вновь заняли Червенские города, и повоевали землю Польскую, и много поляков привели, и поделили их».*

Личные качества черниговского правителя производили большое впечатление на современников и потомков, а своего восхищения Мстиславом не мог скрыть даже близкий к сыновьям Ярослава составитель «Повести временных лет», так описывавший этого князя–воина: *«Был же Мстислав могуч телом, красив лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не щадил, ни в питье, ни в пище ничего не запрещал ей».*

В 1036 г. Мстислав внезапно умирает на охоте (*«изыде на ловы и разболеся и умре»*). Так как незадолго до этого скончался и его единственный сын Евстафий (1033 г.), то оставшиеся без правителя земли вновь вернулись под скипетр великого киевского князя, который с этого момента стал именоваться летописцами *«самовластцем Русской земли».*

Ко времени вторичного утверждения Ярослава на Днепровском Левобережье относится новое переселение колонистов из покорных великому князю областей Руси, и самое раннее упоминание Курска, датируемое большинством исследователей 1036 г. Оно содержится в «Житии преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского», родители которого переселились из находящегося в киевских окрестностях Васильева *«в ин град, Курск нарицаемый, князю тако повелевшу».*

2–я половина XI в. стала временем окончательного исчезновения северян как самостоятельного политического и этнографического образования. Их противостояние с Русью, начавшееся с похода Олега Вещего в 884 г., окончилось при Ярославе Мудром полной победой Рюриковичей. Самый мощный племенной союз Днепровского Левобережья прекратил свое существование, а его члены подверглись полной культурной и политической ассимиляции, став одной из составляющих единой древнерусской народности и предками (вместе с родственными вятичами и радимичами) южной части русского народа.

Сегодня на территории, некогда населённой северянами, проживают представители двух восточнославянских народов — русские и украинцы. Вопреки широко распространённому в украинской исторической литературе мнению, обитающие на Днепровском Левобережье украинцы не могут считаться потомками летописных «северов», т.к. основой при сложении современного украинского народа послужило древнерусское население Днепровского Правобережья, а широкое расселение украинцев на запустевших степных и лесостепных просторах Днепровского Левобережья относится к XVI–XVII вв. Наследников летописных северян следует искать среди коренного русского населения Брянской, северо–западных районов Курской и юго–западных районов Орловской областей России, а также северных районов Сумской области Украины, в которых постоянное русское население непрерывно проживало как в ордынское время, так и в последующие исторические периоды.

ИСТОКИ КУРСКА



Нередко приходится слышать расхожую фразу о том, что Курску давно исполнилась тысяча лет. Это и верно, и неверно одновременно. На территории, которую занимает современный город Курск, люди впервые появились около 22 000 лет назад. Именно к этому времени относятся стоянки первобытных охотников, которые исследовала в 1963–1964 гг. экспедиция П.И. Борисковского на улицах Полевой и Котлякова. Известны в пределах города и следы людей бронзового века. Погребение катакомбной археологической культуры (III–II тыс. до н.э.) было обнаружено в 1936 г. при строительстве Главпочтамта, а захоронения срубной археологической культуры (II–I тыс. до н.э.) нашли в 2009 г. во дворе жилого дома на ул. 1-я Соловьёвка в Рышково.

Однако появление города связано не с этими временными охотничьими стойбищами и одинокими могильными курганами. Своим возникновением Курск обязан событиям, происходившим на исходе I тыс. н.э., в эпоху становления Древнерусского государства.

В это время в черте современного города существовало, по крайней мере, одно небольшое славянское поселение. Следы его выявлены археологами на правом берегу Кура и Тускаря, в районе нынешних улиц С. Перовской и Гайдара. Судя по обнаруженным фрагментам лепной керамики, посёлок появился здесь в VII–VIII вв. Возможно, что подобные мелкие селища были разбросаны вдоль речных берегов и в других частях современной городской территории. Однако в историческом центре Курска, на мысу между Куром и Тускарем, никаких материалов древнее рубежа X–XI вв. археологами пока не обнаружено.

Археологи приступили к исследованию города сравнительно недавно, и пока ещё не получены ответы на многие важные вопросы. Неизвестно, развивался ли древнерусский Курск на основе городища местных славян–северян или же был основан в качестве опорного пункта киевских князей после покорения ими Северской земли. Не установлено также и то, являлся ли город изначально скоплением отдельных посёлков, тяготеющих к укреплённому центру, или же напротив, поступательно разрастался от стен цитадели. Согласно мнению В.В. Енукова, Курск не только существует в «докиевское» время, но его, хотя и «с заметной долей осторожности», можно даже отнести к числу племенных центров северян. Однако тут же исследователем отмечается, что прямые доказательства существования северского городища в Курске отсутствуют.

Материалы археологических раскопок с полной уверенностью позволяют говорить лишь о том, что Курск,



Дружина русов. Последняя четверть X в. По материалам дружинных курганов Чернигова (Украина). Реконструкция О.В. Фёдорова (по В.В. Седову, 2001).

как древнерусский город, появляется на рубеже X–XI вв.

Вполне возможно, что основание его связано с походом великого князя киевского Владимира Святославича против волжских болгар в 985 г. О том, что путь киевских дружин проходил через курские земли, свидетельствуют многочисленные клады, наиболее поздние монеты в которых датируются именно 970–980–ми гг. Крепость в устье Кура стала опорной базой великого князя. Находившиеся здесь дружинники контролировали окрестные земли, собирали дань, защищали границы от вражеских набегов.

О том, что представлял собой Курск в первые десятилетия своей истории, известно как по материалам раскопок, так и по письменным источникам. Первое сухое упоминание города в летописи относится к 1095 г., однако картина живой городской жизни Курска дошла до нас благодаря «Житию Св. Феодосия Печерского» — первого курянина, известного нам по имени. Его отец, великокняжеский дружинник, был послан на службу «далече во ин град, нарицаемый Курск», где будущий святой и провёл свои детские годы. Их описание и сохранило для нас облик Курска второй четверти XI в.

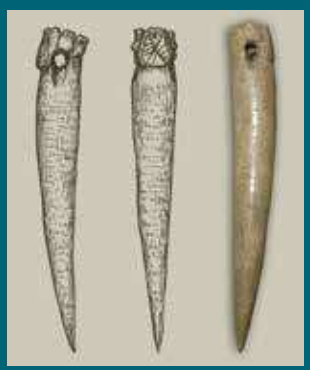
В городе имелся княжеский наместник, «властелин», который управлял здешними землями вместе с «городскими вельможами». На полях этой знати трудятся «рабы». Здесь существовали церкви, при которых действовали школы, а на папертях просили милостыню нищие. Имелись тут ремесленные мастерские, рынок, где торговали зерном. Через город проходил торговый путь, по которому двигались обозы купцов и группы паломников. Археология позволяет воочию увидеть



Строительство города по приказу князя Владимира. Миниатюра Радзивилловской летописи.



Лепной миниатюрный сосудик (г. Курск). Раскопки А.В. Зорина. Курский государственный областной музей археологии.



Роговое остриё (г. Курск). Раскопки А.В. Зорина. Курский государственный областной музей археологии.



Фибула. Железо (г. Курск). Раскопки А.В. Зорина. Курский государственный областной музей археологии.



Шиферные пряслица (г. Курск). Раскопки А.В. Зорина. Курский государственный областной музей археологии.



Страницы из «Жития Св. Феодосия Печерского» с первым письменным упоминанием существования Курска.

вещи, которыми пользовались куряне времён юности Феодосия, их жилища, домашнюю утварь. Среди находок, относящихся к этому времени, не только обломки глиняных сосудов, но и ножи, наконечники стрел, каменные пряслица, железный шлак, украшения, ремесленные и сельскохозяйственные орудия, стеклянные бусы.

Эти находки расширяют сведения «Жития», показывая, что куряне охотились, пряли и ткали, варили и ковали железо, учились грамоте и писали на бересте и восковых табличках.

В ходе обширных исследований, проводившихся весной–летом 2008 г. силами Курского государственного областного музея археологии на ул. Гайдара, удалось выявить и изучить целый ряд ранних объектов древнерусского времени. Это позволяет утверждать, что на возвышенности правого берега Кура уже в первой половине XI в. существовало довольно обширное поселение, являющееся составной частью Курска. С известной долей условности можно говорить о том, что этими раскопками был открыт город, описанный в житии Феодосия Печерского.

Куряне первой половины XI в. обитали в квадратных полуземлянках площадью около 9 кв. м. Котлован такого жилища уходил в землю на глубину до 1 м. Вдоль стен тянулись вкопанные в земляной пол деревянные лавки.

В углу высилась массивная глинобитная печь. Как правило, она была целиком вылеплена из глины на основе каркаса из толстых прутьев. По контуру пода археологи прослеживали до двух десятков ямок, оставшихся от этих прутьев. Форма ямок свидетельствовала о том, что прутья каркаса были заострены и плотно вбиты в материковую глину пола жилища. Следы выгоревших прутьев отчётливо чи-



Археологические исследования на ул. Гайдара (г. Курск), выявившие следы крупного поселения рубежа X–XI вв. 2008 г. Раскопки А.В. Зорина.

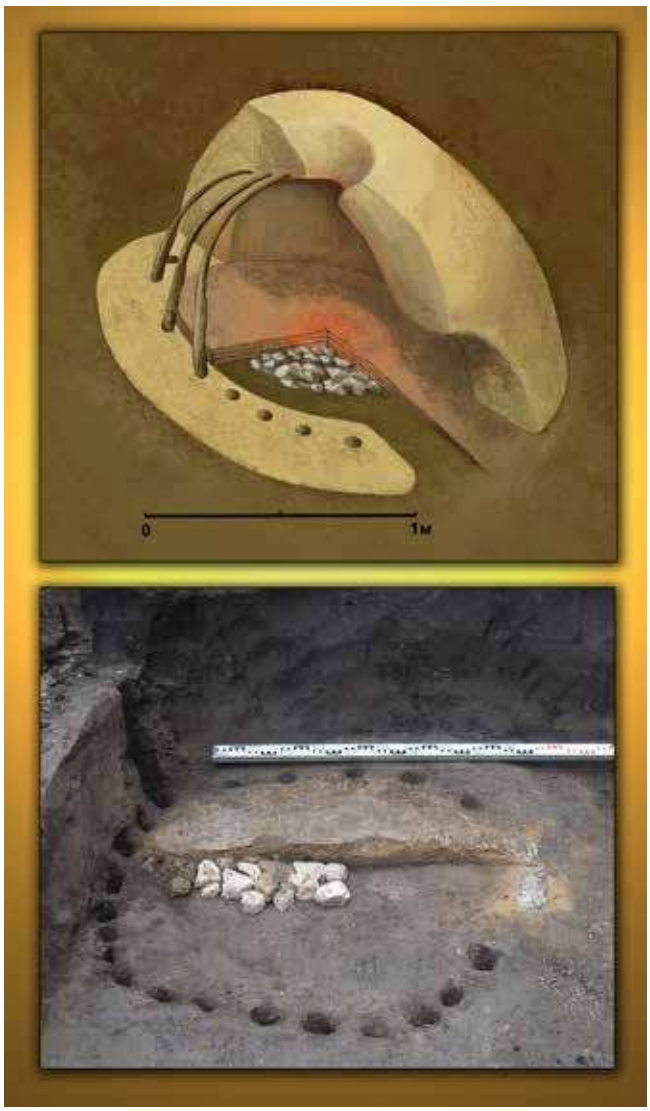
тались в прокалённой глине внутренней поверхности сохранившихся стенок печей. Нередко печной под имел в своей центральной части вымостку из плоских обломков песчаника, прочно вмазанных в глину. Вероятно, это было сделано с целью повышения теплоотдачи печи — накалившиеся камни дольше сохраняли жар. Свод печей также могли укреплять камнями и обломками керамики.

Близ жилищ располагались хозяйственные постройки, слегка углублённые в землю, и зерновые ямы. Среди хозяйственных отходов были встречены кости домашних животных, которыми владели жители таких усадеб. Это были в первую очередь свиньи, а также коровы, собаки, куры. Немало было найдено и рыбьих костей. Усадьбы огораживались плетнями.

Из этого посёлка можно было спуститься в пойму Кура и, перебравшись на его левый берег, подняться к высившемуся там собственно «городу». Это была крепость, обнесённая земляным валом и деревянной стеной. Серьёзной преградой для неприятеля должен был служить и оборонительный ров, сооружённый на основе крупного естественного оврага. Он защищал подступы к крепости со стороны современной Красной площади. Наиболее ранние остатки оборонительных укреплений Курска были исследованы В.В. Енуковым на стыке улиц Луначарского и Сонина. По краю рва удалось проследить остатки частокола из расколотых пополам бревен диаметром 0,5–0,6 м. Спустя какое–то время небольшой участок стены снесли, а на его месте соорудили въезд, через который шла покрытая деревянной мостовой дорога, спускавшаяся от ворот в ров и по его дну выходившая к Тускари. Во второй половине XI в. укрепления на исследован-



Котлован полуземлянки — жилища 1–й половины XI в. (г. Курск). Раскопки А.В. Зорина.



Печь. Начало XI в. По материалам раскопок А.В. Зорина на ул. Гайдара в г. Курске. Реконструкция А.В. Зубкова. Художник И.Г. Василенко.

Разобранный печной под постройки начала XI в. (г. Курск). Раскопки А.В. Зорина.

ном участке погибают в огне пожара и больше не восстанавливаются. Однако дорогой для съезда к реке продолжали пользоваться вплоть до второй половины XII столетия. После утверждения в Курске местной династии из рода Ольговичей территория крепости расширяется, и линия оборонительных укреплений переносится севернее. В ходе раскопок были обнаружены остатки построек, примыкавших к валу с внутренней стороны и сгоревших при пожарах. Один из пожаров, судя по всему, произошёл в середине — второй половине XII в., после чего укрепления были перестроены и усилены. Следующий этап укрепления оборонительной линии приходится на первую половину XIII в.

По другую сторону рва находился городской посад. Первые известные раскопки древнерусского Курска относятся к 1930 г., когда сотрудником Курского краеведческого музея Л.Н. Соловьевым была проведена шурфовка на территории Сада профсоюзов (современный Парк им.1 Мая), выявившая наличие «древнего дотатарского слоя в Курском городище». В ходе раскопок был обнаружен погреб с тремя огромными (около 1 м высоты) древнерусскими сосудами–корчагами. Затем там же в 1994–1995 гг. проводились раскопки экспедицией В.В. Енукова. В ходе исследований удалось обнаружить хозяйственные ямы и две прямоугольные срубные конструкции. Под рухнувшими перекрытиями сгоревшего жилища были найдены обломки керамики, украшения, предметы домашней утвари, относящиеся к периоду начала XII — второй половины XIII вв. Среди наиболее интересных находок, сделанных в историческом центре города, следует назвать железное писало, свидетельствующее о распространении грамотности.

Дальнейшие исследования позволили установить, что городская застройка древнерусского времени тянулась примерно до современной ул. Серафима Саровского.

К первой половине XIII столетия Курск превратился в значительный древнерусский город и стал центром самостоятельного княжества, которое на короткое время становится сильнейшим на Левобережье Днепра.



Древнерусская берестяная грамота. Начало XII в. Новгород (Россия). Государственный исторический музей (Москва) (с сайта «Древнерусские берестяные грамоты»).

Писало. Железо (г. Курск). Раскопки В.В. Енукова. Курский государственный областной музей археологии.

ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ХРИСТИАНСТВУ

Обитавшие по берегам Сейма, Псла и их притоков северяне, как и другие славянские племена той эпохи, были язычниками. Они поклонялись многочисленным божествам, олицетворявшим силы природы. С огнём и Солнцем были связаны образы Сварога, Даждьбога и Хорса, с громом и молнией — бог воинов Перун, над ветрами властвовал Стрибог, а земледелию и скотоводству покровительствовали Макошь и Велес.



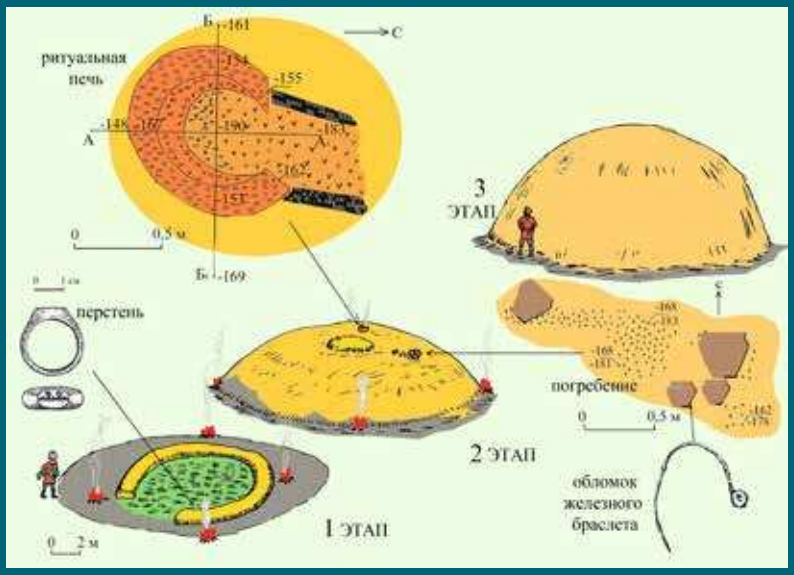
Языческий праздник. Миниатюра Радзивилловской летописи.

Многочисленные духи населяли леса, реки, болота, обитали и на самом подворье человека. С языческими верованиями связаны встречающиеся при раскопках славянских поселений просверленные клыки и кости животных, разнообразные металлические подвески — все они служили талисманами–оберегами.

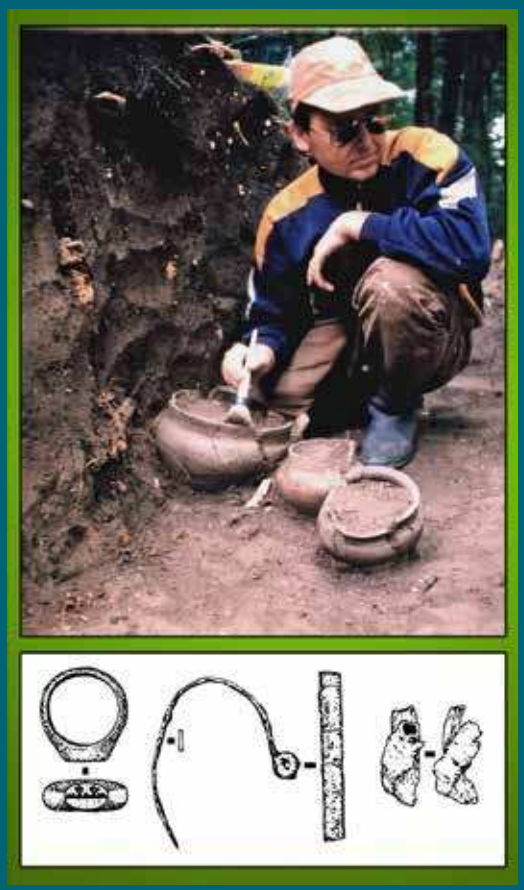
Умерших северяне сжигали на погребальном костре и прах захоранивали под курганной насыпью. Примером такого погребения может служить курган у д. Мешково (Золотухинский р–н), исследованный А.А. Узяновым. Под насыпью располагалась кольцевая ограда деревянных столбиков, внутри которой были помещены обломки лепных сосудов, угли и пережжённые кости человека. С внешней её стороны были найдены скопление фрагментов оплавленного железного предмета и железный наконечник стрелы. После совершения погребальных ритуалов оградку подожгли и, не дожидаясь пока плахи прогорят, насыпали поверх неё курган. На вершине его затем был устроен погребальный пир–«тризна». Следами его являются облом-



Амулет с изображением улыбающегося лица. Кость. X в. Ратское городище (Курский район). Раскопки В.В. Енукова. Курский государственный областной музей археологии.

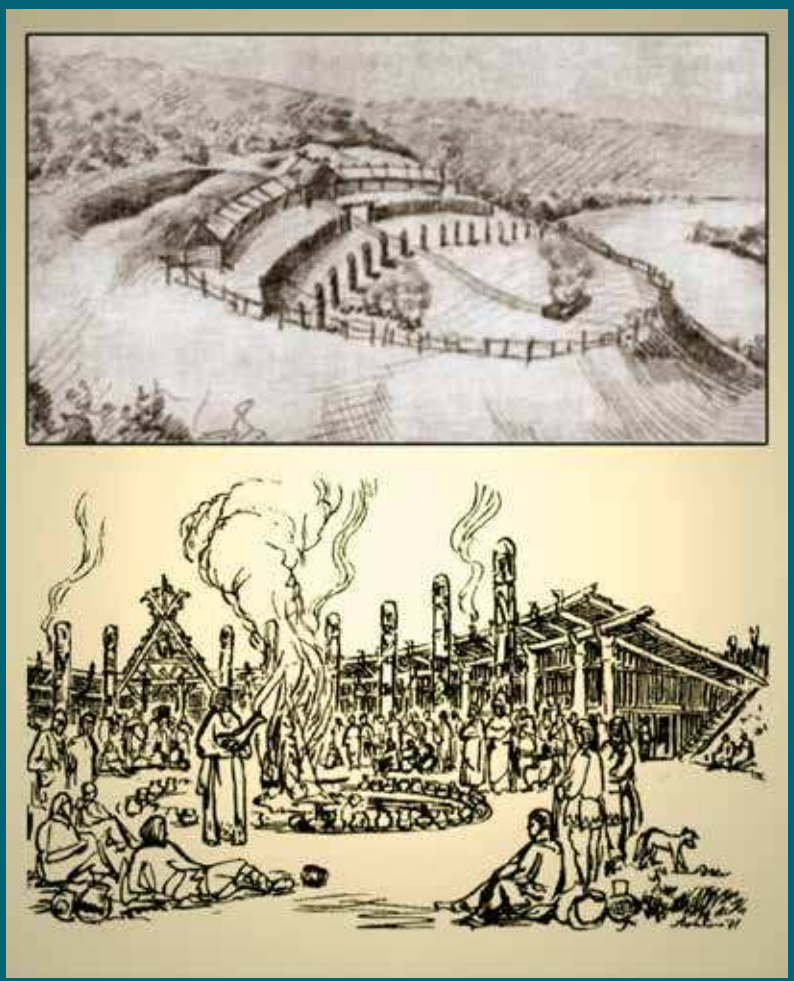


Этапы сооружения кургана у с. Шуклинка (Курский район). Реконструкция А.В. Зорина.



Расчистка погребения в кургане у с. Шуклинка.

Предметы погребального инвентаря — перстень, обломок железного браслета, оплавленная стеклянная бусина. Конец X в. Раскопки А.В. Зорина. Курский государственный областной музей археологии.



Языческое святилище IX–X вв. Реконструкция Б.А. Рыбакова по материалам раскопок городища у с. Вщиж (Брянская область, Россия). Художник К. Лопяло.

ки лепных сосудов и кости животных, обнаруженные при раскопках.

Курганы были не только местом захоронения умерших, но и своеобразными святилищами, связанными с культом предков и плодородия. Обряды, совершаемые при погребении покойного его родственниками, были призваны обеспечить умершему дорогу в иной мир и в то же время преградить ему дорогу обратно. Примером такого сложного культового погребального сооружения может служить одна из насыпей Шуклинского могильника (Курский район), исследованная экспедицией А.В. Зорина.

Курган, имевший высоту 2,8 м при диаметре 18 м, был возведён в результате последовательных подсыпок, скрепленных прослойками глины. В основании насыпи находилась круглая ритуальная площадка, ограниченная невысоким, облицованным жёлтой глиной подковообразным валом, внешний диаметр которого достигал 10 м, с проходом на юго–западе. Поверхность площадки была устлана срезанными стеблями злаков, отпечатки стеблей и листьев которых отчётливо сохранились в лёгшем поверх них плотном грунте. Судя по тому, что растения, устилавшие ритуальную площадку в основании насыпи, были срезаны еще до завязывания колосьев, курган был возведен поздней весной или ранним летом. За пределами окружавшего площадку вала по сторонам света были разведены костры, которые горели до самого завершения погребальной церемонии, а недалеко от входа на площадку был найден серебряный перстень с вырезанными на щитке символами, — вероятно, жертвенный дар душе умершего. При помощи нескольких подсыпок над площадкой была возведена насыпь, на вершине которой соорудили ритуальную печь, обращенную устьем на север. К востоку от печи археологи обнаружили погребение — остатки трупосожжения и глиняные сосуды, внутри которых также находились кальцинированные кости. На венчик одного из сосудов был повешен изогнутый узкий железный ободок, вероятно, обломок браслета, а к одной из кальцинированных косточек прикипела оплавленная стеклянная синяя бусина–пронизка.

Поклонение богам совершалось в святилищах–«капищах».

Как правило, это были расположенные на возвышенностях, зачастую окруженные небольшими валами округлые площадки, в центре которых помещались идолы.

Иногда жертвоприношения совершались и в культовых ямах на святых местах, могильниках или на краю поселений. В жертву богам могли приноситься не только различные вещи и животные, но и люди.

Примером тому служит уникальная находка на площадке городища Царский Дворец у с. Гочево (Беловский р–н). Гочевское поселение возникло на рубеже X–XI вв., и мыс, на котором позднее возникло городище, был в то время его необжитой окраиной. В ходе раскопок здесь был обнаружен ряд округлых ям с необычным заполнением. Внутри одних из них встречались разбитые лепные сосуды, в других не было ничего, кроме угольков и золы. Особенно любопытны были материалы из двух таких ям, исследованных в 2013 г. В придонной части одной из них находился скорченный скелет ребёнка примерно трёхлетнего возраста, ориентированный по линии север–юг, причём череп у скелета отсутствовал. Выше располагались последовательные разновременные прослойки золы и углей, а недалеко от поверхности ямы лежали кости задней ноги кабана. Вторая яма, расположенная немного южнее первой, также содержала в заполнении ряд углистых прослоек, поверх последней из которых был обнаружен скелет девочки–подростка в скорченном положении, также ориентированный головой на север. На шее погребенной висело ожерелье, в состав которого помимо бус и бисера входили рыбьи позвонки и набор костяных амулетов. Также среди украшений девочки имелись бронзовые бубенчик, колечко и скорлуповидные подвески. Судя по всему, в обоих случаях дети



Князь Олег Вещий приносит клятву идолу Перуна. Миниатюра Радзивилловской летописи.



Языческий волхв приносит в жертву женщину. Миниатюра Радзивилловской летописи.



Ритуальное погребение принесённой в жертву девочки. Городище Царский Дворец (Беловский район). Раскопки Г.Ю. Стародубцева.

Ожерелье из погребения. Конец X — начало XI вв. Раскопки Г.Ю. Стародубцева. Курский государственный областной музей археологии.



Крещение князя Владимира. Миниатюра Радзивилловской летописи.

были ритуально умерщвлены и принесены в жертву языческим богам, причём произошло это в период, когда на земли Днепровского Левобережья уже пришло христианство.

Христианские воззрения приходят в Посеймье на смену языческим верованиям на рубеже X–XI вв. Это было связано с крещением Руси в 988 г. и постепенным распространением новой религии по всей территории древнерусского государства.

Изменения происходили в быту, традициях, но наиболее ярко это отразилось в погребальном обряде. На смену кремации с погребением праха в урнах в насыпи курганов приходят захоронения по обряду трупоположения под курганной насыпью. Однако этот переход произошел не сиюминутно, а занял практически всю первую половину XI в.

При исследованиях Гочевского курганного могильника экспедицией Г.Ю. Стародубцева прослежен весь процесс данного перехода. В раскопанных курганах начала XI в. зафиксированы погребения с остатками кремации, над которыми сооружали достаточно высокую курганную насыпь. Одно из подобных погребений было обнаружено в 2002 г. Археологам удалось реконструировать обряд захоронения. Вначале дёрн древней дневной поверхности был срезан и уложен в кольцевидный валик, идущий по периметру насыпи. После этого в центральной части был сооружен погребальный костер размером 3,0 х 2,2 м. На него было положено тело умершей женщины, украшенное биллоновыми перстнеобразными височными кольцами, а также снизкой из византийских золотостеклянных и серебростеклянных бус. Спустя небольшое время после того, как костер был зажжен, его засыпали грунтом, не дав прогореть до конца. Именно поэтому в раскопанной насыпи были зафиксированы следы прокала различной степени интенсивности мощностью от 0,2 до 0,46 м.

Позднее покойника стали укладывать на дневную поверхность, зажигая рядом с ним ритуальные костры и оставляя необходимые для путешествия в загробный мир предметы быта или вооружения, сооружая над погребением уже небольшой курган. К концу XI в. на смену погребениям на горизонте пришли захоронения в могильных ямах. Этот обряд вначале отличался достаточно большим разнообразием: в домовинах, в относительно широких неглубоких ямах, перекрытых широкими досками, выполняющими роль деревянного настила; в узких ямах глубиной до 0,7 м, перекрытых длинной доской; в ямах без домовин и дощатых перекрытий.



Нательный крест. Бронза. XI в. Липинское поселение (Октябрьский район). Раскопки О.Н. Енуковой. Курский государственный областной музей археологии.



Лунница. Серебро. 2–я половина XI — начало XII вв. Гочевский курганный могильник (Беловский район). Раскопки Д.Я. Самоквасова. Курский государственный областной музей археологии. Лунница является знаком благочестия ранних курских христиан, символом Богородицы.



Подвеска с изображением креста. Серебро. Конец X — начало XI вв. Гочевский курганный могильник (Беловский район). Курган № 68. Раскопки П.С. Рыкова. Государственный Эрмитаж (Санкт–Петербург).



Яйцо–писанка. Глина, полива. XI–XII вв. Липинское городище (Октябрьский район). Раскопки П.И. Засурцева. Курский государственный областной музей археологии. Яйца соотносятся христианами с Воскрешением и вечной жизнью.

В том случае, если смерть настигала человека вдали от родных мест или место гибели было вообще неизвестно, родственники не всегда имели возможность похоронить тело умершего или погибшего. В этом случае среди курганов могильника возводили кенотаф. Кенота́ф (древнегреческий κενοτάφιον, от κενός — пустой и τάφος — могила) — это своего рода символическая могила, которая не содержала останков покойного. На месте будущего погребения, следуя языческой традиции захоронения, разжигали ритуальный костер и помещали глиняные сосуды с пищей, а затем насыпали курган.

С течением времени уменьшается количество инвентаря в захоронениях. Если в начале XI в., в соответствии с языческими верованиями, инвентарь разнообразен: у женщин — многочисленные украшения (ожерелья из бус, гривны, височные кольца, головные венчики, налобные ленты, подвески, браслеты, перстни и т.д.), у мужчин — нож, кресало, оружие, иногда перстень или кольцо, то в XII в. он практически полностью отсутствует. Уменьшается и курганная насыпь, становясь при этом все ниже. На рубеже XII–XIII вв. ей на смену постепенно приходит надмогильный холмик, исчезают и кенотафы, являющиеся свидетельством языческих взглядов на загробную жизнь.

Выраженный в этом обряде, как впрочем, в любой языческой погребальной традиции, материальный характер заботы о покойнике, подготовки его к новой жизни, постепенно уходит с процессом вытеснения из сознания населения языческого мировоззрения христианским.



Погребение. Конец XI — начало XII вв. Гочевский курганный могильник (Беловский район). Раскопки Г.Ю. Стародубцева.

Христианские предметы из захоронений Гочевского курганного могильника. 2–я половина XI — середина XII вв. Государственный Эрмитаж (Санкт–Петербург).

КУРСКАЯ ЮНОСТЬ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Первый курянин, известный нам по имени, появился на свет вдали от Курского края, в городе Василеве под Киевом. На восьмой день после рождения ребёнка принесли к священнику для крещения. И священник, «видев детища и сердечными очами прозря», нарёк его Феодосием, «Даром Божьим», тем самым словно предсказав дальнейшую судьбу мальчика.

Отец Феодосия был знатным человеком, служил великому князю киевскому. Повелением князя он был отправлен на дальние рубежи государства — в Курск. Учёные до сих пор спорят о том, когда это случилось, в 1032 или в 1036 г. Наиболее вероятна последняя дата — только после смерти Мстислава Тмутараканского его брат Ярослав мог рассылать своих людей из Киева по городам Днепровского Левобережья. Таким образом, косвенно вычисляемая дата переезда семейства Феодосия из Василева становится самой ранней датой упоминания Курска в письменных источниках.

В Курске юный Феодосий «возрастал телом и душою, стремясь к любви божией». Он часто посещал церковные службы — и это говорит о наличии в городе христианских храмов. Кроме того, он ходил «на учение божественных книг к одному из учителей» и на удивление быстро «извыче вся граматикия», — а это говорит о существовании в городе школ. Способностям мальчика удивлялись все окружающие. Но удивлялись они и другому. Феодосий вёл себя не так, как другие дети. Он избегал шумных игр, носил бедную и заплатанную одежду. Особенно усилились подобные странности после смерти отца. Феодосию тогда исполнилось 13 лет, и он даже стал выходить работать в поле вместе с «рабами» своих родителей.

Мать Феодосия, женщина властная и даже суровая, видела в поведении сына позор для своего рода. Она всячески старалась наставить его на путь истинный — заставляла носить чистую нарядную одежду, посылала играть с детьми, не пускала



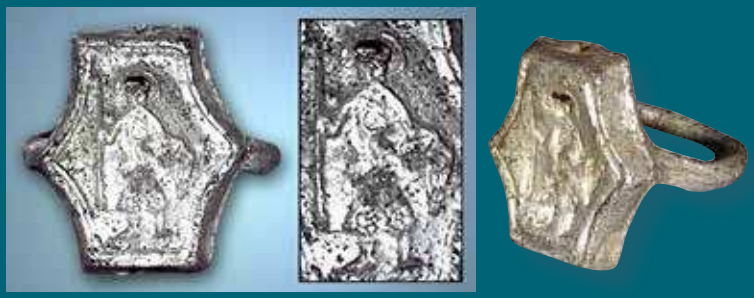
Преподобный Феодосий Печерский. Фрагмент иконы «Богоматерь Печерская (Свенская)». Конец XIII в. Государственная Третьяковская галерея (Москва).

в поле. Он не слушался, и тогда мать ругала его и не раз била «от великия ярости, ибо была и телом крепка и сильна, якоже муж». Те, кто слышал её голос, не видя её, могли подумать, что говорит мужчина.

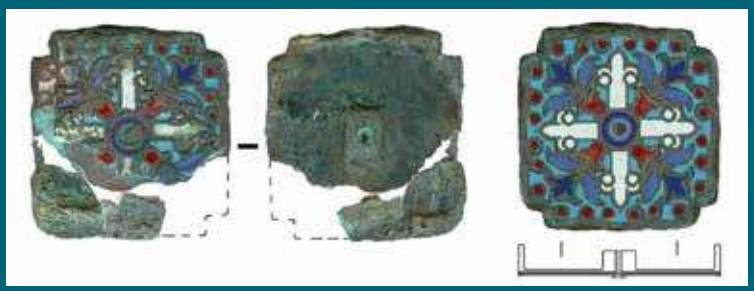
Ни упрёки, ни побои не помогали. Повстречав однажды проходивших через Курск паломников, Феодосий стал просить взять его с собой в странствие к святым местам. Те согласились. Понимая, что мать не позволит ему уйти в паломничество, мальчик ночью бежал из дома. С собой он не взял ничего, кроме своей повседневной ветхой одежды. Лишь спустя три дня мать узнала, куда пропал её сын. Тотчас она пустилась в погоню, взяв с собой только второго, младшего сына. Нагнав паломников, она обрушилась на них с бранью, а Феодосия, схватив за волосы, повалила наземь и долго пинала ногами. Домой Феодосия доставили связанным, словно злодея. Мать была настолько охвачена гневом, что и дома продолжала колотить сына до тех пор, пока сама не пришла в полное изнеможение. Наконец, она оставила его связанным взаперти и ушла. Лишь через два дня Феодосия развязали и накормили. После этого, опасаясь нового побега, мать сковала ему ноги железными оковами, которые сняла лишь спустя много дней, когда сын, поддавшись её уговорам, пообещал больше не убегать из дому.

Жизнь снова потекла по–прежнему. Феодосий снова ходил в церковь, молился. Заметив, что в храме нередко отменяют литургию из–за нехватки просфор, он сам стал их печь, продавать, а выручку раздавать нищим.

Сверстники, видя это, без устали издевались над ним. Он же принимал их грубые шутки «с молчанием и смирением». Мать запретами и уговорами пыталась остановить сына, вернуть его на путь, достойный княжеского слуги — воина и правителя. Но ни уговоры, ни угрозы, ни побои не могли заставить юношу свернуть с избранной им дороги. Когда жить дальше в родном доме стало невыносимо, он совершил повторный побег и укрылся в доме священника в некоем соседнем городке. Мать не сразу узнала, где скрывается сын. А узнав, явилась в поповский дом и снова избила его и силой вернула в Курск.



Перстень с изображением святого воина. Конец X–XI вв. Городище Кудеярова Гора (Курчатовский район). НИИ археологии Юго–Востока Руси Курского государственного университета.



Дробница. Медь, бронза, золотая фольга, эмаль. XI–XII вв. (г. Курск). Раскопки В.В. Енукова (по О.Н. Енуковой, 2011). Дробницы использовались для украшения богослужебных книг, икон и парадных облачений духовенства.



Русский князь со свитой идет в церковь. Миниатюра Радзивилловской летописи.



Нательный крест. Бронза. XI–XII вв. Липинское городище (Октябрьский район). Раскопки О.Н. Енуковой. Курский государственный областной музей археологии.



Преподобный Антоний — основатель Киево–Печерского монастыря с монахами. Миниатюра Радзивилловской летописи.

Скандальное поведение отпрыска знатного семейства не могло укрыться от глаз «властелина града того». Курский посадник стал покровительствовать юноше, подарил ему дорогое платье и велел пребывать при своей церкви. Но Феодосий недолго оставался там, «ибо чувствовал себя, словно некую тяжесть на себе носит». Вскоре он снова уже был в привычных лохмотьях, а в дорогом платье щеголяли местные нищие. Посадник ещё дважды одаривал Феодосия, но безуспешно. Более того, с помощью местного кузнеца юноша изготовил для себя железные вериги и стал тайком носить их под одеждой на голом теле. Железо впивалось в плоть, но Феодосий словно не замечал этого. Открылось это случайно. В один из праздничных дней мать заставила Феодосия облачиться в чистое нарядное платье, чтобы прислуживать на пиру у «властелина града». Увидев кровь и язвы от цепей, женщина пришла в ярость, сорвала с сына сорочку, железо и вновь основательно его отлупила. После этого Феодосию всё же пришлось отправиться на пир, где он «служаще пред возлежащими с всякою тихостью».

Прошло ещё немного времени, и Феодосий вновь покинул родной дом. Воспользовавшись отлучкой матери в пригородное село, он взял с собой смену белья, хлеба и «тако устремися к Киеву городу, бе бо слышал о монастырях там сущих».

Давно осознанное призвание влекло его за собой. В Киеве ему предстоит встреча с основателем Печерской лавры преподобным Антонием, долгое затворничество, годы святой жизни, ссоры с князьями и, в конце концов, примирение с матерью, которая окончила дни свои монахиней в женском монастыре Св. Николы.

КУРСКОЕ КНЯЖЕСТВО

во 2–й половине XI — XII вв.

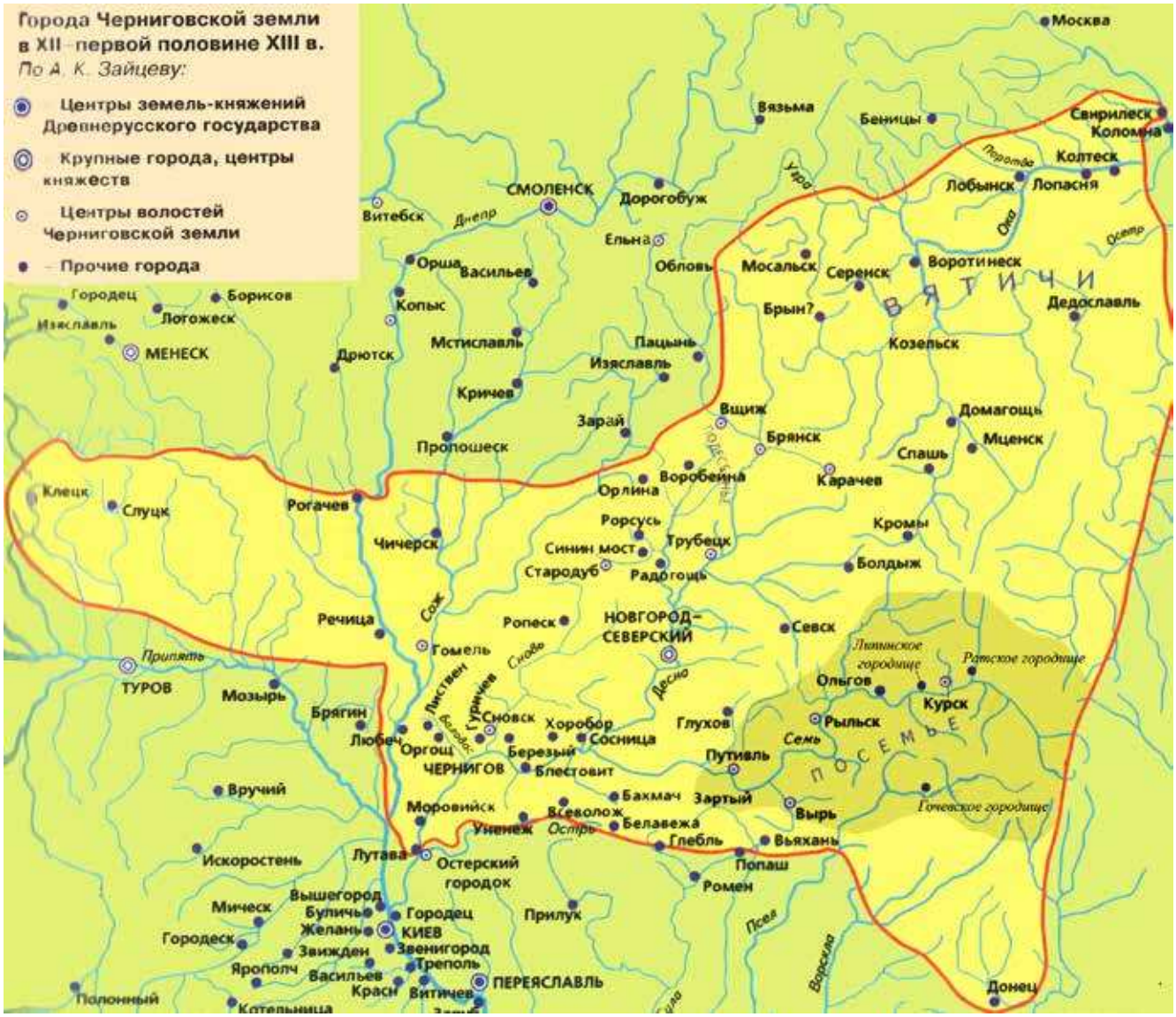
В лето 6562 (1054 г.) на семьдесят шестом году жизни скончался великий князь Ярослав Мудрый. Перед смертью он поделил Русскую землю на уделы между своими сыновьями, *«запретив им переступать пределы других братьев и изгонять их»*.

Бывшую Северскую землю Ярослав не стал передавать кому–то из сыновей целиком, а разделил пополам. Правивший в Чернигове Святослав получил Подесенье и Путивльское Посеймье, а сидевший в Переяславле Всеволод — земли на Псле, Суле, Ворскле и Курское Посеймье. Но этот раздел вызвал недовольство Святослава Черниговского, который вскоре после смерти отца потребовал от своего брата передачи ему курских земель. Притязания Святослава вызвали кровавую усобицу, затянувшуюся более чем на сто лет. Лишь в конце 1150–х гг. борьба завершилась окончательным вхождением курских земель в состав Черниговского княжества.



Князь Святослав Черниговский с семьей. «Изборник Святослава». 1073 г. (по Н.Л. Пушкаревой).

По мнению В.В. Енукова, причина междоусобной распри крылась в выгодном стратегическом положении Курского края — «для Чернигова, который нередко при решении своих политических задач прибегал к помощи половцев, выход в сте-



Великое княжество Черниговское в XII — 1–й половине XIII вв. (по А.К. Зайцеву, 1975).

пи, один из основных вариантов которого пролегал через курские земли, имел стратегическое значение. В свою очередь Посемье представляло собой коридор, обладание которым давало переяславльским князьям возможность прямых сношений с северо–восточными владениями».

Еще одним поводом для спора могли быть шедшие через курские земли водные и сухопутные торговые магистрали, соединявшие Волжскую Болгарию с Южной Русью. Если водные пути были проложены ещё в северянское время, то сухопутная магистраль, вероятно, окончательно сложилась только в конце X в., после вхождения северских земель в Русское государство. Соединяя с конца X в. Южную Русь с Волжской Болгарией, этот путь шел по слабо залесённым водораздельным пространствам Днепра, Десны, Дона, Оки, Суры и Волги. Через каждые 70 км (два дня пути) вдоль трассы располагались хорошо укрепленные стоянки–*«манзили»,* служившие местами отдыха для торговых караванов.

По территории Курского края магистраль проходила вдоль правого берега Псла, а в качестве *«манзилей»* использовались укрепленные поселения у с. Горналь и с. Гочево. Дальше двигавшиеся от Гочево караваны, вероятно, доходили до расположенного *«меж Псла и усть реки Бояни»* Боянского городища, а затем поворачивали на север, пересекали Сейм в районе с. Лебяжье, достигали Ратского археологического комплекса (Курский р–н) и покидали районы с оседлым населением у Титовского городища (Щигровский р–н) — восточного форпоста Курского края в северянское и древнерусское время. Лишь после этого торговые караваны направлялись в сторону

Дона, причем путь их пролегал в отдалении от степных кочевий и, соответственно, был более безопасен.

Письменные свидетельства о Курске XI в. чрезвычайно скудны. Помимо «Жития Феодосия Печерского», ещё одно недатированное упоминание Курска содержится в «Поучении» Владимира Мономаха. Оно связано с событиями осени 1068 г., когда после разгрома войск Ярославичей половцами в битве на р. Альта и вспыхнувшего затем восстания киевлян князь Всеволод посылает сына в Ростов, а *«сам иде Курьску»*, укрываясь за его стенами от кочевников и мятежных подданных. Однако и при Всеволоде, и при двух его сыновьях — Владимире Мономахе и Ростиславе курские земли оставались отдаленным владением, которым переяславльские князья правили через назначаемых наместников–*«посадников»*.

Лишь в конце XI в. в Курске появляется свой княжеский стол. Это произошло после того, как Владимир Мономах был изгнан из Чернигова вернувшимся из Тмутаракани (Краснодарский край, Россия) Олегом Святославовичем. Покинув в 1094 г. Чернигов, Владимир Мономах перебирается в Переяславль, а чтобы укрепить свое положение в стратегически важном Курском Посеймье, традиционно тяготевшем к Чернигову, он посылает своего второго сына Изяслава княжить в Курск. Под 1095 г. «Повесть временных лет» сообщает, что *«в это же время пришел Изяслав, сын Владимира, из Курска к Мурому»*. Это же известие является и первым датированным упоминанием города Курска в письменных источниках.

Судьба первого курского князя после занятия им Мурома сложилась трагично: 6 сентября 1096 г. Изяслав погиб в сражении с войсками Олега Святославича, пришедшими в Муромскую землю. В 1097 г. Олег, в свою очередь, потерпел поражение в войне против Мономаха и лишился всех захваченных ранее земель и городов. Однако дальновидный политик и опытный дипломат Владимир Мономах решает прекратить ослабляющую силы Руси усобицу и на созванном по его инициативе съезде князей в Любече (1097 г.) предлагает создать новое княжество с центром в Новгороде–Северском, которое и было передано Олегу. Видимо, тогда же в качестве компенсации за понесенные



Русский князь с дружиной. 1–я половина XI в. Реконструкция О.В. Фёдорова (по В.А. Кучкину, 2002).



Русский князь с приближенными. Миниатюра Радзивилловской летописи.



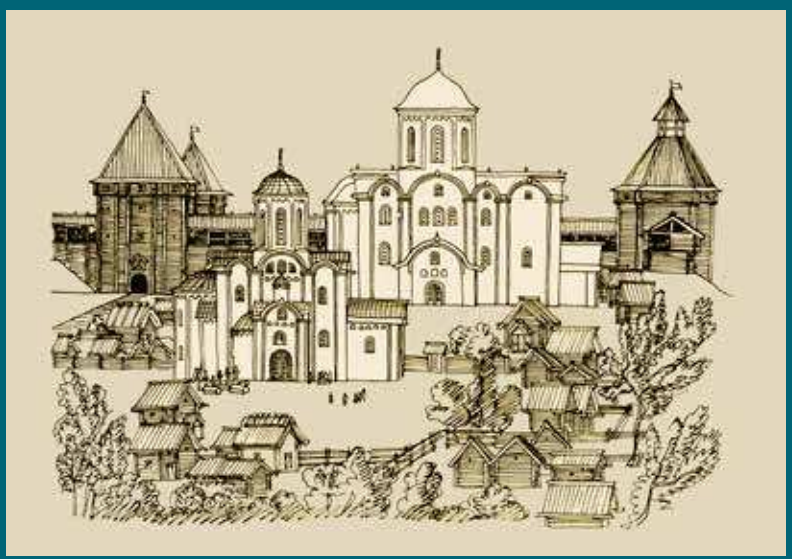
Иконка с изображением святого князя. Бронза. Ратское поселение (Курский район). Раскопки В.В. Енукова. Курский государственный областной музей археологии.



Русские князья заключают мир, подтверждая клятвы на кресте. Миниатюра Радзивилловской летописи.



Междоусобное сражение русских князей. Миниатюра Радзивилловской летописи.



Столичный город русского княжества. XII — начало XIII вв. По материалам раскопок Рязани (по В.П. Даркевичу, Г.В. Борисевичу).

в войне территориальные потери Мономах уступил ему и Курск с Посемьем.

В последующие десятилетия на курском столе сменилось немало князей. «Соперничество между Владимиром Мономахом и Олегом Святославичем за обладание Курском и тяготевшей к нему территорией унаследовали и их потомки — Мономашичи и Ольговичи. На протяжении всей 1–й половины XII в. между этими двумя княжескими группировками за Курск с Посемьем шла почти непрерывная, весьма ожесточенная и упорная борьба, — пишет А.И. Раздорский. — Основная её причина крылась в выгодном географическом положении этого региона, контроль над которым значительно усиливал позицию той или иной стороны во внутриполитических спорах, и в особенности — при определении судьбы киевского великого княжения. Постоянные усобицы приводили к тому, что князья в Курске то и дело сменяли друг друга, а сам курский стол долгое время носил нерегулярный характер».

По мнению А.И. Раздорского, после Изяслава Владимировича своего князя в Курске не было довольно долго. Лишь в 1127 г. в ходе усобицы между черниговским князем Всеволодом Ольговичем, с одной стороны, и Мстиславом и Ярополком Владимировичами (киевским и переяславским князьями), с другой, курский стол занял сын Мстислава Изяслав. Спустя всего два года Изяслав получил от отца Полоцкую землю и оставил Курск навсегда. С этого времени город управлялся посадниками переяславского князя Ярополка.



Металлическая пломба со знаком русского князя из династии Рюриковичей. Ратское поселение (Курский район).

Однако среди потомков Мономаха нередко возникали внутренние распри, которыми, поддерживая в них то одну, то другую сторону, стремились воспользоваться в своих интересах Ольговичи. Так, в 1132–1136 гг. они в союзе с Изяславом Мстиславичем вели войну со старшими Мономашичами — Ярополком Владимировичем и его братьями. Нанеся им в начале 1136 г. решающее поражение в Супойской битве, Ольговичи добились возвращения себе Курска с Посеймьем. По свидетельству летописца, *«отдал Ярополк Ольговичам отчину свою»*, т.е. Курск, принадлежавший его отцу — Владимиру Мономаху.

С 1136 г. в Курске княжил Глеб Ольгович. Известно, что в 1137 г. он водил курян вместе с союзными половцами в поход на Псков. Глеб был родоначальником курской линии Ольговичей, вскоре, однако, пресекшейся со смертью его сыновей Изяслава и Ростислава. Осенью 1138 г. Глеб умер, и курский стол перешел к его брату Святославу. Несколько раз Святослав порывался сменить Курское княжение на более престижное и доходное. Так, в 1139 г. его вторично пригласили княжить в Новгород Великий (первый раз он сидел там в 1136–1138 гг.), но вскоре Святослав возвращается обратно в Курск, будучи изгнанным новгородцами.

Неудачей закончилась для Святослава и предпринятая им в 1139 г. совместно с братом Всеволодом, ставшим к этому времени киевским князем, попытка поменять Курск на Переяславль. Правивший в Переяславе князь Андрей решительно отверг подобный обмен, заявив, что *«краше этого смерть мне с дружиною на своей отчине и на дедовой, нежели Курское княженье. Отец мой не в Курске сидел, а в Переяславле, и я хочу умереть в своей отчине»*. Не раз эти слова приводились в качестве свидетельства незначительности и захудалости Курского княжества. Но это не совсем верно. Конечно, курский стол не шел ни в какое сравнение с Переяславлем, бывшим своего рода трамплином для занятия великого киевского стола. В жестокой борьбе между Мономашичами и Ольговичами обладание Переяславским княжеством значило слишком много и для тех, и для других, поэтому Андрей так решительно и воспротивился навязываемому ему обмену. С.М. Соловьев писал, что согласие князя Андрея на предъявленное ему требование означало бы «отдать во враждебное племя Переяславль, стол дедовский и отцовский» и тем самым «не только унизить себя, но и нанести бесчестье целому племени, целой линии Мономаховичей, отняв у неё то значение, те преимущества и волости, которые были утверждены за нею Владимиром и его двумя старшими сыновьями». На взгляд А.И. Раздорского, Андрей в сложившейся ситуации просто не мог взять за Переяславль ни Курской, ни какой–либо другой волости, и поэтому судить по его словам о месте и роли Курского княжества в системе древнерусских столов не следует. Едва ли его статус можно признать очень низким, если Мономашичи и Ольговичи так долго и упорно боролись за него между собой.

Во 2–й половине 40–х — начале 50–х гг. XII в. во время войн между занявшим в 1146 г. Киев Изяславом Мстиславичем и ростово–суздальским князем Юрием Долгоруким Курск начинает переходить из рук в руки едва ли не каждый год. И лишь в конце 1150–х гг., после смерти Юрия Долгорукого, Курском окончательно завладели Ольговичи, завершив тем самым вековой спор с Мономашичами за Курское Посемье в свою пользу.

К сожалению, составители летописей, внимание которых было в основном сосредоточено на деяниях русских правителей и церковных иерархов, достаточно скупо сообщают о повседневной жизни наших предков в древнерусское время. Однако этот пробел могут заполнить сообщения путешественников, посещавших Русь в эту эпоху.

Любопытные записки о жителях южнорусских княжеств оставил проплывший в 1150 г. по водному пути из Булгара в Киев арабский путешественник Абу Хамид ал–Гарнати. Он сообщал: *«Когда я прибыл в их страну, то увидел, что эта страна обширная, обильная медом и пшеницей и ячменем и большими яблоками, лучше которых ничего нет. Жизнь у них дешева. Рассчитываются они между собой старыми беличьими шкурками, на которых нет шерсти, и которые нельзя ни на что никогда ис-*



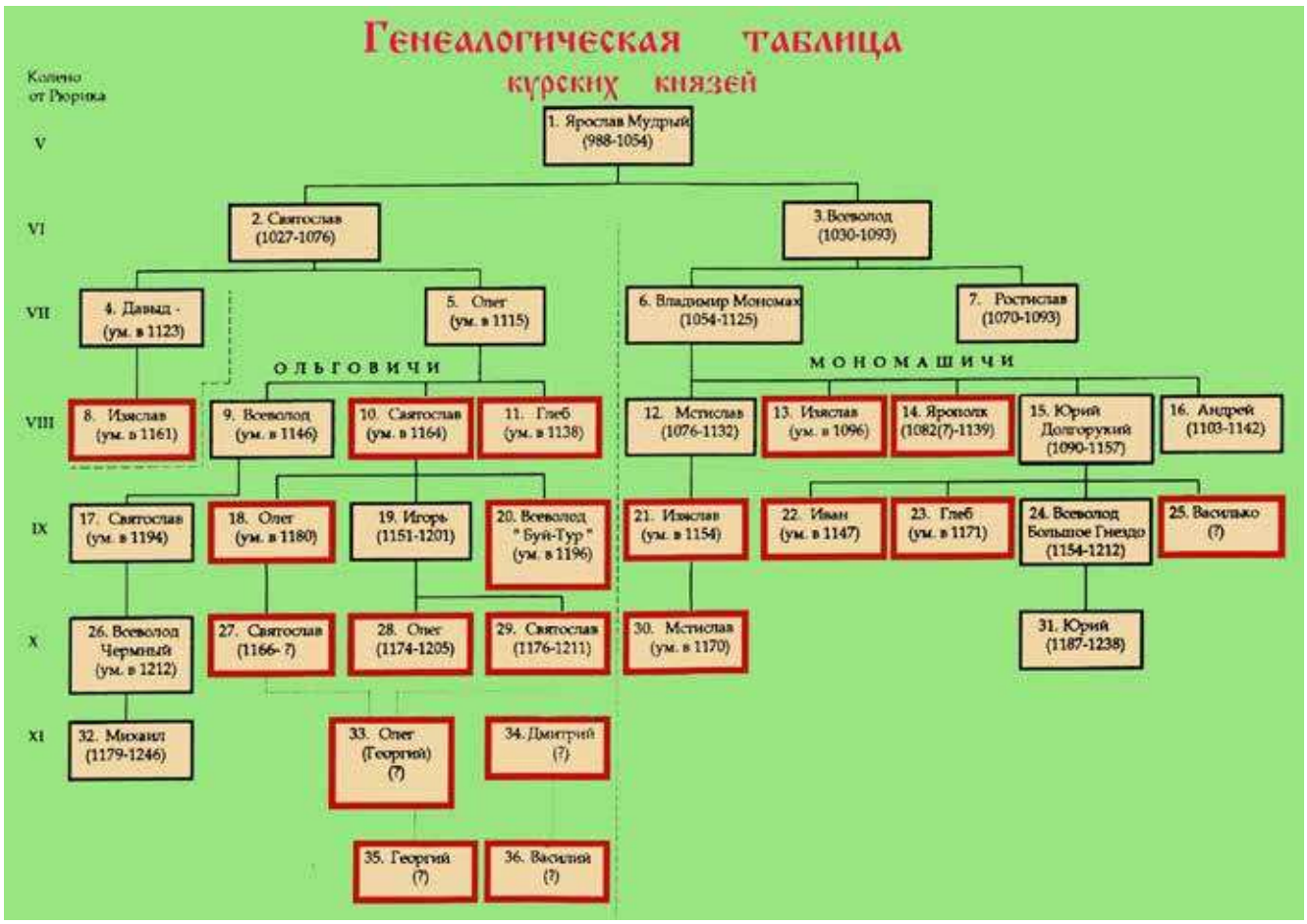
Суд во времена «Русской Правды». Художник И.Я. Билибин.



Жители Курского княжества. 2–я половина XII–XIII вв. Моисеевское городище (Дмитриевский район). Реконструкция Т.С. Балуевой и О.М. Григорьевой по материалам раскопок А.Е. Алиховой (по Т.С. Балуевой и др.).

Данные портреты часто приводятся в качестве реконструкций облика представителей племенного союза северян, проживавших на территории современной Курской области во 2–й половине VIII–X вв. Однако это соотнесение ошибочно, т.к. на территории комплекса не обнаружено слоев роменского (2–я половина VIII — конец X вв.) и раннего древнерусского (конец X — середина XII вв.) периодов. Ряд особенностей погребального обряда и найденное в одном из захоронений височное кольцо с завитком на конце может свидетельствовать о том, что погребенные люди были колонистами из Черниговского или Киевского княжеств, переселившимися на курские земли в середине XII в.

пользовать, и которые совсем ни на что не годятся. Если же шкурка головы белки и шкурка ее лапок целы, то каждые восемнадцать шкурок стоят по счету [славян] серебряный дирхем, связывают [шкурки] в связку и называют ее джукн. И за каждую из таких шкурок дают отличный круглый хлеб, которого хватает сильному мужчине. На них покупают любые товары: невольниц, и невольников, и золото, и серебро, и бобров, и другие товары. И если бы эти шкурки были в какой–нибудь другой стране, то не купили бы тысячу их вьюков за хаббу [мельчайшая мера веса, равная весу ячменного зерна, 1/60 дирхема] и не пригодились бы они совсем ни на что. Когда они [шкурки] испортятся в их домах, то их, [иногда даже] рваные, несут в мешках, направляясь с ними на известный рынок, на котором есть некие люди, а перед ними работники. И вот они кладут их перед ними, и работники нанизывают их на крепкие нитки, каждые восемнадцать в одну связку, и прикрепляют на конец нитки кусочек черного свинца, и припечатывают его печаткой, на которой имеется изображение царя. И берут за каждую печать одну шкурку из этих шкурок, пока не опечатают их все. И никто не может отказаться от них, на них продают и покупают.



Генеалогическая таблица курских князей (по А.И. Раздорскому).

А у славян строгие порядки. Если кто–нибудь нанесет ущерб невольнице другого, или его сыну, или его скоту или нарушит законность каким–нибудь образом, то берут с нарушителя некоторую сумму денег. А если у него их нет, то продают его сыновей и дочерей и его жену за это преступление. А если нет у него семьи и детей, то продают его.

И остается он рабом, служа тому, у кого он находится, пока не умрет или не отдаст то, что заплатили за него. И совсем не засчитывают ему в его цену ничего за служение господину. А страна их надежная. Когда мусульманин имеет дело с кем–нибудь из них и славянин обанкротился, то продает он и детей своих и дом свой и отдает этому купцу долг. Славяне храбры. Они придерживаются византийского толка несторианского христианства».

С 1161 по 1164 гг. в Курске правит Олег — сын черниговского князя Святослава Ольговича. После смерти отца Олег попытался занять черниговский стол, но его сумел опередить двоюродный брат Святослав Всеволодович. В качестве компенсации Святослав передал во владение Олегу Новгород–Северский. Став правителем обширного княжества, Олег, согласно сообщению В.Н. Татищева, выделил уделы для своих братьев Игоря и Всеволода.

Курск достался Всеволоду Святославичу, за силу и воинскую отвагу прозванному Буй–Туром. Из Ипатьевской летописи следует, что помимо Курска власть Всеволода также распространялась на Трубеч (современный г. Трубчевск Брянской обл., Россия). Правда, в каком именно городе — в Курске или в Трубчевске — располагался его княжеский стол, неясно. В историографии и справочной литературе Всеволод именуется в одних случаях только князем курским, в других — только трубчевским, в третьих — курским и трубчевским вместе. А.И. Раздорский считает, что более вероятным местом княжения Всеволода следует всё–таки считать Курск, так как по сложившейся в Северской земле иерархии княжеских столов курский был, несомненно, вторым после новгород–северского. Это подтверждается и тем, что когда Всеволод и Святослав Ольговичи княжили соответственно в Чернигове и Новгороде–Северском, их младший брат Глеб сидел именно в Курске.

Всеволод Святославич является одним из главных действующих лиц «Слова о полку Игореве» — одном из немногих дошедших до нас литературных произведений древнерусского времени, повествующем о неудачном походе северских князей против половцев в 1185 г.

«А МОИ-ТО КУРЯНЕ...»

Поход Игоря Святославича на половцев в 1185 г.

23 апреля 1185 г. из Новгород-Северского выступило войско князя Игоря Святославича и направилось в сторону Половецкого Поля.



Войско князя Игоря выступает в поход. Художник С.С. Рубцов (с сайта «Gallerix.ru»).



Навершие плети. Кость. Липинское поселение (Октябрьский район). Раскопки О.Н. Енуковой. Курский государственный областной музей археологии.

По мнению С.А. Плетневой, целью этого похода было не только разорение юго-восточных половецких кочевий, но и прорыв к лежащим на берегах Чёрного моря Сурожу, Корсуни и Тмутаракани, некогда входившей в состав Черниговского княжества. Этот в общем-то рядовой поход против кочевников обрёл бессмертие благодаря тому, что был воспет в «Слове о полку Игореве» — одном из немногих дошедших до нас литературных произведений древнерусского времени.

По дороге в рать Игоря влились дружины его пятнадцатилетнего сына Владимира из Путивля и девятнадцатилетнего сыновца (племянника) Святослава Ольговича из Рыльска. В состав северской



Князь Игорь. Художник И.Я. Билибин.

рати входил и присланный великим черниговским князем Ярославом отряд вассальных ковуев под началом боярина Ольстина Олексича.

На подходе к Северскому Донцу русские воины были смущены зловещим предзнаменованием: *«мая первого дня в среду на вечерни было знаменье в солнце и мрачно было очень и в солнце учинился месяц и из рог его, как из угля, жар исходил»*. Солнечное затмение вселило в приближенных Игоря неуверенность в благополучном исходе предприятия, однако Игорь успокоил их, сказав: *«Братья и дружина! Тайн Божиих никто не знает, а знамению творец Бог и всему миру своему; увидим что нам даст Бог, на добро ли или на зло наше»*.

После этого северские дружины форсировали Донец и два дня простояли в порубежной крепости Оскол, отдыхая и поджидая войско из Курска во главе с братом Игоря князем Всеволодом Святославичем, за силу и воинскую отвагу прозванным Буй–Туром. Боевые качества курян, вероятно, выделяли их даже среди воинственных обитателей Северских земель, а восхищение ими было вложено автором «Слова» в уста предводительствовавшего курской дружиной Всеволода Святославича, который, обращаясь к Игорю, так говорит о входящих в состав его войска курских витязях: *«А мои–то куряне бывалые воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены; пути им ведомы, яруги им знаемы, луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли наточены. Сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы»*.

Несмотря на то, что Игорь выступал в Поле *«тихо сбираючи дружину свою»*, застать половцев врасплох ему не удалось. Уже на реке Сальнице посланные *«языка ловить»* дозорные сообщили, что половцы ждут нападения: *«Виделись с нашими врагами — ездят в оружии; или поезжайте скорее или возвращайтесь домой, потому что не наше время»*. Однако на военном совете Игорь убедил князей продолжать поход, сказав: *«Если нам возвратиться не бившись, то срам нам будет хуже смерти; поедем на волю Божью»*.

Первое столкновение произошло на реке Сюурлие, которую Б.А. Рыбаков соотносит с р. Гнилушей — левым притоком впадавшей в Днепр р. Самары. По мнению исследователя, русские сумели нагнать уходящие от них кочевья, и это заставило половцев принять бой: *«вежы свои пустили за себя, а сами собравшись от мала до велика, стояли на иной стороне реки»*. Одновременно во все стороны степи половцы разослали гонцов за помощью: *«и послашася по всей земли своей»*.

Объединенные силы Северской земли двигались на врагов в следующем порядке: *«Игорев полк посредине, а справа брата его Всеволода, а слева Святослава, племянника его, на впереди его сын Владимир и... бывшие с Ольстином ковуи, а третий полк передовой же, стрельцы бывшие, от всех князей сведенные»*.

Как только русские достигли реки, половцы атаковали своих противников: *«и выехали из половецких полков стрельцы и пустили по стреле на Русь и так поскочили... Святослав же Ольгович и Владимир Игоревич и Ольстин с коуями и стрельцы устремились на них. А Игорь и Всеволод помалу шли не распуская полка своего. Передние же русские били и пленили половцев. Половцы же бежали за вежи и Русь дошла до веж и ополонилась, дру-*



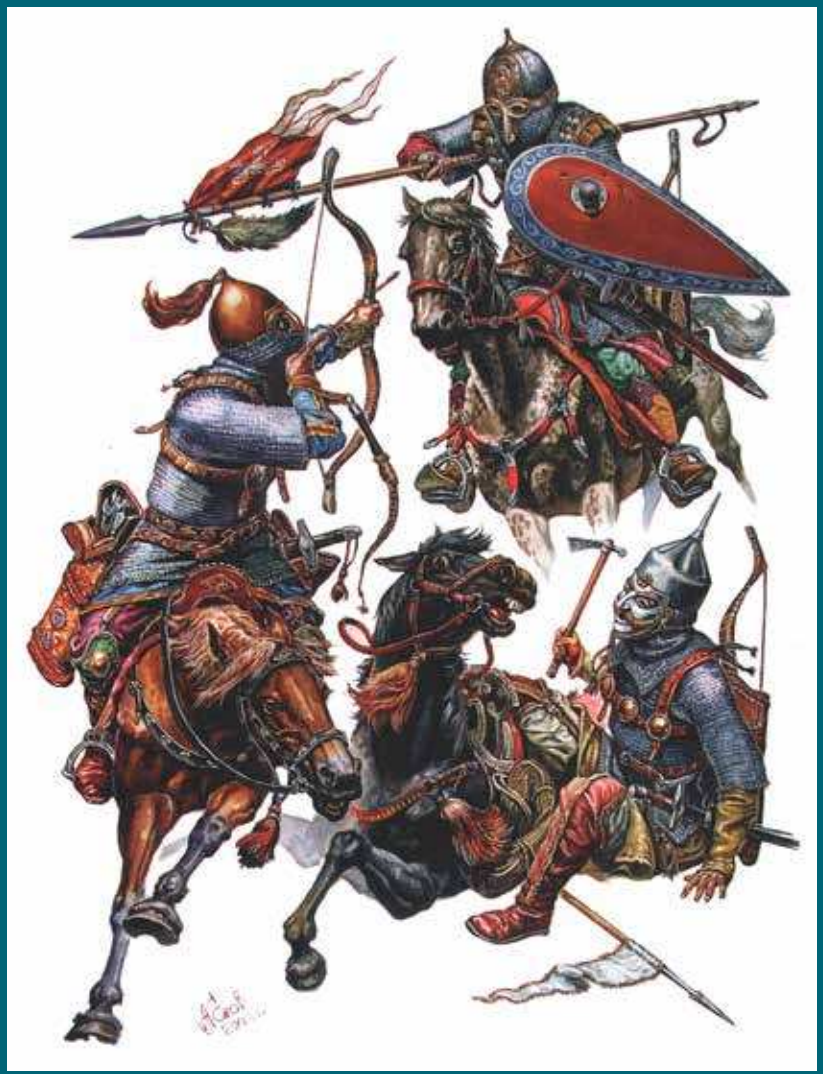
Крючок с изображением головы животного. Фрагмент (г. Курск). Раскопки А.Н. Апалькова. Курский государственный областной музей археологии. Подобные крючки использовались русскими воинами для подвешивания оружия.





Первое столкновение русских и половецких войск. Миниатюра Радзивилловской летописи.

Половецкий воин. XII–XIII вв. Погребение у с. Квашниково (Саратовская область, Россия). Реконструкция Г.В. Лебединской (с сайта «Единая коллекция»).



Русский дружинник и половецкие воины эпохи «Слова о полку Игореве». 2–я половина XII вв. Реконструкция А.Н. Ежова (по В. Вортману).

гие же только ночью приехали к полкам своим с полоном».

Сухой рассказ летописца дополняет красочное описание в «Слове о полку Игореве»: *«Спозаранок в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девок половецких, а с ними золото и поволоки [шелковые ткани] и дорогие аксамиты [ткань типа бархата]. Покрывалами, и плащами, и кожухами стали мосты мостить по болотам и топям, и дорогими нарядами половецкими».*

Игорь предлагал продолжить преследование разгромленного противника и ночью, но рыльский князь Святослав Ольгович отказался, сказав дядьям своим: *«Я далеко гнал за половцами и измучил коней; если теперь опять ехать, то придется мне отстать на дороге».* Выслушав его, полководцы решили дать отдых утомленным сражением воинам.

Тем временем бежавшие половецкие воины взбудоражили своими сообщениями о появлении русских всю Половецкую землю и *«притягоша к ним дружина вся, многое множество».* На следующее утро северские воины обнаружили, что они со всех сторон, как лесом (*«ак боровья»*), окружены бесчисленными половецкими отрядами. *«Земля гудит, реки мутны, пыль поля прикрывает, стя-*



Наконечник копья (д. Шатуновка, Хомутовский район). Дар С.В. Емельяненкова. Курский государственный областной музей археологии. Наконечники такого типа были характерны для половецких воинов в XII в.



Рыльский князь Святослав Ольгович громит половецкое кочевье на р. Сюурлюе. Миниатюра Радзивилловской летописи.



Завершающий этап сражения на р. Каяле. Слева — курский князь Буй–Тур Всеволод стреляет из лука. Справа — половецкий воин Чилбук захватывает в плен Игоря Святославича. Миниатюра Радзивилловской летописи.

ги говорят: половцы идут от Дона и от моря и со всех сторон русские полки обступили». Огромное множество врагов вызвало изумление северских властителей: *«Светающи же субботе, начаша выступати полци половецкие, ак борове. Изумяшася князи рускии — кому их которому поехати, бысть бо их бещисленое множество. И рече Игорь:*

— Се, ведаюче, собрахом на ся землю всю: Кончака и Козоу [Гзака] Боурновича и Токсобича Колобича и Етебича и Терьтобича».

По мнению Б.А. Рыбакова, многие половецкие ханы прибыли на поле боя для сведения с русскими своих личных счетов: правитель «Черной Кумании» (земли между Волгой и Днепром) Кончак жаждал реванша за свое поражение на Хороле (1 марта 1185 г.), Кза (Гзак) помнил, как брат Игоря и отец Святослава Рыльского — Олег Северский — взял его вежи, жену, детей и сокровища, а кулобичские половцы могли мстить за своего хана Седвака, взятого в плен вместе с великим ханом Кобяком во время разгрома половцев на р. Орели в 1183 г.

У русских князей была возможность, бросив пехоту, прорубиться со своими дружинами через половцев и спастись бегством. Однако на собранном совете Игорь сказал своим сподвижникам: *«Если*



Последний бой русского войска. Художник С.С. Рубцов (с сайта «Gallerix.ru»).

поедем на конях, то убежим сами, а черных людей оставим, и на нас будет грех за то, что, предав их, спаслись. Лучше или умрем, или живы будем все вместе». Военачальники согласились с князем и решили в пешем строю пробиваться к Северскому Донцу.

Отступление было мучительным, так как к половецким наскокам прибавилась жажда: *«изнемогли безводием, и кони и сами, во зное и в тузе».* У реки Каялы кольцо половецкого окружения окончательно сомкнулось и разыгралось кровавое сражение. *«С раннего утра и до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шеломы, трещат копья булатные в поле чужом среди земли Половецкой».*

Русские храбро и крепко сражались до самого вечера; много было раненых и мертвых, и *«ранили Игоря в руку и была печаль в полку его».* Бились потом всю ночь, на рассвете в воскресенье возмутились коуи и побежали. Раненый Игорь, пытаясь вернуть беглецов, поскакал за ними следом, но был перехвачен половцами и взят ими в плен.

Уже схваченный врагами северский князь увидел, как отчаянно сражается Всеволод, и просил



После побоища Игоря Святославича с половцами. Художник В.М. Васнецов.



Русские женщины скорбят о гибели войска князя Игоря. Художник С.С. Рубцов (с сайта «Gallerix.ru»).

у Бога смерти, лишь бы не видеть падения брата своего. Впоследствии, возвратившись из половецкой неволи, Игорь так описывал свои переживания в тот момент: *«Вспомнил я тогда грехи мои перед Богом, какое кровопролитие сделал я в земле христианской, когда взял приступом город Глебов у Переяславля; теперь вижу месть от Бога; говорил я сам себе: где теперь возлюбленный мой брат, где брата моего сын, где чадо рождения моего, где бояре–думцы мои, где мужи храбрые, где ряд полчный, где кони и оружие многоценное. Всего лишен и связанный предан в руки беззаконников [язычников]»*.

После потери командующего сражение русских с половцами продолжалось еще целые сутки. *«Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы… Тут кровавого вина не хватило, тут пир докончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую»*.

Разгром северских полков был полным. *«Была сеча зла очень, и с коней сошли, так как изнемогли под ними кони и побеждены были наши гневом Божьим. Князья все пленены были. Игоря же взял Тарголов воин именем Чилбук, а Всеволода, брата его, пленил Роман Кзич, а Святослава Ольговича — Елдечюк из Вобурцевичей, а Владимира — Копти из Улашевичей. А бояре и вельможи, а вся дружина пленена и изранена. И возвратились с победой великой половцы, а из наших не было никого»*.

Согласно летописи, из ушедших с Игорем русских ратников практически никто не спасся. Домой вернулось только 15 воинов, а коуев и того меньше, прочие же погибли во время сражения или утонули, пытаясь переправиться через реку. *«И смутились города Посемьские, услыхавши о судьбе Игоря: была скорбь лютая, какой прежде никогда не бывало во всем Посемье, и в Новгороде Северском, и во всей волости Черниговской: князья в плену, дружина в плену или избита! Смятение было страшное в городах, не мило тогда было никому свое ближнее, но многие отрекались тогда от душ своих, жалея о князьях»*.

Хан Кончак и его союзник Кза (Гзак) не замедлили воспользоваться сложившейся ситуацией. *«Поганые половцы, победив Игоря с братьями,* — писал летописец, — *взяли гордость великую и собрали весь язык* [народ. — А.Ш.] *свой на Русскую землю»*. Однако мнения о направлении главного удара разделились: *«и была у них котора: сказал Кончак: «Пойдем на Киевскую сторону, где были избиты братья наши, и великий князь наш Боняк»; а Кза говорил: «Пойдем на Семь* [Сейм]*, где сейчас остались* [только] *жены и дети, готов нам полон собран, возьмем же города без опаски»*.

Так и не придя к согласию, союзники направились каждый своей дорогой.

Кза двинулся в сторону Путивля, где его уже ждали русские войска, срочно отправленные для защиты Северской земли двоюродным братом Игоря, великим киевским князем Святославом Всеволодовичем, который *«послал сына своего Олега и Владимира в Посемье»*. Однако, несмотря на принятые меры, Кза вторгся в Посеймье *«в силах тяжких и повоевал волости и села пожог, сжег и острог у Путивля и возвратился восвояси»*. Тем временем Кончак подступил под Переяславль и



Встреча князя Игоря с женой. Художник С.С. Рубцов (с сайта «Gallerix.ru»).

некоторое время осаждал его, пока не был отогнан подошедшими русскими полками: *«И Святослав князь послал по сыновей своих и по всех князей, и собрались к нему к Киеву и выступили к Каневу. Половцы же, услышавши всю землю Русскую идущую, бежали за Дон»*.

Через год после неудачного похода князь Игорь сумел бежать из половецкого плена, а два года спустя, вместе с молодой женой — дочерью хана Кончака и ребенком, вернулся из плена и его сын Владимир. Вероятно, тогда же были освобождены из плена и другие знатные участники неудачного похода 1185 г., в том числе и курский князь Всеволод Святославич и рыльский князь Святослав Ольгович.

Впрочем, несмотря на новое родство, правитель Новгород–Северского княжества еще несколько раз ходил походами на кочевья донских половцев. Летопись сообщает, что в 1191 г. *«Игорь с братьею… шедшее ополонишася скотом и конями и возвратился восвояси»*. Зимой этого же года северские князья снова вторглись в кочевья оскольских половцев, однако те заранее сумели узнать о набеге и, отправив кочевья в тыл, собрали у Оскола большое войско. Ольговичи, не приняв боя, возвратились обратно.

Буй–Тур Всеволод правил Курском до мая 1196 г. и был похоронен в Благовещенской церкви в Чернигове. Летопись сообщает о смерти этого князя следующее: *«преставился Всеволод Святославичь, брат Игорев, месяца мая. И тако спрятавшее тело его вся братья во Олговичех племени* [черниговских Ольговичах] *с великою честью и с плачем великым и рыданием — понеже бо во Олговичех всих удалее рожаем и воспитаем и возрастом и всею добротою и мужественною доблестью»*. В 1947 г. Б.А. Рыбаковым в одной из гробниц Благовещенского собора были обнаружены остатки мужского захоронения, предположительно, принадлежавшие Всеволоду Святославовичу. Череп из погребения был передан известному антропологу М.М. Герасимову, который определил, что он принадлежал сильному, высокому, мускулистому мужчине, умершему в возрасте 45–48 лет. Исходя из полученных данных, М.М. Герасимов заключил, что в гробнице был захоронен мужчина с широким низким лицом, сильно выступающим тонким горбатым носом, низким лбом и крупными, слегка выпуклыми глазами. По своим параметрам череп отличался от черепов древних черниговцев и более всего походил на черепа новгородцев, однако с отчетливыми признаками средиземноморского типа, вероятно, указывавшими на наличие греческой крови во втором или третьем поколении. Интересно отметить, что, согласно письменным источникам, матерью Всеволода была вторая жена Святослава Ольговича — дочь новгородского посадника — Мария, а бабкой по отцу — гречанка Феофания Музалон, жена Олега «Гориславича».

ЛЕГЕНДАРНЫЙ РИМОВ

Летним днём 1185 г. обременённая добычей половецкая орда двигалась мимо стен небольшого пограничного древнерусского города. Облака пыли, поднятые копытами тысяч всадников, привлекли внимание горожан. Толпы их поднялись на крепостные стены и оттуда наблюдали за движением многочисленного войска кочевников. Половцы не собирались штурмовать или осаждать городок. Их предводители спешили вернуться в родные степи, избежав погони — вслед за ними уже спешили дружины русских князей. И тут на глазах поражённых степняков, под оглушительные людские крики, с грохотом рухнули две секции рубленой городской стены. Быстро оправившись от изумления, половцы с гиканьем ринулись в образовавшийся пролом. Судьба Римова была решена…

«Римовичи затворишася в городе и возлезше на забороле и тако божиимъ судомъ летеста две городници с людми, тако к ратнымъ и на прочая гражаны наиде страхъ; котореи же гражане выидоша из града и бьяхуться, ходящее по Римьскому болоту, то теи избыша плена, кто ся осталъ в город, и те вси взятии быша… Половци же вземше Римовъ и ополонишася полона и поидоша восвояси», — писал об этих событиях летописец.

И вот уже более двухсот лет имя погибшего порубежного городка волнует историков и археологов.

За последние 200 лет прозвучало немало споров относительно локализации этого пограничного городка. Его помещали на месте г. Ромны, около с. Римовка (Римаревка) на притоке Псла р. Грунe к северо–востоку от Гадяча, около хут. Рим «в Прилуцком уезде у истока Глинной, впадающей в Удай», в районе современного г. Верхнеднепровска на правом берегу Днепра. В последнее время популярность приобрела гипотеза, помещавшая Римов «в нижнем течении Сулы вблизи впадения в неё речки Буримки». Курский археолог Ю.А. Липкинг предполагал (и небезосновательно), что летописным Римовым являлись остатки древнерусского города у с. Гочево.

Гочевский археологический комплекс — один из крупнейших и наиболее известных археологических памятников Курского края. Он расположен в Беловском районе на правобережной террасе реки Псёл и состоит из двух городищ (Крутой Курган и Царский Дворец), селища, курганного и бескурганного могильников.

Первое упоминание о нём встречается в описи архива Разрядного приказа и датируется 1651 г. Исследования памятника были начаты в 1909 г.



Гочевский археологический комплекс. Вид из поймы р. Псёл на городище Крутой Курган (Беловский район).



Северянские женщины. 2–я четверть XI в. По материалам Гочевского курганного могильника. Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник С.А. Смеричинская.



Литая ажурная подвеска с изображением повернувшегося зверя. Серебро. Курган № 50. Раскопки В.Н. Глазова. 1913 г. Государственный Эрмитаж. Подвеска выполнена в традициях скандинавского ювелирного искусства.



Шумящая подвеска из погребения девочки. Курган XCVIII. Раскопки Д.Я. Самоквасова. Курский государственный областной музей археологии. Это украшение свидетельствует о сложном этническом составе населения древнерусского Гочева. В его состав входят древнерусские бубенчики и подвеска–«коник», характерная для убранства конской узды печенегов серебряная крыловидная подвеска и типичная финно–угорская фибула–застежка.



Фибула с остатками ткани на застежке. Бронза, железо. Курган № 39. Раскопки В.Н. Глазова. 1913 г. Государственный Эрмитаж. Фибулы такой формы были характерны для представителей племенного союза радимичей.

Д.Я. Самоквасовым, продолжены П.С. Рыковым, В.Н. Глазовым, В.С. Львовичем. В 1937 и 1939 гг. Б.А. Рыбаковым проводились раскопки городища Крутой Курган и селища. В настоящее время многолетние исследования продолжает экспедиция Курского государственного областного музея археологии под руководством Г.Ю. Стародубцева.

Первоначально на территории селища и городища Крутой Курган находилось крупное поселение раннего железного века. Относительно причин и времени появления здесь славянского поселения существуют две гипотезы, которые связывают это с событиями, важными не только для Днепровского Левобережья, но и для всей Руси в целом. Согласно одной — Гочево с дружинными курганами появляется после разгрома Горнальского городища войсками Святослава во время его Восточного похода в 965 г., по другой — основание города связано с периодом усиленной деятельности Владимира I по укреплению границ *(«и нача ставити городы по Десне и по Востри по Трубешеви и по Суле и по Стугне и нача нарубати мужи лучшие от Словенъ и от Кривичъ и от Чюди и от Вятичъ и от сих насели грады бе бо рать от Печенегъ и бе воюяся с ними и одолая имъ»*. В обоих случаях предполагается, что изначально город был основан как княжеская крепость — опорный пункт власти великого князя на северянских



Лазуритовые подвески. Гочевское поселение. Раскопки Г.Ю. Стародубцева. Курский государственный областной музей археологии. Такие амулеты были характерны для представительниц живших около южных границ Руси половецких племен.

Половчанка. XII в. Реконструкция О.В. Фёдорова (по Ю. Сухареву).



Исследование древнерусского жилища на территории Гочевского селища. Раскопки Г.Ю. Стародубцева.



Погребение русского дружинника. Курган I. Раскопки Д.Я. Самоквасова.

Русский дружинник конца X–XI вв. По материалам Гочевского археологического комплекса. Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко.



Фрагмент клинка палаша и накладка на устье ножен. Железо, бронза. Курган I. Раскопки Д.Я. Самоквасова. Курский государственный областной музей археологии.



Боевой топор. Железо. Курган № 1. Раскопки П.С. Рыкова. Государственный Эрмитаж (Санкт–Петербург).



Кистень из женского погребения. Кость, железо. Курган № 30. Раскопки Г.Ю. Стародубцева. Курский государственный областной музей археологии.

землях и, соответственно, населяли его выходцы из различных славянских племён (северяне, вятичи, радимичи, дреговичи), а также балты, финны, кочевники. Однако гарнизон крепости по большей части состоял именно из северян.

Основное население древнерусского Гочева жило на обширном посаде, обнесенном с западной стороны валом и рвом. Раскопки 2003–2005 гг. выявили на территории поселения хозяйственную постройку рубежа X–XI вв., сгоревшую при пожаре, а также усадьбу древнерусского времени. В пределах усадьбы находились жилая полуземлянка и несколько зерновых ям XII в.

За посадом располагался курганный могильник, на котором обитатели древнерусского Гочева хоронили своих умерших. В начале XX в. Гочевский некрополь был одним из самых крупных курганных могильников Восточной Европы и насчитывал 3648 насыпей, большая часть которых безвозвратно погибла в результате распашки и кладоискательских раскопок.

Раскопки показали, что первые курганы появились на этом месте в конце X в., основная же масса захоронений была совершена в XI — 1–й половине XII вв. Обычно умерших хоронили на разровненной площадке или на небольшой подсыпке вытянуто на спине, головой на запад. Следов гробов почти не встречается. Это может свидетельствовать о том, что умершие погребались в полотняных покрывалах–саванах. В конце похорон над телами насыпали невысокие курганы. Помимо захоронений по обряду трупоположения на дневной поверхности в Гочево также встречаются сидячие погребения, погребения с частичной кремацией, а также трупоположения в подкурганных могильных ямах. В обрядности погребений сохранилось немало язы-

ческих пережитков. Среди захоронений были обнаружены и *кенотафы* — мемориальные погребальные сооружения, возводимые в честь погибших на чужбине воинов.

Среди мужских погребений было обнаружено несколько захоронений дружинного типа. В женских погребениях встречается характерный набор украшений — серебряные головные венчики, очелья, височные кольца, перстни, металлические браслеты, бубенчики, лунницы, привески, гривны, каменные и стеклянные бусы.

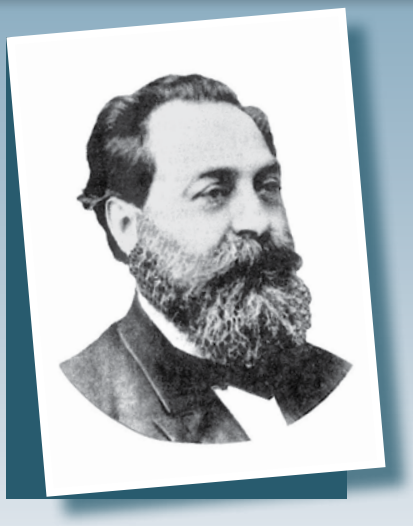
Ряд захоронений свидетельствует о беспокойной и полной опасностей жизни порубежного населения Древней Руси — скелет мужчины с наконечником стрелы, застрявшим в лопатке; следы боевых травм на костях; погребения женщин и детей с предметами вооружения (кистени, топоры).

В XII в. курганный некрополь прекращает свое существование, а на примыкающей к городищу Царский Дворец части поселения возникает бескурганный могильник.

Превращение Гочево из пограничной южнорусской крепости в процветающий город в первую очередь было обусловлено его ролью перевалочного пункта на торговом пути из Булгара в Киев. Об этом свидетельствуют находки многочисленных предметов импорта — византийских золотостеклянных и серебростеклянных бус, арабского бисера, лазуритовых подвесок, раковин каури, фрагментов амфор и т. д.

Период расцвета города приходится на вторую половину XI — первую половину XII вв. Затем, судя по всему, тут наступает период упадка. Не был ли он связан с половецким погромом 1185 г.?

Возражая против распространённой «посульской версии», Ю.А. Липкинг писал: «На чём основаны эти предположения, нам непонятно… безусловно, Римов не мог находиться на Суле. Это ясно из анализа летописного текста… В сложившейся к концу набега военной обстановке орда Кзы просто не могла идти к Суле, потому что русские шли наперерез этому пути от Чернигова, от Переяслава и от нижнего течения Днепра. Не мог идти к Посулью и Кончак. Во–первых, это значило бы бросить на произвол судьбы орду Кзы. Во–вторых, отступая через Посулье, орда Кончака должна была бы с пленными и награбленными стадами форсировать ряд заболоченных речных долин (Трубежа, Супоя, Ржицы, Удая, Хорола, Сулы, Псла, Ворсклы и др.), форсировать, имея за плечами русское войско… К тому же Кончак и Кза были половцами не днепровскими, а донецкими или даже донскими. Путь к Днепру через Посулье не был для них путём на родину. Половецкие орды не всегда дружно жили между собой. Кто знает, как встретили бы их днепровские половцы и кому достались бы награбленные в походе ценности, если бы Кончак и Кза привели свои орды с добычей к кочевьям днепровских половецких орд. К концу набега у Кончака и Кзы был только один путь



Самоквасов Дмитрий Яковлевич
(1843–1911)

Русский историк–правовед, археолог, архивист, доктор государственного права, профессор истории русского права Варшавского, а затем Московского университетов, управляющий Московским архивом министерства юстиции.

Занимался изучением этногенеза славян, процессов возникновения и развития государства и права Древней Руси. Осуществил масштабные исследования курганов, городищ и других объектов в различных регионах — на Украине, Кавказе, в Черноземье, Причерноморье, Подмосковье, Польше и Италии. Среди открытых им памятников наибольшую известность получили раскопанные им в Чернигове и его округе курганы X в. (Чёрная Могила, Гульбище и др.). Инициатор массового учёта и картографирования археологических памятников в европейской территории России.

На территории Курской губернии им были начаты раскопки Большого и Малого Горнальских, Ратского городищ, курганных могильников Николаевской Белогорской пустыни и г. Мирополья на р. Псёл, курганов около д. Клюква, Александровка, Городище, Воробьёвка.

В 1909 г. экспедицией членов КГУАК под руководством Д.Я. Самоквасова было исследовано 287 курганов около с. Гочево Обоянского уезда, заложены небольшие шурфы на площадках городищ «Крутой Курган», «Царский Дворец», также на поселении и на «поле погребальных урн» у д. Шмырёво. Результаты этих работ были опубликованы в «Дневнике раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии» и «Атласе Гочевских древностей».



Жители древнерусского Римова. XI в. По материалам Гочевского курганного могильника. Реконструкция С.А. Смеричинской.

отступления, удобный для продвижения — водораздел между Сулой и Пслом на юге, Сеймом на севере. Идя этим путём, орды соединялись. На этом пути не было речных преград. Кроме того, это был для донецких половцев кратчайший путь домой. И относительно безопасный: ведь с севера, с Посеймья, половцам ничто не угрожало. Там в это время оставались «одни женки да дети».

Уходя в степи с добычей, половцы вообще не собирались вести больше военных действий, ограничиваясь грабежом местности *(«Идущи же мимо, приступиша к Римови»)*. К Римову они приступили мимоходом, вряд ли планируя серьёзную осаду или штурм. Скорее всего, половцы, как позднее крымские татары в подобных случаях, намеревались лишь блокировать гарнизон крепости, чтобы беспрепятственно ограбить окрестности. При разгроме города они лишь воспользовались удачным для себя случаем, когда на их глазах обрушился кусок городской стены с собравшимися на ней людьми, оставив в покое тех горожан, что продолжали сопротивляться «ходяще по Римьскому болоту».

Как выяснил Ю.А. Липкинг, топонимы «Римов лог» и «Римово болото» бытовали в окрестностях Гочева ещё в 1960–х гг. Ему даже удалось обнаружить в фондах Курского областного краеведческого музея карту Обоянского уезда 1908 г., где в непосредственной близости Гочевского селища также обозначен



Рыбаков Борис Александрович
(1908–2004)

Историк, археолог, доктор исторических наук, профессор МГУ, академик АН СССР (РАН); директор Института истории и Института археологии АН СССР, Герой Социалистического Труда.

Проводил раскопки в Москве, Новгороде Великом (совместно с А.В. Арциховским), Звенигороде, Чернигове, Переяславле Русском, Белгороде Киевском, Тмутаракани, Путивле, Александрове. Произвёл исследования таких древнерусских городов, как Вщиж, Тмутаракань, Любеч, Чернигов, Витичев, что дало возможность реконструировать вид небольшого древнерусского города.

В 1937 и 1939 гг. проводил раскопки Гочевского археологического комплекса на р. Псёл (площадки обоих городищ, селища). Опубликовал суджанский клад украшений «антского типа», переданный после случайной находки в Курский областной краеведческий музей в 1947 г.

«Римов лог». Он является ответвлением крупной балки, по дну которой проходит русло реки Стригосла. На современной карте ему соответствует один из отрогов урочища Вольское в непосредственной близости от Гочевского археологического комплекса. Что же касается «Римова болота», то до настоящего времени в пойме реки Псёл непосредственно у подножия Гочевского поселения находится обширный заболоченный участок, подпитываемый грунтовыми водами речки Рыбинка и небольшим ручейком Гочевок, протекающим по дну одноименного лога. Кстати, на его южном склоне до настоящего времени в прекрасном состоянии сохранилась искусственно проложенная грунтовая дорога, ведущая от поймы к Гочевскому поселению. Это был единственный путь для спасения горожан от подступающих с водораздела врагов, и вёл он как раз в заболоченную пойму Псла — «Римово болото». Да и само название погибшего города, как считают современные филологи, может свидетельствовать в пользу этой версии. Имя города, скорее всего, связано с сохранившимся в диалектах словом «рим», обозначающим овраг, «углубление с проточной водой». А именно в окружении таких «римов» и расположен Гочевский комплекс. Таким образом, в споре о местонахождении легендарного города точку ставить ещё рано.

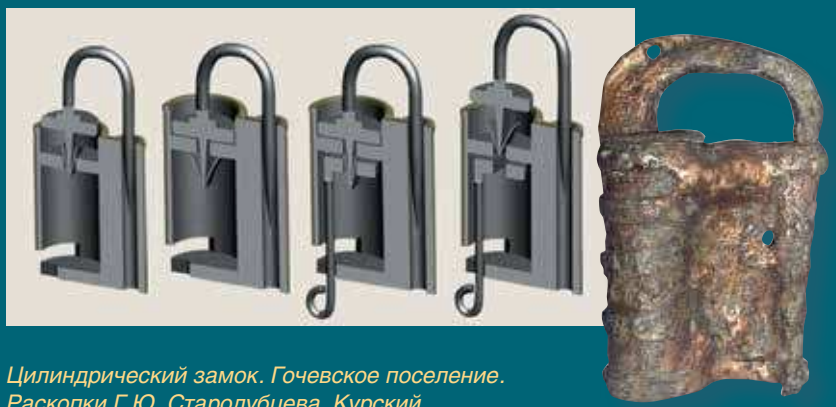
Интересно отметить, что долгие годы считалось, что Гочевское поселение, даже если его и не отождествлять с легендарным Римовым, погибло в конце XII в. Однако, как показывают археологические исследования, город пережил не только половецкий погром, но и нашествие Батыя, о чем свидетельствуют находки, датируемые 2–й половиной XIV в. Более того, вероятно даже некоторое оживление городской жизни именно в ордынский период в связи с восстановлением прямых торговых связей с регионом Волжской Булгарии.



Ожерелье из сердоликовых и стеклянных бус. Курган LXXXIII. Раскопки Д.Я. Самоквасова. Курский государственный областной музей археологии.



Раковина каури. Гочевское поселение. Раскопки Г.Ю. Стародубцева. Курский государственный областной музей археологии. Добываются в Индийском океане. На протяжении веков использовались разными народами в качестве денег и украшений.



Цилиндрический замок. Гочевское поселение. Раскопки Г.Ю. Стародубцева. Курский государственный областной музей археологии.

Схема устройства цилиндрического замка. Реконструкция Б.А. Колчина. Художник С.С. Назаров.



Половцы гонят захваченных в плен людей. Миниатюра Радзивилловской летописи.

БИТВА НА КАЛКЕ
(1223 г.)

После смерти Буй–тура Всеволода курский стол занял его племянник рыльский князь Святослав Ольгович, которому, вероятно, наследовал его сын Олег, княживший в Курске в 20–х гг. XIII столетия.



Монгольский воин. XIII — начало XIV вв. Реконструкция М.В. Горелика.

Олег по праву считается наиболее видным из всех курских князей. Личность его до сих пор вызывает споры среди историков. Дело в том, что в летописях не названо его отчество. Поэтому выдвинуто три версии его происхождения:

1) сын новгород–северского князя Игоря Святославича;

2) сын перемышльского князя Святослава Игоревича, внук Игоря Святославича;

3) сын рыльского князя Святослава Ольговича, внук Олега Святославича.

Олег характеризуется летописцами как сильный и воинственный князь, а наибольшую известность принесло ему участие в походе 1223 г. против впервые появившихся в южнорусских степях центральноазиатских кочевников монголов.

В начале 1223 г. Мстислав Мстиславич Галицкий, прозванный за удачливость в своих многочисленных военных предприятиях «Удатным», разослал по всем южнорусским княжествам весть о том, что в степях появился новый опасный враг — монгольское войско во главе с лучшими полководцами Чингисхана — Джебе и Судебеем, которые к этому времени уже разгромили Грузию, уничтожили войско северокавказских алан–осетинов и захватили половецкие кочевья. Об этом Мстислав узнал от своего тестя, половецкого хана Котяна.

Вскоре в Киеве был собран военный совет, на котором присутствовали три сильнейших правителя Южной Руси — Мстислав Мстиславович Галицкий, Мстислав Романович Киевский и Мстислав Святославич Черниговский. По свидетельству летописи, к собравшимся обратился хан Котян: *«Пришел с поклоном с князьями половецкими… и дары принес многие, и кони, и верблюды, и буйволы, и сказал так: «Нашу землю отняли сегодня, а вашу завтра возьмут, обороните нас, если не поможете нам, мы ныне иссечены будем, а вы завтра иссечены будете!»*. Князья приняли решение объединить свои силы с половцами, двинуться в степи и напасть на врага там, где его встретят, так как *«лучше нам принять их на чужой земле, нежели на своей»*.

Сбор русских сил продолжался до конца апреля. Войска сходились у города Заруба, расположенного недалеко от Переяславля.



Встреча русских князей. Миниатюра Радзивилловской летописи.



Русский князь в парадном уборе. XIII в. По материалам Старорязанского клада 1822 г. Реконструкция Н.В. Жилиной. Художник О.В. Фёдоров (по Н.В. Жилиной).

Сюда же прибыло и монгольское посольство, пытавшееся отговорить русских от их замысла и даже предложившее совместно добить разгромленных половцев: *«а вы возьмите с нами мир; если же [половцы] выбегут к вам, бейте их оттуда, а товары берите себе»*. Однако князья не поддались на уговоры монгольских «мужей» и не стали вмешиваться, когда половцы казнили послов.

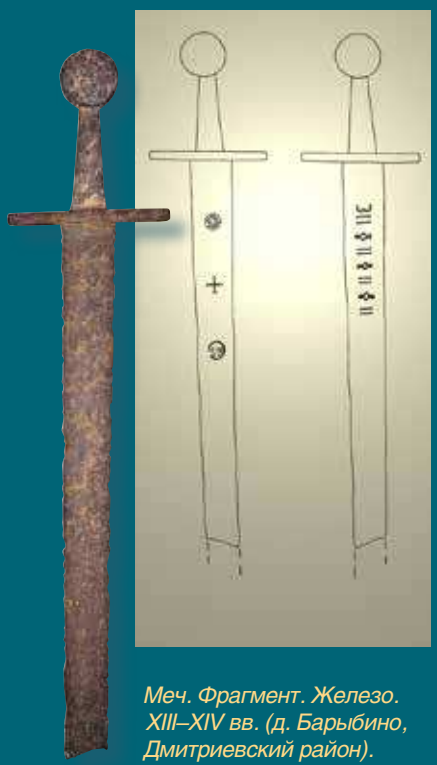
Вскоре русская армия двинулась на юг, к *«броду у Притолоче»*. Скопившееся на правом берегу Днепра войско было огромным. Вместе с подошедшими половцами его численность могла достигать 80 000 человек, но лишь 15–20 тысяч из них были хорошо вооруженными опытными воинами.

У днепровской переправы русских встретило новое монгольское посольство, объявившее князьям: *«если послушали половцев, а послов наших убили и идете против нас, то идите. А мы вас не трогали, да всем [будет судьей] Бог»*. На этот раз послов отпустили живыми.

Вскоре разведчики обнаружили на противоположном берегу Днепра монгольские разъезды. Мстислав Удатный, взяв с собой 1000 воинов, переправился через реку и, обрушившись на монгольские «сторожи», разгромил их. Остатки монголов укрылись на половецком кургане. Осажденные русскими, они пытались спасти своего воеводу Гемябека, закопав его *«живого в землю желая жизнь*



Русские и их союзники в битве на Калке. Реконструкция О.В. Фёдорова.
Слева направо: половецкий воин, воин из племени черных клобуков, русский дружинник.



Меч. Фрагмент. Железо. XIII–XIV вв. (д. Барыбино, Дмитриевский район). Дмитриевский краеведческий музей им. А.Ф. Вангенгейма (по В.Н. Шмелеву и др.).



Шпора. Бронза, железо. Ратское поселение (Курский район). Дар В.Н. Катышева. Курский государственный областной музей археологии.



Наконечники монгольских стрел. Железо. Минусинская котловина (Россия). Из собрания К.П. Сосновского. Курский государственный областной музей археологии.



Монгольский военачальник. Около 1240 г. Реконструкция А. Макбрайда (по S. Turnbull).

ему сохранить». Однако после взятия монгольского оплота *«нашли его половцы и выпросив у Мстислава убили».*

Весть о первой победе всколыхнула русский лагерь. Князья со своими войсками форсировали Днепр, и *«вода была покрыта множеством людей». «Галичане и волынцы каждые со своими князьями, а куряне, трубчане и путивльцы каждые со своими князьями пришли на конях… и пошли в поле Половецкое».*

Девять дней огромное войско неторопливо двигалось по степи, гоня перед собой немногочисленные монгольские отряды, захватывая пленников и стада домашнего скота. Легкие победы внушили русским беспечность и пренебрежительное отношение к противнику, чем не замедлили воспользоваться монгольские полководцы.

Решающее сражение произошло на берегах реки Калки *«в день памяти святого Еремея»* 31 мая 1223 г. Единого командования у русских не было, к тому же полководцы в это утро разругались между собой. Мстислав Галицкий настаи-



Конная русская дружина. XIII–XIV вв. Реконструкция А.Н. Ежова (с сайта «Эпоха битв»).

вал на продолжении преследования, а Мстислав Киевский считал, что надо дождаться монголов на этом берегу реки и навязать им бой на выгодных для себя условиях. Не придя к соглашению, каждый из союзников поступил по–своему. Киевляне остались на месте, галичане с половцами переправились через Калку, черниговцы же неторопливо готовились последовать за ними.

Один из лучших полководцев Чингисхана Субедей тут же использовал представившуюся возможность и обрушил на передовые половецкие части вал тяжелой конницы.

Быстро рассеяв половцев, монголы обратили их в паническое бегство, во время которого союзники опрокинули идущую за ними дружину Даниила Волынского и *«потоптали, бежав, станы русских князей, не успевших выстроить свои полки. И смешалось все и была сеча злая и лютая»*. Дружины Мстислава Галицкого были окружены, а рати Мстислава Черниговского остановлены и сметены волной панически бегущих половцев и следующих за ними по пятам монгольских латников. Только князь Олег Курский сумел форсировать Калку и, пробившись к галичанам, *«сильно бился»* с монголами.

Другие воинские части не сумели прорваться на другой берег Калки. Окруженные со всех сторон превосходящими силами противника, передовые русские полки начали отступать, а затем обратились в бегство. Сумев достигнуть Днепра, они погрузились на оставленные после переправы суда и, с наименьшими среди всех русских потерями, ушли от беспощадных преследователей.

Остальные русские полководцы были менее удачливы.

Во время отступления через степи погибла большая часть черниговцев во главе с великим князем Мстиславом, его сыном Дмитрием и еще четырьмя князьями: Святославом Яневским, Изяславом Ингваревичем, Святославом Шумским и Юрием Несвижским. По сведениям Никоновской летописи, на поле брани у Калки пал и знаменитый ростовский витязь Александр Попович с 70 богатырями–«храбрами».

Не пришедший на помощь гибнущим сородичам Мстислав Киевский устроил укрепление из кольев и три дня отбивался от монгольских приступов. Затем, поверив обещанию монголов отпустить его за выкуп, сдался в плен и вместе с зятем своим Ан-



Тяжеловооруженный монгольский копейщик. XIII в. Реконструкция И. Дзыся (по И. Голыженкову и И. Дзысю).

дреем и князем Александром Дубровецким погиб, задавленный досками помоста, на котором пировали монгольские полководцы. Так было уплачено за гибель монгольских послов.

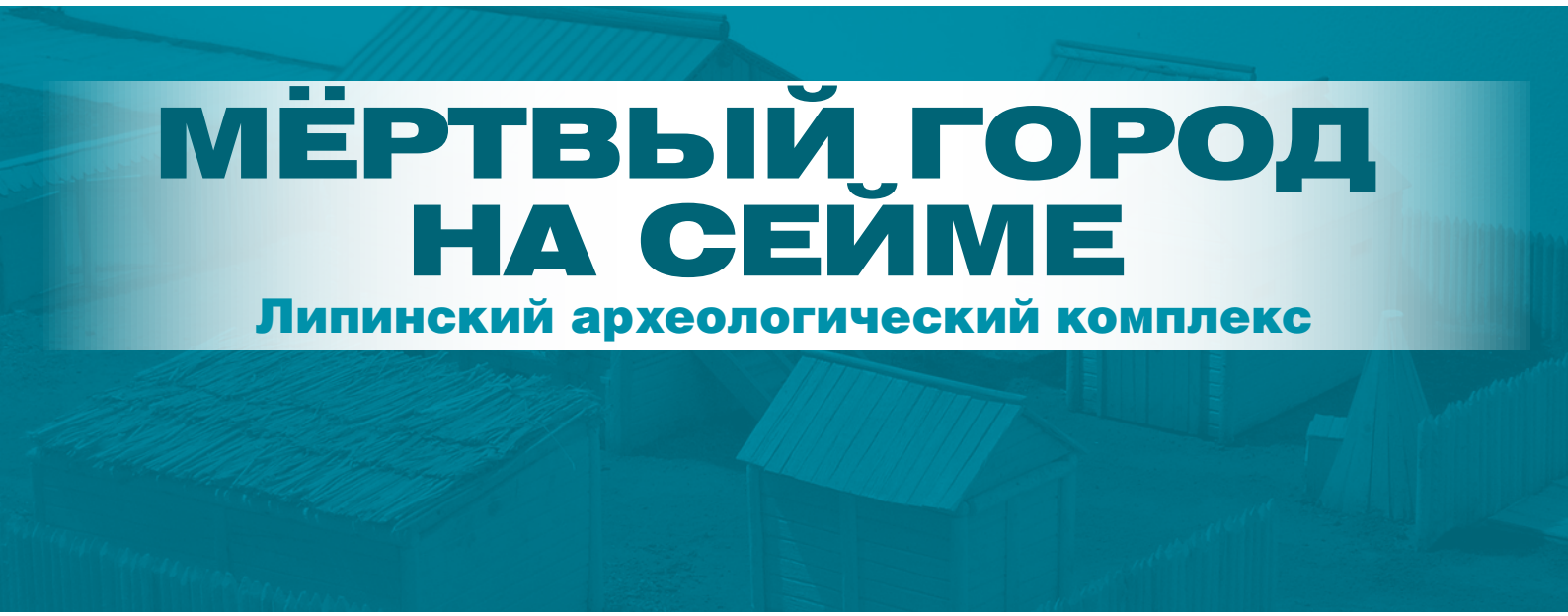
Всего в последовавшем за разгромом побоище погибла половина участвовавших в походе князей, а *«из прочих воинов каждый десятый вернулся восвояси, а иных половцы убили из–за коня, а других из–за одежды… И был вопль и плач, и печаль по городам и селам… Татары же повернули от реки Днепра, и никто не знает, откуда они пришли и куда подевались: Бог знает, откуда они пришли на нас за грехи наши»*.

Несмотря на то, что курские воины сражались в самой гуще битвы на Калке, Олег Курский сумел сохранить свою дружину.

Об этом может свидетельствовать та решительность, с которой он в 1226 г. выдвигает свои претензии на престол Черниговского княжества. Только благодаря вмешательству в конфликт женатого на сестре черниговского князя могущественного владимиро–суздальского князя Юрия и прибывшего из Киева митрополита Кирилла Михаил Всеволодович сумел сохранить за собой черниговский престол.

По мнению А.К. Зайцева, усобица 1226 г. способствовала обособлению Курска. «Во всяком случае, отсутствие прямых и несомненных сведений о Новгороде–Северском, сравнительно частые упоминания Курска, факт соперничества курского князя с черниговским — всё это позволяет предполагать падение значения Новгорода в Черниговской земле и возвышение нового центра — Курска».

Однако возвышение и рост могущества Курского княжества в конце 1230–х годов был прерван опустошительным нашествием войск монгольского царевича Бату, известного из русских летописей под именем «Батыева погрома».



МЁРТВЫЙ ГОРОД НА СЕЙМЕ

Липинский археологический комплекс

В XII столетии на территории Курского края археологи фиксируют появление значительного количества укрепленных поселений, упоминающихся в летописи под именем *«городов посемьских»*. По мнению Ю.Ю. Моргунова, причины возобновления оборонительных рубежей, в которых крепости играли ведущую роль, крылись в изменении политической и стратегической ситуации на южных границах Древней Руси. «В связи с появлением в степях более воинственных соседей, половцев, — пишет исследователь, — в приграничье созрела потребность в массовом строительстве крепостей, но теперь феодальная раздробленность не позволяла ожидать извне столь же массового притока свежего населения. Скорее всего, закалённые пограничными тяготами потомки «мужей лучших» из больших поселений были небольшими группами расселены по неизмеримо большему количеству порубежных крепостей, тем более что под защитой их мощной фортификации необходимость в значительных воинских скоплениях отпала».

Названия некоторых «городов посемьских» дошли до нас сквозь века — Курск, Рыльск, Ольгов (археологический комплекс у д. Люшинка Льговского р–на), некоторые восстанавливаются предположительно — Липовеческ (возможно, городище Старый Город у Дмитриева–Льговского) и Римов (Гочевский комплекс в Беловском р–не). Помимо собственно «посемьских», в состав Курского княжения в XII в. входили Донец в районе современного Харькова (Украина) и Оскол, отождествляемый с городищем Холки на одноименной реке (Новооскольский р–н, Белгородская область). Ряд находящихся на территории Курской области крупных археологических комплексов (мощные городища, нередко с 2–3 укрепленными площадками и примыкающие к ним селища площадью по 25–30 га) также являются остатками городов древнерусского времени, однако их названия не сохранились в летописях и канули во тьме веков.

Одним из таких «мёртвых городов» является археологический комплекс у д. Липина (Октябрьский р–н), состоящий из городища, селища и нескольких могильников. Материалы, полученные при его исследовании Р.Л. Розенфельдтом, П.И. Засурцевым, В.В. Енуковым и О.Н. Енуковой, позволили ученым восстановить некоторые этапы его истории.

Липинское городище располагается на высоком правом берегу старицы реки



Энколпион. Бронза, эмаль. 1–я треть XIII в. Липинское городище. Раскопки П.И. Засурцева. Курский областной краеведческий музей (по В.Г. Пуцко).

Подвеска. Бронза. XI в. Липинское поселение. Раскопки О.Н. Енуковой. Курский государственный областной музей археологии. При создании подвески в качестве образца использовалось скандинавское украшение.





Русская крепость конца XII — 1–й половины XIII вв. Реконструкция А.В. Шишкова по материалам исследования городища у п. Красные Буйцы (Тульская область. Россия) (по М.И. Гоняному).



Усадьба русского горожанина. XII в. Липинское поселение. Реконструкция О.Н. Енуковой. Макет В.Н. Переверзева и А. Струкова. Экспозиция Курского государственного областного музея археологии.

Сейм. Люди обитали тут и в эпоху бронзы, и в эпоху раннего железа. Долгое время оно оставалось заброшенным, но в IX–X вв. здесь появились новые обитатели — северяне. Они подсыпали вал скифского времени, углубили ров и соорудили деревянные укрепления. В конце X в. северяне покидают Липинское городище. Возможно, это было связано с ликвидацией укрепленных центров Северской земли после присоединения Курского Посеймья к Руси. Однако уже в конце XI в. по всему периметру крепости возводятся мощные оборонительные укрепления, остатки которых были расчищены В.В. Енуковым при исследовании насыпи вала. Укрепления пред-



Исследование Липинского поселения (Октябрьский район). Раскопки О.Н. Енуковой.



Липинское городище (Октябрьский район). На фотографии хорошо видны валы в мысовой и напольных частях городища.

ставляли характерные для оборонительного зодчества Древней Руси поставленные на плотно утрамбованной глиняной «подушке» деревянные клети с насыпанным внутрь песком. Археологам также удалось обнаружить тонкую прослойку древесного тлена от оставшихся после сооружения новых крепостных стен стружек, опилок и щепы.

В 1998 г. в северо–восточной части Липинского городища были обнаружены остатки колодца, из которого защитники крепости получали воду во время осады. Липинский колодец с перерывами действовал на протяжении нескольких тысяч лет — от скифского времени (VI–II до н.э.) до XII–XIII вв. и прекратил своё существование лишь после того, как его забросали трупами животных и засыпали землей. Исследователи предположили, что это могли сделать монгольские воины в 1239 г., во время разгрома южнорусских княжеств отрядами хана Батыя.

Охватывая Липинское городище подковой, с севера к нему примыкает обширное неукрепленное поселение общей площадью 25 га.

Исследования О.Н. Енуковой показали, что на протяжении всего XI в. какой–то строгой системы в расположении жилых и хозяйственных сооружений на Липинском посаде не было. Только в конце XI — начале XII в. на месте ранее хаотичной застройки появляются



Древнерусское жилище. Липинское поселение. Реконструкция О.Н. Енуковой (по О.Н. Енуковой, 2007).



Усадьба. XI–XII вв. Липинское поселение. Раскопки О.Н. Енуковой.



В доме русского горожанина. 2–я половина XII — начало XIII вв. Реконструкция О.В. Фёдорова (по: «Археология древнего Ярославля». М., 2012).

замощенные деревянными досками улицы, разделяющие кварталы из обнесенных высокими заборами усадеб.

Наиболее полно развитие городской застройки было прослежено во время исследования «усадьбы А», общая площадь которой равнялась 880 м^2. В плане усадьба имела подтреугольную форму со сглаженными углами и была обнесена частоколом из вкопанных в землю жердей–*«тынин»*.

В конце XI — начале XII вв. в центре усадьбы находится жилая постройка — полуземлянка с глинобитной печью в северо–западном углу. Сохранившийся котлован жилища имел размеры 4 х 4 м при глубине чуть менее метра. Стены постройки были облицованы горизонтально расположенными досками, концы которых входили в пазы вертикально стоящих угловых столбов. С юга к постройке примыкали холодные сени. Вдоль ограды тянулись различные хозяйственные сооружения.

В середине XII в. планировка усадьбы меняется. Появляются второй жилой дом и новые хозяйственные объекты. Новый жилой дом являлся наземной постройкой на углублённом в землю подклете, котлован которого имел размеры 4 х 2,7 м при глубине около метра. При этом старая полуземлянка и некоторые постройки первого периода какое–то время сосуществуют с новыми. Вход в новый дом даже располагался напротив дверей старого жилища.

Судя по полученным материалам, усадьба принадлежала рядовым горожанам. Раскопки позволили выявить следы домашнего ремесла — железоделательного и косторезного. Однако в основном владельцы усадьбы занимались сельским хозяйством.

Всего на Липинском поселении было исследовано 11 усадеб древнерусского времени, располагавшихся вдоль двух замощенных деревянным настилом улиц 5–6 м ширины, от одной из которых отходило три переулка. На протяжении более 100 лет границы усадеб оставались неизменными, что свидетельствует о стабильной жизни древнего Липина в это время.

В конце XII — начале XIII вв. липинские усадьбы были разрушены и погибли в огне пожара. В одной из сгоревших построек был обнаружен лежащий на полу скелет молодой женщины, пытавшейся спрятаться от врагов в подклете и заваленой рухнувшими бревнами горящего жилища. Несмотря на то, что нападение врагов, вероятно, произошло в будний день, на костях рук скелета археологи обнаружили бронзовый и стеклянный браслеты, которые женщина не снимала даже во время повседневных хлопот по дому и хозяйству.

После этого пожара жизнь на поселении продолжилась, однако по своим размерам Липинское селище уже никогда не достигает таких размеров, как в XII в.

За северной окраиной Липинского селища располагался могильник, состоящий из двух групп курганов. В 1948–1949 гг. П.И. Засурцев исследовал 66 насыпей. Почти все умершие были погребены по одному и тому же обряду — вытянуто на спине, головой на запад, руки скрещены в области живота или вытянуты вдоль тела. Часть умерших была похоронена в сбитых гвоздями гробах, часть — в долблёных колодах. Большинство липинских погребений было совершено в могильных ямах глубиной до 1,5 м. Могильные сооружения подобного типа были характерны для древнерусского населения Среднего Поднепровья, проживавшего во 2–й половине IX–XI вв. в окрестностях Киева, Чернигова и Переяславля. В Липино обычай подкурганных захоронений в могильных ямах могли принести



Засурцев Петр Иванович
(1912–1974)

Советский археолог, специалист по истории Древней Руси, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ИА АН СССР.

В 1937–1939 и 1952–1966 гг. принимал участие в раскопках Новгорода и был одним из основных научных сотрудников Новгородской экспедиции. С 1947 по 1951 г. участвовал в работах различных экспедиций на территории Брянской и Вологодской областей, а также в Москве.

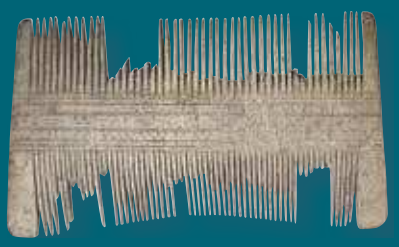
В 1948–1949, 1951 гг. продолжал начатые Деснинской экспедицией М.В. Воеводского раскопки Липинского археологического комплекса (двух курганных и грунтового могильников, городища), которые дали интересные материалы о времени присоединения северян к Киевской Руси на рубеже X–XI вв.

люди, переселённые на курские земли по приказу Владимира Святославича. Хронология бытования обнаруженных в захоронениях Липинского курганного могильника предметов позволила датировать время его существования концом X — началом XII вв.

Сопроводительный инвентарь липинских погребений достаточно беден и включает в себя фрагменты глиняной посуды, ножи, перстни, перстнеобразные височные кольца нескольких типов, стеклянные и каменные бусы.

Одно из самых богатых захоронений Липинского могильника было обнаружено в кургане № 70. Под курганной насыпью находилась могильная яма с женским скелетом на дне. На висках черепа лежали перстнеобразные височные кольца, а чуть ниже — по два обрезанных саманидских дирхема с приклепанными ушками, которые, вероятно, использовались в качестве серёг. В области шеи археологи расчистили около 300 бус и пять круглых серебряных подвесок–медальонов, а в районе левой руки — железный предмет длиной около 14 см с проволочной трубочкой на конце, около которой в области пояса находилось 8 крестопрорезных бубенчиков. У ног погребённой лежали крупная янтарная бусина и обломок сребреника Владимира Святославича.

Во 2–й половине XII в. кладбище переносят на юго–западную окраину Липинского поселения, используя для него заброшенную к тому времени часть селища. В 1947 г. Р.Л. Розенфельдт обнаружил и исследовал на его территории 30 бескурганных погребений, большинство из которых было совершено в могилах, глубина которых не превышала 0,2–0,5 м от дневной поверхности. Все похороненные на этом кладбище люди также лежали головой на запад, с вытянутыми вдоль тела или сложенными на груди и на животе руками. Следов колод или гробов обнаружено не было. В большинстве погребений сопроводительный инвентарь отсутствовал. Только в трех женских погребениях было обнаружено по небольшому серебряному перстневидному колечку–серёжке, а при расчистке женского погребения № 1 на шее костяка археологи обнаружили ожерелье или воротник из металлических колодочек. Колодочки были изготовлены из тонкого серебряного позо-

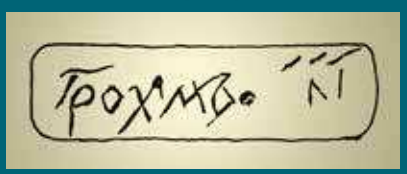


Гребень. Кость. XI–XII вв. Липинское поселение. Раскопки О.Н. Енуковой. Курский государственный областной музей археологии.



Сосуды. Глина. XI–XII вв. Липинское поселение. Раскопки О.Н. Енуковой. Курский государственный областной музей археологии.





Пряслице мергелевое с надписью «Трохмо». Липинское поселение. Раскопки О.Н. Енуковой. Курский государственный областной музей археологии. Является самой древней надписью, обнаруженной на территории Курской области.



Височное кольцо с ложнозернёными бусинами. Липинский курганный могильник. Курган № 80. Раскопки П.И. Засурцева. Курский государственный областной музей археологии.



Ножницы. Железо. Липинское поселение. Раскопки О.Н. Енуковой. Курский государственный областной музей археологии.



Русский скорняк. XI–XII вв. Реконструкция С.С. Назарова.



Скелет женщины, погибшей в горящем доме. Липинское поселение. Раскопки О.Н. Енуковой. Фотография.



Стеклянный браслет, находившийся на руке женщины в момент смерти. Раскопки О.Н. Енуковой. Курский государственный областной музей археологии.



«Ожерелок» на ткани и коже из серебряных позолоченных колодочек, обнизанных бисером. Начало XIII в. Липинское поселение. Грунтовый могильник. Раскопки Р.Л. Розенфельдта.



Полоса вышитой золотыми нитками ткани. 2–я половина XII — начало XIII вв. Липинское городище. Погребение № 17. Грунтовый могильник. Раскопки О.Н. Енуковой. Курский государственный областной музей археологии.

Русская женщина в головном уборе с кистевидными рясами. XII — начало XIII вв. По материалам кладов Старой Рязани и Новгородской земли (Россия). Реконструкция Н.В. Жилиной. Художник О.В. Фёдоров (по Н.В. Жилиной).

лоченного листа при помощи тиснения на матрицах. На полукруглой лицевой стороне каждого лоточка присутствовал рельефный орнамент в виде пяти поперечных валиков, а на концах лотка — по стилизованной морде животного. Лоточки нашивались на узкую полоску полотна, которая в свою очередь была натянута на полоску кожи. Между колодочками и по краю этого ожерелья или воротничка сохранились остатки обнизки из мелкого темно–синего бисера.

Ещё одно кладбище, вероятно, существовавшее во 2–й половине XII — 1–й половине XIII вв., было исследовано О.Н. Енуковой на площадке Липинского городища. 19 погребений были совершены в неглубоких могильных ямах, без гробов, головой на запад, со скрещенными руками. Почти во всех захоронениях отсутствовал сопроводительный инвентарь. Лишь в одном из женских погребений (№ 10) археологи обнаружили пуговицу–бубенчик и два височных кольца, а в двух других — остатки воротников с плетеным позументом (№ 15) и золотым шитьем (№ 17).

Ряд учёных соотносит Липинский археологический комплекс с упоминаемым русскими летописями городом Липовеческом. Однако его расположение противоречит географическим реалиям летописного сообщения, что позволяет считать Липинский комплекс одним из многих погибших во времена монгольского нашествия древнерусских городов, чьи названия затерялись во мгле веков и не дошли до нашего времени.

БАТЫЕВО НАШЕСТВИЕ

Зимой 1237–1238 гг. войска Бату–хана сокрушили северо–восточные русские княжества. Весной 1239 г. монголы во главе с Берке, братом Батыя, нанесли первый удар по Южной Руси, разгромив Переяславль. Город пал 3 марта, о чём сохранилась краткая летописная запись: *«взят град Переяславль копьём, изби весь»*. Осенью того же года Берке и Батый подступили к Чернигову, древнему историческому центру Северских земель.

Черниговские дружины во главе с князем Мстиславом Глебовичем выступили навстречу монголам и были разгромлены в полевом сражении: *«побежен бысть Мьстислав и множество от вои его избьеным бысть»*. Город был осаждён.

Монголы использовали для его взятия весь свой богатый арсенал осадной техники: *«меташа бо каменем полтора перестрела, а камень можаху 4 мужи сильни поднятии»*. В итоге 18 октября 1239 г. Чернигов пал, был сожжён, жители его перебиты, а монастыри ограблены. Князья черниговские бежали в Венгрию. Затем монголы, судя по всему, занялись разорением русских земель вдоль Десны и Сейма, после чего вновь вернулись в Половецкую степь. И, наконец, 1240 год ознаменовался ударом ордынцев по Киеву и походом их далее на Запад, через Венгрию и Польшу, «к последнему морю».



Наконечники монгольских стрел. Железо. Минусинская котловина (Россия). Из собрания К.П. Сосновского. Курский государственный областной музей археологии.

Подробности монгольского нашествия для Курской земли неизвестны. Летописи об этом умалчивают, и ответ на этот вопрос могут дать лишь археологические раскопки. На их основании можно предположить, что Курский край был разорён и покорён монголами во время их походов по Южной Руси в 1239–1241 гг. Скорее всего это случилось во время нашествия монголов на Чернигов. Известно, что обратный путь их пролегал через Глухов в сторону Дона. На пути войск Батыя лежали Путивль, Рыльск и Курск.

Яркую картину гибели одного из посеймских городов выявили раскопки, проведенные О.В. Сухобоковым в Путивле. Здесь в неглубокой яме были обнаружены кое–как присыпанные землей останки 23 человек. Костяки лежали беспорядочной грудой, на одном из них сохранился каменный нательный крестик, позволивший датировать это захоронение второй четвертью XIII в. В погребе одного из жилищ, расчищенных в ходе исследований,



Монголы осаждают русский город. Реконструкция О.В. Фёдорова (Родина, № 3–4, 1997).



Русские воины. XIII–XIV вв. Реконструкция А. Аверьянова (с сайта «Эпоха битв»).

археологи обнаружили сильно обожженный скорченный скелет девочки 9–12 лет, а в другой постройке (жилище–мастерская художника) лежал костяк мужчины с рубленой раной на черепе. Ещё несколько скелетов в сопровождении вещей и керамики древнерусского времени было найдено в Путивле при прокладке водопровода в районе засыпанного крепостного рва. Все это говорит о взятии крепости штурмом монгольскими войсками, вероятно, во время их похода на Киев или на Чернигов.

Подобные находки (хотя и без столь достоверной датировки) были сделаны и на территории Курска во время строительных работ весной 1960 г., когда при прокладке траншеи на Красной площади у дома № 2/4 экскаватор вскрыл крупное скопление человеческих останков. Место находки обследовал известный курский археолог Ю.А. Липкинг. В своем отчёте он сообщал: «Скопление шло двумя гнёздами: одно в 5–6 метрах севернее южного угла здания, другое в нескольких метрах севернее первого. Сплошным слоем вперемешку лежали кости и черепа. Толщина слоя до 30 см. Зачисткой удалось найти при скоплении несколько фрагментов гончарных сосудов, явно славянских. Из–за недостаточности материала затрудняюсь определить, относятся они к домонгольским или послемонгольским временам. В первом случае скопление можно определить, как братскую могилу жертв монгольского нашествия. Во втором — это следы перезахоронения останков с ликвидируемого кладбища, вошедшего в зону застройки». В публикациях более позднего времени Ю.А. Липкинг уже однозначно считал, что обнаруженные на Красной площади останки могли принадлежать «только курянам, героически погибшим при Батыевом нашествии». К сожалению, точная хронологическая привязка этого костища не была своевременно выяснена и вопрос о дате его возникновения до сих пор остается дискуссионным. Позднее мощный слой пожарища был прослежен В.В. Енуковым в слоях XIII в. при раскопках в цен-



Шлем. с. Никольское (совр. Орловская область, Россия). Государственный Эрмитаж (Санкт–Петербург, Россия) (по А. Щербакову, И. Дзысю).

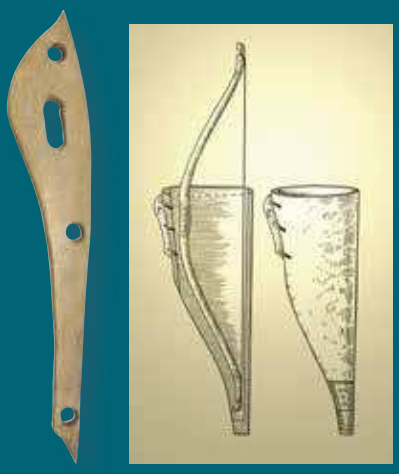


Монголы в захваченном русском городе. Реконструкция О.В. Фёдорова по материалам археологических исследований в г. Ярославле (по: «Археология древнего Ярославля». М., 2012).

Взятие Суздаля войсками Батыя. Миниатюра Лицевого свода.

тре Курска. Подобный слой был обнаружен М.В. Фроловым и в Рыльске.

О времени Батыева погрома свидетельствует и клад, обнаруженный в 1883 г. у с. Стариково в верховьях Северского Донца (современная Белгородская область). В его составе были три серебряных гривны новгородского типа, а также богатый набор серебряных украшений — колты, серьги, браслеты



Петля для подвешивания налуча. Кость (г. Курск). Раскопки В.В. Енукова. Курский государственный областной музей археологии.

Древнерусское кожаное налучье с деревянным каркасом и расположение на нем костяных орнаментальных пластинок и петли для подвешивания. Реконструкция А.Ф. Медведева (по А.Ф. Медведеву).



Украшения из Стариковского клада. 2–я половина XII — 1–я половина XIII вв. (по А.С. Гущину, 1936). Клад, состоящий из серебряных украшений (височные кольца, колты, гривна, браслеты) и трех слитков–гривен был найден в 1883 г. у с. Стариково Корочанского уезда Курской губернии (современная Белгородская область, Россия). Хранится в фондах Государственного Эрмитажа (г. Санкт–Петербург).

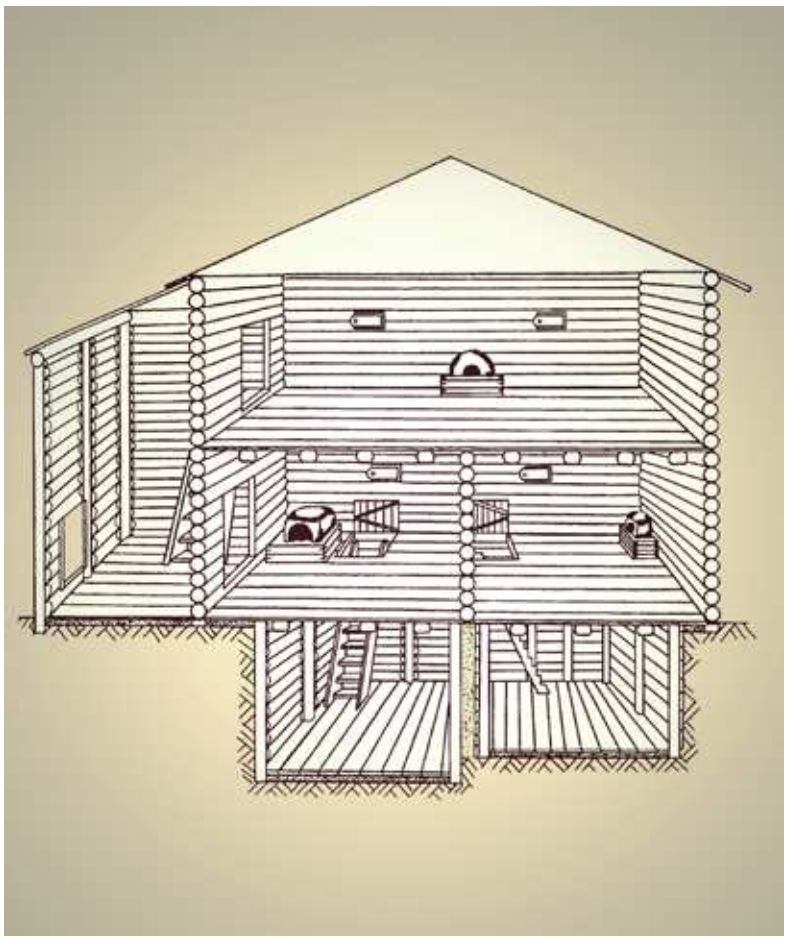
Знатная русская женщина. 2–я половина XII — 1–я половина XIII вв. По материалам Стариковского клада. Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко.



Неволя. Монголы покидают разрушенный русский город с добычей и пленниками. Реконструкция О.В. Фёдорова (по А. Амелькину).

и шейная гривна. Сокровище было укрыто, вероятно, беглецами, искавшими спасения от вторгнувшихся монголов.

Из летописей известно, что в конце 1240 — начале 1241 гг. монголами был убит рыльский князь Мстислав Святославич. Брат и жена погибшего отправились в ставку Батыя и умолили его не отнимать у них Рыльского княжения. Хан согласился, но это не спасло сына убитого князя, Андрея Мстиславича, — в 1245 г. его постигла та же судьба, что и отца. Любечский синодик, где перечисляются имена погибших русских князей, упоминает убиенного *«за православную веру князя Андрея Рыльского и княгиню его Елену... князя Василия Рыльского»*. Синодик упоминает и других погибших князей Курской земли: *«князя Дмитрия Курского, княгиню его Феодору и сына их Василия, убиенного от татар... князя Иоанна Путивльского, страстотерпца и чудотворца, убиенного от татар за христианы... князя Андрея Вруцкого и сына его Василия, убитого в Путивле»*. Возможно, последний курский князь погиб в 1275 г., когда татары, идя на помощь Льву Галицкому против Литвы, разграбили Курское княжение, а возвращаясь,



Жилой дом. 2–я половина XIII в. г. Рыльск. Реконструкция О.Н. Енуковой (по О.Н. Енуковой, 2005).

«того злее створиша», устроили настоящий погром «около Курьска».

Впрочем, ликвидировав центральную династию, монголы сохранили ранее вассальные Курску небольшие удельные княжества, имевшие, согласно летописным известиям, четко очерченную территорию и свои местные династии. Одним из таких владений было Рыльское княжество.

В 2003 г. экспедиция О.Н. Енуковой исследовала территорию нижнего посада древнего Рыльска. Одним из результатов раскопок стала возможность восстановить облик одного из некогда стоявших тут жилых домов. Это оказался сруб–пятистенок на подклетах, имевший два жилых наземных уровня. Два глухих подклета, глубина которых достигала 2,2 м, были облицованы досками и служили погребами для хранения припасов. Попасть в них можно было через люки в полу комнат первого этажа. Наземная часть жилища была больше размеров подклетов. Первый этаж включал в себя две отапливаемые комнаты. Одна из них, в западной части дома, судя по всему, являлась кухней. Здесь были обнаружены скопления керамики, яичной скорлупы и рыбьей чешуи. Второй этаж, также обогревавшийся отдельной глинобитной печью, представлял собой одну большую комнату–повалушу, служившую для сбора всей семьи. Печи топились по–чёрному. С запада к дому примыкали холодные сени.

Среди находок, сделанных в пределах жилища, следует упомянуть цилиндрический железный замок, бронзовые пуговицы, железные ножи, а также обломки тёмно–голубых, зелёных и жёлтых стеклянных браслетов. Анализ керамического материала в сочетании с находкой этих браслетов и позволил датировать постройку сороковыми–пятидесятыми годами XIII века — периодом, непосредственно следующим за Батыевым нашествием. Это свидетельствует о том, что город успешно пережил монгольское вторжение и, несмотря на все невзгоды, продолжал жить и развиваться.

БАСКАК АХМАТ И РУССКИЕ КНЯЗЬЯ

«Батыев погром» и последовавшие за ним нашествия 1240–х — 1270–х годов привели к тому, что могущественное Курское княжение, претендовавшее на гегемонию в регионе, прекратило свое существование, его древние города утратили былое влияние, часть поселений была стёрта с лица земли, множество людей погибло или было угнано в неволю.

Сам Курск, лишившись князя, превратился в резиденцию монгольского баскака, центр *Курской тьмы*. Путивль на время исчез со страниц летописей, а у Рыльска появились соперники в лице ранее безвестных Воргола и Липовеческа.

Для контроля и надзора над покорёнными правителями и народами, сбора податей и раскладки повинностей монголы назначали особых чиновников, носивших характерное название — даругачи (даруги), «подавляющие неповиновение». На Руси их называли половецким именем «баскаки» (от тюркского bas — подавлять). Плано Карпини, видевший монгольский стиль правления воочию, так описывает действия и права баскаков: *«Башафов или наместников своих они ставят в земле тех [князей], кому позволяют вернуться [в свои владения]; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого–либо города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы возражают им, что они неверны татарам, и таким образом разрушают их город и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя, которому повинуется упомянутая земля, и внезапно бросаются на них».*

События в Курском крае служат прекрасной иллюстрацией этим словам монаха–путешественника.



Русь поруганная. Художник С.С. Рубцов (с сайта «Gallerix.ru»).



Баскаки. Художник С.В. Иванов.

В летописи повесть о курском баскаке приводится под 1283–1284 гг. Однако ситуация, описанная в ней, учитывая имена и периоды правления ордынских ханов, относится к несколько более позднему времени. В своё время А.Н. Насонов помещал эти события в промежуток от 1287 до 1293 гг., ныне же В.А. Кучкин, проанализировав весь комплекс источников, уточнил эту датировку, привязав борьбу вокруг Ахматовых слобод к 1289–1290 гг.

Итак, в 1280–е гг. Курской тьмой управлял баскак Ахмат, собиравший дань для кочевавшего в низовьях Дуная ордынского темника Ногая. Ногай был первым в череде ордынских военачальников, посягавших на верховную власть в кочевом государстве монголов. Согласно законам «Ясы», не будучи потомками Чингисхана, эти полководцы не могли занять престол верховного правителя, однако, располагая реальной силой, властью и богатством, они могли этот престол контролировать. Ногай, правивший в степях западнее Днепра, держался вполне независимо уже во время правления хана Туда–Менгу (1280–1286). В 1287/88 г. этот хан был свергнут с престола своим племянником Телебугой, который оправдывал свои действия умственным помешательством дяди. После этого Ногай вступает в тайный союз с Тохтой, соперником Телебуги, и в Орде фактически устанавливается двоевластие. Если Телебуга опирался на Поволжье, то южнорусские степи находились в безраздельной власти Ногая. Русские князья, оказавшиеся в зоне его влияния, попали в довольно затруднительное положение — им приходилось признавать власть Телебуги, но платить дань Ногаю.

Ахмат взял сбор курской дани на откуп, заранее внеся в казну Ногая нужную сумму, и теперь собирал подати уже в свою пользу, выколачивая их из населения в значительно большем размере. Его деятельность в этом направлении причиняла «велику досаду» не только «чёрным людям», но и князьям. Для курских правителей особенно неприятным был факт создания баскаком двух слобод, размещавшихся во владениях Олега Воргольского и Рыльского. Туда различными льготами сманивались люди из земель как рыльских и воргольских, так и из соседних владений Святослава Липовеческого. Слобожане переходили под непосредственную юрисдикцию Орды, обогащали своим трудом Ахмата, принося тем самым прямой убыток русским князьям. Под покровительством всемогущего баскака эти поселения быстро превратились в крупные процветающие торгово–ремесленные центры. *«И быша те велики две слободы, якоже грады великиа»,* — сообщает летописец. «Скорее всего, со стороны Ахмата организация слободы была самодеятельной попыткой искусственно создать города по примеру быстро возникавших на пустом месте золотоордынских городов», — считает М.Д. Полубояринова. Более того, ощущая за собой мощную поддержку Ахмата, слобожане даже совершали грабительские наезды на окрестности



Монгольский хан с супругой на троне в окружении придворных. Начало XIV в. Миниатюра из рукописи «Джами ат–таварих Рашид ад–Дина» (Тебриз, Иран) (с сайта «Тебризская школа миниатюры»).

— *«насилие много творяше людям около Воргола и около Рылска»*.

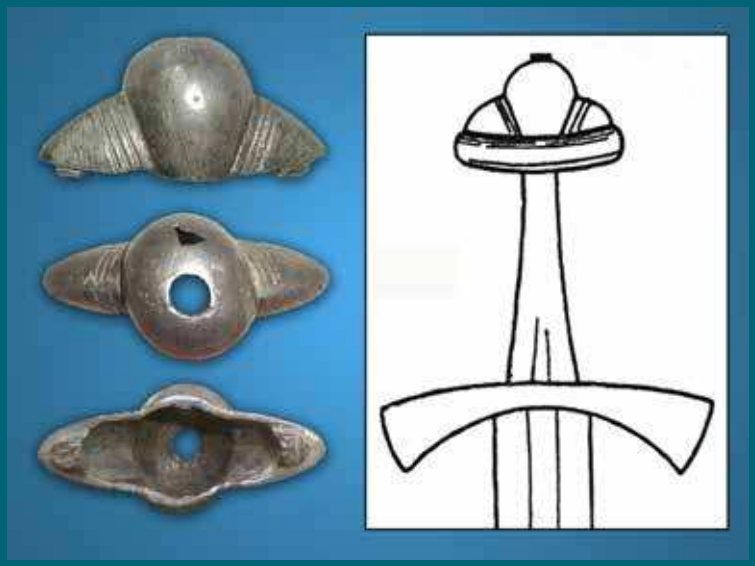
Потеряв всякое терпение, рыльский князь Олег в феврале–марте 1289 г. уговорил Святослава Липовеческого отправиться вместе с ним в низовья Волги, в ставку самого хана Телебуги, и принести там жалобу на своеволие баскака. Таким образом, князья обращались сразу к высшей инстанции, минуя промежуточную — суд темника, от которого явно не ждали ничего для себя доброго. Телебуга, стремившийся обуздать чересчур усилившегося Ногая, благосклонно отнесся к прошению князей. Он даже дал им своих «приставов», которые должны были проконтролировать исполнение указа — вывести из слобод княжьих людей обратно в их владения, а сами слободы разогнать (не исключено, правда, что столь расширенное понимание ханского указа вплоть до разгона слобод было домыслено позднее либо самими князьями, либо сочувствовавшими им летописцами). Хан, как ему и положено, выступил тут в роли ревнителя справедливости — в слободе, согласно устоявшимся обычаям, нельзя было принимать людей из тех княжеств, на территории которых они основывались. Ахмат нарушил это правило, и Телебуга с явным удовлетворением «восстановил законность», увидев в том удобный повод лишний раз ущемить непокорного Ногая.

Вернувшись в начале лета 1289 г. из ханской ставки, князья поспешили исполнить повеление хана. Сам Ахмат отсутствовал, отъехав по делам в ставку Ногая. Олег и Святослав вместе с посланцами Телебуги ворвались в слободы и опустошили их, выведя своих людей в собственные вотчины и, заодно, захватив богатую добычу.

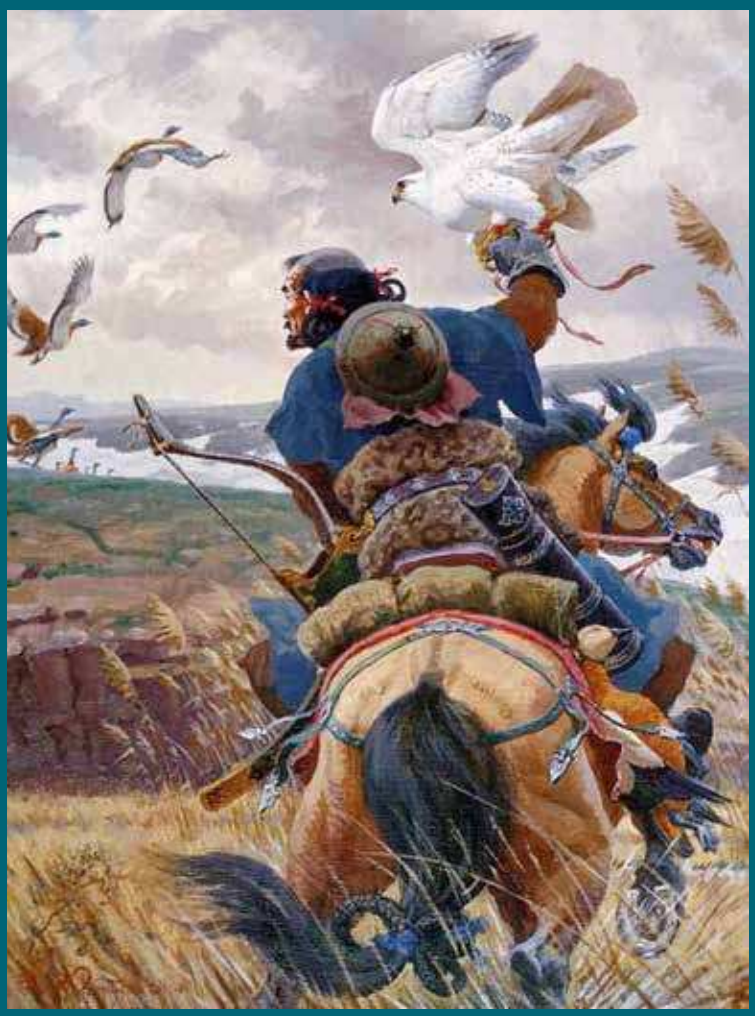
Узнав о том, взбешенный Ахмат оклеветал князей перед Ногаем, представив тому дело так, будто Олег и Святослав выступили не против злоупотреблений баскака, имея на то санкцию хана, а взбунтовались против самой татарской власти. Так, коварством Ахмата, объясняет дальнейшие события летописец. Однако на деле Ногай, вероятно, увидел действия князей в их подлинном свете — как еще один шаг Телебуги в подспудной борьбе против него. Согласно принятой в Орде практике, он призвал «виновных» на суд к своему двору.

Ногай пользовался исключительным правом охоты на лебедей в заповедных местах Рыльско–Воргольского княжества. Каждый год в конце лета туда отправлялись его сокольники. Через них и посоветовал Ахмат передать князю требование явиться на суд. Отказавшись от переданного ими приглашения, князь явно продемонстрировал бы свою нелояльность по отношению к сюзерену.

В октябре 1289 г. сокольники вернулись к Ногаю и привезли с собою отказ князя. Олег не желал ехать судиться к темнику после того, как выиграл суд у самого хана. Ахмат мог торжествовать — непокорство рыльского владетеля было налицо. Против «мятежника» была послана карательная рать, вместе с которой отправился и сам баскак. Князья со своими малыми дружинами были не в



Головка навершия меча XII–XIII вв. (с. Хомутцы, Белгородская область). Курско–белгородское пограничье. Курский государственный областной музей археологии.



Монгольский воин охотится на лебедей (с сайта «Pinterest»).

силах противостоять ордынцам. Олег бежал под защиту Телебуги, Святослав укрылся в воронежских лесах. Схватить их Ахмату так и не удалось. 13 января 1290 г. рать Ногая стала лагерем под Ворголом. Отсюда в течение двадцати дней рассылались отряды для разорения окрестностей.

Добычу и людей свозили в слободы, где распоряжался Ахмат. На его суд были представлены скованные по двое 13 старейших рыльских, воргольских и липовеческих бояр. Всех их баскак велел принародно казнить. Боярам отрубили правые руки и головы, а изувеченные тела развесили по деревьям. Боярское платье Ахмат отдал случайно проходившим тут паломникам со словами: *«Вы есте гости паломници, ходите по землям, тако молвите: кто иметь держати спор со своим баскаком, такоже ему и будет»*. Головы казненных монголы привязали к своим седлам, руки побросали в сани и двинулись от Ворогола к селу Турову, чтобы видом кровавых останков устрашить население мятежных княжеств. Однако устрашать оказалось некого — народ разбежался из разоренных нашествием сел. Тогда окровавленные останки бросили псам. *«И бяше видети дело стыдно и велми страшно, а хлеб в уста не идет от страха»*, — восклицает летописец.

После этой свирепой расправы Ахмат покинул Курскую землю вместе с ратью карателей. Монголы уходили, оставляя на месте каждого своего ночлега трупы умерщвлённых пленников. В слободах остались два брата баскака. Серьезной военной силой они, видимо, не располагали, а потому доведенный до отчаяния Святослав Липовеческий оказался для них весьма опасным противником. Еще в феврале 1290 г. он совершил ночное нападение на одну из слобод, а несколько позже подстерег на дороге, ведущей от одной слободы в другую, и самих Ахматовых братьев. Напав из засады, Святослав *«Руси избил 25 [человек] да два бесерменина»*, однако сами братья с немногими уцелевшими спутниками сумели бежать. Решительные действия липовеческого князя привели, наконец, к тому, что 9 апреля 1290 г. Ахматовы братья бежали в Курск, а наутро после бегства наместников разбежалось и население обоих слобод.



Войско Золотой Орды (с сайта «Эпоха битв»).

Но вернувшийся из Орды Олег Рыльский не одобрил подвигов Святослава. Он стремился действовать «законными средствами» в рамках установленных татарами порядков. Между вчерашними союзниками произошел разрыв. Олег укорял липовеческого князя: *«чему еси затеял неправду? Взложил еси имя разбоиниче на мене и на себе, зиму сь еси ночи на свободу розбоем оударил, а ноне на пути еси розбил. А веси сам, брате, обычаи татарскыи, а и у нас в христианех не добро есть неправда и разбои».* Святослав, однако, гордо отвечал: *«И кая ми есть в сем укоризна от бога и от человек, поганых кровопивцев избивати?»* Олег пытался убедить Святослава поехать на суд к Ногаю и Телебуге, но липовеческий владетель отказался. Олега особенно раздражала самостоятельность Святослава — он действовал без совета с рыльским князем, но вина за его поступки падала при этом на обоих. *«Целовал ты на сем крест, яко ходити тебе со мною по единой думе. И когда рать пришла на нас, и ты тогда со мною ко царю не бежал, но остался еси в Руси, в лесах Воронежских, того деля, чтобы ти розбивати, а крестнаго целованиа забыл, что было нам своею правдою бесерменина потягати; ты ныне затерял еси правду и свою и мою а ни к своему царю, ни к Ногою на исправу не идеш. Да како мя с тобою бог разсудит»,* — заявил под конец Олег.

Ранней осенью 1290 г. Олег вновь направляется в Орду и возвращается оттуда с татарским отрядом и ханскими полномочиями. Он выступает против бывшего союзника и убивает Святослава. Однако уже через год, после гибели покровителя Олега хана Телебуги, брат погибшего Святослава, Александр, отомстил рыльскому князю, убив его вместе с двумя малолетними сыновьями. *«И сотворися радость диаволу и его поспешнику бесерменину Ахмату»,* — заканчивает свой рассказ летописец.

В итоге Ахмат и Ногай добились превращения курских земель в буферную зону с русским населением и золотоордынской администрацией. Вероятно, именно по этой причине со страниц русских летописей с конца XIII в. исчезает всякое упоминание о Курском княжестве и его князьях. Такие буферные зоны были довольно обычным явлением рус-

ско–ордынского пограничья того времени. Они не представляли собой непрерывной полосы, а существовали лишь в отдельных порубежных районах. По мнению исследователя, интерес к созданию и сохранению подобных приграничных образований проявляла не золотоордынская кочевая аристократия, и без того владевшая обширными степными улусами, а определенная прослойка золотоордынских чиновников, действовавшая в сфере откупов и сбора дани.



Перстень с арабской надписью. Золото. Ратский археологический комплекс (Курский район). Курский областной краеведческий музей.

Нередко в различных исторических и краеведческих работах события вокруг Ахматовых слобод именовались «освободительной борьбой курян против татарского ига». Однако из самого текста летописной повести нигде не видно, чтобы речь шла о восстании против татарской власти. Оба князя в своей борьбе против злоупотреблений баскака действуют в пределах «правового поля» Орды, добиваясь своей «правды» от хана. Даже Святослав Липовеческий, перейдя к вооружённым рейдам, совершает их исключительно против людей Ахмата, точно так, как совершал бы их против любого другого враждебного ему князя. Главной целью его остаются слободы, населённые отнюдь не «татаро–монгольскими захватчиками» (показательно, что в отряде братьев Ахмата, разгромленном Святославом, из 27 убитых оказалось всего два «бесерменина»). Таким образом, по сути своей события вокруг Ахматовых слобод являются очередной феодальной усобицей, отягощённой подспудной борьбой враждебных политических сил в самой Орде.

Вопрос о том, где именно находились упомянутые в летописи Ахматовы слободы, курские города Воргол и Липовеческ, и поныне представляет собой одну из археологических загадок Курского края. Ряд исследователей, начиная с того же Н.М. Карамзина, связывал с Ворголом и Липовеческом соответственно село Воргол под Ельцом и современный Липецк. Ныне существуют две точки зрения на эту проблему.

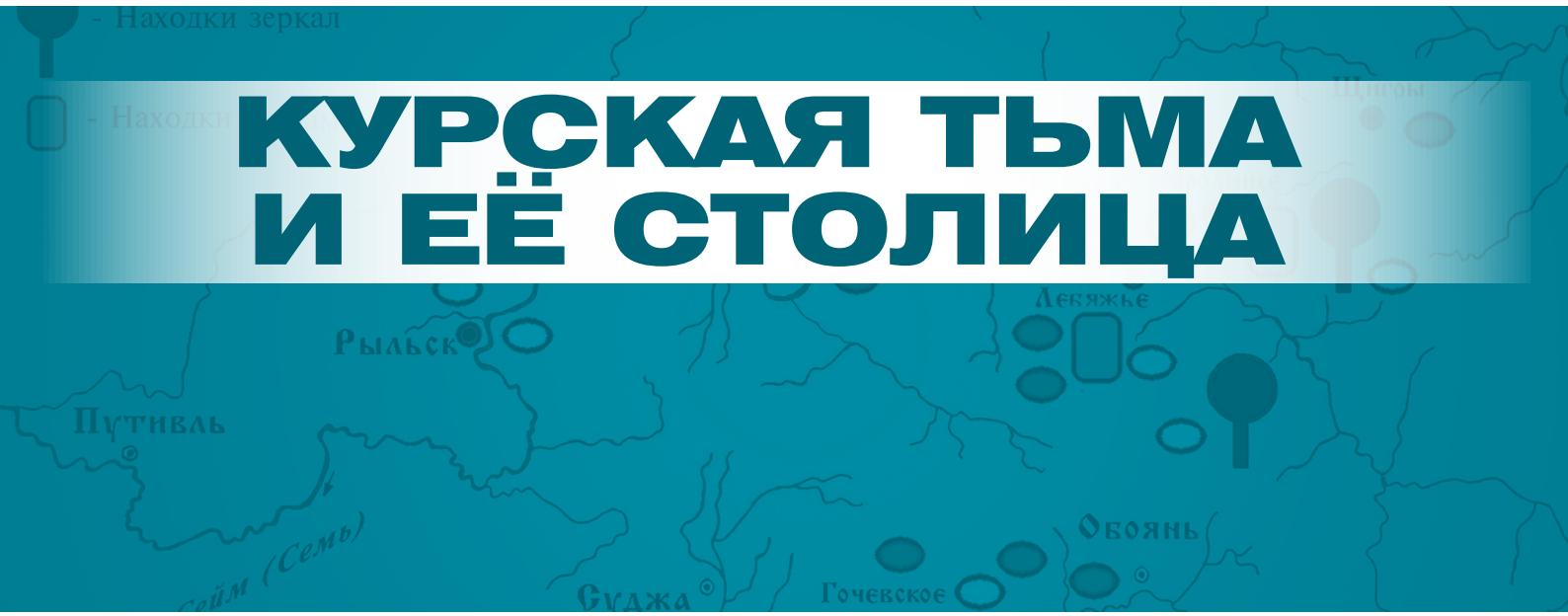
По мнению Ю.А. Липкинга и В.В. Енукова, Ахматовыми слободами являлись расположенный на расстоянии 18 км от Курска Бесединский археологический комплекс на реке Рать и группа памятников у с. Лебяжье в 10 км от Курска. Столица же Липовеческого княжества соотносится ими с археологическим комплексом у с. Липино в Октябрьском районе. В глазах курских краеведов эта версия ещё более укрепилась в 2002 г., когда на Ратском поселении в выбросе кротовины был обнаружен небольшой золотой перстень, щиток которого украшала арабская надпись: *«Да будет конец благополучен»*. Его тотчас объявили принадлежащим самому Ахмату, хотя никаких оснований для этого не имелось.

Другие исследователи (В.Л. Егоров, А.В. Кашкин, А.К. Зайцев и В.А. Кучкин) локализуют месторасположение слобод Ахмата не в центральной, а в западной части области близ Рыльска. Воргол, входивший во владения князя Рыльского, находился, возможно, на месте Воргольского городища на Клевени в Путивльском районе, а вот Липовеческ ими осторожно связывается с городищем у с. Старый Город под г. Дмитриевом–Льговским.

Последняя версия выглядит наиболее убедительной, так как маловероятен факт включения в «отчину» рыльского князя территорий, непосредственно прилегающих к столице Курской тьмы и резиденции баскака. Любопытно и то, что правитель, якобы владеющий округой бывшей столицы Курского княжества, удовлетворяется относительно скромными титулами удельного князя Рыльского и Воргольского, никак это обладание не означая. К тому же, соотнеся Липинский археологический комплекс с центром Липовеческого княжества, мы получаем ситуацию, в которой владения Святослава как бы рассекали земли Олега, нарушая их целостность и изолируя курскую часть «отчины» от основных владений. К тому же Липинский комплекс располагается всего в 30 км от Курска, и выдвигавшиеся для разорения рыльских (100 км от Курска) и воргольских окрестностей отряды слобожан непременно должны были проходить через владения липовеческого князя. Однако ни в одной летописи указания на присутствие слобожан Ахмата в липовеческих землях нет, а на Липинском археологическом комплексе, несмотря на многолетние раскопки, пока не обнаружено предметов, относящихся к концу XIII — началу XIV вв.

Это же относится и к Ратскому археологическому комплексу. Анализ происходящего с Ратского археологического комплекса нумизматического материала свидетельствует о том, что расцвет ордынского поселения на его месте приходится на середину XIV столетия, через полвека после описанных в летописи трагических событий.

Таким образом, нет никаких оснований соотносить археологические комплексы на реке Рать и у с. Лебяжье с Ахматовыми слободами. На самом деле, судя по всему, эти недолговечные поселения располагались где–то на западе или северо–западе современной Курской области.



КУРСКАЯ ТЬМА И ЕЁ СТОЛИЦА

После того как пресеклась династия курских князей, часть их владений, включая сам стольный град, перешла под прямое управление Золотой Орды. Такова была обычная практика монголов в подобных случаях. Аналогичная ситуация сложилась в тот же период, например, в Муроме: на протяжении сотни лет, начиная с середины XIII в., летописи не упоминают ни одного муромского князя, как не упоминают они более и князей курских. По гипотезе московского историка К.А. Аверьянова, именно в Муроме находилась в те годы резиденция «великого баскака Владимирского».

Не была уникальным явлением и Курская тьма, занявшая место некогда мощного Курского княжества. Подобные административно–территориальные образования в XIV в. образовали довольно широкую полосу буферных земель между Русью и собственно Ордой. Документы упоминают тьму Киевскую, Владимирскую, Подольскую, Смоленскую, Великого Луцка тьму, а также ряд более мелких образований в районе Нижнего Новгорода, Тулы, Хопра и Верхнего Дона. Наряду с русским населением тут проживало и немало выходцев из Орды. Даже после усиления Руси и перехода этих земель под власть русских князей тьмы продолжали сохранять значительную автономию, чему способствовало их порубежное положение, а также исторически сложившиеся традиции.

«Появление этих новых административно–территориальных единиц в пределах Русской земли, — пишет историк К.А. Аверьянов, — объяснялось тем, что уже с достаточно раннего времени в Орде начинаются смуты и междоусобицы. Ожесточённая грызня за ханский престол выбрасывала за пределы Большой Орды царевичей и вельмож, потерпевших поражение в этой борьбе. Вместе с ними, спасаясь от мести победителей, бежали десятки и сотни их сторонников. Вся эта масса оседала на малозаселённых местах между Русью и Ордой, которые уже в XV в. назовут «украиной». Русские и литовские князья охотно принимали выходцев из Орды, предоставляя им свободные земли, справедливо полагая, что могут использовать их в качестве заслона против татарских набегов. До поры до времени эти выходцы из Орды сохраняли достаточно широкую автономию в делах внутреннего управления, привычный уклад жизни, а зависимость от русских князей, судя по всему, выражалась лишь в эпизодической посылке военных отрядов против их врагов. В то же время они продолжали сохранять и определённые связи с Ордой, порой участвуя во внутриордынских спорах и противоречиях... В своей политике они балансировали между этими двумя государственными образованиями, готовые в любой подходящий момент склониться на сторону сильнейшего».

Долгое время было распространено мнение о том, что Курск не только был стёрт с лица земли в ходе монгольского нашествия,



Монгольский правитель. XIII в. Реконструкция А. Макбрайда (по T. Newark).



Плинфа с отпечатками собачьих лап. Глина. XIII–XIV вв. (г. Курск). Курский государственный областной музей археологии.

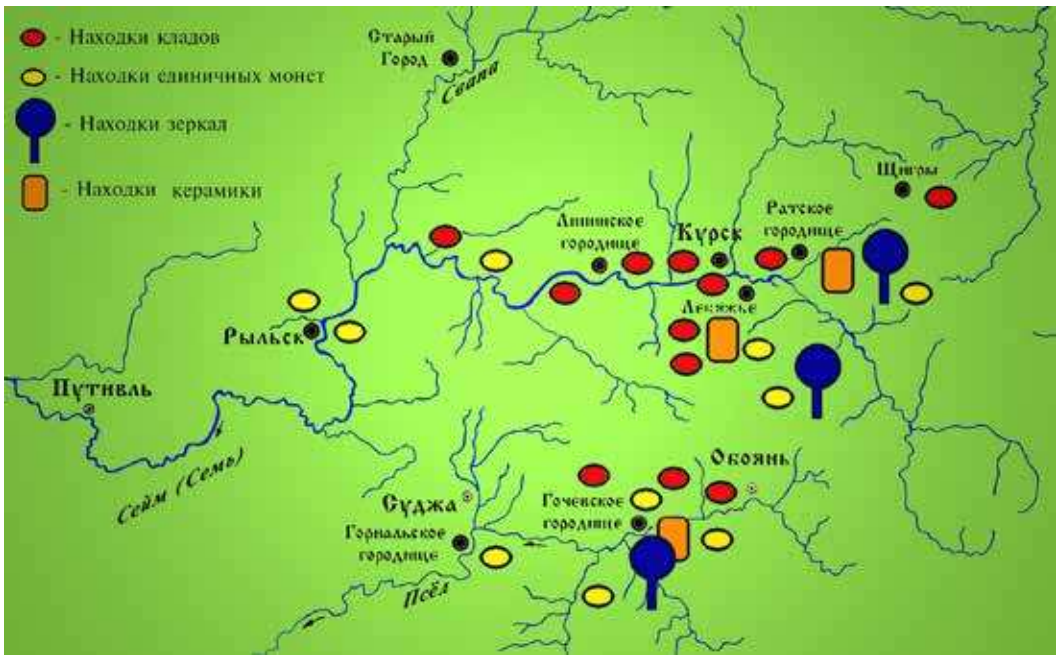


Сосуд. Глина. 2–я половина XIII–XIV вв. (г. Курск). Раскопки В.В. Енукова. Курский государственный областной музей археологии.

но даже и возобновлён потом на совершенно новом месте. Сторонники этой точки зрения основывались на упоминании в грамоте, направленной в 1487 г. Иваном III крымскому хану Менгли–Гирею, некоего Курского городища, расположенного *«на Семи, ниже Гусина брода, на усть Реута реки»*. Однако мнение это представляется ошибочным. Как считают А.И. Раздорский и А.А. Селин, уже из самого названия этого поселения ясно, что в конце XV в. оно было покинуто жителями, поскольку представляло собой именно «городище». Исследователи предполагают, что оно, возможно, было основано в конце XIII — начале XIV вв. выходцами из Курска, переселившимися поближе к рыльско–путивльскому району, где в течение XIV–XVI вв. сохранялось присутствие постоянного русского населения. Название Курское это поселение могло получить по старому месту жительства своих основателей. Но, вероятно, жизнь и на этом месте оказалась весьма небезопасной, а потому его обитатели спустя какое–то время ушли из него, скорее всего в Рыльск и Путивль. После этого поселение запустело и превратилось в «городище».

Согласно исследованиям А.А. Чубура, Курское городище располагалось у с. Дроняево. Подкрепляется это как археологическим материалом, так и данными топонимики. Было установлено, что «старожилы называют место в 1,2 км выше городища по течению Сейма Гусиным бродом, а современное устье Реута расположено примерно в 1,5 км ниже. Таким образом, все ориентиры размещены компактной группой. Юго–западнее городища близ моста через Сейм, на сниженном мысу правого берега собрана керамика XV–XVI вв. и кресальный кремень. Здесь прослеживается ров с запада на восток шириной до 3 м и глубиной до 1 м, отделяющий мыс от основного массива. Возможно, это остатки одной из сторож по Сейму близ места встречи посольств».

Вполне вероятно, что место встречи посольств было выбрано отнюдь не случайно, и не только из–за наличия в этом месте переправы через Сейм. Возможно, Курское городище являлось пограничным пунктом Курской тьмы на границе её с Рыльским княжеством.



Находки ордынского времени на территории Курской области (по А.Г. Шпилеву, 2005).

Сама же граница, судя по всему, проходила на данном участке по течению реки Реут.

Проводившиеся на территории Курска археологические исследования пока не дают чёткого представления о том, что же представляло собой поселение, существовавшее здесь в ордынское время. Связано это в первую очередь с тем, что строительство, развернувшееся в городе в XVIII–XIX вв., уничтожало в первую очередь именно сравнительно поздние культурные слои. В итоге материалы XIV–XVII вв. известны археологам преимущественно в переотложенном, лишённом чёткой стратиграфической привязки виде.

Летописные же свидетельства говорят о том, что в конце XIII в. здесь ещё сохраняется укреплённый центр, в котором укрываются разгромленные братья Ахмата, а в XIV–XV вв. город регулярно, хотя и редко, упоминается в письменных источниках того времени. С большой долей уверенности можно предположить, что в первые десятилетия существования Курской тьмы её центр размещался непосредственно в столице ликвидированного южнорусского княжества. Позднее, в первых десятилетиях XIV в., центр этот явно перемещается на территорию расположенного восточнее Курска крупного археологического комплекса на р. Рать.



Монголы. Реконструкция О.В. Фёдорова (по В. Егорову).



Зеркало. Бронза. Ратский археологический комплекс (Курский район). Курский областной краеведческий музей.



Чугунный котёл. XIV в. Ратское поселение. Дар В.Н. Катышева. Курский государственный областной музей археологии.



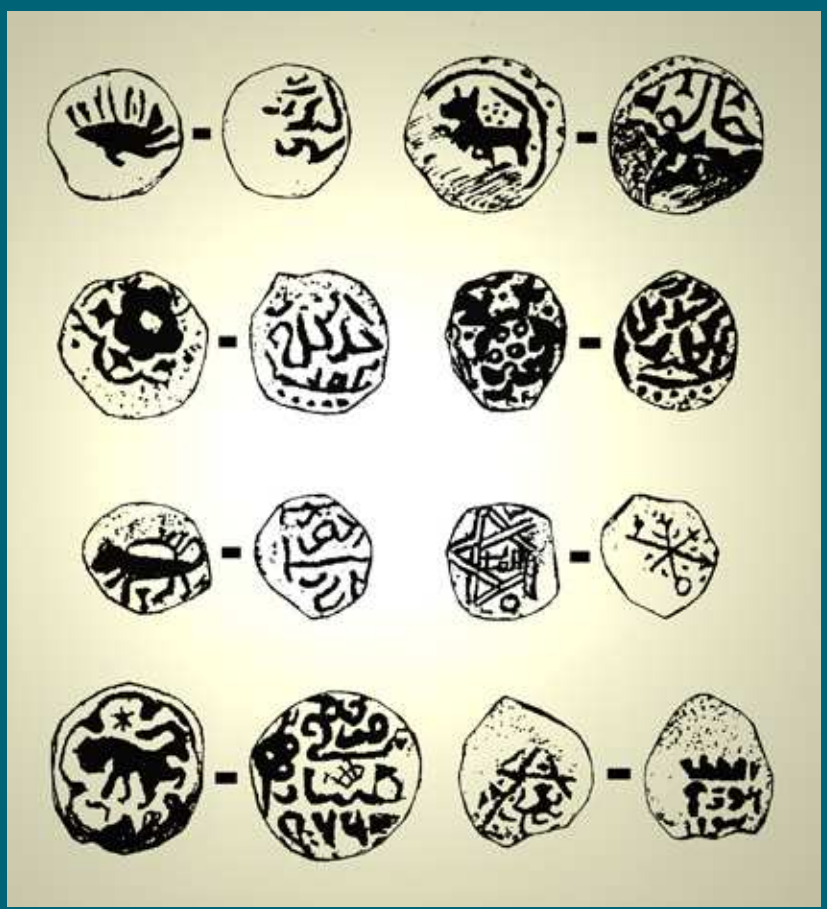
Верхняя часть амфоры. Глина. XIV в. Ратское поселение. Раскопки В.В. Енукова. Курский государственный областной музей археологии.



Данг хана Джанибека с надчеканкой «хан». Чекан Гюлистана. 1349/50 гг. Ратское поселение. Курский государственный областной музей археологии.



Пиала. Глина. XIV в. Ратское поселение. Раскопки В.В. Енукова. Курский государственный областной музей археологии.



Медные пулы. Ратское поселение. Курский государственный областной музей археологии (по А.В. Зорину и С.Н. Травкину).

К сожалению, топография Курской тьмы пока еще совершенно не изучена, поэтому первым этапом выявления мест пребывания подчиненного джучидским правителям населения является локализация районов скопления некоторых категорий предметов, относящихся к непременным атрибутам городской культуры Золотой Орды — характерная поливная керамика, зеркала, монеты.

При картографировании мест нахождения кладов чеканенных золотоордынскими ханами монет были выявлены любопытные закономерности. Оказалось, что наибольшее их скопление находится в округе г. Курска и на восток от него до г. Щигры, а второе место занимает регион, объединяющий территории современных Обоянского и Беловского районов. Таким образом, область выпадения кладов джучидских монет включает в себя местность вокруг бывшей столицы княжества, а также регионы на востоке и юге области, входящие в два схожих между собой природно–территориальных комплекса, объединяемых некоторым недостатком влаги и большим количеством тепла, обуславливающих преобладание степной растительности над лесной. Все эти условия делали привлекательным оба этих региона для населения, ведущего кочевой или полукочевой образ жизни.

Самым представительным памятником ордынского времени на территории Курского края является уже упоминавшийся археологический комплекс у д. Городище (Курский район), известный в литературе под именем Ратского или Бесединского. Он состоит из неиспользовавшегося в ордынское время городища (площадью 0,2 гектара), укреплённого поселения, или «окольного града» (13 гектаров), и неукреплённого посада (11 гектаров). Среди подъёмного материала, собранного здесь, встречаются и обломки плинфы, что говорит о существовании в городе кирпичных зданий.

По мнению В.В. Енукова, многочисленные находки красноглиняной и поливной керамики, джучидские монеты, обломки чугунных котлов и металлических зеркал свидетельствуют о том, что наряду с русским на Ратском комплексе проживало представительное в количественном отношении ордынское население.

Это мнение подтверждается анализом керамики этого комплекса, проделанным В.Ю. Ковалем. Он отмечал, что «вся ордынская керамика на Рати — парадная столовая и тарная», а в целом, по мнению исследователя, Ратское поселение «уникально необычайно большим количеством поливной золотоордынской керамики и особенно неполивной, которая на Руси встречается очень редко в виде единичных обломков. В сколько–нибудь заметных количествах такая керамика известна только в Подонье (Семилукское, Животинное городища и ряд поселений), но и там она составляет не более 5–7 % комплекса керамики. Вывод: по керамике Ратский комплекс не похож ни на одно из собственно русских (славянских) поселений XIII–XV вв.».

Кроме относящихся к ордынскому времени предметов, в фондах Курского государственного областного музея археологии хранится и собранная на территории Ратского поселения коллекция джучидских серебряных дангов и медных пулов. Самая ранняя из монет этого собрания датирована 1309/10 г., самая поздняя — 1387/88 г. Надчеканка на монете 752 г.х. отнесена к 1–й четверти XV в.

Исследовавший коллекцию С.Н. Травкин, рассмотрев имевшиеся в его распоряжении 25 пулов, сделал вывод о том, что их «основная масса… относилась к денежному обращению 1350–х и 1360–х годов. При этом Ратский археологический комплекс первоначально получал медную монету преимущественно из столичного района на Волге, а позднее из центров западной части Золотой Орды… Систематическое обращение медных джучидских монет на данном памятнике началось не ранее правления хана Узбека, а скорее всего при хане Джанибеке в начале 50–х годов XIV в… Обширный количественный и географический состав медных номиналов Золотой Орды, собранных на одном археологическом памятнике… заставляет предположить наличие здесь достаточно развитого в экономическом отношении поселения (возможно, золотоордынского города XIV в.)».

По обилию находок золотоордынских предметов Ратский комплекс может претендовать на статус административного центра. Это, в свою очередь, позволяет предположить, что по каким–то неизвестным нам причинам сюда в 1340–е гг. из Курска была перенесена резиденция ордынского правителя и город на реке Рать стал новой столицей Курской тьмы.

Таким образом, имеющиеся сведения письменных и археологических источников позволяют утверждать, что Курский край в период господства здесь Золотой Орды вовсе не представлял собой некую выжженную безлюдную пустыню, как о том нередко писалось в краеведческой литературе.

Но не следует впадать и в другую крайность, полагая, будто это был период всеобщего благоденствия и процветания. Край был подвержен и феодальным раздорам, и внешним бедствиям. Так, например, в 1275 г. татары повели русских князей в поход на Литву. Войска прошли через Брянск и Смоленск, но не достигли успеха. И на пути в Литву, и возвращаясь оттуда монголы *«велико зло и велику пакость сътворили христианом»*, причем особенно пострадали именно окрестности Курска. Конечно, и карательные набеги, и княжеские распри, и даже просто проход ордынских войск через земли Курского края приводили к гибели людей, опустошению селений. Однако все эти бедствия не повлекли за собой разорения большего, чем в иных районах покорённой монголами Руси.

«ХОРОБРА ЛИТВА»

В то время как восточные русские земли попали после Батыева нашествия под власть Золотой Орды, западные княжества постепенно вошли в состав Литвы. Признавая верховенство воинственных литовских князей, они видели в них щит против неослабевающей татарской угрозы. Усилившись в XIV в., Литва перешла в наступление и начала быстро расширять свои пределы на юге и юго–востоке.

Вспоминая о былой доблести своих предков, литовский автор XVI века писал, что «всю свою славу они мыслили в военном деле, удовольствие — в оружии, конях, многочисленных слугах и во всем сильном и храбром, что служит Марсу; и когда они отразили чужеземцев, то расширили свои [пределы] от одного моря до другого, [и] называли их враги хоробра Литва (Chorobra Litwa), то есть храбрая Литва… ни в косности и ни в безделии не увядало мужество юных, они постоянно упражнялись в военном деле… ведь они не ждали объявления войны, или грубого вторжения врага, или благоприятного летнего времени, но или из–за частного или из–за не слишком грубого нарушения начинали войну».

Ещё со второй половины XIII в., со времён князя Миндовга, Литва начинает продвигаться на восток. Миндовг объединил под своей властью и Восточную, и Западную Литву — Аукшайтию и Жемайтию, — присоединил к своим владениям также и русские земли с городами Новогрудком, Слонимом и Волковыйском. В 1263 г. Миндовг вместе с двумя сыновьями был убит в результате заговора недовольных им представителей родовой знати во главе с князем Довмонтом. Созданное им княжество распалось, и новый всплеск активности Литвы относится уже ко времени правления князя Гедимина в 1316–1341 гг.

Дело отца было продолжено сыновьями, наиболее выдающимися из которых были Ольгерд (Альгирдас) и Кейстут (Кястутис). Кейстуту при разделе отцовского наследства достались коренные литовские земли в Жемайтии, и вся его жизнь оказалась посвящена отражению натиска



Знатные литовские воины. XII–XIII вв. Реконструкция И. Дзыся (по А.П. Торопцеву).

рыцарей–крестоносцев, совершавших бесконечные набеги на языческую Литву. Ольгерд получил во владение Кревo и Витебск и, став великим князем, всё своё внимание обратил на юг и восток — в сторону подвластных Орде русских земель. Принявший христианство по православному обряду, женатый первым браком на витебской княжне Марии Ярославне, а вторым на дочери тверского князя Ульяне Александровне, Ольгерд был тесно связан с этими землями, интересы которых не были для него чужды.

Видный историк XIX века В.Б. Антонович писал: *«Ольгерд, по свидетельству современников, отличался по преимуществу глубокими политическими дарованиями; он умел пользоваться обстоятельствами, верно намечал цели своих политических стремлений, выгодно располагал союзы и удачно выбирал время для осуществления своих политических замыслов. Крайне сдержанный и предусмотрительный, Ольгерд отличался умением в непроницаемой тайне сохранять свои политические и военные планы… По отношению к различным национальностям, можно сказать, что все симпатии и внимание Ольгерда сосредоточивались на русской народности; Ольгерд, по взглядам, привычкам и семейным связям, принадлежал к русской народности и служил в Литве её представителем».*

В то время как Литва крепла и набиралась сил, в Золотой Орде шла непрерывная и ожесточённая борьба за ханский престол. В период 1357–1380 гг. огромная власть оказалась в руках темника Мамая, женатого на дочери хана Бердибека. После смерти Бердибека Мамай продолжал править через своих марионеток, время от времени меняя их на троне. Одновременно ему приходилось бороться с другими, независимыми от него, претендентами на престол. В русских летописях этот период носит выразительное название «великой замятни». Правители Орды менялись с калейдоскопической стремительностью. Хан Кулпа продержался у власти шесть месяцев 1359 года, причём западную часть Орды при этом контролировал хан Неврузбек. Вступившего на престол в 1360 г. хана Хидербека спустя несколько месяцев убил его сын Тимур–Ходжа, удержавшийся у власти всего месяц. На протяжении 1361–1362 гг. на тро-



Ольгерд, Великий князь Литовский. Изображение из «Описания Европейской Сарматии» А. Гваньини (1578 г.).



Воины Золотой Орды. 2–я половина XIV в. Реконструкция И. Дзыся (по А. Щербакову и И. Дзысю).



Женское ожерелье из переплетенных нитей с нанизанными бусами и бронзовыми пуговицами. 3–я четверть XIV в. Дичневский клад (Курчатовский район). Курский государственный областной музей археологии.



Браслет. Бронза. 3–я четверть XIV в. Дичневский клад. Курский государственный областной музей археологии.



Перстень. Бронза. 3–я четверть XIV в. Дичневский клад. Курский государственный областной музей археологии.

не успели побывать Орду–Мелик, Кильдибек и Темир–Булат, причём последний провёл на нём лишь несколько недель. Самостоятельные ханы правили в Крыму, в Булгаре, Мордовии, Астрахани, в Заяицком улусе и Хорезме.

Весной 1361 г. Мамай двинулся из Крыма в Поволжье, изгнал из Сарая хана Тимур–Ходжу и развернул борьбу за обладание донскими степями с их центром — городом Азаком (Азовом). Противниками его выступали Орду–Мелик–шейх и Кильдибек. Под их контролем находились территории между Доном и Днепром к северу от Азака, включавшие в себя и Курский край. Учитывая эту расстановку сил, нельзя не заметить, что Ольгерд, претендовавший на власть в русских землях, и Мамай, боровшийся за власть в Орде, оказались в такой ситуации невольными стратегическими союзниками. Ожесточённая борьба за Азак окончилась осенью 1362 г. — город заняли Мамай и его ставленник Абдуллах. Их главный противник Кильдибек погиб в битве с ещё одним претендентом, ханом Мюридом. Гибелью его практически одновременно воспользовались и Мамай, и Ольгерд, двинув свои войска в наступление. Возможно, этому предшествовало предварительное соглашение о разделе сфер влияния. В любом случае Ольгерд не мог не воспользоваться столь удачной для его замыслов ситуацией. К тому же и внешнее положение самой Литвы способствовало их успешному осуществлению.



Русская женщина — жительница Курской тьмы. 3–я четверть XIV в. По материалам Дичневского клада. Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко.

Летом–осенью 1362 г. литовские войска совершают два успешных похода — на Днепровское Левобережье и в Подольскую землю. Разбив татар в битве у Синих Вод, Ольгерд стремительно и, видимо, без серьезного сопротивления, присоединяет к своим владениям огромную территорию от Киева до Дона. Раздираемая «великой замятней» Золотая Орда не могла ему помешать. Летописные известия кратко сообщают о том, что в 1362 г. *«Литва взяли Коршев и*

сотворишася мятежи и тягота людем по всей земли». Упомянутый тут город Коршев встречается в «Списке городов русских дальних и ближних» под именем «Коршов–на–Сосне». Историки ещё так и не пришли к единому мнению, имеется ли тут в виду река Быстрая Сосна или же речь идёт о Тихой Сосне. Обе реки являются правыми притоками Дона, и в любом случае это вполне совпадает с общим направлением движения войск Ольгерда. Из этого следует, что летом 1362 г., во время похода к Коршеву, под власть Литвы перешли южная часть Чернигово–Северской и большая часть Переяславской земель. От власти татар были освобождены Чернигов, Новгород–Северский, Трубчевск, Путивль и Курск.



Печать Великого князя Литовского Ольгерда с русской надписью («Олгер Печать кн[яз я Ве[ликог]о»). После 1366 г. (с сайта «История Герба»).

Скупые летописные строки всё же дают основание говорить о том, что падение ордынской власти в Северской земле произошло не только в результате военных действий. Известно, что взятию Ольгердом Брянска в 1356 г. предшествовала *«лихостию лихих людей замятня велика и опустенье града»*. Это вполне соответствует глухому упоминанию о произошедших в 1362 г. «мятежах по всей земле».



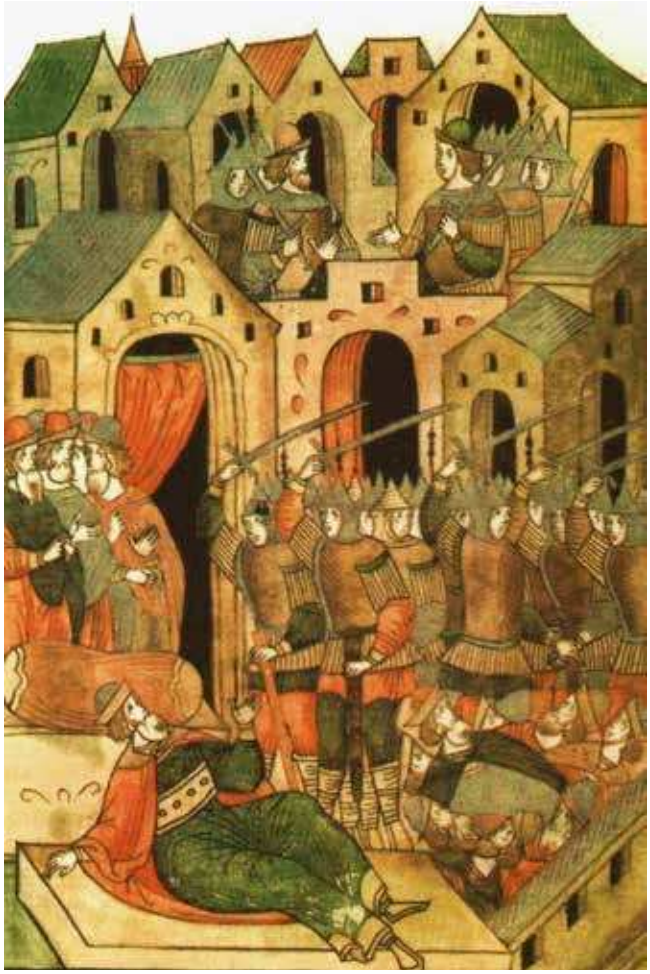
Печать Корибута Ольгердовича, князя Северского, с русской надписью («Печать князя Корибута»). 1383 (?) г. (с сайта «История Герба»).

Летописи не сохранили подробностей походов войск Ольгерда на восток. Вероятно, что военные действия не ограничились событиями одного лишь 1362 г., хотя позднее они могли происходить уже и без личного участия великого князя. Известно, что Трубчевск, Стародуб и Чернигов оказались под властью Литвы в период между 1368 и 1372 гг. Современный литовский историк Эдвардас Гудавичюс пишет, что именно «в начале семидесятых годов (если это не произошло в конце шестидесятых) к Великому княжеству Литовскому были присоединены Чернигов, Новгород–Северский (их получил сын Ольгерда Корибут), Стародуб, Рыльск (доставшиеся Патрикею Наримонтовичу) и Трубчевск (которым стал управлять ранее утвердившийся в Брянске сын Ольгерда Дмитрий)». В итоге походов Ольгерда на протяжении почти полутораста лет Курский край, как и все Северские земли, оказался составной частью могучего Великого княжества Литовского.

О продвижении литвинов и их борьбе с монголами говорят также найденные на территории Курского края клады ордынских монет. Они датированы в основном как раз 60–ми гг. XIV в. (1360, 1364, 1366, 1369). Монеты, спешно зарытые в землю при вести о приближении литовских дружин, относятся к числу последних следов существования Курской тьмы, исчезнувшей под ударами Ольгерда, и, судя по их расположению, маркируют собой её примерные границы. Их выпадение хорошо соотносится с краткой летописной фразой о том, что походы Ольгерда вызвали *«мятежи и тяготу людем по всей земли»*. В двух укрытых в это время кладах наряду с джучидскими монетами присутствовали серебряные гривны новгородского типа. О вероятном русском происхождении владельца, по крайней мере, одного из этих кладов могут свидетельствовать 27 полтин из с. Нижнее Солотино с вырезанными на них русскими словами (чаще всего имена личные, типа «Лясты», «Ониси»), слогами и буквами.

Возможно, к русскому населению Курской тьмы принадлежала и хозяйка вещевого клада второй половины XIV в., найденного весной 1998 г. у с. Дичня Курчатовского р–на. Об этом может свидетельствовать характер входивших в состав клада украшений (шейное украшение из бус, браслет, бронзовые и серебряные перстни), часть из которых имеет прямые параллели в русском этнографическом костюме.

Интересно отметить, что в занимаемых русскими княжествами северо–западных районах современной Курской области денежных и вещевых кладов 60–70–х гг. XIV в. пока не известно, что может свидетельствовать о достаточно мирном характере перехода этих земель под власть Литвы. «Присоединяя русские земли и княжества, — писал академик М.К. Любавский, — Литва не трогала их старины, их внутреннего уклада и обычая, и посаженные в этих землях и княжествах литовские князья, позже заменённые великокняжескими наместниками, продолжали править на тех же основаниях, как и прежде русские князья, и даже с теми же самыми сотрудниками — русскими боярами и вечами главных городов. Литовско–Русское государство вышло, таким образом, федеративным соединением земель, сохранявших под верховной властью великого князя литовского свою внутреннюю автономию».



Переговоры Кейстута и Ягайлы (вверху) и убийство Кейстута (снизу). Миниатюра Лицевого свода.

В этом была сила Литвы, привлекавшая русские земли на её сторону. Но в этом была и её слабость перед лицом соседей, спаянных более жёсткой централизованной властью. Сознавая это, великие князья литовские стремились ограничить права удельных князей, а в идеале и вовсе заменить их своими наместниками. Одним из первых испытал это на себе владетель Северской земли Дмитрий Корибут, считавший себя практически независимым правителем и даже чеканивший собственную серебряную монету.

После смерти Ольгерда в 1377 г. великокняжеский престол в Вильно занял Ягайло — его сын от тверской княжны Ульяны Александровны. В 1381 г. вспыхнула вражда между ним и его дядей, знаменитым Кейстутом. В итоге Вильно был захвачен внезапным ударом, а Ягайло пришлось отречься от престола в пользу дяди. Однако уже к весне следующего года составился заговор против великого князя Кейстута. В мае открытый мятеж поднял северский князь Дмитрий Корибут. Кейстут поспешно выступил против него с небольшими силами и был разбит. В то же самое время сторонники Ягайло захватили Вильно. В итоге, после отчаянной, но безнадёжной борьбы, Кейстуту пришлось сдаться своему племяннику. Старый князь был заточён в Кревском замке и там тайно удавлен. Таким образом, мятеж северского князя сыграл решающую роль в борьбе за литовский престол. Однако для Дмитрия Корибута это не прошло даром.

В 1393 г. великий князь Витовт, сын предательски убитого Кейстута, потребовал от северского князя безоговорочного повиновения и выплаты дани. Однако Дмитрий Корибут, сын Ольгерда и единокровный брат польского короля Владислава–Ягайло, считал, что имеет гораздо больше прав на великокняжеский престол, нежели его двоюродный брат. Поэтому он отказался исполнять предъявленные требования. В ответ Витовт двинул против него войска и нанёс поражение в битве. Полки Корибута были разгромлены, а сам он с малой дружиной бежал в Новгород–Северский, надеясь отсидеться за его стенами. Однако Витовт подступил к северской столице, *«облегши зо всех сторон, уставичне на вежи и на обламки штурмуючи, стены подкопуючи и огонь под них подкладаючи, так долго его добывал, аж взял; там же Корибута з жоною и детми поимал»*. Пленного князя отослали в Вильно, а управление Северщиной было передано великокняжескому наместнику — князю Фёдору Любартовичу. Таким образом, гибель Кейстута была отчасти отомщена.

Литве постоянно приходилось защищать приобретённые земли от враждебных соседей. Ими были не только татары, вряд ли смирившиеся с утратой этих территорий. Набиравшие силу великие князья московские изначально объявили о своём стремлении объединить земли, которыми некогда правили их предки Рюриковичи. Однако вплоть до начала XVI в. Литва прочно удерживала Северщину в своих руках.



Печать князя литовского Витовта с латинской надписью («Александр, иначе Витовд — Божьей милостью Великий князь Литвании»). На щите всадника изображены колюмны, или «Гедиминовы столпы» — родовой герб Гедиминовичей. 1386 (1418 ?) г. (с сайта «История Герба»).

«Столпы Гедимина» (Колюмны) — древнейший герб Литвы и рода Гедиминовичей.

ПОД СТЯГОМ ГЕДИМИНОВИЧЕЙ

Земли, доставшиеся Литве от побеждённых татар, не были безлюдной пустыней. Данные последних археологических исследований свидетельствуют о том, что жизнь на многих памятниках XII–XIII вв. продолжалась и во второй половине XIII и в XIV веке. К сожалению, археологические памятники литовского времени на территории Курского края практически не изучены. Период 2–й половины XIV — начала XVI вв. представлен в основном единичными случайными находками и материалами, полученными попутно при раскопках многослойных памятников.

О степени населённости Днепровского Левобережья в то время говорят не только археологические материалы, но и сведения письменных источников. Составленный в Новгороде между 1387 и 1392 гг. «Список городов русских ближних и дальних», перечисляя «Киевськыи гроди», называет в их числе Путивль на Семи, Рылеск, Кореск на Тускаре, Ничян на Псле, Лошици, располагавшиеся в окрестностях Путивля городки Бирин и Хотень, Хотмышль на Ворскле и целый ряд городов по Суле. Упомянутый городок Ничян (Ницяны) следует, видимо, отождествить с известным городищем у с. Ницахи на берегу Ворсклицы. Так же и Лошици, которые «Список...» помещает на Псле, реально располагались, видимо, на реке Лошици, притоке Ворсклы.

Трактат великого князя литовского Свидригайло с Тевтонским орденом, подписанный в 1432 г., называет среди владений князя Rylesk, Putywl, Chotmisl, Kuresk cum multis districtibus, Donyesk cum multis districtibus, Oskol, Milolubl, Muszecz cum multis districtibus — то есть те же самые, известные уже Рыльск, Путивль, Хотмышль, Курск с округою, Донецк с округою, Оскол, Милолюбль и Мужеч.

Интересные сведения о Днепровском Левобережье и Курском крае сообщают такие любопытные источники, как ярлыки крымских ханов, выданные великим князьям литовским на владение русскими землями. Здесь упоминаются Путивль, Лосичи (Лошици), Хотмышл, Ницяны, Рыльск, Курская тьма, Егалтаева тьма, Милолюбль, Мужеч и Оскол.

Неслучайно австрийский путешественник и дипломат Сигизмунд Герберштейн писал в начале XVI в.: *«Севера — великое княжество... Оно имеет в разных местах обширнейшие и пустынные равнины, а около Брянска огромный лес. Крепостей и городов в нём очень много; среди них наи-*



Свистулька–петушок. Глина. 1–я половина XV в. (с. Крупец, Беловский район). Дар С.А. Ермаковой. Курский государственный областной музей археологии.



Великое княжество Литовское в конце XIV–XV вв.



Свидригайло Ольгердович, князь северский и великий князь литовский. Изображение из «Описания Европейской Сарматии» А. Гваньини (1578 г.).

более знамениты Стародуб, Путивль и Чернигов. Почва, где она возделывается, плодородна. Леса изобилуют огромным количеством горностаев, белок и куниц, а также мёда. Народ, постоянно сражающийся с татарами, весьма воинственен».

Эта характеристика в полной мере относится не только к жителям Северщины в целом, но и к обитателям Курской земли в частности. Известно, что в августе 1399 г. рыльская дружина под началом князя Фёдора Патрикеевича храбро билась на Ворскле с татарами Едигея и Тимур–Кутлука, входя в состав армии знаменитого литовского князя–воителя Витовта. Плечом к плечу с рылянами сражались воины Западной Руси, литовцы, поляки и даже отряд рыцарей Тевтонского ордена вместе с татарами свергнутого хана Тохтамыша.

Битва на Ворскле является, пожалуй, наиболее ярким событием в истории «литовского периода» на Левобережье Днепра. Татары одержали решительную победу. В битве пало множество русских и литовских князей. Погиб на поле брани и рыльский князь Фёдор Патрикеевич.

Ослаблением Литвы после Ворсклинского поражения вскоре попыталось воспользоваться Великое княжество Московское. В 1406 г. Северские земли стали подвергаться набегам московских союзников — князей тверских и князей новосильских. В 1408 г. в тайные переговоры с великим князем московским Василием I вступил князь северский Свидригайло Ольгердович. Он надеялся при поддержке Москвы добиться великокняжеского престола в Литве.

Литовские летописцы характеризуют Свидригайло, как *«чловека перхливого и неуставичного, и пияницу обжирливого»*. Правда, утверждения хрониста, будто своим подданным князь *«обмерзел для* [своего] *окрутенства и пянства»*, следует принимать с известной осторожностью, поскольку далее в летописи приводится ещё одна немаловажная причина недовольства литовской знати — Свидригайло *«руси и москве болш зычил и уряды им роздавал»*. Поэтому более взвешенной представляется характеристика, которую дал этому князю видный историк академик М.К. Любавский: «Свидригайло давно уже стал популярною личностью в русском насе-



Литовско–русский князь. XIV в. Реконструкция О.В. Фёдорова (по: «Куликово поле». Тула, 2007).

Воин Великого княжества Литовского на печати князя Кейстута. 1379 г. Легенда на печати: «S[igilum] KYNSTVTTE DVX DE TRACKEN» («Печать Кейстута князя тракайского»).

лении великого княжества. Это был беспокойный, неугомонный человек, давным–давно уже стремившийся сесть на великом княжении... Где–где он не перебывал в течение своей многомятежной жизни!.. Во время своих скитаний Свидригайло приобрёл себе множество друзей и приятелей среди русских князей и бояр. Неутомимо стремясь к великокняжескому престолу, Свидригайло заискивал у всех и дружил со всеми, кто мог быть ему полезным. Русских людей он привлекал к себе своею щедростью, гостеприимством и расположением, какое оказывал их вере и обрядам, хотя сам и оставался всё время католиком. Неудивительно поэтому, что русские люди горою стояли за Свидригайло и готовы были жертвовать для него всем».

Достигнув согласия с Василием I, Свидригайло возглавил обширный заговор, объединивший северских и подольских князей. Заговорщики планировали начать восстание против великого князя Витовта, когда московские войска и татары хана Булат–Султана пересекут рубежи Великого княжества Литовского. Узнав об этом, Витовт велел своим боярам занять северские замки. Тогда Свидригайло открыто перешёл на сторону Москвы, бежав ко двору Василия I вместе со своими сторонниками.

Война вспыхнула с новой силой. Войска Витовта подошли к Угре, но московские ратники и дружины северских и верховских князей во главе со Свидригайло не дали ему возможности переправиться через реку. Не стал рисковать и великий князь московский — в рядах войск Витовта находились поляки под командованием Збигнева из Бжезя и 1800 крестоносцев Тевтонского ордена. Расширять конфликт было опасно. В итоге в 1408 г. был подписан мир на условии сохранения довоенных границ по Угре.

Однако беспокойный Свидригайло и после этого не прекратил попыток отвоевать себе литовский трон, пытаясь заручиться помощью то татар Едигея, то крестоносцев. В результате провала всех своих интриг осенью 1409 г. он оказался в заточении. Свободу он получил лишь в 1418 г. благодаря усилиям православных князей и бояр. В 1420 г. он, наконец, примирился с Витовтом и вновь получил от него в удел Северские земли с городами Брянском, Черниговом, Новгородом–Северским и Трубчевском.

С этого момента вплоть до 1430 г. Свидригайло оставался верным вассалом Витовта, охраняя границы Великого княжества Литовского. В 1421 г. он успешно отразил татарский набег, отослав захваченных пленников в Вильну. В последующие годы он во главе своих северских подданных участвовал в войнах Польши и Литвы против Тевтонского ордена и Новгорода Великого. Став, наконец, великим князем литовским после смерти Витовта, он попытался упрочить свою независимость от Польского королевства. Однако в 1432 г. заговорщики свергли его с престола и сделали великим князем брата Витовта, Сигизмунда Кейстутовича. Под властью Свидригайла остались восточная Подолия, Волынь, Киевская и Северская земли.



Русские воины. 2–я половина XIV в. Реконструкция А. Макбрайда (по V. Shpakovsky, D. Nicolle).

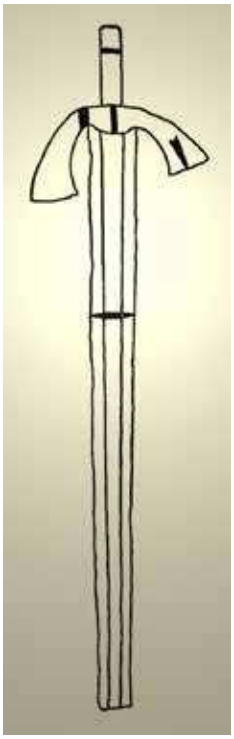
Опираясь на силы этих территорий, он возобновил борьбу за власть. Но теперь ему приходилось сражаться также и против польских войск, выступивших на поддержку Сигизмунда. Участвуя в литовской усобице, Польша рассчитывала расширить свои владения и укрепить своё влияние на востоке.

Жители Северской земли, как и прочие православные подданные Литвы, поддержали Свидригайло в борьбе с Польшей, стремившейся полностью подчинить Великое княжество Литовское своему религиозному и политическому господству. В свою очередь и Свидригайло видел в жителях Северщины свою опору. Об этом говорит, например, жалованная грамота, данная им одному из северских бояр, Тимофею Богушу, в знак причисления его к сословию рыцарей великокняжеского двора с предоставлением прав литовской хоругвой шляхты. Основанием этого пожалования послужило то, что сам Свидригайло *«видев и знаменав службу, нам верную, николи неомешканую нашого верного слуги, пана Богуша Оверкича Тимоха, который будучи з земли Сиверское от Новогородка роду знатного, великого, человеком рыцарским, а хочечи тем более рыцарства своего доказовати».*

Надо полагать, что пан Богуш был не одинок в своей верной службе беспокойному литовскому князю. Погребение одного из таких витязей, рядом с останками которого лежал рыцарский меч, было случайно обнаружено в 1998 г. в Диканьке (Полтавская область). Не так давно и в Путивльском районе также была сделана уникальная находка западноевропейского меча, датируемого концом XIV в. Подобным оружием владели воины, сражавшиеся под знамёнами литовских князей от времён Ольгерда до Свидригайла. Таким мечом мог владеть и северский рыцарь пан Тимоха Богуш.

В своей борьбе против Польши Свидригайло опирался также на поддержку Орды и даже извечного врага Литвы — Тевтонского ордена. Однако татары были опасными союзниками. Они, как и рыцари–крестоносцы, были заинтересованы не столько в победе Свидригайло, сколько в ослаблении и разорении его княжества. В 1433 г. татары, которых привёл на подмогу своему князю воевода Ивашко Монивидович, вместо того, чтобы сражаться с поляками, учинили разорение на Киевщине и в Северской земле. Подобным образом действовали они и впредь. Несомненно, что страдали от подобной союзнической помощи и Курские земли.

В апреле 1434 г. умирает польский король Владислав Ягайло, и его сын, Владислав III, стремясь упрочить своё положение, объявляет об уравнении в правах с польской шляхтой православных бояр Подолья и Червонной Руси. Это, а также тяготы затянувшейся войны, пошатнуло позиции Свидригайло. Часть православного боярства и духовенства даже составила весной 1435 г. заговор с целью передать Сигизмунду Смоленск. Однако заговор был раскрыт, а главу его, митрополита Герасима, взбешённый Свидригайло приказал сжечь живьём на костре.



Меч. Железо. Конец XIV в. Путивльский район (Сумская область, Украина).

Наконец, 1 сентября 1435 г. войска Свидригайла потерпели решительное поражение в битве при Вилькомире (Укмярге). В сражении пало 13 князей, а ещё 42 князя попали в плен. Сам Свидригайло в сопровождении всего тридцати воинов бежал в Полоцк. Оправиться от этого удара ему уже не удалось. Вскоре власть Сигизмунда признали Смоленск, Мценск и Стародуб. Хотя к весне 1436 г. Свидригайло и сумел вернуть себе два последних города (явно не без поддержки своих сторонников в Северской земле), дело его было уже проиграно. Он уступил власть в Литве Сигизмунду, однако тому недолго пришлось наслаждаться плодами победы. Утвердившись на престоле, жестокий и скупой Сигизмунд *«удался на окрутное тиранство»*. Вскоре против него возник заговор, и в марте 1440 г. Сигизмунд Кейстутович был убит заговорщиками во главе с православным князем Яном Чарторыйским. На литовско–русский престол, без согласия Польши, был избран сын Ягайло, тринадцатилетний Казимир. Чтобы упрочить своё положение, новому правительству пришлось пойти на уступки. Свидригайло получил в своё пожизненное владение обширное удельное княжество на Волыни и упрямо продолжал титуловать себя «великим князем литовским». Новые владения получил и князь киевский Олелько Владимирович. Ему были переданы южные Северские земли — Остерские и Путивльские.

В 1447 г. Польша и Литва вновь объединились под властью единого правителя — короля Казимира. Недовольные литовские вельможи в свою очередь сплотились вокруг Михаила Сигизмундовича — сына великого князя литовского Сигизмунда Кейстутьевича. На помощь вновь были призваны татары. В 1449 г. Михаил во главе литовско–ордынского войска захватил Стародуб, Новгород–Северский и «ряд других замков» на Северщине. Польские войска были разбиты, и против претендента вынужден был выступить сам король Казимир. В июне того же года он отбил у Михаила Новгород–Северский, Стародуб и Брянск, а к августу, при помощи великого князя московского Василия II Тёмного, окончательно разгромил своего соперника. Примечательно, что Василий Тёмный прислал на помощь Казимиру отряд татар во главе с царевичем Якубом, сыном хана Улу–Мухаммеда.

В конечном итоге Казимир прочно утвердился на троне, и это позволило ему приступить к решительным действиям во внутренней политике. В 1471 г. после смерти киевского князя Семёна Олельковича удельное Киевское княжество, в состав которого входили и Путивльские волости, было ликвидировано. В Киеве обосновался великокняжеский наместник, воевода Мартин Гаштольд. Одновременно король даровал жителям упразднённого княжества «Привилей», предоставлявший им определённые права и льготы, ограничивая при этом самоуправство властей. В частности, воеводы киевские отныне не имели права *«по пасекам и по землям бортным медов на себе братии, а по рекам не мают бобров гонити и озер их волочити, ани по лукам их осетров братии, ни по ловом всякого зверу ловити, ни стреляти, ни птах не ловити, ани стрельцов своих не мают в их именья всылати. А на месте киевском и по иншим замком нашим, што кольвек люди их на продажу привезут медов, жит и ярин, и бобров, и куниц, и лисиц, и рыб свежих и вяленых, того всего воеводы киевские, пенязи не заплатив или силою не мают братии».*

Текст этого документа хорошо показывает, чем именно были богаты подвластные киевским воеводам земли, а также какую роль в жизни их населения играли различные промыслы — охота, бортничество, рыболовство. Для восточно–северских земель (путивльской, рыльской) это будет характерно и в последующие столетия.

БИТВА НА ВОРСКЛЕ

В августе 1399 г. рыльская дружина под началом князя Фёдора Патрикеевича храбро билась на берегах Ворсклы с татарами, входя в состав армии знаменитого литовского князя–воителя Витовта. Плечом к плечу с рылянами сражались воины Западной Руси, литовцы, поляки и даже отряд рыцарей Тевтонского ордена вместе с татарами свергнутого хана Тохтамыша. Битва на Ворскле является, пожалуй, наиболее ярким событием в истории «литовского периода» на Левобережье Днепра.

Истоки конфликта уходят своими корнями в события осени 1396 г., когда хан Тохтамыш потерпел поражение в борьбе за власть в Золотой Орде и был изгнан из её пределов своим соперником Тимур–Кутлуком, которого поддерживал фактический правитель Орды, эмир Едигей (Идигу). Русские летописи говорят о Едигее, что он был «велики бе во всей Орде и могуществен, и крепок, и храбр зело», но называют его «лукавым и злохитрым». Как и в своё время Мамай, Едигей «всё царство един держаше и по своей воле царя поставляше». При нём Орда пережила последний взлёт своего военного могущества.

Между тем Тохтамыш, бежав на территорию Литвы, заключил союз с великим князем Витовтом, который решил воспользоваться ордынской смутой для усиления своей власти в бывших татарских владениях. Поддерживая нового союзника, литовский князь водил свои войска к берегам Дона и к устью Днепра. Решающая схватка произошла летом 1399 г.

Для похода в глубь степей Витовт собрал огромную армию. Папа Римский Бонифаций IX отпустил грехи всем участникам этого похода, кто выступил на защиту христианства против неверных татар. В состав войска Витовта входили литовско–русские дружины нескольких десятков князей из династий Рюриковичей и Гедиминовичей. Был среди них и рыльский



Витовт, великий князь литовский. Изображение из «Описания Европейской Сарматии» А. Гваньини (1578 г.).

князь Фёдор Патрикеевич, возглавлявший воинов Курского края.

Помимо литовско–русских ратников и татар Тохтамыша, войска Витовта пополнили отборные польские воины и рыцари Тевтонского ордена. Среди поляков признанным вождём был пан Спытко из Мельштына. Тевтонскими рыцарями предводительствовал Маркварт фон Зальцбах. Располагал Витовт и полевой артиллерией.

По словам Никоновской летописи, Витовт и Тохтамыш выступили в поход *«с великою похвалою и гордостью, сице хваляшеся, глаголя: «поидем пленити землю Татарскую, победим царя Темир–Кутлуя, возмем царство его и разделим богатство и имение его, и посадим во Орде на царстве его царя Тахтамышя… и то будет все наше и царь наш, а мы не точию Литовскою землею и Полскою владети имамы, и Северою, и Великим Новымгородом, и Псковом, и Немцы, но и всеми великими княжении Русскими, и со всех великих князей Русских учнем дани и оброкы имати, а они нам покорятся и служат и волю нашу творят, якоже мы хотим и повелеваем им»*. Таким образом, успех похода сулил основательную перекройку политической карты. И, казалось бы, для этого имелись все основания.

Выступив из Киева 18 мая, армия Витовта перешла Псёл и Сулу, достигнув Ворсклы только к началу августа. Выдвинувшись «в поле Татарское далече», она остановилась «на брезе у реки Ворсколы». Точное местонахождение поля великой битвы неизвестно. Скорее всего, место битвы находилось несколько южнее современной Полтавы у старинного брода.

Когда литовские войска приблизились к Ворскле, на другом берегу реки уже стоял хан Темир–Кутлук «со всею силою Татарскою». Видя приближение неприятеля, татары перешли реку и вступили в переговоры с Витовтом. Темир–Кутлук явно тянул время, ожидая подхода Едигея с крупными силами.

Уверенный в своём неоспоримом превосходстве, Витовт выслал на переговоры пана Спытко из Мельштына, судя по всему, хорошо знакомого и с Темир–Кутлуком, и с татарами вообще.

В сознании своей мощи Витовт через посредство пана Спытко заявлял младшему по возрасту татарскому хану: *«Бог*



Печать великого князя литовского Витовта. 1407 г. Легенда на печати — «Sigillum Allezandri ahas Witowdi Magnus Ducis Lithwanie anie et cetera» («Печать Александра иначе Витовда великого князя Литвы и иных [земель]»).



Знатные литовские воины. Конец XIV — начало XV вв. Реконструкция И. Дзыся (по А. Васильеву).



Русский князь с дружинниками. 2–я половина XIV в. Реконструкция И. Дзыся (по А. Щербакову и И. Дзысю).



Воины Золотой Орды. 2–я половина XIV в. Реконструкция И. Дзыся (по А. Щербакову и И. Дзысю).

покорил мне все земли, покорися и ты мне и буди мне сын, а яз тебе отец, и давай ми на всяко лето дани и оброкы; аще ли не хощеши тако, да будеши мне раб, а яз Орду твою всю мечу предам».

Тимур–Кутлук соглашался на всё, но запросы Витовта всё росли, и он, наконец, потребовал чеканить на ордынских монетах его имя. Хан испросил у него три дня сроку на раздумье, в то же время *«посылаше к Витофту скота много, волы, овцы, чествуя его»*. Через три дня на противоположном берегу Ворсклы появилась армия эмира Едигея. Ситуация резко изменилась.

Лагерь Витовта был огорожен коваными возами, сцепленными железными цепями, его защищали бойцы «со многими пищалми и пушками и самострелы». Атаковать его с ходу татары не могли. Поэтому Едигей продолжил прерванные было переговоры: *«глаголя сице Едигей: «Видися сам со мною, о добрый и удалый Витофте». И тако начяша глаголати, а межи их река Ворскола».*

Эмир заявил Витовту, что литовский князь, конечно, был прав, почитая Тимур–Кутлука своим сыном, поскольку был много старше него. Однако теперь всё переменилось. Сам Едигей годится в отцы Витовту, а потому требует от него должного почтения: *«яко аз есмь стар пред тобою, а ты млад предо мною, и подобает мне над тобою отцем быти, а тебе у меня сыном быти, и дань и оброки на всяко лето мне имати со всего твоего княжениа, и во всем твоем княжении на твоих денгах Литовских моему Ординьскому знамени быти».*

Услышав это, Витовт повёл себя именно так, как ожидал от него хитрый старый эмир: *«Витофт же Кестутьевичь, слышав сие, возъярися зело и возкричя и повеле воинству своему всему на битву готовитися».* Спытко из Мельштына пытался убедить Витовта продолжить переговоры, однако его голос потонул среди воинственных кличей «молодых панят русских», которыми овладела нестерпимая «охота до бою». Они *«лаяли старых, мовячи: «Мы хочем битися а не мирити; битися и битися пришлисмо».*

Польские историки рассказывают, что некий пан Павел Щуковский, «гордый сердцем, дерзкий языком», крикнул владетелю Подолии: *«Если по любви к своей жене прекрасной и обширным владениям своим страшишься ты смерти, то не охлаждай других, готовых отдать жизнь в бою».* На это



Польские рыцари и арбалетчик. 2–я половина XIV в. Реконструкция Д. Эмблетона (по W. Sarnecki, D. Nicolle).



Рыцари Тевтонского ордена. Конец XIV — начало XV вв. Реконструкция М. Шишко (с сайта «Projekt Tannenberg»).

рыцарь Спытко хладнокровно отвечал: *«Божьей милостью имею предчувствие, что ты в сей день со срамом обратишься в бегство, а я с честью паду в битве».* Слова его оказались пророческими.

Битва разразилась во вторник 12 августа 1399 года, в день св. мучеников Фотия и Аникиты. Явно со слов чудом уцелевшего очевидца летописец писал позднее: *«и бяше тамо видети страшно обе силы великы снимающеся на кровопролитие и смерть».*

Сражение началось в седьмом часу дня — примерно в 11:30 по современному исчислению времени. Позднейшие авторы утверждают, что первыми атаковали воины Витовта. Однако тексты летописей свидетельствуют как раз об обратном. Первыми ринулись в бой всадники Едигея, перешедшие неглубокую, по всей видимости, в этих местах Ворсклу вброд. Первый этап боя свёлся к традиционной для татар конной атаке, когда всадники, кружа вокруг укреплённого лагеря, осыпали его беспрерывным дождём стрел. Осаждённые отстреливались из самострелов и пищалей, не давая противнику чересчур близко подойти к ограде табора.

Вслед за этим, похоже, Едигей применил второй традиционный ордынский приём — ложное отступление. Его целью было выманить противника из укреплённого стана. И это ему блестяще удалось. Увлечённые жаркой схваткой, литовско–русские князья и воеводы не заметили, как татары, укрытые тучами пыли, поднявшейся из–под копыт наездников Едигея, произвели перегруппировку своих сил. Основная их часть быстро и скрытно, вероятно, через другой брод, была переброшена в стан Тимур–Кутлука. Отсюда и был нанесён решающий удар, когда, воодушевлённые своим успешным натиском, дружины Витовта оторвались от укреплённого табора: *«приспе царь Темир–Кутлуй с великою силою Татарскою, и обыдоша их аки кругом, и подстреляша под ними кони, и надолзе зело биющимся им крепко велми обоим, и бысть брань люта и сеча зла зело, и паки начяша премогати Татарове».*

Обойдя зарвавшихся рыцарей, татары перебили под ними коней, после чего путь к отступлению для них был отрезан. В жестокой рукопашной схватке вышедшие в «чисто поле» литовско–русские полки были истреблены: *«и так татаре збили все наше войско и роспорошили, мало где кто сховался або ушол, и то пехотою, снадней в траве нижли конем сховавшися».*



Битва на Ворскле. Реконструкция М.В. Горелика (по И. Измайлову, 1993).

Видя неминуемый разгром своего союзника, первым с поля боя бежал предусмотрительный Тохтамыш. Это положило начало паническому бегству. Поднявшееся в лагере смятение привело к тому, что татары захватили укреплённый стан: *«взяша обоз, и телеги кованыя утверженныя с чепми железными, и пушки и пищали и самострелы, и богатство многое и великое, златыя и сребряныя сосуды поимаша».* Бежал и сам Витовт со своими братьями Сигизмундом и Свидригайло — «в малой дружине фортелем промыслным». Польские рыцари Сендзивой из Остророга и Доброгост из Шамотул неотступно сопровождали великого князя, не давая татарам пленить его.

В то же время орда Тимур–Кутлука, «пролиаша кровь, аки воду», двинулась на Киев. Киевляне откупились огромной суммой в 3000 рублей, однако земли литовско–русского порубежья подверглись страшному опустошению. Хан *«силу свою розпустил воевати земли Литовскиа; и ходиша рать Татарскаа, воююще, даже и до великого Лучска, и много городов поплениша, и много стран повоеваша и пусто сътвориша... в земли Литовской бысть тогда скорбь и сетование, и плачь мног, и людей оскудение велие».* Среди этих разорённых земель находился, несомненно, и Курский край. Согласно мнению современных украинских историков и археологов, именно нашествие Едигея повлекло за собой страшное опустошение и гибель многих селений Днепровского Левобережья.

На поле боя осталось множество павших ратников. Летописец сообщает, что погибло *«всех князей именитых славных 70 и 4. А иных воевод и бояр великих, и христиан, и Литвы, и Руси, Ляхов и Немцев, елико избито, многое множество кто возможет изчести?».* Среди павших находились храбрые братья Ольгердовичи, Андрей и Дмитрий, участники победной Куликовской битвы, польский воевода Абрам Соха и десять братьев–рыцарей Тевтонского ордена. Тут же погиб и храбрый пан Спытко из Мельштына, не пожелавший воспользоваться подаренным ему Едигеем охранным колпаком — обладатель его был неприкосновенен для татарских воинов. Насмехавшийся над ним пан Щуковский, как и предсказывал перед битвой погибший рыцарь, бежал с поля боя в числе первых. Погиб на поле брани и рыльский князь Фёдор Патрикеевич.

Значение битвы было огромно. Юго–восточная политика усиливающегося Литовского государства потерпела неудачу. Используя ослабление Витовта, в 1401 г. предприняли попытку добиться независимости Смоленск и Рязань. Беспокойно было и среди вассалов Среднего Поднепровья. Наместником этих земель Витовт спешно назначил своего родича и верного приверженца князя Ивана Ольгимунтовича Гольшанского. Планы воинственного князя по обособлению своих владений были оставлены. Поневоле ему пришлось крепить союз с Польским королевством и пойти на формальное включение Литвы в его состав согласно акту Виленской унии 1401 г. В свою очередь Золотая Орда доказала, что, несмотря на внутренние смуты, она всё ещё остаётся мощной военной державой. А Великое княжество Московское могло теперь какое–то время не опасаться серьёзной угрозы со стороны ослабленной страшным поражением Литвы.

ЗАМОК НА ХОЛМЕ:

на страже порубежья Великого княжества Литовского

Присоединив огромные территории на востоке, Великое княжество Литовское принимало меры по защите их от вражеских набегов. Усиливалась оборона городов, строились новые пограничные крепости. Одной из них, судя по всему, являлось городище Царский Дворец, входящее в настоящее время в состав Гочевского археологического комплекса.



Ярмак — серебряная монета хана Менгу–Тимура. Крым, 1266/67 г. Раскопки Г.Ю. Стародубцева. Курский государственный областной музей археологии.

Городище представляло собой мощный укреплённый пункт, контролировавший въезд на Гочевское поселение со стороны поймы реки Псёл, а также сухопутный путь, проходящий здесь ещё с XI в. Вероятно, оно было основано в качестве пограничной крепости Великого княжества Литовского вскоре после присоединения территории верхнего Псла в 1360–х гг. Несомненно, крепость существовала ещё в конце XIV в., о чём свидетельствуют находки ордынских монет XIII–XIV вв.

Замок имел две укреплённые площадки, большая из которых (внешняя) должна была служить убежищем жителям расположенного за валом поселения. Внутренняя площадка представляла собой небольшую, но мощную цитадель. Оборону крепости обеспечивала тщательно продуманная сложная система оборонительных деревоземляных укреплений, умело вписанная в рельеф местности и включающая в себя эскарпированные склоны, земляные валы, рвы и рубленые стены.

Глубокий ров охватывал внутреннюю цитадель полукольцом с северной, западной и южной сторон. Въезд находился в её южной части. Внешняя площадка примыкала к внутренней с напольной стороны и отделялась от нее, помимо рва, небольшим валом. Со стороны поселения она была укреплена валом и рвом. В склон мыса коренного берега была врезана дорога, ведущая из поймы реки Псёл. Двигаясь по ней, можно было попасть и на внешнюю, и на внутреннюю площадку крепости. При этом передвижение по дороге находилось под полным контролем воинов на замковых стенах.

При исследовании вала внутренней площадки были выявлены особенности сооружения городища. Избранный для возведения крепости мыс до начала строительства имел небольшую площадку, имеющую пологие уклоны, как в сторону поймы, так и в сторону урочища Римок. В начале строительства укреплений площадка была приподнята и выровнена при помощи дополнительной подсыпки материкового грунта, который удерживали насыпанные поперек мыса плотно утрамбованные валы. С северной стороны грунт от оползания предохраняли срубные деревянные конструкции, представляющие собой горизонтальные бревна («кожух»), связан-



Исследование городища Царский Дворец. Раскопки Г.Ю. Стародубцева.



Расчистка погребения на площадке городища. Экспедиция Г.Ю. Стародубцева.



Знатный русский воин. XIV в. Реконструкция О.В. Фёдорова (по «Куликово поле». Тула, 2007).



Наплечник панциря и наконечник пики. Железо. Раскопки Г.Ю. Стародубцева. Курский государственный областной музей археологии.



Размещение наплечника. Реконструкция.



Золотоордынский воин. XIV в. Реконструкция О.В. Фёдорова (по «Куликово поле». Тула, 2007).



Останки защитника крепости со следами рубящих ударов. Раскопки Г.Ю. Стародубцева.

ные с насыпью поперечными кругляками и соединенные между собой «в паз». Затем образовавшаяся ровная площадка была обнесена кольцом оборонительного вала.

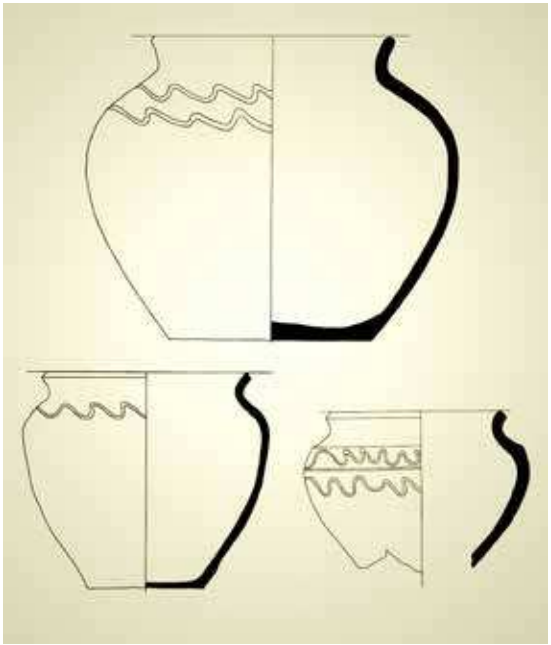
Сооружение насыпи вала было произведено в очень короткий срок — в течение 2–3 лет. Об этом свидетельствуют находки наконечников стрел, острия которых были направлены внутрь городища. Первоначально в склоне была вырезана площадка для увеличения площади, на которой позднее была сооружена первоначальная насыпь вала. Склоны этой насыпи были укреплены светло–коричневой глиной. Поверх этого глиняного слоя при раскопках было обнаружено множество осколков керамики, обмазки, костей и рогов животных (в том числе и диких — кабана, косули), а также древесная кора и тлен щепы. Похоже, что строители, зимовавшие на месте будущей крепости, использовали склон вала в качестве свалки отходов. Вот на этом уровне, после некоторого сезонного перерыва, с наружной стороны вала и началось строительство срубных деревянных конструкций, соединенных между собой «в паз», служивших для предотвращения оплыва насыпи в ее нижней части. После этого вал был досыпан до необходимой высоты и на его гребне были установлены деревянные рубленые клети крепостной стены.

При раскопках были выявлены клети оборонительной стены, располагавшиеся с внутренней стороны мысового вала городища и сгоревшие во время пожара. Они имели наружные двойные деревянные стены, забутованные внутри материковой глиной. В пределах одной из таких клетей было открыто подземное помещение, врезанное в толщу вала. Внутри него стояла глинобитная печь — вероятно, здесь находилась караулка для воинов, стоявших на страже на стенах замка.

Во время исследований на территории крепости обнаружены железные наконечники стрел и пики, панцирная наплечная пластина, фигурная накладка на сумку, конские удила и фигурная ременная накладка. Все они датируются второй половиной XIV — началом XV вв. Это также свидетельствует о том, что в составе гарнизона замка находились тяжеловооружённые всадники.



Глиняный сосуд из заполнения подземной части клети крепостной стены. Раскопки Г.Ю. Стародубцева. Курский государственный областной музей археологии.



Глиняные сосуды городища Царский Дворец (по Г.Ю. Стародубцеву, А.В. Зорину, 2009).

Пограничный замок подвергался нападениям уже с самого начала своего существования. Враги пытались помешать даже строительству крепости, о чём говорят найденные в толще вала наконечники стрел, следы сгоревших наземных строений и захоронения нескольких погибших защитников. Однако нападение было отбито и замок удалось выстроить согласно заранее продуманному плану. Но простоял он на высоком берегу Псла недолго.

В ходе раскопок в слое пожарища было выявлено более 100 погребений мужчин, женщин и детей, погибших в ходе разгрома городища. Многие костяки носят на себе следы рубящих ударов. Вскоре после взятия крепости уцелевшие жители поселения или подошедший из ближайшей крепости отряд похоронили погибших на территории городища.

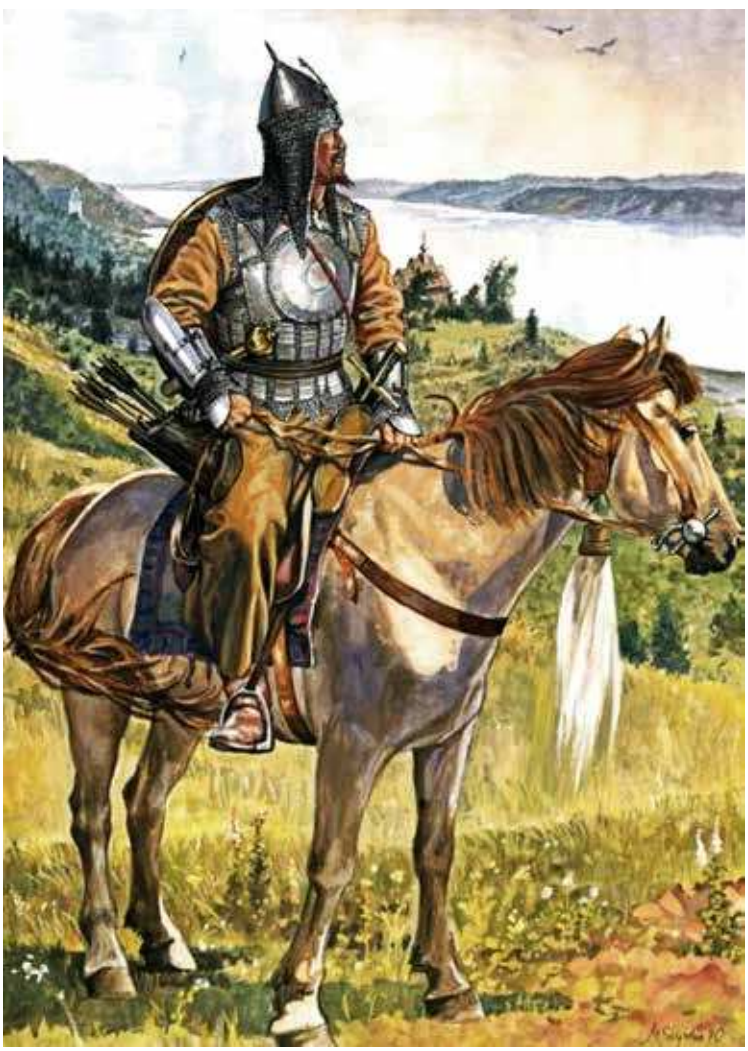
Гибель городища Царский Дворец, вероятно, может быть связана с событиями, последовавшими за разгромом литовско–русской армии Витовта и татар Тохтамыша объединенными силами Тимур–Кутлука и Едигея 12 августа 1399 г. в битве на Ворскле. Преследуя остатки побежденной армии Витовта, отряды победителей рассеялись по всем землям литовско–русского порубежья, грабя города и селения.

О том, что крепость пала летом, свидетельствует и состояние печи в подземной клети. Она была тщательно вычищена, а печной под имел следы починки — в него вмазали стенки разбитых сосудов. После ремонта и до самого дня гибели крепости печь не топилась, хотя и была полностью подготовлена к «новому отопительному сезону».

Таким образом, возможно, именно события августа 1399 г. привели к разгрому и сожжению замка на реке Псёл. Жизнь в городке, лишённом крепостной защиты, продолжалась после этого недолго. Скорее всего, город умер, превратившись сначала в незначительный поселок, а затем окончательно исчез.

ТАИНСТВЕННАЯ ЕГОЛДАЕВА ТЬМА

В ярлыках крымских ханов первой половины XVI вв., а также в актах Литовской Метрики середины — 2-й половины XV в. содержатся упоминания о Яголдаевой (Егалтаевой, Еголдаевой) тьме и князьях Яголдаевичах (Яголдаях, Еголдаях). Долгое время эти скупые сведения не давали покоя историкам, пытавшимся установить, где находилось и что из себя представляло загадочное княжество Яголдая. Благодаря усилиям русских, польских и украинских исследователей ныне стало возможно восстановить в общих чертах давно утерянную страницу истории Курского края.



Знатный татарский воин на службе у Великого княжества Литовского. Реконструкция М. Шишко (с сайта «Rzeczpospolita»).

Чтобы уберечь свои рубежи от вражеских набегов, Литва охотно принимала на службу беглецов из Орды. Многие татары перебрались в Литву после поражения Тохтамыша. Автономные татарские общины уже со времён Витовта не были тут диковиной. «В Литовском государстве были поселены как военнопленные, так и те татары, кто искал в нём убежища, — пишет литовский историк Э. Гудавичюс. — Способ поселения мог влиять на расслоение в среде самих татар, однако более всего оно определялось их же общественными взаимоотношениями, в которые государственная власть почти не вмешивалась… татары были ценимы великими князьями как умелые и дисциплинированные всадники. Не было попыток нарушить родовые связи, поскольку на них опиралась татарская военная организация... Татары Киевской области и степей Подолья остались животноводами, сохранившими племенную структуру и организацию... Татары, обосновавшиеся на севере Великого княжества, за свою службу были вознаграждены землёй в соответствии с феодальными правоотношениями, стали вести оседлую жизнь и исполнять повинности, обязательные для других жителей государства». Ситуация Еголдаевой тьмы была, вероятно, более близка к положению, сложившемуся на Подолье.

Еголдаева тьма раскинулась на самом краю опасных степей, в верховьях рек Оскол, Сейм, Псёл и Северский Донец, на крайнем востоке Курского края. Центром тьмы было, видимо, известное по документам конца XVI–XVII вв. «Еголдаево городище», находившееся в 40 верстах от истоков Оскола «за речкой Опонькой (Апочкой)». Входили в её состав, судя по всему, также города Мужеч, Милолюбль и Оскол. Согласно изысканиям украинской исследовательницы Е.Е. Русиной, Милолюбльская волость находилась где–то на Северском Донце, а Мужецкая охватывала собой территорию вдоль верхнего течения Псла между Суджей и Обоянью (по рекам Пслу, Псельцу, Обоянке, Ивнице, Пенам, Бобровице, Воробже, Белице, Рыбнице и Каменке).

Точное местонахождение самого Еголдаева городища до сих пор остаётся неизвестным. Наиболее вероятно, что на месте его ныне располагается город Старый Оскол. По крайней мере, в Разрядных книгах при рассказе о его основании говорится, что «лета 7105–го года сентября в 1 день [11 сентября 1596 г.]… государь послал города же ставить на Волдаеве городище… на Оскол, усть Оскала [Оскольца] против Тюляфины Поляны». Вероятно, мы имеем тут дело с ошибкой писца и под «Волдаевым городищем» следует понимать городище «Еголдаево».

Генеалогия правившего этими землями литовско–татарского рода неясна. По мнению польского исследователя Ст. Кучиньского, Яголдай Сараевич и брат его Усейн находились среди военачальников Улу–Мухаммеда во время его похода на Белёв в 1438 г., а отцом их был упоминаемый в русских летописях под 1408 г. татарский князь Сарай, Урусахов сын. «Князь Еголдай» упоминается также в Литовской Метрике под 1440–1445 гг. и под 1486 г. Во втором случае, впрочем, мог подразумеваться не сам основатель тьмы, а его потомок — имя предка нередко превращалось в Литве в родовое прозвище. В целом, Ст. Кучиньский, а вслед за ним немецкий историк Б. Шпулер, видные советские исследователи Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский считали, что основание Еголдаевой тьмы следует отнести примерно к 1438–1440 гг.

Однако, согласно мнению украинского историка Ф. Петруня, Еголдаева тьма существовала уже в конце XIV в., как то показывает анализ ярлыка хана Менгли–Гирея, ядро которого восходит к тексту аналогичного документа — ярлыка, выданного Тохтамышем князю Витовту в 1397 г. Исходя из этого польский историк С. Кричиньский предположил, что основателем тьмы и рода Яголдаевичей был дед Яголдая Сараевича, носивший то же имя, — бек Яголтай, присутствие которого отмечено при заключении договоров между Золотой Ордой и Венецией в 1347 и 1358 гг. Вспыхнувшая в Орде «великая замятня» вынудила его искать убежища в Северских землях, куда он перебрался либо в 1380 г. вместе с Мансур–Киятом, предком князей Глинских, либо в 1397 г. вместе с ханом Тохамышем. Другая версия, изложенная Е.Е. Русиной, связывает происхождение рода с татарским старейшиной Сарайкой из окружения Мамая, упоминаемого русскими летописями в 1374–1375 гг. Исходя из факта упоминания Еголдаевой тьмы в ханских ярлыках как владения, которым ханы вправе распоряжаться, следует, что это политическое образование возникло ещё до перехода Днепровского Левобережья под власть Великого княжества Литовского.

Но в любом случае правящий род быстро приспособился к новым условиям своей жизни — христианизировался и породнился с литовско–русской знатью. У жившего в середине XV в. князя Яголдая Сараевича и его жены Елизаветы было два сына. Старший, князь Роман Яголдаевич, выдал свою единственную дочь замуж за князя Юрия Борисовича Вяземского, отписав ей свои вотчины, среди которых были города Путивльского повета — Мужеч, Милолюбль и Оскол. Младший, князь Зиновий Яголдаевич, выдал своих дочерей за знатных киевских бояр — Михаила Гагина, Дебра Калениковича, Федько Галенича (Голенчича) и Кунца Сенковича. В грамоте Сигизмунда I, подтверждающего земельные пожалования Выдубицкому монастырю, упоминается и дар, сделанный обители ещё одной представительницей этого литовско–татарского рода: «Зеновьевая Яголдановна Яцковича Ельцовича передала



Курский край в конце XIV–XV вв.

на тояж монастырь селище на Стугне». Как полагает Е.Е. Русина, здесь также имеется в виду дочь князя Зиновия Яголдаевича, которая вышла замуж за боярина Яцка Ельцевича.

В результате перехода вотчин Яголдаевичей в руки княгини Вяземской Еголдаева тьма фактически прекратила своё существование как самостоятельная политическая единица. Около 1494 г. Елизавета Романовна вместе со своим мужем «отъехала на Москву», и её земли перешли в собственность великого князя Александра. По ходатайству киевских бояр, женатых на её двоюродных сёстрах, в 1497 г. эти имения были разделены между ними. После похода войск воеводы Я.З. Кошкина в 1500 г. территория бывшей Еголдаевой тьмы вошла в состав Великого княжества Московского. При этом в результате захвата Путивля в плену оказалась одна из дочерей Романа Яголдаевича — супруга боярина Дебра Калениковича. Её судьба обсуждалась во время московско–литовских мирных переговоров в 1511 г. Муж другой представительницы рода, Михаил Гагин, бежал из Литвы в 1507 г. вместе с князем Михаилом Глинским, заняв видное место среди московского боярства.

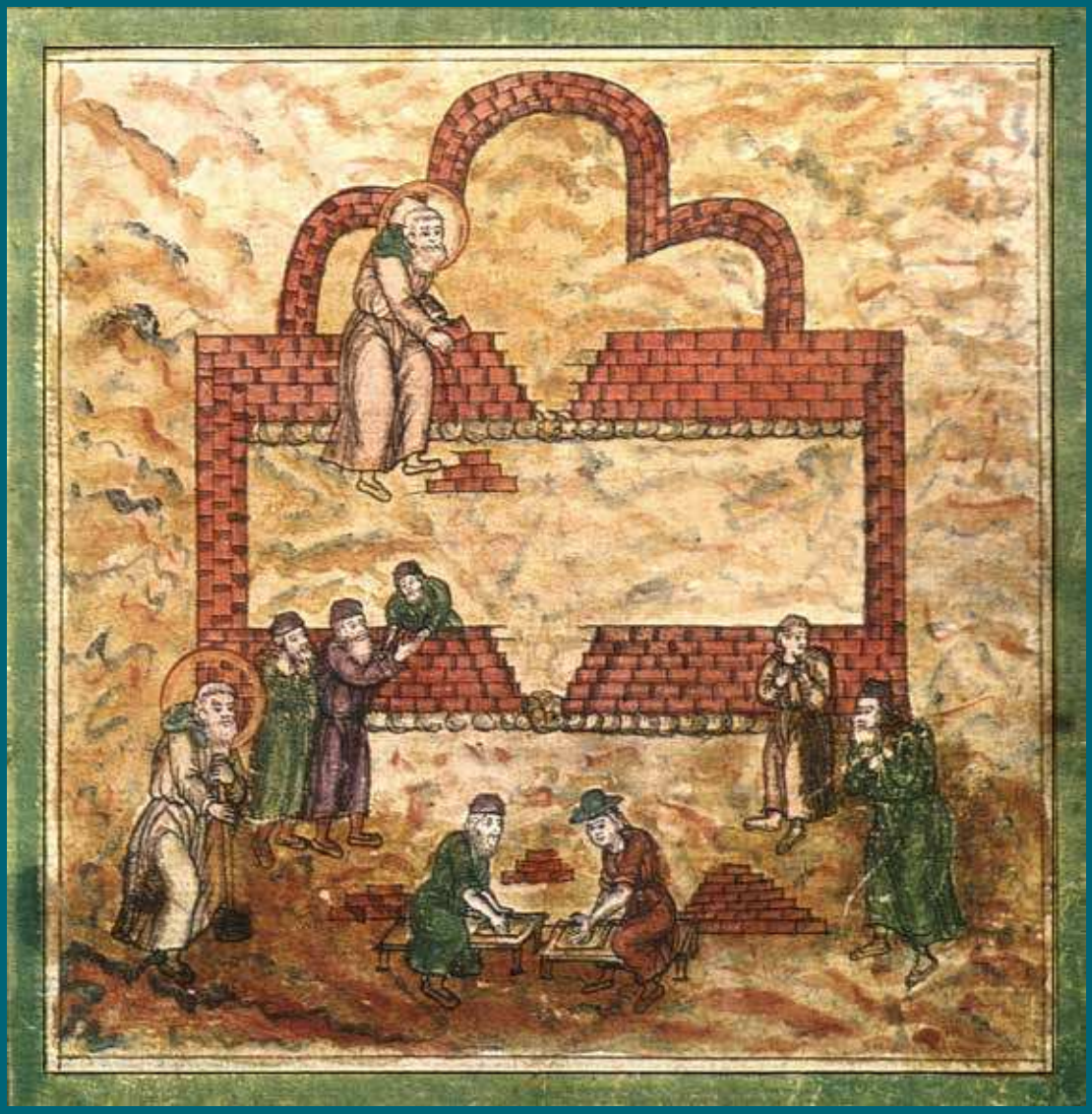
После исчезновения Еголдаевой тьмы и княжества Василия Шемячича Курский край полностью влился в состав единого Русского государства. Однако длительные войны, опустошительные татарские нашествия значительно обезлюдили древние северские земли, надолго превратили их в область беспрерывных пограничных стычек. И лишь в последние десятилетия XVI столетия и Московское, и Польско–Литовское государства вновь начинают активно осваивать опустевший край на левом берегу Днепра.

ЯВЛЕНИЕ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ

Среди легенд Курского края самой известной является, конечно, история обретения чудотворной иконы Знамения Пресвятой Богородицы. Церковное предание называет даже точную дату этого события — 8 сентября 1295 г. Однако этой даты нет ни в одном из известных списков единственного источника, рассказывающего историю чудотворной иконы — «Повести о граде Курске и иконе Знамения». Исследования специалистов, в первую очередь А.И. Раздорского, показали, что традиция, связывающая явление иконы с событиями XIII в., появилась только в XVIII столетии. Да и сама история обретения иконы, изложенная в «Повести…», говорит о более позднем времени обретения святыни.



Икона Знамения Божией Матери («Курская Коренная»). Современная фотография.



Строительство храма. Миниатюра из рукописи XVII в. «Житие Александра Свирского».

Безвестный автор повести начинает свою историю с рассказа о запустении, в каком пребывали Курск и его округа после татарского нашествия. По его словам, само место разорённого города и его ближайшие окрестности «велиим древесем поростоша и многим зверям обиталища быша». Жители «иных мест», а в первую очередь Рыльска, приходили на берега Тускоря ради охоты и сбора дикого мёда. И вот одному из таких бортников, «благочестиву сущу мужу», посчастливилось — около самой реки у корней дуба он вдруг увидел «образ, лежащь лицем к земли». Когда бортник поднял икону, то из–под неё внезапно забил родник. Весть о чудесной находке быстро облетела округу, и вскоре около святого источника уже стояла небольшая деревянная часовня, где и хранилась обретённая бортником икона. Люди отовсюду стали стекаться на поклонение, и при этом «мнози от различных болезней и скорбей исцеление вскоре получиша».

Весть о том дошла и до рыльского князя Шемяки. Прослышав о «сей чюдотворней иконе, обитающей в дебрии, и от нее бывающих чюдес различных и предивных», он пожелал, чтобы образ Богоматери немедленно доставили в его стольный град. Однако князь не захотел лично выйти навстречу процессии, несущей икону в Рыльск. Более того, он гордо заявил, что «не благоволит тако быти, еже ему самому той образ стречати». За гордыню немедленно последовала кара — свет померк в глазах Шемяки и он ослеп. Осознав своё согрешение, гордый князь смирился и взмолился Богородице о прощении. Он велел слугам вести его к чудесной иконе пешим. Перед собравшимися толпами народа князь воскликнул: «О православнии людие, видите, яко аз зело Царя и Матерь Его прогневал, образа ея на востретение итти не восхотел, и за се праведно слепоту стражду». С молитвой приложился Шемяка к иконе, и чудо совершилось — он прозрел.



Русские женщины XVII столетия в церкви. Художник А. Рябушкин.

В честь своего исцеления князь приказал воздвигнуть на том же месте церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Что же касается самой иконы, то находилась ли она в этом храме или нет и каким образом была перенесена из Рыльска обратно на место будущего монастыря, это автору повести осталось неизвестно.

Факты, приведенные в рассказе «Повести» об обретении иконы и её переносе в Рыльск, могли иметь место не ранее конца XV — начала XVI вв. «Князь Шемяка», упоминаемый в тексте, — это, несомненно, Василий Иванович Шемячич, правивший рыльскими и новгород–северскими землями до 1523 г. Интересно отметить также, что именно к этому времени, а не к XIII в., относил обретение курской чудотворной иконы и знаменитый русский историк В.О. Ключевский.

Икона с той поры хранилась в Коренной пустыни и с годами приобретала всё большую славу. В 1597 г. царь Федор Иоаннович повелел перенести её в Москву. Здесь, по царскому повелению, вокруг иконы была сделана кипарисовая доска с написанием вверху Господа Саваофа, а по сторонам ветхозаветных пророков; вся икона была украшена серебряным вызолоченным окладом, жемчугом, драгоценными камнями. Царица Ирина Фёдоровна и царевна Феодосия украсили образ богатой пеленой. После этого икону вернули обратно в пустынь.

В Смутное время её вытребовал к себе в Путивль Дмитрий Самозванец, державший образ в своей опочивальне. Вместе с ним икона вновь отправилась в Москву. И лишь в 1615 г. новый царь Михаил Фёдорович Романов возвратил её в Курск.

БОРЬБА ЗА СЕВЕРСКИЕ ЗЕМЛИ

В конце XV в. усилившееся в период правления Ивана III Московское государство всерьёз задумалось об изменении своих западных границ. Период неустойчивого мира с Великим княжеством Литовским подошёл к концу. Поводом к его разрыву послужили последствия второй Городельской унии 1499 г. о «вечном союзе» Литвы и Польши. Начавшееся после этого усиленное внедрение католицизма вызвало недовольство и сопротивление со стороны православных подданных Великого княжества. Кроме того, в июне 1492 г. скончался правивший одновременно в Литве и Польше король Казимир IV. Его сыновья поделили доставшееся им наследство. Ян Ольбрахт стал королём Польши, а престол Великого княжества Литовского достался Александру. Такое разделение значительно ослабило военные силы союзного государства. Всем этим не преминул воспользоваться Иван III.



«Государь всея Руси» и великий князь Иван III. Гравюра из «Космографии» А.Тевe, 1575 г.





Русский князь на польско–литовской службе. Конец XV в. Портрет великого князя тверского Михаила Борисовича (1453–1505 гг.). Национальный художественный музей Республики Беларусь (с сайта «Tverza»). Покинув Русь в 1485 г., князь перешел на службу польскому королю Казимиру IV, наградившему его имениями в Великом княжестве Литовском и на Волыни.

Он уже давно старался переманить на свою сторону православных литовско–русских князей. Весной 1500 г. переговоры эти увенчались успехом. Ряд северских князей изъявил готовность перейти вместе со своими уделами под высокую руку великого князя московского. «Все перебежчики, разумеется, объясняли свой поступок невозможностью выносить притеснения католиков, — отмечает современный историк Н.С. Борисов. — Однако за этой благочестивой риторикой угадывался и трезвый расчёт. Иван III через своих агентов уже давно вёл с литовскими православными князьями тайные переговоры, обещая в случае согласия дружбу и покровительство, а в случае отказа — войну и потерю княжения. Принимая во внимание беспомощность великого князя литовского, князья поневоле вступали в опасную «дружбу» с московским деспотом».

Среди них находился и Василий Иванович Шемячич — внук знаменитого Дмитрия Шемяки, злейшего врага великого князя московского Василия II Тёмного. В апреле 1500 г. он вместе с Семёном Ивановичем Стародубским изъявил готовность перейти на сторону Ивана III. Это означало начало войны.

В воскресенье 3 мая 1500 г. в поход на Северскую землю выступила рать во главе с опытным московским воеводой Яковом Захарьичем Кошкиным. Первый её удар пришёлся на Брянск. Брянский воевода Станислав Бартошевич был захвачен врасплох и попал в плен. После этого Василий Шемячич и стародубский князь Семён Иванович открыто присоединились со своими дружинами к московской рати и *«присягнули служити великому князю московскому со всими городы, со Черниговом, со Стародубом, с Гомлем, с Новымгородком Северским, с Рыльском и со всими волостьми, што мели под панством Великого княжества Литовского»*, как сообщает о том Хроника Быховца.

Объединившись с мятежными северскими князьями, воевода Кошкин двинулся на Путивль и 6 августа взял его. Литовский наместник князь Богдан Фёдорович Глинский попал в плен и умер в Москве в 1512 г., не дождавшись исхода переговоров о своём освобождении. Летопись весьма кратко сообщает о ходе этой войны и дальнейшем продвижении московских ратников: *«они же, шедше, многие грады и власти и села попленише,*





Сражающиеся русские (слева) и литовские (справа) воины. Фрагменты картины «Битва под Оршей». Предположительно Х. Крелл. Около 1524–1530 гг. Национальный музей в Варшаве (Польша).

Воины Великого княжества Литовского. 1 — Стрелец; 2 — Гусары. Реконструкция М. Шишко (с сайта «Rzeczpospolita»).

а людей многых мечю и огневи предаша и иных в плен поведоша».

Несмотря на первоначальные успехи и громкое поражение литовских войск на Ведроше, война затянулась. В распрю втянулись и татарские союзники. На стороне Москвы выступил крымский хан Менгли–Гирей. Литва тотчас призвала на помощь сыновей погибшего хана Большой Орды Ахмата, старшими среди которых были Сеид–Мухаммед и Ших–Ахмед. Ситуация осложнялась ещё и тем, что татарские ханы продолжали считать Северские земли своей собственностью. Литве приходилось откупаться от татар. Война ещё более обострила эти противоречия.

О состоянии Северской земли к исходу 1500 г. можно судить по словам Ивана III, который писал Менгли–Гирею, что не может совместно с крымцами напасть на Киев: *«Ино ныне зимою нашей рати нелзе бытии к Киеву того деля, что наша рать всё лето была в Литовской земле по тем местом, куда идти к Киеву: ино туто корму нет, вытравлено и выграблено».*

Наконец, в июне 1502 г. Менгли–Гирей разгромил сыновей Ахмата, положив конец существованию Большой Орды. Ших–Ахмед какое–то время ещё скитался по степям, пытаясь вернуть себе былое могущество, но осенью 1504 г. был вынужден искать спасения в Литве. А в марте 1503 г. между Москвой и Вильно было заключено перемирие сроком на шесть лет.

По его условиям Литва теряла Стародубское и Новгород–Северское княжества, земли князей Мосальских и Трубецких, такие важные города, как Брянск и Мценск.

Мира на границе, однако, не настало. Борьба за Северские земли возобновилась в правление великого князя московского Василия III. Крымские татары стали теперь врагами Руси, и весной 1512 г. южные русские украины подверглись вторжению 30–тысячной орды крымцев во главе с царевичем Ахматом. Одна за другой четыре волны татарских нашествий обрушились в это время на Белёв, Одоев, Воротынск, Путивль, Брянск, Стародуб и Рязань. В полон было угнано «больше 50 тысячей мужиков и жёнок». На Руси это восприняли как результат подстрекательств Литвы. Итогом стало начало очередной войны между Великим княжеством Литовским и Москвой.



Крымский хан Менгли–Гирей с сыном Мухаммед–Гиреем. Фрагмент турецкой миниатюры XVI в.



Переправа войска крымских татар через реку. Фрагмент турецкой миниатюры XVI в.

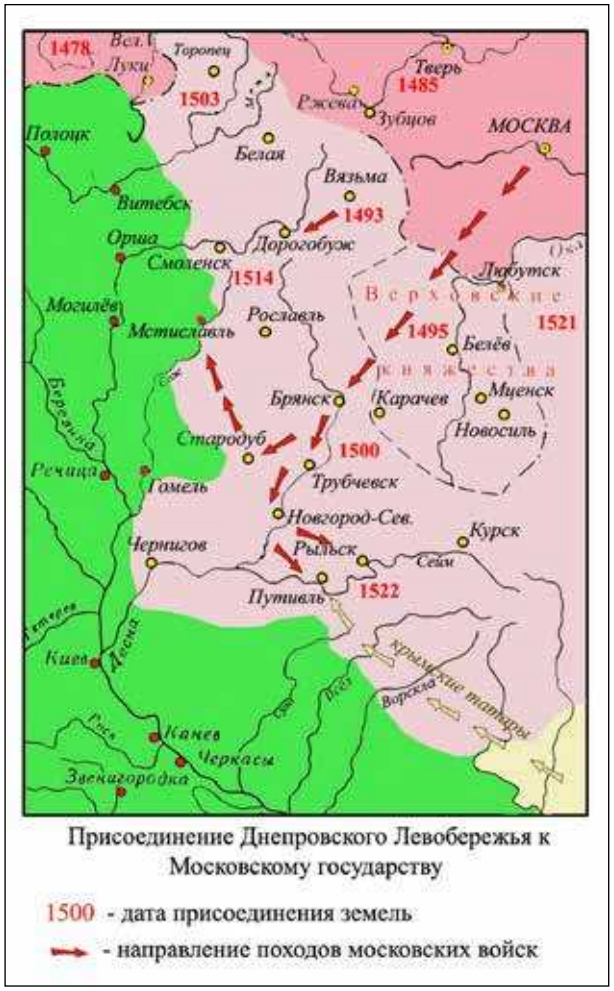
Обороной южных границ руководил князь Василий Шемячич. Летом 1515 г. хан выслал своего сына, калгу–султана Мухаммед–Гирея, «со многою ратью» в набег на его владения. Мухаммед–Гирей действовал совместно с литовскими войсками под командованием Андрея Немировича и Остафия Дашковича, которые имели при себе и тяжёлую артиллерию.

Однако ни одного города взять союзникам не удалось. Шемячич успешно отразил татар от Рыльска. Зато крымцы угнали из Северских земель огромное количество пленников, а отдельные группы татар остались зимовать под Путивлем.

Новое нашествие состоялось в 1517 г., когда Крым пережил страшный голод, погнавший татар в самовольные набеги. Крымцы были «наги, босы и голодны», а потому охотно участвовали в набегах, даже вопреки воле самого хана. А в июле в поход тронулась 20–тысячная орда, во главе которой стояли крымские «царевичи» под предводительством самого калги–султана Богатыря.

Однако вторжение окончилось полным провалом. Навстречу ордынцам были выдвинуты великокняжеские войска под командованием князей Одоевских, Воротынских и Волконских. На помощь к ним выступили отряды местного ополчения — «пешие люди украинные», которые обошли татар лесами, «им дороги засекли и многих татар побили». Затем *«спереди люди от воевод, подоспев, конные, начали татар топтать и по бродам и по дорогам их бить, а пешие люди украинные по лесам их били… много татар побили… и по сёлам, и по крепостям, и на бродах… а иные многие татары в реках потонули, а иных живых поимали».* Вырваться в степи смогло не более пяти тысяч крымцев.

Один из таких чамбулов, напавший на окрестности Путивля, был в ноябре 1517 г. разгромлен Шемячичем. Князь перехватил крымцев за Сулой, *«многих татар побил, а иных живых переимал и языки [пленников] к великому князю послал»*. Вообще, по словам Герберштейна, Шемячич был известен, как «человек храбрый на войне и гроза татар».



Присоединение Днепровского Левобережья к Московскому государству.



Русский конный воин. Немецкая гравюра XVI в.

Присоединение к Москве не прекратило распрей между удельными князьями. Они, скорее, даже ещё более обострились. Ведущую роль в этих раздорах играла фигура самого влиятельного северского князя, каким и был Василий Шемячич. Он всеми силами старался «округлить» свои владения за счёт соседей.

Ещё Иван III щедро отблагодарил князей–перебежчиков. Если раньше в вотчину Шемячича входили Новгород–Северский и Рыльск, то после 1500 г. он получил также владения на севере России (Малый Ярославец, Кременец, волость Мышега, Кашира, ряд волостей на Угре), а также Путивль и Радогощь. В 1516 г. в Путивле уже сидит его наместник Василий Митюков. Впрочем, вопрос о владении Путивлем оставался спорным и после 1516 г. По сведениям Сигизмунда Герберштейна, здесь одно время правил «некий государь Димитрий», против которого Шемячич неустанно плёл интриги. Но одновременно плелись интриги и против него самого.

25 июля 1517 г. Василий Стародубский вновь сообщает в Москву об измене Шемячича, который вошёл в сговор с киевским воеводой Ольбрахтом Гаштольтом и предлагал ему вместе с крымскими царевичами явиться к его городам, чтобы он смог изменить Москве. Донос подтвердил и стародубский воевода князь Фёдор Пронский. После этого Василий III присылает к Шемячичу для расследования своих доверенных лиц — Шигону Поджогина, дьяка Ивана Телешова и Григория Фёдорова (Давыдова). Сам Шемячич шлёт в Москву Степана Рагозина, чтобы оправдаться перед великим князем. Вслед за этим его самого вызывают в столицу, и он прибывает туда 14 августа 1518 г. В итоге обвинения с него вновь были сняты. Однако в Новгород–Северский, на всякий случай, были посланы московские воеводы.

После этих событий, как сообщает Герберштейн, Шемячич довёл Василия Стародубского «до последней крайности» и, после изгнания его, захватил его княжество. В 1519 и 1521 гг. в Стародубе



Оружие и предметы снаряжения русских воинов. XVI–XVII вв. Курская область. Курский государственный областной музей археологии.



Московская поместная конница. Слева направо: дворянин, воевода, боевой холоп. Начало XVI в. Реконструкция С. Летина (с сайта «Легион»).

уже находились московские воеводы. Тогда же Шемячич обратил своё внимание на Путивль, овладеть которым пытался уже давно. Он донёс на Дмитрия Путивльского, по воле Василия III схватил его и в оковах отослал на Москву, где тот и умер в том же 1519 г. Сын умершего, Дмитрий Дмитриевич, бежал к татарам и там был убит родителями девушки, в которую был влюблён. Кроме того, по сведениям Герберштейна, наветам Шемячича были обязаны своим заточением и последующей гибелью в темнице «владыка Каширский» татарский царевич Абдул–Летиф (ноябрь 1517 г.) и даже брат самого государя Семён, умерший в оковах в июне 1518 г.

Между тем в 1521 г. крымский хан Мухаммед–Гирей вторгся на Русь, и Шемячич ничего не сделал, чтобы помешать ему. В итоге крымцы вторглись во внутренние российские уезды, и «людей много и скоту в полон поведоша безчисленно». В 1522 г. Василий III хотел выслать Шемячича со своими воеводами в поход на татар, но и этот замысел не осуществился. Вместо этого Василия Шемячича вновь обвинили в измене и вызвали в Москву. Он потребовал охранную грамоту от государя и митрополита. В своё время митрополит Варлаам отказался пойти на клятвопреступление, дав такую грамоту, и потому в конце 1521 г. вынужден был оставить престол. Его место занял более сговорчивый Даниил, и с его помощью Шемячича, наконец, заманили в Москву.

Он прибыл туда 18 апреля 1523 г., был принят с почётом, но вскоре его схватили и заточили. В 1524 г. Троицкий игумен Порфирий обращался к Василию III с просьбой о помиловании Шемячича и за это был отправлен в ссылку. В итоге князь Василий Иванович умер в заточении 10 августа 1529 г. Его жена и две дочери были пострижены в монахини Суздальского Покровского девичьего монастыря, где и умерли. В 1561 г. в Троицком монастыре скончался «больничный старец Иоанн Васильевский Шемячича» — возможно, сын последнего северского князя.

Удельное княжение Шемячича прекратило своё существование. Курский край полностью влился в состав единого Русского государства.

НА РУБЕЖАХ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

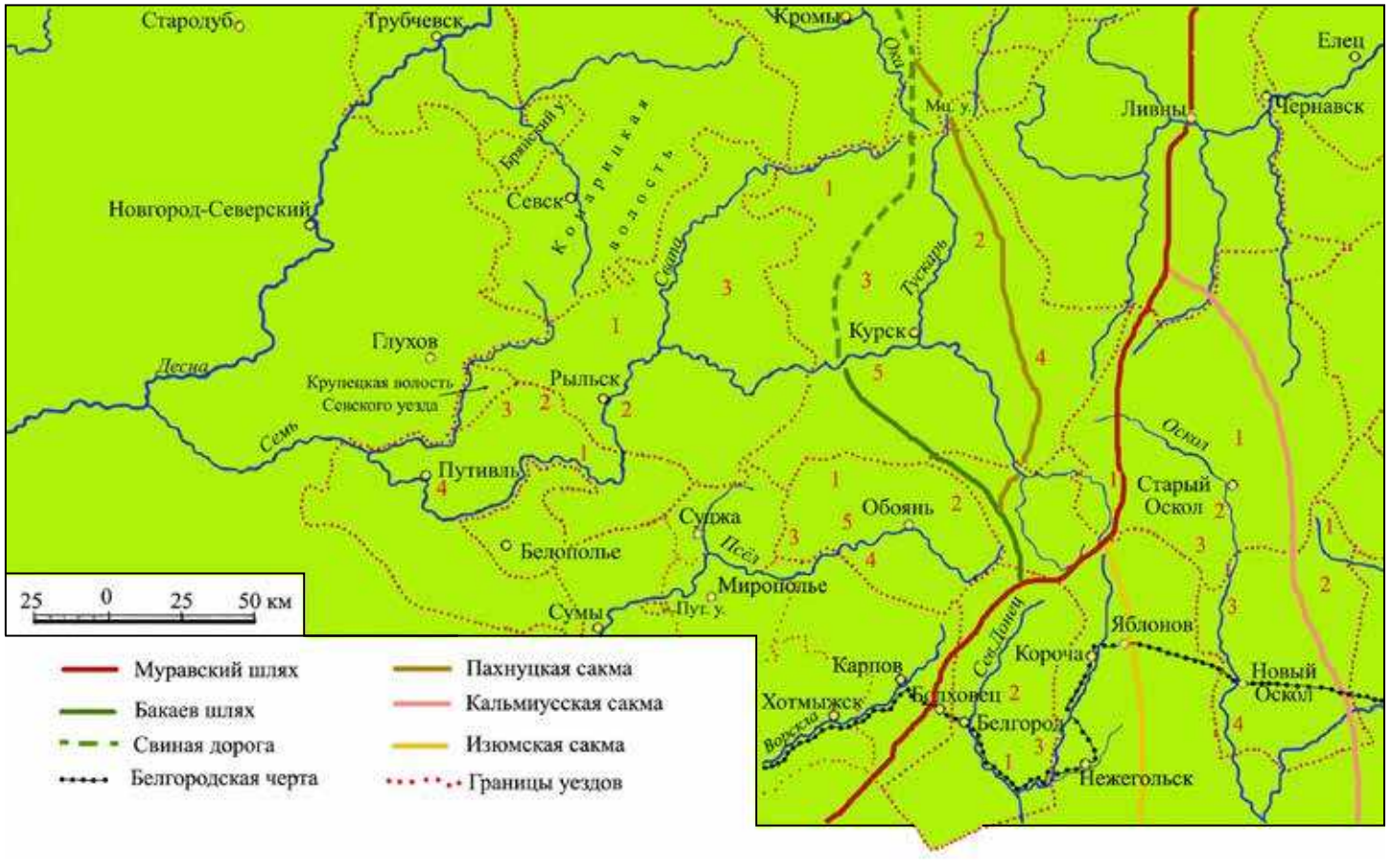
После того как в начале XVI в. Курские земли вошли в состав Московского государства, для них наступил новый этап исторического развития. На долгое время они превратились в передовой рубеж обороны страны. Именно здесь по водоразделам рек проходили проторенные татарами *сакмы* и *шляхи*, ведущие от татарских кочевий к русским городам и сёлам — Муравский шлях, Изюмская сакма, Кальмиусская сакма, Пахнуцкая дорога и Бакаев шлях.



На степной границе Московского государства. Художник С.В Иванов.

Угроза московскому порубежью исходила со стороны Крымского ханства и зависимой от него Ногайской орды, кочевавшей в степях от Дуная до Кубани. Но помимо татар, беспокоили порубежье и украинские казаки — «воровские черкасы». В случае войны с Речью Посполитой именно они становились передовым отрядом польско–литовских войск.

Московское государство принимало меры по охране своих южных пределов. Из порубежных городков высылались в Дикое Поле отряды служилых людей, которые должны были следить за передвижениями врага. Наезженные татарские сакмы перекрывались фортами–*острогами*.



Уездное деление Курского края в XVII в.

Курский уезд. Станы: 1. Усожский, 2. Тускорский, 3. Курицкий, 4. Обмяцкий, 5. Подгородный.
Старооскольский уезд. Станы: 1. Ублийский, 2. Чуфичевский, 3. Дубенский.
Новооскольский уезд. 1. Стан Потудонский, 2. Стан «по Осколу», 3. Стан «вверх по Осколу», 4. Стан «вниз по Осколу».
Белгородский уезд. Станы: I. Корейский, 2. Разуменский, 3. Сажный.
Обоянский уезд. Станы: 1. Залесский, 2. Рудавский, 3. Салотинский, 4. Каменский, 5. Воробженский.
Путивльский уезд. Волости: 1. Залуцкая, 2. Колодежская, 3. Печерская, 4. Стан Подгородный.
Рыльский уезд. Станы: 1. Амонский, 2. Подгородный, 3. Свапский.
Ливенский уезд. Станы: 1. Красный, 2. Серболов, 3. Затруцкий.
Севский уезд. Станы: 1. Брасовский, 2. Глодневский, 3. Радогожский, 4. Чемлижский. Примечание: дворцовые волости Комарицкая и Крупецкая на схеме названы.
Воронежский уезд. Станы: 1. Борщевский, 2. Уманский, 3. Чертовицкий, 4. Корочунский.

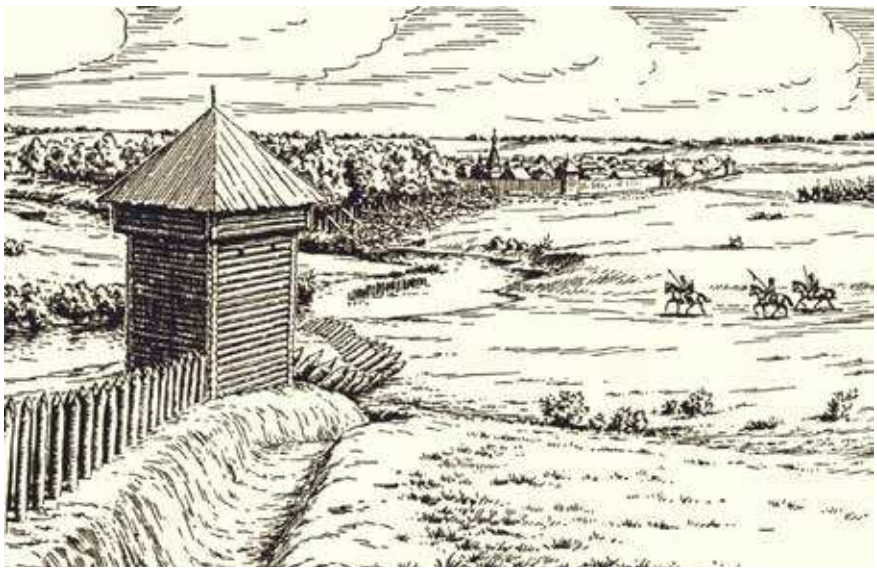
Беспрестанные набеги татар и «литовских людей» вынудили, наконец, московские власти предпринять грандиозное строительство новой мощной оборонительной линии, протянувшейся на сотни и сотни вёрст — *Белгородской черты*. Белгородская черта протянулась на 800 км — от верховий Ворсклы до Дона и далее, на северо–восток, вдоль реки Воронеж к Цне. В состав черты вошло 27 городов–крепостей, не считая более мелких опорных пунктов. Умело используя рельеф местности и прочие природные особенности края, строители применяли разнообразные типы укреплений, связанные между собой в единую цепь. Строительство Белгородской черты растянулось с 1635 г. по 1658 г. На основе гарнизонов крепостей Белгородской черты был создан Белгородский полк — армия, прикрывающая южное порубежье Московского государства.

Сам Курск был восстановлен в качестве пограничной крепости ещё в 1596 г. Согласно данным Разрядной книги, «*[Лета 7104] государь царь и великий князь Фёдор Иванович всеа Руссии указал поставить на поле новых три городы: на Донце на Северском на Белогородье город да на Осколе усть Оскольца другой город, да на Семи на старом на Курском городище третей город… На Семь*

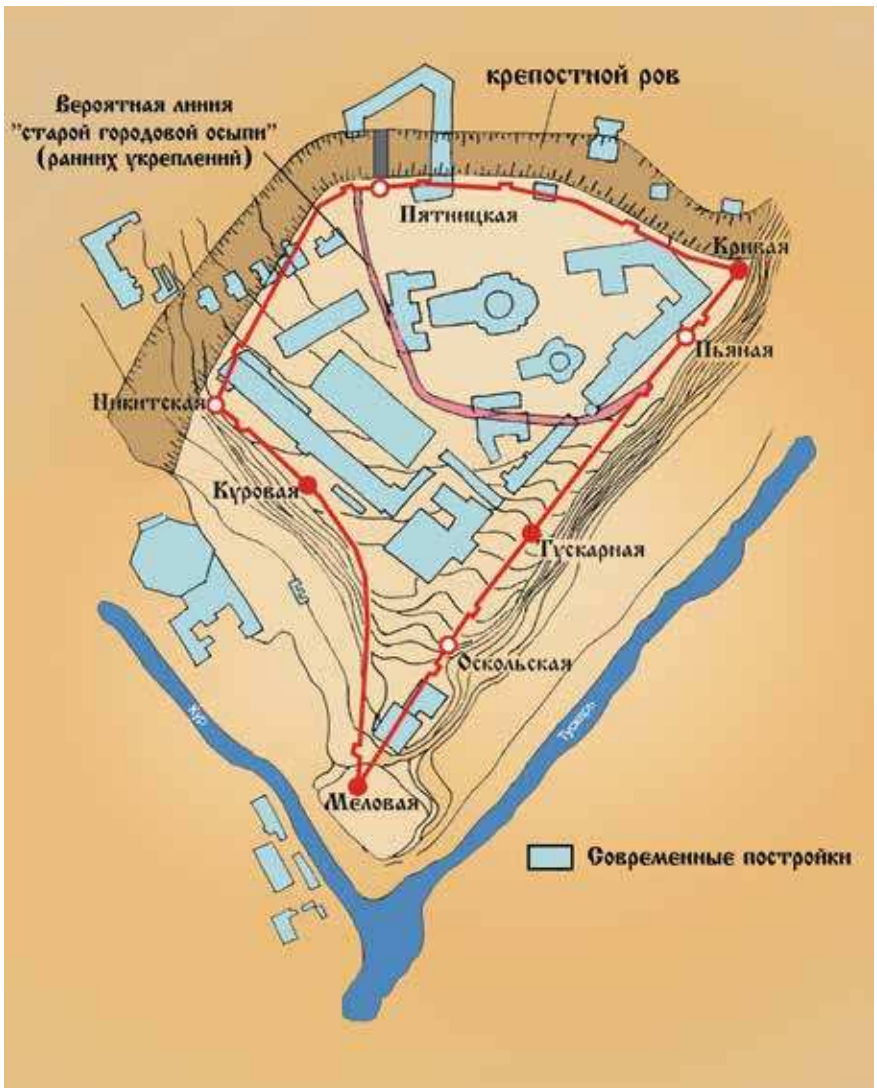
на Курское городище посланы города ставить воевода Иван Полев да голова Нелюб Огарев, да подъячей Яков Окатьев. И по государеву… указу те воеводы и головы поставили на поле три городы… тое же осени».

Вряд ли можно считать верным широко распространенное и в научной, и в краеведческой литературе мнение о том, что воевода Иван Полев и голова Нелюб Огарёв возвели Курскую крепость практически на пустом месте. О существовании Курска в XVI в. есть целый ряд письменных упоминаний: в договорной грамоте великого князя литовского Сигизмунда с крымским ханом Саип–Гиреем (1540 г.), в указе Ивана IV Грозного о ссылке ябедников в «украинные города Севск и Курск» (1582 г.), а также в Разрядной книге 1475–1598 гг., где говорится о том, что в 1556/57 г. в Курске стоял отряд воевод М.П. Репнина и П.И. Татева. Таким образом, судя по всему, Полев и Огарёв просто расширили площадь уже имевшейся крепости, добавив к уже существовавшему «малому острогу» новый, «большой».

Согласно описанию воеводы Д.И. Плещеева, в середине XVII столетия треугольный Курский острог имел 8 дубовых рубленых башен. Высота стен доходила до двух саженей (более 4 м). С двух сторон Курск защищали крутые обрывистые берега Кура и Тускари, а с севера шёл глубокий ров, засыпанный лишь в конце XVIII в. Через него от ворот Пятницкой башни был переброшен «городовой мост». Учитывая размеры рва (до 15 м глубиной и до 70 м шириной), следует предположить, что он был сооружён с использованием естественного оврага. На случай осады в крепости имелся ход к воде: *«Тайник подведён под острожную стену к реке Тускари от острожной стены с южной стороны до колодезя к реке Тускари 24 сажени [51,8 м]. В нём выкопан колодезь, поставлен сруб»*. Этот



Укрепления Белгородской черты. Реконструкция.



Курская крепость XVII в. Реконструкция А.В. Зорина.



В Стрелецкой слободе. Художник С.В. Иванов.



Курские крестьяне — потомки первопоселенцев XVII в. По курским этнографическим материалам 2–й половины XIX — начала XX вв. Художник И.Г. Василенко.



Полевые работы монахов. Миниатюра из рукописи 1648 года «Житие Антония Сийского».



Русский монах. XVII в. Художник И.Г. Василенко.

«тайник», согласно требованиям фортификационного искусства того времени, представлял собой траншею с деревянным перекрытием, которое засыпалось сверху грунтом и маскировалось дёрном. Такой ход прокладывался вниз по склону крепостного мыса до уровня залегания грунтовых вод. В месте достижения этого уровня выкапывался колодец (об этом сообщает и отписка Д.И. Плещеева: «в нём выкопан колодезь, поставлен сруб»).

В отписке воеводы Плещеева упоминается также находящийся внутри стен крепости вал — «старая городовая осыпь», по гребню которого идёт стена из клетей («рубленый город»). Эта «осыпь» имела протяжённость в 345,6 м и, вероятно, представляла собой остатки первоначальных укреплений Курска. Можно предположить, что изначально Курская крепость занимала, видимо, только наиболее возвышенную часть мыса и была вписана в участок между рвом (оврагом) и обрывистым склоном к реке Тускарь.

В конце XVI в., помимо данной цитадели (малого острога), город имел также укреплённый посад (большой острог), как имели его и ряд других порубежных городов (Белгород, Путивль). Укрепления большого острога, как и укрепления острога малого, включали в себя стены, воротние и глухие башни, а также оборонительный ров. Далее располагался Троицкий



Надгробие курской дворянки А.К. Зелениной. 1643 г. (с. Капыстичи, Рыльский район).

Знатная русская женщина. XVI–XVII вв. Художник И.Г. Василенко.

женский монастырь и «на сто и более сажен», где-то до нынешней Можаевской улицы, тянулась Божедомская слобода. От неё, через Княжой лес, Большая Московская дорога вела «к Тагину, во Мценеск и на Кромы, и на Орёл», а верстах в 12 от города, «промеж речки Кура и речки Обмети… промеж лесов» находились Валки — укреплённая надолбами застава, охранявшая город от неожиданного появления татар. Всё это делало Курск мощной крепостью, способной устоять как против внезапного набега, так и против правильной осады.

Вокруг укреплённого центра размещались слободы и посад, а дополнительными опорными пунктами при обороне города служили монастыри. На посаде стоял Троицкий девичий монастырь, а за Куром — Троицкий мужской, окончательно разорённый во время набега Вишневецкого. Пригородных слобод в XVII в. первоначально насчитывалось три: Ямская, Казацкая и Пушкарная, а также две слободки на отшибе — Божедомская на Московской дороге и Троицкая монастырская за Куром.

Курск XVII века был мощной крепостью, которую ни разу не удалось взять штурмом не одному неприятельскому войску, многократно подступавшему под его стены.

Население огромных территорий лесостепи, вошедших в первой половине XVI в. в состав Московского государства, было относительно невелико. От вражеских набегов оно укрывалось за стенами небольших городков, подобных Рыльску, или же под защитой лесов и болот в стороне от татарских шляхов. Форпостами Московского царства на степной границе стояли старинные *города северские* — Стародуб, Рыльск, Путивль; *города украинные* — Орёл, Мценск, Новосиль; и *города рязанские* — Данков, Ряжск, Шацк. Далее расстилался безбрежный океан Поля — до поры до времени царство кочевников.

С конца XVI в. оседлое, земледельческое население начинает колонизацию этих земель, как вольную, так и государственную. Сюда шли как искатели вольной жизни, так и государевы служилые люди. Именно сочетание этих двух потоков колонизации и придало населению Курского края ту пестроту, какой отличалось оно в XVII столетии, да и позднее. Даже в XIX в. здесь существовали





Лжедмитрий I. Неизвестный художник. Около 1605 г.

Подпись и печать «царевича Димитрия». 21 мая 1604 г.

различные по диалекту, одежде и обрядам группы крестьянского населения — саяны, цуканы, горюны, — происходившие как от переселенцев эпохи Московского царства, так и от исконных обитателей края, севрюков.

Новые города здесь заселялись прежде всего путём принудительной отправки туда жителей внутренних уездов России. Их в приказном порядке *сводили* со старого места жительства на новое, отчего они и получили название *сведенцы*. Столь же принудительно отправлялась на новое место жительства и ещё одна категория населения порубежного края — *ссыльные*. Ещё в 1582 г. был издан царский указ, согласно которому «тех, кто в суде лжёт и составит ябеду», следовало бить кнутом, а потом «написать в казаки в украйные города Севск и Курск». Одновременно с государственным заселением шёл процесс вольной колонизации свободных земель Юга. Добровольные поселенцы, *сходившиеся* сюда, именовались здесь *сходцы*. На порубежье прибывали не только помещики, которым за их службу жаловались тут наделы, но и крестьяне.

Особую роль сыграла в освоении края колонизация *монастырская*. Монастыри — Молченская Софрониева *пустынь* под Путивлем, Николаевский монастырь в Рыльске, Троицкая девичья обитель в Курске и другие — являлись крупными землевла-



Народное движение в Смутное время. Художник А. Апсит.



Русский воевода.
1–я половина XVII в. Реконструкция О.В. Фёдорова (по М. Кулецкому).

дельцами и весьма заботились о привлечении населения на свои угодья.

Большую роль в освоении новых земель сыграли служилые люди, оборонявшие край от врагов. В то время они подразделялись на две категории: «служилых людей по отечеству» (то есть по происхождению) и «служилых людей по прибору» (по набору). Первые из них — мелкие дворяне, «дети боярские», — получали на степном рубеже денежное и поместное жалованье, за что обязаны были нести военную службу. Больше всего их было в северных уездах «полевой Украины», в том числе и в Курском.

Южнее, в Белгородском и Оскольском уездах, проживало больше служилых второй категории — стрельцов, пушкарей, казаков, драгун, солдат. Вместо денежного жалованья их наделяли землёй. Каждому причиталось от 8 до 20 четвертей. За это они несли военную службу и платили хлебный налог. Именно они, в большинстве своём, и составили впоследствии прослойку *однодворцев*, промежуточную между крестьянством и дворянством.

Помимо того немалую роль в заселении степной окраины сыграли выходцы из–за рубежа Московских владений — *прочане*, переселившиеся сюда из пределов Польско–Литовского государства (Речи Посполитой). *Черкасы*, как тогда называли украинцев, уходили под защиту Московского царя, спасаясь от религиозного и национального гнёта польского шляхетства.

Вольные и малонаселённые земли, лежавшие на пути к Дону, особенно влекли к себе, вполне естественно, тех, кто был не в ладах с законом, тех, кто бежал от крепостной зависимости. Беглые составили особую группу в населении Порубежья. В целом же пёстрое и беспокойное население приграничного края вполне оправдывало сложившуюся в те времена поговорку: *«Нет у Белого Царя вора супротив курянина»*.

Особое значение та поговорка приобрела в период Смутного времени начала XVII в. Осенью 1604 г. южные окраины государства, включая курские земли, активно поддержали движение Лжедмитрия. Города сдавались самозванцу без боя. Служилые люди целыми отрядами переходили на сторону «истинного царевича». Самозванец обосновался в Путивле и там 25 ноября узнал о мятеже в Рыльске и Курске. Воевод связанными доставили к Лжедмитрию, и вскоре они уже стали его верными слугами. В отряды Самозванца влилось до 4000 курских казаков и черкас. После победы войск царя Бориса Годунова в битве при Добрыничах именно упорная оборона Рыльска помогла Самозванцу снова собраться с силами и нанести ответный удар. В мае 1605 г. «царевич Димитрий» торжественно вступил в Москву и короновался на царство.

Короткое правление «царя Дмитрия Ивановича» и его гибель от рук бояр–заговорщиков стали прологом к долгой и кровавой Смуте, охватившей Русское государство. Одним из центров мятежей стала Северская земля, жители которой восстали против «боярского царя» Василия Шуйского. *«И Северияне и вси мятежницы... лакнуша крови християнския, сии вси приложишася к нему... обнищаша бо разумы и поползоша в погибель сами: град Путимль, и Рылеск, и Чернигов, и Муромеск, и Куреск, и Стародуб, и Кромы, и все грады Северские»*, — пишет автор «Иного сказания». Немало курян сражалось в рядах мятежных армий Ивана Болотникова, а затем и Лжедмитрия II («Тушинского вора»).

Осенью 1609 г. в пределы царства вторглись войска Речи Посполитой во главе с королём Сигизмундом III. Осадив Смоленск, король послал на Северскую землю казаков, которые захватили Чернигов, Новгород–Северский, Брянск, ряд других крепостей. Казачьи атаманы совершали набеги под Курск и Рыльск, захватывая пленников и пытаясь привести здешних жителей к присяге на верность польскому королю.

Наиболее серьёзные испытания ожидали Курский край в 1612 г. Этот год стал поистине катастрофическим для Порубежья. Войсками урядника лубенского князя Семёна Лыко были разорены окрестности Рыльска, сожжён дотла Белгород, захвачен Путивль. В этом же году долгой и упорной осаде подвергся Курск.

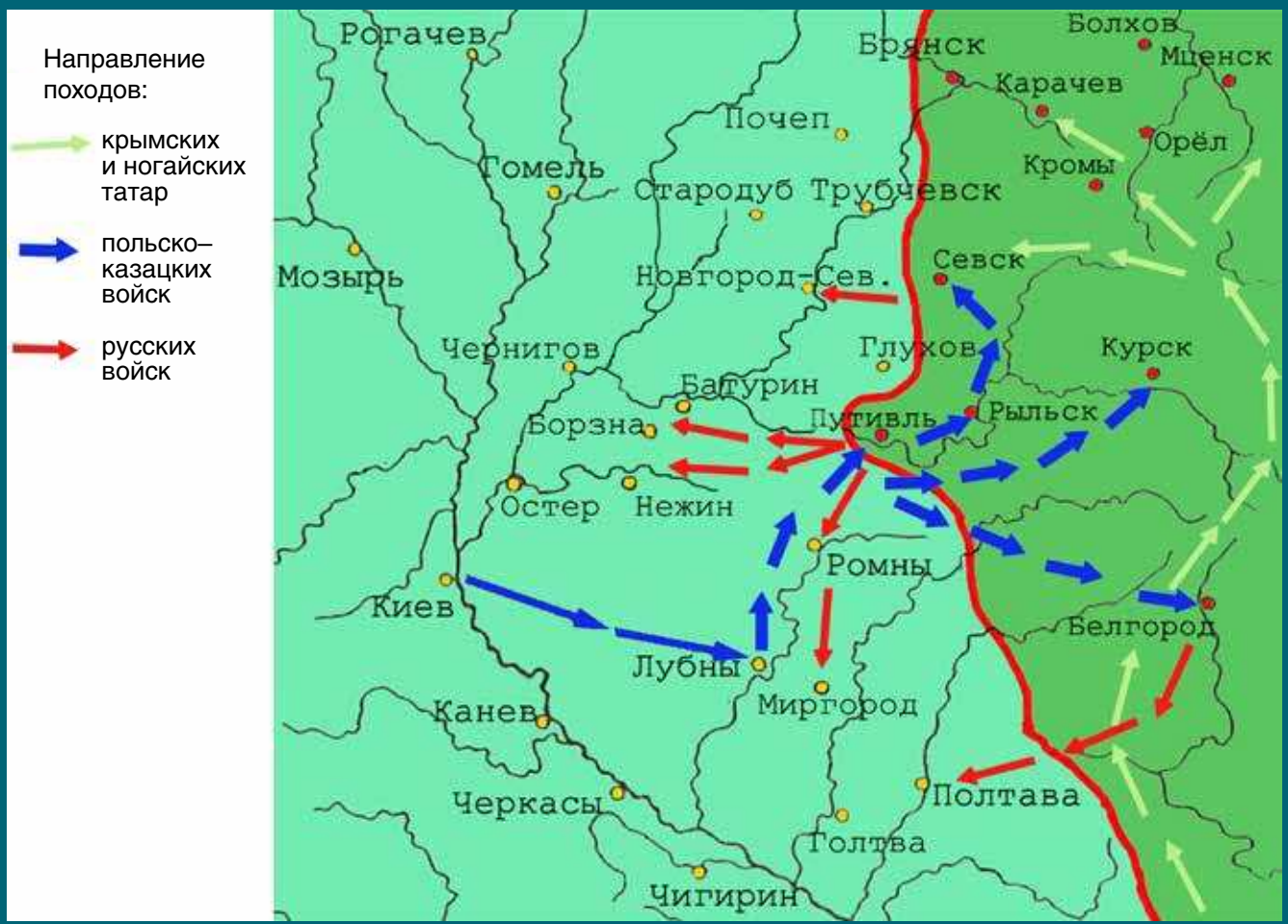
Польско–казацкие войска, одним из предводителей которых был полковник Старинский, атаковали Курск в январе 1612 г. Курским воеводой в тот момент являлся стольник Ю.И. Татищев, являвшийся ранее сторонником Лжедмитрия II, а ныне действовавший от имени I–го Земского ополчения. Неприятель с ходу захватил большой острог, устроив настоящую резню среди охваченных паникой жителей города. Защитники и уцелевшие горожане укрылись в малом остроге. Здесь они сумели продержаться целый месяц, страдая от жажды, испытывая нехватку боеприпасов, отражая штурмы, страдая от непрерывных обстрелов. Врагу не помогла даже измена перебежчиков, раскрывших слабые места осаждённых. Куряне отвергли все предложения сдачи, отразили все приступы. Враг отступил, и Курск остался прочным оплотом России на её южных рубежах.

Согласно обету, данному курянами во время осады, в городе была выстроена церковь, положившая начало Знаменскому мужскому монастырю.

Великая осада 1612 г. оказалась не последним испытанием, выпавшим на долю курян в эпоху Смуты. Ещё не раз им приходилось отражать набеги и приступы неприятеля, совершать ответные рейды на вражескую территорию. Однако ни-



Польский гусар. 1–я половина XVII в. Реконструкция О.В. Федорова (по М. Кулецкому).



Смоленская война на юго–западном пограничье.

какие разорительные набеги не могли изменить главного — Россия устояла среди бурь Смутного времени и Курские земли остались её надёжным оплотом.

Войны и междоусобицы рубежа XVI–XVII вв. разрушили систему обороны степных рубежей России. За время Смуты татары настолько привыкли разорять русские земли, что стали открыто высказывать пожелание вообще из них «вон не выхаживать». Но на защиту рубежей стали курские служилые люди, закалённые в схватках с кочевниками. Ежегодно они сражались с татарами, пытаясь не допустить разорения селений, угона людей в неволю. Однако устранить угрозу, исходящую из Дикого Поля, никак не удавалось. Позднее историки отметят, что «постоянные военные действия отрядов Белгородского и Курского края с татарами напоминали собою беспрерывную партизанскую войну» — войну за свои дома и, тем самым, за всё остальное Московское царство. Война эта была необычайно изнурительна и сопровождалась страшным разорением. В те годы существовал даже особый термин — *выбрать* деревню, то есть угнать из неё в полон всех жителей. Неведомо, сколько сёл было таким образом *выбрано* степняками во



Русский шлем. XVII в. Музей Войска Польского (Варшава, Польша) (с сайта «Muzeum Wojska Polskiego»).



Полковник Яков Острянин при взятии г. Валуек в 1633 г. Реконструкция О.В. Фёдорова («Цейхгауз» №2, 2013 г.).

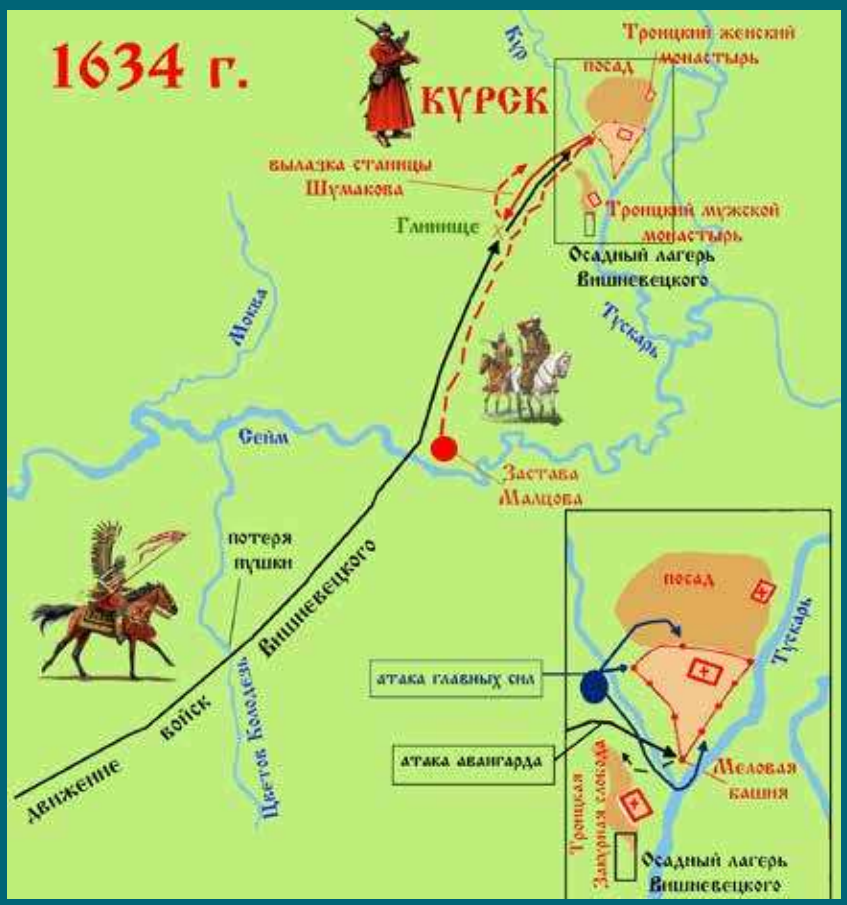


Князь Иеремия Вишневецкий. Неизвестный художник XVII в.

время их стремительных и страшных налётов на «украинные места».

Не исчезала и опасность со стороны Речи Посполитой. В апреле 1632 г. умер польский король Сигизмунд. Правительство царя Михаила Фёдоровича и патриарха Филарета увидело в этом удобную возможность для пересмотра условий Деулинского перемирия. Было решено предпринять попытку отвоевать потерянные в Смуту земли, а в первую очередь Смоленск и Дорогобуж. В августе 1632 г. армия во главе с воеводой М.Б. Шеиным и окольничьим А.В. Измайловым выступила в поход. Поначалу русской рати сопутствовала удача. Был взят Дорогобуж, Белая, Рославль, Новгород–Северский, Стародуб и многие другие города. Но осада Смоленска затянулась. Это дало полякам время собраться с силами и окончить выборы нового короля, которым стал Владислав, сын умершего Сигизмунда. Во главе 23–тысячной армии он двинулся на выручку гарнизону Смоленска. Сам Шеин оказался теперь осаждён в своём лагере под городскими стенами. Одновременно к вторжению в московские пределы были побуждены крымцы и черкасы.

В 1633 г. южнорусские земли подверглись опустошительному нашествию крымских татар во главе с царевичем Мубарек–Гиреем. Тогда же сюда вторглись украинские казаки во главе с полтавским полковником Яковом Остряниным. Им были сожжены дотла Валуйки, осаждён Белгород, а 24 августа 1633 г. его отряды подступили к стенам Курска. До самого вечера неприятели упорно штурмовали Курскую крепость, выжгли Стрелецкую слободу. Тогда воевода П.Г. Ромодановский послал на вылазку отряд под командованием опытного казацкого головы Ивана Антиповича Анненкова. Вылазка оказалась успешной. Понеся потери убитыми и пленными, черкасы отступили за Сейм. Но война продолжалась, и вновь Острянин подступил под Курск в апреле 1634 г. Имея четыре пушки, казаки Острянина надеялись на этот раз всё же взять неприступную крепость. Вновь пришлось



Поход Вишневецкого на Курск.



Русский дворянин с боевыми холопами. 1–я половина XVII в. Реконструкция О.В. Фёдорова (по А.Малову).

воеводе П.Г. Ромодановскому и его ратным людям отражать жестокие приступы, сдерживать натиск многократно превосходящих сил врага: в Курске к началу Смоленской войны находилось «всяких людей» всего 1141 человек. Но, как и прежде, многочисленность врагов разбилась о мужество и стойкость защитников. После двухнедельной осады неприятель оказался вынужден отступить.

В том же году «литовские люди» нанесли по Курску ещё один внезапный и стремительный удар. Двадцатитысячное войско подступило к Курску в ночь на вторник 13 января 1634 г. Возглавлял армию знаменитый польский магнат и политик князь Иеремия Вишневецкий, в скором будущем «первый рыцарь Речи Посполитой».

Имея целью не просто грабёж первых попавшихся селений, но захват вражеского города, Вишневецкий не разорял окрестностей на своём пути, чтобы не выдать преждевременно движения своей рати. Уверенный в успехе, пройдя неприметно вдоль Сейма, Вишневецкий внезапно появился у переправы через реку (примерно на месте нынешнего Сеймского моста). Тут стояла сторожа детей боярских, и один из дозорных, Никифор Мальцов, помчался в Курск с невероятной вестью: поляки уже на Крымской стороне.

Это было столь неожиданно, что воевода Пётр Ромодановский даже не поверил Мальцову и послал на проверку его сведений отряд во главе с Мартемьяном Никифоровичем Шумаковым. Проскакав по Белгородской дороге до урочища Глинище в четырёх верстах от тогдашней городской черты, отряд Шумакова внезапно наткнулся на авангард армии Вишневецкого. Перейдя Сейм, литовские люди уже строились в боевые порядки. Деваться было некуда, и небольшой отряд ринулся на врага, стремясь выиграть время и дать



Польские гусары. Художник М. Шейб (с сайта «Miroslaw Szeib. Autor's gallery»).

курянам возможность запереться в крепости. После скоротечной жестокой схватки станичники отступили к городу, подхватив своего изрубленного предводителя. Вернувшись в крепость, Шумаков «доказал правду вестей Мальцова ранами своими, полученными от неприятелей».

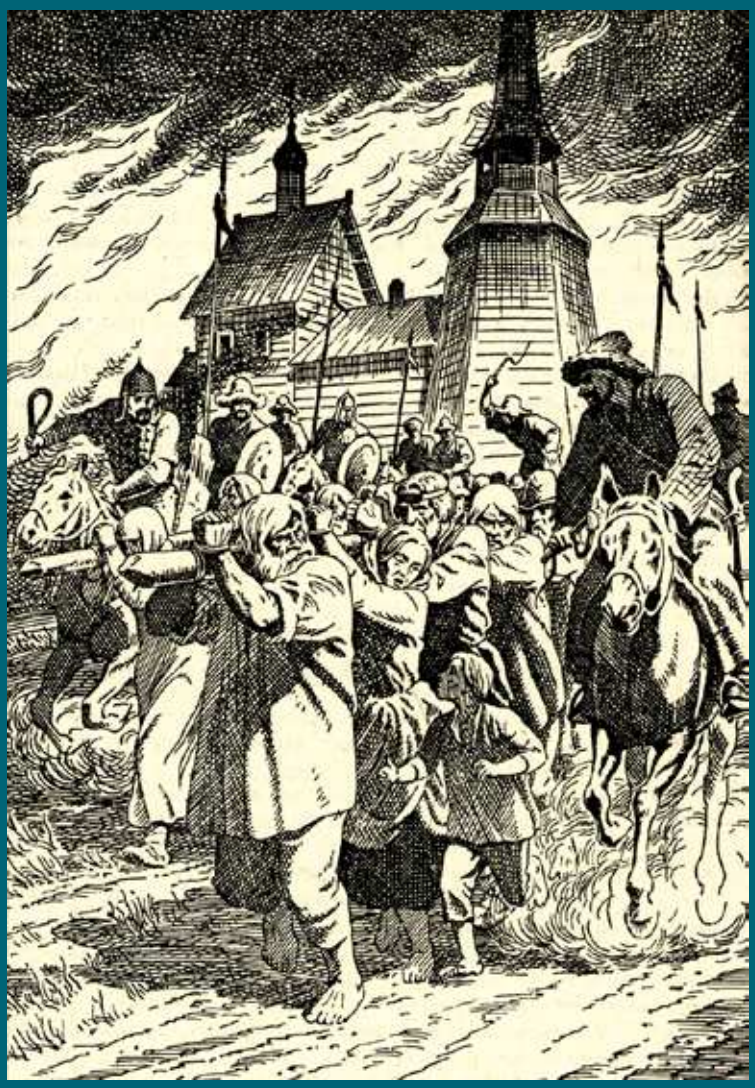
В итоге куряне успели укрыться за стенами острога и приготовиться к отражению приступа. Хотя авангард Вишневецкого сумел с ходу захватить одну из крепостных башен, штурм был успешно отражён защитниками города. В итоге Вишневецкий вынужден был перейти к осаде, разбив под городом два табора. До 15 января предпринимал он безуспешные попытки захватить крепость. Его солдаты разорили окрестности, опустошили Троицкий мужской монастырь, но главной своей цели так и не достигли. Воевода Пётр Ромодановский с гордостью отписал в Москву, что его ратники «на приступах и на вылозках многих литовских людей побили и языки поимали и литовские люди от города отошли».

Очередной поход на Курск окончился неудачей. Служилые люди и горожане ещё раз выказали себя стойкими и умелыми защитниками границ Русского государства. Эти качества им ещё не раз предстояло демонстрировать на протяжении бурного XVII столетия.

В первой половине 1640–х гг. особый размах приобрела пограничная борьба с кочевниками. В самом Крыму в это время свирепствовала засуха, породившая недород и голод. Ни мурзы, ни сам хан никак не могли удержать татар от набегов. Волна вторжений нарастала. В начале августа 1644 г. около 30–40 тысяч татар скопились на Орели и Самаре, а затем ринулись по Муравскому шляху мимо Карпова и по Бакаеву шляху вторглись в Путивльский, Севский и Рыльский уезды. «С раннего полудня до вечера» 21 августа станица служилых людей, стоявшая в Подгородном стане в верховьях реки Полной, мрачно наблюдала за беспрерывным движением огромных масс татар, свернувших с Му-



Польские доспехи. Около 1630 г. Музей Войска Польского (Варшава, Польша) (с сайта «Muzeum Wojska Polskiego»).



Угон татарами захваченных русских пленников. Художник Л. Фалин.



Крымские татары в зимнем походе. Реконструкция А. Макбрайда (по R. Brzezinski).

равского шляха вглубь Курского края. Воспрепятствовать вторжению не было сил. Жители спасались в лесах, оврагах, малых острожках; разрозненные отряды служилых людей были бессильны против нашествия. В крымскую неволю угнано было до 10 000 человек.

Ещё более страшный погром обрушился на Курский край зимой 1645–1646 гг. Известия о готовящемся новом большом зимнем набеге крымцев доставлялись беглецами, лазутчиками и дозорными задолго до того, как передовой чамбул орды ворвался в русские пределы. Из степей шли тревожные вести, и власти старались по мере возможностей подготовиться к грозящему бедствию. В Курск были назначены новые воеводы — опытные воины князь Семён Романович Пожарский и Андрей Тимофеевич Лазарев. Вслед за ними должно было подойти и подкрепление местным гарнизонам — служилые люди из Орла, Чернигова, Рославля, московские стрельцы. Но, несмотря на все предостережения и приготовления, удар орды оказался для порубежья не только сокрушительным, но и внезапным.

Орда показалась на Муравском шляху 18 декабря 1645 г. На Русь двигалось более 20 тысяч степняков. На следующий день орда обошла Карпов, от Смородинной сторожи свернула влево и, минуя верховья Ворсклы и Пены, хлынула Бакаевым шляхом к Рыльску. На полпути 20 декабря от основного корпуса отделилась тысяча ногайцев Эл–мурзы Урмаметова, которая перешла Сейм у самого Курска и зажгла окрестные сёла в 3–10 верстах от города. Ногайцы ворвались в Ямскую слободу, запалили дома и разграбили местную Введенскую церковь, захватив в плен и здешнего попа. Часть жителей слободы была угнана в неволю, часть разбежалась. В ту же ночь татары ворвались в пределы Рыльского уезда.

Во главе орды стояли царевичи Казы–Гирей, Мурат–Гирей и Буйнак. Под их началом вели свои чамбулы старые степные хищники, Караш–мурза, Тугай–бей и Кутлуша–мурза Ширинские. Бросок татар по Муравскому шляху оказался столь внезапен и стремителен, что русские дозорные никого не успели своевременно предостеречь. Рыльский сын боярский с ужасом сообщал, что «по сю сторону Рыльска выжжено всё». Под

Курском ногайцы «от города отхватили» множество жителей уезда, не успевших укрыться за крепостными стенами. Надеясь лишь на самих себя, беженцы решили отсидеться от врага в пригодных для обороны «крепких местах» и острожках. Более трёх тысяч человек оказались осаждены татарами в Воробженском острожке и стылых заснеженных лесах. «Осёкшись лесом и покопався землей», они упорно отбивали все натиски ногайских наездников.

Князь С.Р. Пожарский добрался до Курска только 19 декабря. Сюда под его начало должны были поспеть орляне, рыляне, рославцы, черниговцы, стародубцы, московские стрельцы, отряды воевод Оскола и Ливен. Но никого ещё не было и в помине, да и затем лишь стрелецкий и казачий голова С.Н. Протасов из Оскола, всегда готовый сразиться с татарами, поспел вовремя на подмогу князю. Времени дожидаться подкреплений не было, и Пожарский во главе одних лишь курских ратников выступил навстречу степнякам. Под его началом было не более 1500 человек. Жаркие схватки закипели в пределах трёх–десяти вёрст от города. Отогнав ногайцев от стен Курска, князь Пожарский сумел в одной из схваток пленить их предводителя — Эл–мурзу Урмаметова. А 23 декабря он отбил у татар угнанный полон — 439 человек. После этого воевода вместе с осколянами храброго С.Н. Протасова поспешил на выручку жителей уезда, осаждённых татарами в Ворожбинском острожке близ Дични и в других недоступных для степной конницы местах.



Наконечники рогатины и совни. Железо. XVII в. Курская область. Курский государственный областной музей археологии.

По всему краю полыхали пожарища и гремели битвы. Крымцы и ногайцы с боями опустошили Яблоновский, Хотмыжский и Путивльский уезды. Уже 20 декабря татары ворвались в Комарицкую волость, сжигая деревни, угоняя полон и штурмуя деревенские острожки. Отдельные чамбулы проникали уже и за литовский рубеж. Не всюду им сопутствовал успех: 23 декабря крестьяне деревни Понашовой отразили загон из 600 всадников, который убрался прочь в «рыльские места», а жители села Розветье в тот же день успешно отстояли от ордынцев свой острожек.

Тем временем воевода С.Р. Пожарский, очистив от ногайцев Курский уезд, выступил на помощь рылянам. Уже 24 декабря он схватился с татарами в рыльской деревне Сорокино и с этого момента не прекращал сражаться со степняками до самого их ухода из разорённого края. Тем временем, отразив степняков от Путивля, князь Фёдор Львов преследовал их отряды по всему уезду. Под его началом были «путивльцы ратные люди, головы с сотнями, конные и пешие, с обозом и нарядом». У села Коробьина он разгромил татарский чамбул 28 декабря, а на другой день нанёс ордынцам жестокие удары в Шустове и Плотаве. Одержав победу в бою на Снагости в 15 верстах от Рыльска, он освободил из плена 430 человек. Кроме того, путивляне разгромили татарский загон у села Крупец, освободив русский полон.

Белгородский воевода князь Ф.А. Хилков официально считался верховным командующим в борьбе с татарским нашествием. К нему «на сход» должны были явиться отряды из Яблонова, Корочи, Усерда, Вольного и Хотмыжска. Присоединив в Курске силы Пожарского, воевода должен был обрушить всё своё воинство на татар. Однако Хилков получил эту тщательно разработанную диспозицию лишь *15 января 1646 г.!* Действуя же самостоятельно, Хилков вышел 19 декабря на Муравский шлях и стал поджидать подхода подкреплений. К 22 декабря подоспели лишь яблоновцы С.А. Измайлова и корочанцы И.А. Милославского. С ними князь Хилков и двинулся на помощь храброму Пожарскому.

К 28 декабря объединённые силы приблизились к Городенску, где неподалёку от знаменитого «перелаза» через Сейм С.Р. Пожарский готовился атаковать ордынцев, угоняющих русский полон. Яблоновский воевода С.А. Измайлов и с ним около 500 служилых людей поспешили присоединиться к отважному князю. Основное же воинство Хилкова предпочло дожидаться исхода боя в 10 верстах от Городенска. Это, впрочем, не помешало потом Ф.А. Хилкову докладывать царю о своём большом *личном* вкладе в дело освобождения многочисленных русских полонянников. Но и без поддержки осторожного белгородского воеводы С.Р. Пожарский добился немалого успеха. В решительной битве крымцы потерпели поражение, потеряв несколько своих видных мурз. Свободу получило 2 700 пленников, захваченных татарами в Рыльском и Путивльском уездах, в Комарицкой волости. Воодушевлённый этой победой, Семён Романович преследует отступающего врага по Бакаеву шляху. Настигнув татар 30 декабря, воевода «бил на последние татарские коши, а татар погромил, и полону, и языков поимал». Царевичи



Атака русской поместной конницы. Реконструкция А. Аверьянова (с сайта «Военная история XVI–XVII веков»).



Русские крестьяне. XVII в. Гравюра А. Олеария.

уходят в степи Бакаевым шляхом.

Результатом декабрьского вторжения стало 34 разорённых дворянских поместья, целый ряд сожжённых дотла сёл, около 6 300 человек, угнанных в неволю. Курский уезд потерял убитыми и пленными 1 647 человек, Рыльский (включая сопредельные черниговские и новгород–северские места) — 4 102 человека. Из этого общего числа в 5 749 человек убито татарами было всего 20. Но гораздо больше погибло от морозов, голода и лишений по дороге в Крым.

К середине XVII столетия было в основном за-



Суд в Московском государстве. Художник С.В. Иванов.

кончено строительство Белгородской черты. Татарские сакмы и шляхи были перекрыты, но теперь неменьшая опасность стала грозить порубежью с другой, западной стороны — начались смуты в Польско–Литовском государстве. Это сопровождалось татарскими набегами со стороны Украины, в обход Белгородской черты. Однако подобные набеги, при всей их разорительности, уже ничего не могли изменить. Границы России неуклонно продвигались на юг, всё дальше вглубь Дикого Поля.

В крае, который беспрерывно тревожили внешние враги, то и дело вскипали ещё и внутренние неурядицы. В 1648 г. волна городских восстаний прокатилась по России. Не оставила она в стороне и Курск. Внутреннее государственное неустройство, противоречащие друг другу законы и несправедливое налогообложение вызвали здесь, как и во многих других городах, события бурные и кровавые. Причины неурядиц и последовавших волнений коренились в том, что многие из курских служилых «по прибору» людей, спасаясь от тягот службы и от непомерных налогов, записывались в холопы к помещикам. Это опасно ослабляло военные силы края. Стрелецкому и казацкому голове Константину Теглеву в 1648 г. был дан указ «тех курских стрельцов и казаков, которые преж сего разбежались и живут за монастыри и за попы и за дворы и за детьми боярскими в вотчинах и в поместьях во крестьянех, свесть в Курск в стрельцы и в казаки по–прежнему». Подобный сыск вызвал массовое недовольство и среди беглецов, и среди их новых хозяев. Когда Теглев силой вернул на службу нескольких беглых из вотчины Троицкого девичьего монастыря, игуменья Феодора добыла в Москве грамоту, запрещающую забирать людей из монастырей. Крестьянин Кузьма Воденицын, ездивший в столицу с игуменьей, всколыхнул этой новостью весь Курск.

Утром 5 июля 1648 г. толпа народа явилась к *съезжей избе* — воеводской канцелярии. У порога её собралось более полусотни «монастырских мужиков» во главе с игуменьей Феодорой, протопопом Григорием, его сыном попом Иваном, а также «Богородицкого монастыря старцами чёрными попами Харлампием и Моисеем». Люди потребовали, чтобы к ним вышел Теглев.



Русский боярин и русский дьяк. XVII в. Художник И.Г. Василенко.

Когда стрелецкий голова явился, ему зачитали льготную грамоту. Теглев лишь махнул рукой и заявил, что разорвёт ту воровскую грамоту на голове у читавшего её протопопа Григория. Это вызвало всеобщий взрыв негодования. Монастырские крестьяне набросились было на голову с палками, но тот укрылся в съезжей избе. Не слушая увещеваний воеводы, которые он выкрикивал через окно, толпа подступила к избе. Воевода, «видя то, что от них не отсидетца, а оборонитца не с кем», велел бить в набат, «чтобы сошлись всяческие люди» к нему на помощь. Однако это не помогло. В конце концов народ ринулся на приступ. С третьего раза бревном высадили двери, Теглева выволокли и убили. Воевода и подьячие сбежали через окна и укрылись в Воскресенской соборной церкви. Спасти их и усмирить восстание было некому — дети боярские разъехались по своим поместьям на приспевший сенокос. На следующий день, 6 июля, народ толпился на воеводском дворе, грозя расправиться и с самим Лодыженским — ослушником царской грамоты. Но 7 июля вернулись в город помещики. Скоротечный бунт угас. Его зачинщики были схвачены. Из Москвы прибыл стольник Бутурлин с отрядом в 150 стрельцов.

Расправа с виновными была короткой и суровой. «Пущие заводчики» — Кузьма Воденицын, Константин Фильшин, Кирилл Анпилогов, Богдан Иконник, Иван Ботурин Малик — были повешены вдоль дорог. Игуменью Феодору сослали в Суздаль в Покровский монастырь; протопопа Григория — в Архангельский монастырь Устюга Великого; сын его Иван и губной староста Кондратий Беседин с семьями были сосланы в Валуйки и записаны там в казаки. Помимо того, в результате следствия «курчан всяких чинов людей пытаны и по торгам биты кнутом и посажены в тюрьму 20 человек. ...Всего в том деле за приставы и в тюрьме 42 человека».

Курское восстание было подавлено. Но оно, наряду с волнениями в Москве и других городах, вынудило правительство обратить внимание на состояние законодательства. Именно в 1649 г. на Земском соборе был принят новый свод законов, получивший название «Соборное Уложение». Среди тех, кто обсуждал это важнейшее решение, находились и представители Курского края.

XVII столетие явилось ключевой эпохой в историческом развитии Курского края. Именно в этот период началось вторичное освоение Россией своих южных земель, началась колонизация русскими людьми Дикого Поля. Получили вторую жизнь древние города, появились и новые. На стыке двух колонизационных потоков — украинского с юга и великорусского с севера — складывалось население нынешнего Курского и Белгородского края. В этом процессе были и совместный созидательный труд, и вооружённые конфликты, и общая борьба против иноземных нашествий. Несмотря на острые социальные противоречия, выливавшиеся в кровавые бунты и наиболее ярко проявившиеся в период Смутного времени, XVII век отмечен в первую очередь огромной созидательной работой, в ходе которой были заложены основы для последующего исторического развития как Курского края, так и всей России.

КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ

Курский государственный областной музей археологии был создан 29 сентября 1993 г. и стал первым на территории Европейской России самостоятельным региональным археологическим музеем. Целью музея является изучение, сохранение и пропаганда археологических памятников Курского края.



«Палаты бояр Ромодановских». Середина XVIII в. Архитектурный памятник федерального значения.

В конце 1993 г. Курскому государственному областному музею археологии была передана усадьба с комплексом построек на пересечении улиц Гайдара и Пионеров. Эта усадьба известна среди курян под именем «Палат бояр Ромодановских» и связывается местными преданиями со знаменитым русским княжеским родом Ромодановских, несколько представителей которого были курскими воеводами в XVII в. По одной из легенд в «Палатах» одну ночь провел прикованным цепью к стене подвала Степан Тимофеевич Разин, которого после подавления восстания в 1671 г. везли через Курск на казнь в Москву. Архивные изыскания и археологические исследования опровергли это. Оказалось, что и двухэтажное жилое здание, и одноэтажный служебный флигель были построены в 1740–х гг. Но это не сделало архитектурный комплекс «Палат» менее уникальным, так как теперь научно доказано, что они являются самыми старыми из дошедших до наших дней светских построек г. Курска.

Первым директором музея стал Н.А. Тихомиров, с 15 ноября 1994 г. коллектив возглавляет Г.Ю. Стародубцев. С самых первых дней в музее



Экспозиция Курского государственного областного музея археологии.



Экспозиция Курского государственного областного музея археологии.



Открытие нового экспозиционного зала.



Археологические исследования городища Царский Дворец (Беловский район). 2013 г. Раскопки Г.Ю. Стародубцева.



Расчистка кувшина, найденного во время раскопок исторического центра г. Курска. 2013 г. Раскопки Г.Ю. Стародубцева.



Археологические исследования исторического центра г. Курска. 2013 г. Раскопки Г.Ю. Стародубцева.



Расчистка захоронения. Городище Царский Дворец (Беловский район). 2007 г. Раскопки Г.Ю. Стародубцева.

собрался творческий коллектив ученых, развернувших активную работу по изучению древнейшей истории Курского края. За прошедшие годы были проведены охранные исследования уникальнейших археологических памятников — древнерусского слоя Курска и Рыльска, Гочевского археологического комплекса — летописного древнерусского города Римова, Люшинского — летописного древнерусского города Ольгова, Ратского — столицы Курской тьмы, городища Царский Дворец — пограничной крепости Великого княжества Литовского, городищ Капыстичи и Жидеевка; поселений эпохи бронзы у с. Гуторово и скифского времени около г. Льгова, раннеславянского поселения в окрестностях Замощанской дюны около с. Княжий 2, курганов эпохи бронзы у с. Коробкино и погребения кочевника XI–XII вв. на окраине д. Люшинка, а также курганного могильника колочинской культуры около д. Артюшково и кургана роменской культуры близ д. Шуклинка. На базе музея работает постоянная Гочевская древнерусская археологическая экспедиция, возглавляемая директором музея Г.Ю. Стародубцевым.

Обнаруженные во время полевых исследований предметы пополняют фонды, насчитывающие сегодня 125 743 единицы хранения. С коллекциями постоянно ведется комплексная работа по их научной атрибутации, консервации, реставрации и подготовке к экспонированию. Многие хранящиеся в музее коллекции имеют не только региональное, но общероссийское значение. Наиболее значимыми является коллекция каменных орудий труда Авдеевской верхнепалеолитической стоянки (23 — 20 000 лет назад); орудий труда, оружия, украшений и посуды с памятников скифского времени (городища Моисеевское, Марица, Переверзево I, Кузина Гора); находки из Волниковского захоронения эпохи Великого переселения народов (V в. н.э.); Суджанский и Гапоновский клады «антских» украшений VII в.; погребальный инвентарь раннехристианских захоронений Гочевского курганного могильника (конец X в. — 2–я половина XII в.); коллекция предметов и монет с Ратского археологического комплекса — столицы золотоордынской Курской тьмы в XIV в., Дичневский клад — комплекс русских женских украшений 2–й пол. XIV в., монеты, предметы вооружения и воинского снаряжения, посуда с городища Царский Дворец — единственного систематически исследуемого сегодня на Днепровском Левобережье пограничного феодального замка XIV — начала XV вв.

Наиболее интересные находки (2389 предметов) представлены в постоянной экспозиции музея, посвящённой различным периодам истории Курского края от каменного века до эпохи развитого средневековья и занимающей 8 залов общей площадью 134,8 м^2.

В апреле 2006 г. у КГОМА появился филиал — Историко–этнографический музей (п. Прямицыно, Октябрьский район). Фонды филиала насчитывают 2128 единиц хранения, часть которых выставлена в двух залах постоянной экспозиции (историко–этнографическом и современной истории).

Курским государственным областным музеем археологии ведется активная исследовательская работа, позволившая музею стать одним из ведущих научных центров по изучению далекого прошлого соловьиного края. Его сотрудники участвуют в работе российских и международных конференций, симпозиумов и съездов. Музеем проводятся тематические



Экскурсия в Курском государственном областном музее археологии.



Юные гончары. На игре в Курском государственном областном музее археологии.



Будущие защитники Отечества в Курском государственном областном музее археологии.



Юный участник музейного мероприятия.





Учимся шить как в каменном веке. На игре в Курском государственном областном музее археологии.

Сотрудники музея на фестивале науки в Юго-Западном государственном университете (г. Курск).



Как писали в Древней Руси. На игре в Курском государственном областном музее археологии.



Будущий археолог.

научные конференции, в работе которых принимают участие археологи и историки из научно–исследовательских и учебных центров различных регионов России и Украины. По итогам конференций выходят сборники научных трудов, вызывающие большой интерес среди исследователей, занимающихся различными аспектами истории Юго–Восточной Европы.

Музей проводит активную деятельность по популяризации краеведческих и исторических знаний о прошлом Курского края. Сообщения о его работе часто появляются в выпусках новостей местных теле– и радиоканалов, на страницах местных газет и журналов, несколько раз передачи о деятельности музея и его сотрудников показывали по федеральным каналам.

Просветительская деятельность является одним из основных направлений работы музея. Для каждой социальной группы разработана своя программа, в рамках которой учитываются возраст, интересы и возможности определённой аудитории. Помимо практических занятий сотрудниками музея совместно с кафедрой ДиНО Курского областного ИПКиПРО было разработано и издано методическое пособие для учителей «Археология для детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста». Программа используется институтом в рамках подготовки и повышения квалификации педагогов начальных классов.

Активно развивается и пополняется музейный сайт, а в одном из залов постоянной экспозиции посетители при помощи созданных сотрудниками музея интерактивных программ и игр могут более полно познакомиться с разнообразной деятельностью музея и отдельными экспонатами, как представленными в постоянной экспозиции музея, так и хранящимися в его фондах.

Проводимые музеем экскурсии, лекции, историко–познавательные игры и массовые мероприятия пользуются большим успехом, а общая численность посетителей достигает 35 000 человек в год.

Адрес:
305001, Россия, г. Курск,
ул. Пионеров, д. 6

Телефоны:
(4712) 54–91–94, 54–91–95
(для справок),
(4712) 54–91–96 (факс)

Электронная почта:
kgoma@mail.ru

Сайт музея:
http: //archeo–kursk.ru

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Акты Московского государства. Т. I. М., 1890.

Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII вв. М., 1967.

Александров–Липкинг Ю.А. Далёкое прошлое соловьиного края. Воронеж, 1971.

Алексеев С.Н., Григорьев Г.П. Нижнепалеолитическое местонахождение у с. Погребки Курской области // Вопросы антропологии. Вып. 79. М., 1987.

Алихова А.И. Древние городища Курского Посеймья // Материалы и исследования по археологии. № 113. М., 1962.

Алихова А.Е. Среднеапочкинские курганы и поселение // Краткие сообщения института археологии. Вып. 112. М., 1967.

Амелькин А. Когда «родился» Евпатий Коловрат // Родина. № 3–4. 1997.

Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994.

Аникович М.В. Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы // Археологические вести. Вып. 3. СПб., 1994.

Антонович В.Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда // Монографии по истории Западной и Юго–Западной России. Киев, 1885.

Апальков А.Н. Отчет о раскопках курганного могильника у с. Коробкино Конышевского района Курской области в 1994 г. // Научный архив Курского государственного областного музея археологии. Д. I–7.

Апальков А.Н. Отчет о раскопках поселений у с. Верхнее Гуторово и г. Льгова Курской области в 1995 г. // Научный архив Курского государственного областного музея археологии. Д. I–80/1.

Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001.

Артеменко И.И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967.

Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. М., 2012.

Археология Украинской ССР. Т. I. Первобытная археология. Киев, 1985.

Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. М., 1998.

Археологическая карта России. Курская область. Ч. 2. М., 2000.

Ахметгалеева Н.Б., Чубур А.А., Шпилев А.Г. Каменный век // Курский край. Научно–популярная серия в 20 томах. Т. I. Курск, 1999.

Ахметгалеева Н.Б. Зооморфная поделка из бивня мамонта со стоянки Быки 7 // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (24), 2005.

Багалей Д.И. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1882.

Багалей Д.И. Повесть о граде Курске и о Знаменской иконе Божией Матери // Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1888 г. Курск, 1887.

Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.

Балуева Т.С., Веселовская Е.В., Григорьева О.М., Лебединская Г.В. Индивидуальные портреты восточных славян эпохи средневековья // Восточные славяне. Антропо*логическая и этническая история. М., 1999.*

Бессуднов А.Н., Мельников Е.Н., Земцов Г.Л., Смольянинов Р.В. Древнейшая история Липецкого края. Липецк, 2010.

Бибикова В.И. О происхождении мезинского палеолитического орнамента // Советская археология. 1965. № 1.

Богданов А. Курганные черепа суджанского длинноголового населения по реке Пслу, находящиеся в краниологическом собрании Общества любителей естествознания // Из протоколов заседаний Комитета по устройству антропологической выставки Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. № 30. Антропологические материалы. Ч. 2. Вып. 2. М., 1878.

Борисов Н.С. Иван III. М., 2003.

Борисковский П.И. Палеолитические стоянки на территории Курска // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. Вып. 55. М., 1986.

Боталов С.Г., Таиров А.Д., Арканов С.М. Комплексы кочевой аристократии Южного Урала. Челябинск, 2013.

Бочкарев В. Эпоха бронзы в Восточной Европе // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетие до новой эры. Каталог выставки. СПб., 2013.

Буйнов Ю.В. К вопросу об исторических судьбах племен бондарихинской культуры // Российская археология. № 2, 2006.

Васильев А. Войско Великого княжества Литовского в битве при Грюнвальде // Цейхгауз, № 10. 2000.

Васіна З. Український літопис вбрання. Т. 1. Кіев, 2003.

Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Позднепалеолитический человек заселяет Русскую равнину // Природа, № 3. 2003.

Винников А.З., Синюк А.Т. Дорогами тысячелетий. Воронеж, 2003.

Воеводский М.В., Алихова–Воеводская А.Е. Авдеевская палеолитическая стоянка (по материалам 1948 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 31. М., 1950.

Военная история XVI–XVII веков // http://war16-17.blogspot.ru/2012/01/blog-post_6755.html

Военно–исторический форум (XV, XVII — XVIII — XIX век) // http://www.reenactor.ru/index.php?showtopic=23597&st=620

Войтович Л. Князівські династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико–генеалогічне дослідження. Львів, 2000.

Волниковский «клад». Комплекс снаряжения коня и всадника 1–й половины V в. н.э. Каталог коллекции. М., 2014.

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003.

Вортман В. Битва на Перепетовом поле // Воин. № 15. 2004.

Вэрри Д. Войны античности. От греко–персидских войн до падения Рима // Иллюстрированная история. М., 2004.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно–исторический контекст. М., 1996.

Ганіна О., Старченко О., Арустамян Ж., Гарбуз Б. Музей історичних коштовностей УРСР. Київ, 1984.

Гвоздовер М.Д. О раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1947 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 31. М., 1950.

Гвоздовер М.Д. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // Палеолит и неолит. Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 39. М., 1953.

Гвоздовер М.Д. Новые изображения человека из Авдеева и их место среди статуэток костенковской культуры // Вопросы антропологии. Вып. 57. М., 1977.

Гвоздовер М.Д. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт. М., 1998.

Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П. Авдеевская палеолитическая стоянка в бассейне р. Сейм // Палеоэкология древнего человека. М., 1977.

Герасимов М.М. Реконструкция лица по черепу из гробницы № 4 // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1. М.–Л., 1949.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Городские восстания в Московском государстве XVII в. М.–Л., 1936.

Голыженков И., Дзысь И. Битва на Калке 31 мая 1223 г. М., 1994.

Гоняный М.И. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII — третья четверть XIV вв. // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005.

Гребенникова И.В., Шпилев А.Г. Денежно–вещевой клад третьей четверти X в. из с. 2–я Воробьёвка Курской области // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула, 2009.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М–Л., 1950.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.

Гудавичюс Э. История Литвы. Т. I. С древнейших времён до 1569 года. М., 2005.

Гуляев В.И. Скифы: расцвет и падение великого царства. М., 2005.

Гущин А.С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л., 1936.

Давняя історія Украіны. Кн. 2. Київ, 1995.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

Древнерусские берестяные грамоты // http://gramoty.ru/index.php?id=about_site

Древнерусское единство: парадоксы восприятия. Круглый стол // Родина. № 11–12. 2002.

Древние цивилизации. М., 1989.

Егоров В. Сарай, Сарайчик, Бахчисарай… // Родина. № 3–4. 1997.

Единая коллекция цифровых образовательных ресурсов // http://school-collection.edu.ru/catalog/rubr/59968b8a-4392-409f-be52-182fee46be20/106981

Енуков В.В., Енукова О.Н. Оборонительные сооружения славян Посемья (по материалам Ратского городища) // Археология и история Юго–Востока Руси. Воронеж, 1993.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей // Курский край. Т. 3. Курск, 2005.

Енуков В.В. О хронологии русского освоения Посемья // Восточнославянский мир Днепро–Донского междуречья и кочевники южно–русских степей в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2008.

Енуков В.В. Начальные этапы истории Курска. Средневековый город Юго–Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск, 2009.

Енуков В.В. Погребения на территории древнего Курска // Актуальные проблемы научного творчества учёных кафедры истории России. Вып. 6. Курск, 2010.

Енукова О.Н. Отчет о раскопках городища и поселения у с. Липино Октябрьского района Курской области в 1998 г. // НА КГОМА. I–110.

Енукова О.Н. Структура и планиграфия южнорусских усадеб (по материалам Липинского поселения) // Материалы региональной научной конференции «Археология юго–востока Руси». Елец, 1998.

Енукова О.Н. Жилая постройка средневекового Рыльска // Куликово поле и Юго–Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула, 2005.

Енукова О.Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. // Труды НИИ археологии юго–востока Руси. Вып. I. Курск, 2007.

Енукова О.Н. Ювелирные изделия древнего Курска // Ученые записки КГУ. № 1 (17). Курск, 2011.

Жилина Н.В. Русский ювелирный убор // Родина. № 11–12. 2002.

Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.

Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991.

Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.

Зайцев А.К. Где находились владения князя Липовичского, упоминаемые в летописях под 1283–1284 гг. // Липецк: начало истории. Липецк, 1996.

Засурцев П.И., Лисицына Н.К. Липинское городище // Славяне и Русь. М., 1968.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI вв. М., 1988.

Зорин А.В. Укрепления северян и осадная тактика киевских дружин в X — начале XI вв. (по материалам городища Капыстичи) // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Тула, 2003.

Зорин А.В. Курганный могильник у с. Шуклинка и особенности погребальной обрядности Посеймья рубежа X–XI вв. // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Курск, 2005.

Зорин А.В. Новые погребения эпохи бронзы на территории г. Курска // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80–летию со дня рождения А.И. Пузиковой) / Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. IV. Курск, 2012.

Зорин А.В., Раздорский А.И. Порубежье. Курский край в XVII в. // Научно–популярная серия в 20 томах. Т. VI. Курск, 2001.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю. Славянский город на р. Псёл // Куликово поле. Вопросы изучения наследия. Тула, 2000.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю. О локализации летописного Римова // Деснинские древности–III. Брянск, 2004.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю. Предметы вооружения, воинского снаряжения и конской сбруи из раскопок городища Царский Дворец // Славяно–русские древности Днепровского Левобережья. Материалы конференции, посвящённой 75–летию со дня рождения К.Ф. Сокола. Курск, 2008.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю. Городище Царский Дворец — замок на восточных границах Великого княжества Литовского (предварительные результаты исследований 2004–2006 гг.) // Археология и история Литвы и Северо–Запада России в раннем и позднем средневековье. СПб., 2009.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г. Курский край: история изучения курских древностей. Научно–популярная серия в 20 томах. Т. V. Курск, 2000.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г., Щеглова О.А. Очерки истории Курского края. Курск, 2008.

Зорин А.В., Травкин С.Н. Медные монеты Золотой Орды с Ратского археологического комплекса // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Материалы межрегиональной научной конференции (15–17 ноября 2004 г.). Курск, 2005.

Зорин А.В., Шпилев А.Г. Курское городище, Городенское городище и Гусин брод (историческая топография и курско–рыльское пограничье в XIV–XV вв.) // Славяно–русские древности Днепровского Левобережья. Курск, 2008.

Зорин А.В., Шпилев А.Г. Перед Русью (Восточная Европа в IX столетии: опыт реконструкции) // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009.

Зубков Н. Воин из «Чёрной Могилы». X в. // Цейхгауз. № 5 (1/1996). 1996.

Иванов П.В. Курск в первой половине XVII в. Восстание 1648 г. // Научные труды Курского государственного педагогического института. Курск, 1973.

Из истории Курского края. Сборник документов и материалов. Воронеж, 1965.

Измайлов И. Битва на Ворскле 1399. Звездный час эмира Идегея… // Цейхгауз. № 3. 1993.

Измайлов И. В блеске мисюрок и бехтерцов // Родина. № 3–4. 1997.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997.

История Герба — Княжества Литовского // http://dokumentika.org/lt/slav/istoriya-gerba-knyazhestva-litovskogo

Квеннелл М. и Ч. Первобытные люди. Быт, религия, культура. М., 2005.

Київський літопис першої чверті XVII ст. // Український історичний журнал. № 2, 5. 1989.

Ковалева И.Ф., Волкобой С.С., Костенко В.И., Шалобудов В.Н. Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский» (Днепропетровского сельскохозяйственного института) // Курганные древности Степного Поднепровья (III–I тыс. до н.э.). Днепропетровск, 1978.

Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства. М., 1994.

Коцебу А. Свитригайло, великий князь литовский. СПб., 1835.

Кривцова–Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА № 46. М., 1955.

Крижевская Л.Я. Лесостепная неолитическая экспедиция // Археологические открытия 1980 года. М., 1981.

Крижевская Л.Я. Раскопки поселения Курочкино–3 // Археологические открытия 1981 года. М., 1982.

Крижевская Л.Я. Курочкино–3 — новый памятник каменного века в восточно–европейском лесостепье // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 173. М., 1983.

Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981.

Кулецкий М. Лях и москаль — заклятые друзья. Носили ли войны Речи Посполитой с Москвой в XVII веке этнический характер? // Родина. Январь–февраль. 2001.

Куликово поле. Большая иллюстрированная энциклопедия. Тула, 2007.

Курбатов О. «Оружность» русской конницы 1630–х — начала 1650–х гг. // Цейхгауз. № 23. 2006.

Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. I. М., 1996.

Кучкин В.А. Своя рубашка ближе к телу. Древнерусские княжества IX–XIII веков // Родина. № 11–12. 2002.

Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. 1. СПб., 1992.

Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. 2. СПб., 1993.

Лебедев В.П., Зорин А.В. Денежное обращение Курской земли в золотоордынское время // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 6. Донецк, 2007.

Лебедев В.П., Зорин А.В. Денежное обращение на территории курских северян в IX–X вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 7. Донецк, 2009.

Лебедев В.П., Сотников А.В., Шпилев А.Г. Клад арабских и византийских монет 70–х годов X в. из деревни 1–е Красниково Курской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. *Вып. 3. М., 2009.*

Левенок В.П. Археологические разведки на верхнем Сейме в 1959 г. // Научный архив Курского государственного областного музея археологии. Д. I–31/29.

«Легион». Ассоциация военно–исторических клубов // http://legion1812.narod.ru/3/molod.htm

Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы. Л., 1981.

Липкинг Ю.А. Городища эпохи раннего железа в Курском Посеймье // Лесостепные культуры скифского времени. М., 1962.

Липкинг Ю.А. Могильники третьей четверти I тысячелетия н.э. в Курском Посеймье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.

Липкинг Ю.А. Замощанская дюна под Суджей // Могильники черняховской культуры. М., 1979.

Любавский М.К. Очерк истории Литовско–Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004.

Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // Материалы и исследования по археологии СССР. № 74. М–Л., 1958.

Малов А. Невельское взятие 1633. Малоизвестный эпизод Смоленской войны // Цейхгауз. № 19 (3). 2002.

Марков Р.Л. Голубец на Красной поляне // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Курск, 1911.

Массон В.М. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // Stratum plus № 2. СПб. — Кишинев, 1999.

Матвеев Ю.П. Катакомбно–абашевское взаимодействие и формирование срубной общности // Доно–донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Серия «Археология восточной лесостепи». Вып. 11. Воронеж, 1998.

Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховьях реки Суджи. М–Л., 1934.

Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Е1–36. М., 1966.

Медведев С.А. Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // Россия при царевне Софье и Петре I. М., 1990.

Мимоход Р.А. Стратифицированные курганы бронзового века на Нижнем Дону // Институт археологии. Новые полевые исследования. М., 2010.

Моргунов Ю.Ю. Посульская граница: этапы формирования и развития. Курск, 1998.

Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар — Киев. Пути–связи–судьбы. Киев, 1997.

Насонов А.Н. Монголы и Русь. М–Л., 1940.

Неприна В.И. Неолит ямочно–гребенчатой керамики на Украине. Киев, 1976.

Никольская Т.Н. Шуклинское городище // КСИИМК. Вып. 72. М., 1958.

Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.–Л., 1948.

Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII в. // Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). М., 1994.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. М.–Сумы, 1991.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III — первая половина V в. н.э.) // Раннеславянский мир. Вып. 5. М., 2002.

Одесский археологический музей // http: // www. archaeology. odessa. ua / ru / struktura /yamnaya-kultura

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1891 год. СПб., 1893.

Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. I. Книга сеунчей 1613–1619 гг. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень–зима 1615 г.). М.–Варшава, 1995.

Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V в. н.э.) // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 10. М., 2007.

Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI — первая половина XVII века. Белгород, 2004.

Плавинский Н., Шпилев А. Головка навершия меча из деревни Хомутцы (Курско–Белгородское пограничье) // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. VIII. Мінск, 2012.

Плаксина Е.В., Удовиченко А.А. Археологические находки эпохи бронзы вблизи Путивля // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80–летию со дня рождения А.И. Пузиковой) / Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. IV. Курск, 2012.

Плетнева С.А. Хазары. М., 1986.

Повесть временных лет. СПб., 2007.

Позняков Л.Н. Курский острог (крепость) XVII века // Курский сборник. Вып. VII. Курск, 1912.

Попова Т.Б. Племена катакомбной культуры. М., 1955.

Приймак В.В. Територіальна структура межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли VIII — поч. IX ст. Суми, 1994.

Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. М., 1996.

Прохоров К. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. СПб., 1881.

Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971.

Пузикова А.И. Отчёт о работе Курского отряда Скифской лесостепной экспедиции в августе 1967 г. // Научный архив Курского государственного областного музея археологии. Д. П I–35.

Пузикова А.И. Марицкое городище в Посеймье. VI–V вв. до н.э. М., 1981.

Пузикова А.И. Скифы Среднего Дона (Белгородская и Воронежские области). М., 1995.

Пузикова А.И. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М., 1997.

Путешествие Абу Хамида ал–Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971.

Пуцко В.Г. Крест–энколпион с эмалью из Липинского городища // Славяно–русские древности Днепровского Левобережья. Материалы конференции, посвящённой 75–летию со дня рождения К.Ф. Сокола. Курск, 2008.

Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.

Радюш О.А. Ламеллярный шлем эпохи переселения народов из Курской области // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80–летию со дня рождения А.И. Пузиковой) / Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. IV. Курск, 2012.

Раздорский А.И. Князья, наместники и воеводы Курского края XI–XVIII в. Курск, 2004.

Римская слава // http://www.roman-glory.com/dzis-gallery

Рогачев А.Н. Исследование остатков первобытнообщинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейм в 1949 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 39. М., 1953.

Рыбаков Б.А. Новый Суджанский клад антского времени // КСИА, XXVII. М–Л., 1949.

Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

Русина Е.Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. — М., 2001.

Самсонов В.И., Стоюшкина В.А. План Курской крепости // Краеведческие записки. Вып. 2. Курск, 1963.

Самоквасов Д.Я. Атлас Гочевских древностей. М., 1915.

Самоквасов Д.Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии, произведенных в августе 1909 г. М., 1915.

Седов В.В. Великое переселение // Родина. Январь–февраль. 2001.

Седов В.В. Славяне. Историко–археологическое исследование. М., 2002.

Сидорчук А.Ю., Борисова О.К., Панин А.В. Поздневалдайские палеорусла рек Русской равнины // Известия РАН, серия географическая, 2000, № 6.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.

Скрынников Р.Г. Социально–политическая борьба в русском государстве в начале XVII в. Л., 1985.

Славяне Юго–Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.

Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. // Археология СССР. М., 1993.

Смирнов А.С. Неолит верхней и средней Десны. М., 1991.

Соловьев Л.Н. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска // Известия Курского губернского общества краеведения. Вып. 4. Курск, 1927.

Сосновский К.П. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского у., Курской губ. // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Курск, 1911.

Срубная культурно–историческая общность // http://www.quickiwiki.com/ru/Срубная_культурно-историческая_общность

Стародубцев Г.Ю. Анализ янтарных бус с памятников Курского Посеймья // Материалы региональной научной конференции «Археология юго–востока Руси». Елец, 1997.

Стародубцев Г.Ю. Из истории курской археологии. Первые шаги (1828–1917 гг.) // История и современность Курского края. Курск, 1998.

Стародубцев Г.Ю. Погребальная обрядность в Посемье в конце X–XIII вв. (по материалам Гочевского могильника) // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1999.

Стародубцев Г.Ю. История археологического исследования древнего Рыльска и его округи в XIX–XX вв. // Малые города России. Материалы II всероссийской научно–практической конференции. Курск, 2000.

Стародубцев Г.Ю. Анализ украшений из цветных металлов Гочевского курганного могильника (по материалам исследований 1994–1998 гг.) // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Сборник статей в 2–х томах. Т. 1. Тула, 2003.

Стародубцев Г.Ю. Исследование археологических памятников Верхнего Псла в XIX–XX вв. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. Доклады научной конференции, посвященной 60–летию со дня рождения Е.А. Горюнова. СПб., 2004.

Стародубцев Г.Ю. 10 лет охранных исследований Курского государственного областного музея археологии // Курский край в истории отечества. Материалы научно–практической конференции, посвященной 225–летию образования Курской губернии и 70–летию образования Курской области. Курск, 2004.

Стародубцев Г.Ю. Анализ стеклянных бус из двух погребений Гочевского курганного могильника // Куликово поле и Юго–Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула, 2005.

Стародубцев Г.Ю. Охранные исследования Гочевского археологического комплекса в 1994–2005 гг. // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского). Вып. 2–3. Брянск. 2006.

Стародубцев Г.Ю. Исследования древнерусской усадьбы на посаде Гочевского археологического комплекса // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Вып. 2. Сборник статей в 2–х томах. Т. 1. Тула, 2007.

Стародубцев Г.Ю. Находки лазуритовых подвесок на Гочевском археологическом комплексе // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально–Східної Европии. Чернігів, 2007.

Стародубцев Г.Ю. Люшинский археологический комплекс: находки предметов раннехристианского периода // Сіверщина в історії України. Матеріали сьомої науково–практичної конференції. Суми, 2008.

Стародубцев Г.Ю. Находки монет средневекового Херсонеса в Курском Посеймье // Случайные находки: хронология, атрибутация, историко–культурный контекст. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2008.

Стародубцев Г.Ю. Монеты Золотой Орды с городища Царский Дворец (по материалам исследований 2007–2008 гг.) // «Сіверщина в історії України». Збірник наукових праць. Випуск 3. Київ–Глухів, 2010.

Стародубцев Г.Ю. Меч из д. Гнань Курской области (предварительное сообщение) // Русский сборник. Вып. 6. (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского гос. университета им. акад. И.Г. Петровского. Вып. 20). Брянск, 2011.

Стародубцев Г.Ю. Сребреник с поселения Жидеевка Курской области // Русский сборник. Вып. 7 (Труды кафедры отечественной истории Брянского гос. университета им. акад. И.Г. Петровского). Брянск, 2013.

Стародубцев Г.Ю., Щавелев С.П. Историки Курского края. Курск, 1998.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Жилая постройка древнерусского времени на посаде Гочевского археологического комплекса // «Слово о полку Ігоревім» та його епоха (Словознавство. Вип.II): Матеріали XIII Міжнародної наукової конференції. Київ–Суми–Путивль, 2008.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Предметы вооружения, воинского снаряжения и конской упряжи из раскопок городища Царский Дворец // Славяно–русские древности Днепровского Левобережья: Материалы конференции, посвященной 75–летию К.Ф. Сокола. Курск, 2008.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В., Остроухов С.А. Люшинский археологический комплекс и летописный Ольгов // Русский сборник. Вып. 4. Брянск, 2008.

Стародубцев Г.Ю., Чубур А.А. Археозоология древнерусской усадьбы на посаде Гочевского археологического комплекса // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Вып. 23. Серия «Археология». Елец, 2009.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Городище Царский Дворец — замок на восточных границах Великого княжества Литовского (предварительные результаты исследований 2004–2006 гг.) // Археология и история Литвы и Северо–Запада России в раннем и позднем средневековье: Доклады международного российско–литовского семинара. Санкт–Петербург, 4–8 декабря 2006 г. СПб., 2009.

Стародубцев Г.Ю., Бобин И.Н. Нумизматические находки конца XII–XIV вв. на городище Пригородняя Слободка (Слободка 1) // Рыльск и рыляне в отечественной и зарубежной истории и культуре: сборник материалов межрегиональной научной конференции. Рыльск, 2012.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В., 2012. Анна Ивановна Пузикова: Жизнь в археологии // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80–летию со дня рождения А.И. Пузиковой). Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. IV. Курск, 2012.

Степи европейской части СССР в скифо–сарматское время // Археология СССР. М., 1989.

Сымонович Э.А. Букреевка–2 — селище второй четверти I тыс. н.э. возле Курска // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.

Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Старожитності Золотоординського часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя. Київ–Полтава, 2004.

Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975.

Сухарев Ю. Донской поход Мономаха // Родина. № 3–4. 1997.

Схатум Р.Б. О назначении вырезов у рукояти на кинжалах V–VII вв. // Магистериум. Вып. 2. Краснодар, 2004.

Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства. Т. 1. М., 1913.

Тебризская школа миниатюры // http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1360793#.C2.AB.D0.94.D0.B6.D0.B0.D0.BC.D0.B8_.D0.B0.D1.82-.D1.82.D0.B0.D0.B2.D0.B0.D1.80.D0.B8.D1.85.C2.BB

Терпиловский Р.В., Билинская Л.И. Трупосожжение знатного воина рубежа эр на Сейме // Germania — Sarmatia. II. Калининград — Курск, 2010.

Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические Записки. Т. 40. М.–Л., 1952.

Тихомиров Н.А. Княжинский и Лебяжинский могильники // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.

Тихомиров Н.А., Терпиловский Р.В. Поселение Гочево 1 и 2 на р. Псел // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.

Тихомиров Н.А. Могильник Лебяжье 3 под Курском // Славяно–русские древности Днепровского Левобережья. Курск, 2008.

Торопцев А.П. От Руси к России. Киевская Русь. М., 2000.

Фёдоров О.В. Аланы. Комплекс вооружения воинов Хазарского каганата // Цейхгауз. № 22, 2006.

Фролов М.В. Заключение по результатам археологических исследований 1982–1992 годов города Рыльска и его округи. Хрестоматия для провинциального юношества по истории города Рыльска. Ч. I. Сост. О.Н. Щеголев. Курск, 1994.

Фролов М.В. Стратиграфия и хронология древнего Рыльска // Средневековый город Юго–Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск, 2009.

Хвольсон Д.А. Известия о Хазарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу–Али Ахмеда Бен Омар Ибн–Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб., 1869.

Чепалыга А.Л. Позднеледниковое обводнение в Понто–Каспийском бассейне как прототип Всемирного потопа // Экология антропогена и современности: природа и человек. СПб., 2004.

Чередниченко Н.Н., Пустовалов С.Ж. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье) // Советская археология. № 4, 1991.

Чубур А.А. Эпоха раннего металла // Курский край. Научно–популярная серия в 20 томах. Т. II. Курск, 2000.

Чубур А.А. «Мамонтовое собирательство» в бассейне Десны // Природа. № 7, 1993.

Чубур А.А. Памятники археологии, погибшие при строительстве Курской АЭС // Российская археология. № 3, 1996.

Чубур А.А. Палеолитические лучники с берегов Сейма // Природа. № 12, 2000.

Чубур А.А. Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите центра Русской равнины. Брянск, 2001.

Чубур А.А. Неолит Окско–Сеймского водораздела // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы IX конф. Часть 1. Калуга, 2002.

Чубур А.А. Деснянский палеолит. Проблемы истории исследований, историографии и источниковедения. М., 2005.

Чубур А.А. Первоначальное заселение человеком Среднерусской возвышенности: к постановке проблемы // Успехи современного естествознания. № 3, 2007.

Чубур А.А. Неолитическая стоянка Глушково на Сейме (Курчатовский район Курской области, Россия) // Путивльський краєзнавчий збірник. Вип. 6. Суми, 2010.

Шабульдо Ф.М. Земли Юго–Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.

Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X — начале XIII вв. (этнокультурный аспект) // Археология славянского Юго–Востока. Воронеж, 1991.

Шмелев В.Н., Стародубцев Г.Ю., Шаталов А.В. Древнерусский меч из фондов Дмитриевского музея: реставрация и атрибутация // Средневековый город Юго–Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Материалы международной научной конференции, посвящённой 100–летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск, 2009.

Шпилев А.Г. Курские клады джучидских монет // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001.

Шпилев А.Г. К уточнению обстоятельств находки клада золотых предметов у села Большой Каменец // «Золотой, серебряный, железный...». Курск, 2002.

Шпилев А.Г. Курские клады куфических монет и северянское Посеймье // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. I. Тула, 2003.

Шпилев А.Г. К уточнению места нахождения «обоянского» клада 1849 г. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004.

Шпилев А.Г. Курские клады римских монет // Деснинские древности. Вып. III. Брянск, 2004.

Шпилев А.Г. О конструкции погребальных костров у населения юго–западных районов Курского края в конце X–XI вв. (по материалам Гочевского курганного могильника) // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Курск, 2005.

Шпилев А.Г. Погребения с головными венчиками и очельями как показатели этно–культурных и политических процессов на Верхнем Псле в XI в. (по материалам Гочевского курганного некрополя) // Куликово поле и Юго–Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула, 2005.

Шпилев А.Г. Находки предметов ордынского времени на территории Курского края // Труды международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». III МНК — Старый Крым, 2004. М., 2005.

Шпилев А.Г. Дичневский клад — комплекс женских украшений русско–ордынского порубежья второй половины XIV в. из Курской области // Российская археология. № 2. 2008.

Шпилев А.Г. Об эволюции южносеверянского головного убора с очельем и венчиком (конец X–XI в.) // Русский сборник. Вып. 9. Брянск, 2008.

Шпилев А.Г. О соотнесении «Страны славян» Ибн Русте с Северской землей 2–й трети IX в. // Средневековый город Юго–Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск, 2009.

Шпилев А.Г. Украшения круга «скандинавских древностей» из Курской области // Средневековый город Юго–Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск, 2009.

Шпилев А.Г. Височные кольца Курского края (2–я половина VIII — 1–я половина XIII в.) // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула, 2009.

Шпилев А.Г. О датировке погребений Моисеевского грунтового могильника // Путивльський краезнавчий збірник. Вип. 5. Суми, 2009.

Шпилев А.Г. Украшения роменского времени из Курской области (вторая половина VIII — конец X вв.) // Stratum plus, № 5 2010. Ремесло археолога. Спб.–Кишинев–Одесса–Бухарест, 2010.

Шпилев А.Г. Этнографические параллели к костюму танцующей девушки на браслетах XII в. из ГИМа // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и Новое время. Материалы международного научно–образовательного семинара 25–26 ноября 2011 г. М. — СПб., 2011.

Шпилев А.Г. Зооморфные украшения скифского времени из Курской области // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80–летию со дня рождения А.И. Пузиковой) / Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. IV. Курск, 2012а.

Шпилев А.Г. Новые находки предметов круга «скандинавских древностей» из Курской области // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80–летию со дня рождения А.И. Пузиковой) / Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. IV. Курск, 2012б.

Щеглова О.А. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.

Щеглова О.А. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. № 5. 1999.

Щеглова О.А. Набор свинцово–оловянных бляшек с городища Кудеярова Гора из раскопок А.Е. Алиховой 1961 г. // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Материалы межрегиональной научной конференции. Курск, 2005.

Щербаков А., Дзысь И. Куликовская битва. М., 2001.

Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко–археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. — I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.

Щукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.

Эпоха битв // http://www.ageofbattles.ru/?nav=middle

Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР. М., 1987.

Яровой Е.В. Мистика древних курганов. М., 2005.

Antropark. Unikátní expozice obrazových rekonstrukcí života dávných kultur // http://www.anthropark.wz.cz/agalery.htm

Artlib.ru // http://www.artlib.ru/index.php

Chausidis, N. Poganska religija slavena u svjetlu ranosrednjovjekovnih materijalnih nalaza s podrucja Balkana // Histria Antiqua. Pula, 2005.

Cernenko E.V. The Scythians 700–300 BC. Osprey, Men–at–Arms № 137.

D'Amato R. Roman Military Clothing (3). AD 400–640 // Men–at–Arms № 425.

D'Amato R., Salimbeti A. Early Aegean warrior 5000–1450 BC // Warrior № 167.

Długosz J. Jana Długosza Kanonika krakowskiego Dziejow Polskich ksiąg dwanascie. T. 3. Krakow, 1868.

Gallerix.ru // http://sergeyseregin.in.gallerix.ru/expo/rubcov–sergey–semenovich/rus–porugannaya

Johnny Shumate's Portfolio // http: // community. imaginefx. com/fxpose / johnny_shumates_portfolio / picture400498.aspx

MacDowall S. Germanic Warrior AD 236 — 568. Osprey, Warrior 17.

Miroslaw Szeib. Autor's gallery // http://szeib.pl/en/?go=galeria_obrazow&gid=9

Muzeum Wojska Polskiego // http://www.muzeumwp.pl/o–muzeum.php

National Geographic Creative // http://www.natgeocreative.com/photography/618322

Newark T. Age of the Crusades. Concord publication Co, 2004.

Pinterest // http://www.pinterest.com/pin/433401164113117548/

Projekt Tannenberg // http://tannenbergprojekt.blogspot.ru/2010/11/jazda-do-roboty.html

Rzeczpospolita // http://www.rp.pl/ksiegakresow

Sarnecki W., Nicolle D. Medieval Polish Armies 966–1500, Osprey, MAA 445.

Shpakovsky V., Nicolle D. Medieval Russian Armies 1250–1500. Osprey, MAA 367.

Turnbull S. The Mongols. Osprey, MAA 105.

The Waugh Family. An historical and photographic perspective // http://www.waughfamily.ca/Ancient

Tomkiewicz W. Jeremi Wiśniowiecki. Warszawa, 1933.

Tverzha // http://tverzha.ru/archives/2308

Ufa1.ru Тимур Латыпов. Алексей Нечвалода, известный антрополог: «Учеными движет любопытство» // http://ufa1.ru/text/person/356599.html

Wolff J. Kniaziowie litewsko–ruscu od konca czternastego wieku. Warszawa, 1895.

Печать ООО «ПОЛСТАР»
305018, г. Курск,
Элеваторный пер., 8
тел./факс: (4712) 38–35–01
e–mail: polstarkursk@mail.ru

Подписано в печать 04.09.2014 г.
Формат 60x90 1/8
Бумага мелованная
Гарнитура Helios
Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Заказ № 360



Зорин Александр Васильевич — главный хранитель фондов Курского государственного областного музея археологии, кандидат исторических наук, лауреат премии им. И.Е. Забелина за 2011 г. С 1985 г. принимает участие в полевых археологических исследованиях на территории Курского края. Область научных интересов: история Русской Америки, славянская археология, история России XVII в. Автор более 100 научных публикаций, в том числе трёх монографий, соавтор 4 коллективных монографий.



Стародубцев Геннадий Юрьевич — директор Курского государственного областного музея археологии, кандидат исторических наук, лауреат премии им. И.Е. Забелина за 2011 год. С 1978 г. участвует в полевых археологических исследованиях на территории Курского края. Область научных интересов: славянско–русская археология, погребальная обрядность древнерусского населения конца X — конца XIVвв., история археологии Курского края в XIX — начале XXI вв. Автор более 100 научных публикаций, в том числе одной монографии, соавтор 2 коллективных монографий.



Чубур Артур Артурович — доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, директор центра комплексного изучения Среднеснинского региона НИИ фундаментальных и прикладных исследований БГУ, совместно с Институтом археологии РАН, кандидат исторических наук, профессор РАЕ. С 1982 г. участвует в полевых археологических исследованиях на территории Курского края. Область научных интересов: первобытная археология, палеонтология и археология, история науки. Автор и соавтор более 300 научных публикаций, в том числе 10 учебных пособий для студентов и школьников и 6 монографий, соавтор 5 коллективных монографий.



Шпилев Андрей Геннадьевич — заведующий научно–экспозиционного отдела Курского государственного областного музея археологии, лауреат премии им. И.Е. Забелина за 2011 г. С 1988 г. принимает участие в исследованиях археологических памятников на территории Курского края. Область научных интересов: комплекс украшений населения Курского края во 2–й пол. VIII–XIX вв., курский народный костюм, курские клады и кладоискатели, курские разбойники XVI–XIX вв. Автор более 60 научных и научно–популярных работ, соавтор 5 коллективных монографий.